Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 41, июнь 2020
No. 41, June 2020

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2020

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салмат Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Нешко Екатерина Максимовна
Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salmat Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Neshko Yekaterina Maksimovna
Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

[1] Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Содержание

Философские науки

Аксенова С. В., Песоцкая Е. Н.
Социально-философские аспекты методологического поиска цельного знания и интуитивизм (стр. 12–21)

Аксенова С. В., Песоцкая Е. Н.
Сущность и существование социально-медицинской реальности как предметообразующая проблема социальной философии и междисциплинарного знания (аспекты рефлексии) (стр. 22–33)

Васильева А. С., Мирная Д. С., Романова А. С.
Свободная личность как сущность и смысл образовательного процесса: Л. Н. Толстой (стр. 34–42)

Васильева А. С., Стрельцов В. В.
Некоторые источники по изучению эмоциональной истории повседневности в 1920–1930-х годах (стр. 43–53)

Герасимов С. В.
Существование социальной реальности: нарративы и события (стр. 54–70)

Гузынин Н. Г.
Справедливость как альтернатива свободе в реалиях российского социума (стр. 71–83)

Львов Д. В.
Архетипы корпоративности, иерархии и Самости в демократических процессах (стр. 84–96)

Олешкова А. М.
Язык как инструмент насилия (стр. 97–110)

Песоцкая Е. Н.
Методологическая функция социальной философии в контексте основных исследовательских программ медико-философского знания: основания и трансформативный потенциал (стр. 111-126)

Яковлева Е. В.
К вопросу о внешней и внутренней обусловленности эволюционных и революционных изменений в истории (стр. 127-137)

Экономические науки

Гар Э., Дембинскайте В. С., Никитина Т. В., Скалабан М. П., Ширек Д.
Финансовая грамотность студентов России и Германии: сравнительный анализ (стр. 138-154)

Сплетухов Ю. А.
Сельскохозяйственное страхование в РФ: современное состояние и направления развития (стр. 155-173)

Тебекин А. В.
Проблемы развития мировой экономики в условиях макроэкономической нестабильности (стр. 174-188)

Ходоченко А. В.
Реализация национальных экономических интересов России в рамках устойчивого развития Организации черноморского экономического развития (ОЧЭС) (стр. 189-198)

Юридические науки

Абашина Л. А., Ефремова О. В.
Отграничение состава преступления ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» от смежных составов преступных деяний (стр. 199-212)

Акаева К. А., Западнова Ю. А.
К вопросу о противоправной деятельности «групп смерти» (стр. 213-223)

Беренкова В. М.
Интернет-мемы как основание для уголовного преследования (стр. 224-234)

Гайнюченко Д. А., Батуръян М. А. (научный руководитель)
О роли коллизионных норм в международном частном праве РФ (стр. 235-246)

Давыдова М. А.
Налоговый мониторинг как возможность повышения эффективности налогового администрирования (стр. 247-257)

Заблоцкая Т. Г., Хилюта В. В.
Институт освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве Республики Беларусь на основании компенсации причиненного ущерба (стр. 258-269)

Исакова Н. А.
Публично-правовые средства противодействия бесхозяйственному обращению с жилыми помещениями (стр. 270-280)

Кедровская Е. А.
Налоговые преференции для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития (стр. 281-295)

Корнеев С. А.
Разграничение мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных актами международного и национального законодательства (стр. 296-307)

Копылов А. Ю.
Специфика творчества в произведениях науки, литературы и искусства как условия предоставления им авторско-правовой охраны (стр. 308-319)

Краснова Л. Б.
Криминалистически значимые особенности новейших информационных технологий (стр. 320-330)

Кузьмин С. С.
Юридический анализ объекта и объективной стороны принуждения к даче показаний (стр. 331-342)

Марухно В. М., Руденко Е. Ю.
К вопросу о возможности изъятия земельного участка в случае нарушения собственником условий о его целевом использовании (стр. 343-351)

Межживой А. В., Черемных В. Ю.
Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности муниципальных образований (стр. 352-363)

Оганезов Э. М., Карипиди А. Г.
Авторские права на перевод произведения (стр. 364-373)

Поделько А. С., Живодрова Н. А.
Развратные действия в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) (стр. 374-386)

Сердюк А. Ю.
Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ (стр. 387-399)

Хлус А. М., Шумак Г. А.
Криминалистическая структура преступления и ее влияние на уголовно-правовую квалификацию (стр. 400-419)

Шадрина Е. В.
Уголовный закон как правовая основа противодействия преступлениям в современной России (стр. 420-431)

Table of Contents

Philosophy

Aksenova S. V., Pesotskaya Ye. N.
Intuitivism and Socio-Philosophical Aspects of Methodological Search for Whole Knowledge (pp. 12–21)

Aksenova S. V., Pesotskaya Ye. N.
The Essence and Existence of Social and Medical Reality as a Preeminent Problem of Social Philosophy and Interdisciplinary Knowledge (the Aspects of Reflection) (pp. 22–33)

Vasilyeva A. S., Mirnaya D. S., Romanova A. S.
Free Personality as the Essence and Meaning of the Educational Process: Leo Tolstoy (pp. 34–42)

Vasilyeva A. S., Streltsov V. V.
Some Sources for the Study of the Emotional History of Everyday Life in the 1920–1930s (pp. 43–53)

Gerasimov S. V.
The Existence of Social Reality: Narratives and Events (pp. 54–70)

Guzynin N. G.
Justice as an Alternative to Freedom in the Realities of Russian Society (pp. 71–83)

Lvov D. V.
Archetypes of Corporativity, Hierarchy, and Self in Democratic Processes (pp. 84–96)

Oleshkova A. M.
Language as a Tool of Violence (pp. 97–110)

Pesotskaya Ye. N.
The Methodological Function of Social Philosophy in the Context of the Basis Research Programs of the Medical and Philosophical Knowledge: Foundations and Transformative Potential (pp. 111-126)

Yakovleva Ye. V.
On the External and Internal Conditionality of Evolutionary and Revolutionary Changes in History (pp. 127-137)

Economics

Gaar E., Dembinskayte V. S., Nikitina T. V., Skalaban M. P., Schiereck D.
Financial Literacy among Russian and German Students (pp. 138-154)

Spletukhov Yu. A.
Agricultural Insurance in Russia: Current State and Directions of Development (pp. 155-173)

Tebekin A. V.
The Problems of the Development of the Global Economy in the Context of Macroeconomic Instability (pp. 174-188)

Khodochenko A. V.
Implementation of Russia's National Economic Interests Under Sustainable Development of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC) (pp. 189-198)

Law

Abashina L. A., Yefremova O. V.
On Differentiating the Elements of the Crime Under Article 286 of the Criminal Code of Russia (Exceeding Official Powers) and the Elements of Related Criminal Acts (pp. 199-212)

Akayeva K. A., Zapadnova Yu. A.
On the Illegal Activity of "Death Communities" (pp. 213-223)

Berenkova V. M.
Internet Memes as a Basis for Criminal Prosecution (pp. 224-234)

Gaynyuchenko D. A., Baturyan M. A. (research advisor)
On the Role of the Conflict of Laws Rules in the International Private Law of the Russian Federation (pp. 235-246)

Davydova M. A.
Tax Monitoring as an Opportunity to Improve the Efficiency of Tax Administration (pp. 247-257)

Zablotskaya T. G., Khilyuta V. V.
Institution of Exemption from Criminal Liability in Criminal Law of the Republic of Belarus on the Basis of Compensation for Damage Caused (pp. 258-269)

Isakova N. A.
Public Legal Means of Counteracting Mismanagement of Residential Premises (pp. 270-280)

Kedrovskaya Ye. A.
Tax Preferences for the Residents of the Territories of Advanced Social and Economic Development (pp. 281-295)

Korneev S. A.
Differentiation of the Measures of Criminal Legal Pressure Provided for by the Acts of International and National Legislation (pp. 296-307)

Kopylov A. Yu.
The Specifics of Creativity in the Works of Science, Literature, and Art as a Condition for Granting Copyright Protection to These Works (pp. 308-319)

Krasnova L. B.
Forensic Features of the Latest Information Technologies (pp. 320-330)

Kuzmin S. S.
Legal Analysis of the Object and the Objective Side of Coercion to Testify (pp. 331-342)

Marukhno V. M., Rudenko Ye. Yu.
On the issue of the possibility of withdrawing a land plot in case of violation by the owner of the conditions for its intended use (pp. 343-351)

Mezhivoy A. V., Cheremnykh V. Yu.
Some Aspects of Civil Liability of Municipalities (pp. 352-363)

Oganezov E. M., Karipidi A. G.
Copyright on the Translation of a Work (pp. 364-373)

Podelko A. S., Zhivodrova N. A.
Sexual Misconduct in Information and Telecommunications Networks (Including the Internet) (pp. 374-386)

Serduk A. Yu.
Abuses in the Field of Procurement of Goods, Work, Services to Meet the State or Municipal Needs. Signs of the Objective Side of the Crime Under Article 200.4 of the Criminal Code of Russia (pp. 387-399)

Khlus A. M., Shumak G. A.
The Forensic Structure of a Crime and Its Influence on Criminal Legal Qualification (pp. 400-419)

Shadrina Ye. V.
Criminal Law as the Legal Basis of Fight Against Crime in Modern Russia (pp. 420-431)

УДК/UDC 140.8

Социально-философские аспекты методологического поиска цельного знания и интуитивизм

Аксенова Светлана Владимировна
доктор медицинских наук, профессор кафедры госпитальной хирургии с курсами травматологии и ортопедии, глазных болезней
Медицинский институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: aksenovamed@mail.ru

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные положения и значение философского учения Анри Бергсона. Представлен анализ основных отличий рассудочного и интуитивного методов познания в философии. Выявлены основные приоритетные особенности интуиции как метода познания, актуального в современной науке и практике. Интуиция рассмотрена с позиции теории целостности с целью исследования значения интуиции как методологического инструментария. Классифицированы «индивидуальное интуитивное» и «корпоративное интуитивное» знание. Показано широкое распространение в практической медицине процесса индивидуального интуитивного познания в форме интуиции-редукции и рассмотрены некоторые метафизические аспекты проблемы.

Ключевые слова: интуитивизм, интеллект, познание, истина, метод, логическая интуиция, инструментальность, механистическое мировоззрение, целостность, корпоративное знание, креативность, диагностика.

Intuitivism and Socio-Philosophical Aspects of Methodological Search for Whole Knowledge

Aksenova Svetlana Vladimirovna
Candidate of Medical Sciences, professor of the Department of Hospital Surgery with Courses in Traumatology and Orthopedics, Eye Diseases
Medicine Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: aksenovamed@mail.ru

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History
Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

The article examines the basic positions and significance of Henri Bergson's philosophical teaching; presents the analysis of the basic differences between the reasoned and intuitive methods of cognition in philosophy; identifies the main priority features of intuition as a method of cognition relevant in modern science and practice. The authors consider intuition from the point of view of the theory of integrity in order to investigate the meaning of intuition as a methodological instrument. The "individual intuitive" and "corporate intuitive" knowledge are classified. The article shows wide distribution of the process of individual intuitive knowledge in practical medicine in the form of intuition-reduction and examines some metaphysical aspects of the problem.

Key words: intuitionism, intelligence, knowledge, truth, method, logical intuition, instrumentality, mechanistic worldview, integrity, corporate knowledge, creativity, diagnostics.

С латинского языка понятие «интуиция» можно буквально перевести как «пристальное всматривание». Интуиция проявляется получением определенного рода «целостного» знания, начальные и промежуточные источники которого остаются неизвестными, в силу чего оно всегда (в

т. ч. и для его продуцента) имеет свойство сомнительности. В то же время многочисленные случаи получения «позитивного» интуитивного знания, в т. ч. и высочайшего ранга, придают ему свойство ценности, впрочем, сомнительной вплоть до момента его верификации. Существуют различные точки зрения на механизм возникновения интуитивного знания. Рационалисты XVII–XVIIIвв. Р. Декарт [1], Б. Спиноза [2], Г. Лейбниц [3] выдвигают положение об интуиции как интеллектуальной способности к усмотрению истины «очами разума». Позднее А. Бергсон [4] и З. Фрейд [5] представляют интуицию в форме иррационального биологического инстинкта, не поддающегося истолкованию. Религии рассматривают интуицию как форму божественного откровения.

В интуитивизме понятие мира в его целостности предполагает обращение к интуиции как к иррациональному познавательному акту по преодолению противоположности между субъектом и объектом. С конца XIX-начала XX вв. интуитивизм вносит большой вклад в развитие оснований современной Западной и русской философии, но в виде отдельных интуитивистских идей встречается исключительно у ряда философов предшествующих эпох. Представителями этого учения являются А. Бергсон, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, Б. Спиноза, А. Шопенгауэр, С. Л. Франк и др. Во второй половине XIX в. внимание философов сосредотачивается на гносеологии и построении стройной теории истины, но самой истине уделяется недостаточное внимание. Положение изменилось с появлением работ Анри Бергсона [6–8], в которых вновь возрастает интерес к миру, проводятся исследования онтологических и метафизических проблем. Достижения в физиологии мозга, систематизированные в работе А. Бергсона «Материя и память», подчеркивают важность церебральных процессов в человеческой жизни в целом, но не сводят их к локализуемой деятельности центров и клеток мозга. Открытиям в области нервной деятельности и мозга предшествовали аналитические исследования Бергсона.

Отметим, что интуитивизм Бергсона демонстрирует основные преимущества интуиции как метода познания, а проблематика носит обще-

мировоззренческую значимость. Радикальные изменения в мировоззрении современного человечества придают интуитивному методу познания важную роль в восприятии окружающего мира. Метод нередко отождествляется с озарением и инсайтом. Интуитивизм - суть философское течение, противопоставляющее интуицию как единственно достоверное средство философского познания рассудочному мышлению. Понятие мира в его целостности в интуитивизме предполагает использование интуиции как иррационального акта познания, в котором преодолевается противоположность между субъектом и объектом. Как самостоятельное течение интуитивизм формируется в период с конца XIX - начала XX вв. Нравственный кризис, переживаемый современниками, создает условия для возрастания интереса к религии и к русской религиозной мысли, в рамках которой развивался русский интуитивизм.

Восприятие огромных потоков информации, требующих осмысления, переработки и принятия верных решений, создает такую реальность, в которой понятийно-логический метод не всегда является первостепенным, поэтому необходим иррациональный способ познания, к которому относится интуиция.

Важную роль в становлении и развитии интуитивизма как философского течения сыграли работы французского мыслителя философа-идеалиста Анри Бергсона. А. Бергсон как представитель школы философии жизни первой половины XX в. получает известность после опубликования «Творческой эволюции». Сущность жизни во всем ее многообразии форм и структур, по Бергсону, постижима лишь с помощью интуиции, поскольку жизнь мы переживаем и, значит, способны воспринять непосредственно. Интуиция интерпретируется Бергсоном как своеобразная симпатия, непосредственно проникающая в сущность предмета путем слияния с его уникальной природой. Интуиция призвана ответить на традиционно философские вопросы. Бергсон противопоставляет интуицию интеллекту, трактуя его как орудие оперирования с «мертвыми вещами» - материальными, пространственными объектами.

Философия мыслителя заключается в разделении двух различных видов познания: рассудочного и интуитивного. Рассудочное познание заключается в сравнении предмета с другими предметами и выделении в них общих свойств, т. е. рассудочное знание - это анализ, создающий общие отвлеченные понятия. Такое понятие выражает свойства предмета, но только в «обезличенном» виде, а индивидуальные качества утрачиваются: «оно всегда более или менее уродует это свойство, придавая ему слишком обширный объем» [7, с. 208]. Такие понятия не могут служить выражением живой действительности, они являются всего лишь удачными ее символами. Т. к. одно понятие не дает нам знание об индивидуальном предмете, человек начинает соединять множество таких понятий в группы, но даже такой подход не дает целостного знания. «Существенной функцией интеллекта является освещение нашего поведения, подготовка нашего воздействия на вещи, предвидение событий, благоприятных или неблагоприятных для данного положения. Поэтому рассудок инстинктивно выделяет в ситуации все сходное с тем, что уже известно; он ищет подобное. Интеллект подчиняется принципу «подобное производит подобное». В этом состоит предвидение будущего здравым смыслом» [6, с. 7]. Логическая интуиция выступает как одна из функций ума, отличающаяся быстродействием. Поэтому посредством этого вида интуиции человек способен делать быстрые выводы и прогнозы, минуя этапы анализа. Познание истины осуществляется быстро, на уровне сознательного. Предвидение будущего логической интуицией отличается своей специфичностью и практичностью. Как метод познания она доступна для каждого человека в разной мере. В свою очередь, живая действительность характеризуется в первую очередь цельность и творческой изменчивостью. Общие понятия, которые дает рассудочное познание, статичны и не имеют достаточной целостности. Данное знание похоже на чтение книги, только при условии, что читатель будет ее читать через страницу. Таким образом, в его понимании будет лишь часть информации, а какие-то важные моменты будут упущены.

В работе «Философские начала цельного знания» В. С. Соловьев подробно говорит о целостности знания, о ее важности в акте познания: «Но разум в своих всеобщих и необходимых истинах (логических и математических) имеет значение только формальное, он указывает только необходимые условия истинного познания, но не дает его содержания; к тому же, как наш разум, он может иметь только субъективное значение для нас как мыслящих» [9, с. 3]. Он утверждает, что разум не способен дать полное знание, а значит, истина остается не постигнута.

На самом деле мы не способны понять живую действительность из-за того, что стремимся представить изменчивую реальность посредством неподвижных понятий рассудка. Т. е. мы пытаемся понять изменение как нечто сложенное из более простых вещей. Подобная черта присуща механистическому мировоззрению.

Анри Бергсон утверждает, что на основе рассудочных понятий формируется механистическое мировоззрение, которое сильно искажает мир, чрезмерно упрощая его и делая непостижимым то, что на самом деле случается ежеминутно. По мнению Бергсона, рассудочное знание далеко от истины, но философ признает роль данного знания в области практической деятельности. Рассудок есть способность человека к достижению только практических целей, развитая у людей для приспособления к среде. Отсюда следует, что рассудок и не является всегда истиной, у него другая цель, рассудок считает истиной все то, что полезно и выгодно. Т. е. если источником знания было бы только рассудочное знание, то человек обладал бы только символическими и относительными знаниями, а проникновение в подлинную сущность вещей было бы невозможно. Но существует еще один метод познания, который дает целостное, правдивое знание,- это интуиция. Интуиция как своеобразное проникновение внутрь предметов дает возможность познания и самопознания. Это познание реальности изнутри. Способность осознания изнутри отражает нашу личность, которую мы формируем через творчество. По утверждению Бергсона, в познании внешнего мира интуиция опережает интеллект и потому дает целостное знание. Именно это является главным

свойством, благодаря которому интуиция превосходит интеллект. Любые стороны предмета познаются на основе целого. Рассудок же, как отмечалось выше, складывает множество частей для достижения целостности, но в результате знание искажается. Во-вторых, интуиция имеет абсолютный характер, т. к. интуиция познает подлинную истину вещи, интеллект же носит относительный характер, потому что рассудочное знание состоит из отдельных символов. Наряду со всеми этими качествами стоит полнота знания, достигнутая интуицией. Предмет познается сразу и полностью, рассудок же складывает отдельные части с целью добиться полноты, но такие части не бесконечны, и в конечном счете предмет не может быть познан абсолютно полно. Данное качество действительно возвышает интуицию над интеллектом. Креативная роль интуиции состоит в способности прослеживать изменения предмета, фиксировать их, а рассудок в своем методе познания неподвижен и познает лишь общее положение предмета. Многие вещи и явления человек не может познать, опираясь только на интеллект, но именно интуиция проникает в самое дальнее, в чем состоит ее основная задача. Таким образом, многие вещи остаются загадкой для рассудка, но не для интуиции. По нашему мнению, интуитивное знание может быть продуктом двух различных процессов и классифицироваться в этом отношении на «индивидуальное интуитивное знание» и «корпоративное интуитивное знание» [10, с. 156]. Процесс индивидуального интуитивного познания, на котором выстраивается диагностика как активный метод познания в целом, широко распространен в практической медицине, главным образом в форме интуиции-редукции. Однако необходимо отметить, что современная медицина развивается в сторону объективизации процесса установления диагноза, и интуиция сегодня выполняет свою позитивную роль (в случае недостатка времени или инструментальных средств познания). Социальная потребность в необходимости сбалансированной структуры здравоохранения, включающей взаимодополняющий комплекс различных направлений и форм медицины, очевидна. Общество всегда заинтересовано в развитии медицины как органичной совокупности традиционных и альтернативных

направлений по причине того, что максимально полное отражение психофизиологической реальности организма больного предполагает овладение методом интуитивного познания специалистом, практикующим в сфере официальной медицины. Именно в этом случае выстраивается целостность временной структуры развития человеческой целостности как объекта познания. Многие методы альтернативных направлений медицины обладают эффективностью, которая сопоставима с эффективностью методов научной медицины (в пределах специфической сферы своей компетентности), а в отдельных случаях даже превосходят последние и претендуют на право присутствовать в качестве легитимного компонента как в структуре лечебно-диагностического процесса, так и в структуре современного здравоохранения. В экономическом отношении они существенно дешевле научных, не требуют применения дорогостоящего оборудования и медикаментов. Методы альтернативной медицины более универсальны и не столь специализированы, менее требовательны в отношении организационного обеспечения и могут функционировать в «автономном режиме» на большом удалении от медицинских учреждений, что имеет важное значение для многих регионов нашей страны [10,с. 124].

Именно в области медицины отмечается феномен усиления корпоративной компоненты сознания в экстремальных ситуациях [10, с. 148–149], укрепляющей основы социальной жизни, и пересечение метафизического поля во взаимодействии двух видов познания - медицинского и философского. Концепция «корпоративного интуитивного знания» [10] обращается к феномену отдельного типа интуиции и показывает медицину как область, в которой значимы практические навыки работы с индивидуальным и коллективным сознанием (например, консилиумы, собрания и т. п.). Усиление корпоративной компоненты часто приводит к возрастанию устойчивости противостояния как соответствующего социума, так и конкретного индивида. Кроме этого, в социально-практическом и социально-адаптивном отношении социум с выраженным «корпоратив-

ным» компонентом является доминантным в отношении любого другого социума без подобной компоненты.

Список литературы

1. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.

2. Спиноза Б. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. 608 с.

3. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.

4. Alexander, I. W. Bergson: Philosopher of Reflection. New York: Hillary House, 1957. 109 p.

5. Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997. 222 с.

6. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. М.: Терра — Книжный клуб; Канон-пресс-Ц, 2001. 384 с.

7. Бергсон А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. СПб., 1914. 224 с.

8. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память / Пер. с франц. М.: Московский клуб, 1992. 336 с.

9. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания. М.: Академический проект, 2011. 384 с.

10. Песоцкая Е. Н. Метатеоретическая модель философского обеспечения медицины: аспекты оптимизации = Metateorethical model of philosophical coverage of medicine: optimization aspects / Е. Н. Песоцкая, М-во науки и высшего образования РФ, МГУим. Н. П. Огарева. Саранск, 2018. 188 с.

References

1. Descartes, R. Works: In 2 vols. Vol. 1 / Translated from French and Latin; compiled and edited by V. V. Sokolov. Moscow: Mysl, 1989. 654 p.

2. Spinoza, B. Selected Works. Rostov-on-Don, 1998. 608 p.

3. Leibniz, G. W. Works: In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1983. 686 p.

4. Alexander, I. W. Bergson: Philosopher of Reflection. New York: Hillary House, 1957. 109 p.

5. Freud, S. Totem and Taboo: Psychology of Primitive Culture and Religion. St. Petersburg: Aleteyya, 1997. 222 p.

6. Bergson, H. Creative Evolution / Translated from French by V. Flerova. Moscow: Terra—Knizhnyy klub; Kanon-press-Ts, 2001. 384 p.

7. Bergson, H. Collected Works: In 5 vols. Vol. 5. St. Petersburg., 1914. 224 p.

8. Bergson, H. Collected Works: In 4 vols. Vol. 1: Experience on the Immediate Data of consciousness. Matter and Memory / Translated from French. Moscow: Moskovskiy klub, 1992. 336 p.

9. Solovyev, V. S. The Philosophical Fundamentals of Whole Knowledge. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2011. 384 p.

10. Pesotskaya, Ye. N. Metateorethical Model of Philosophical Coverage of Medicine: Optimization Aspects / Ye. N. Pesotskaya, Ministry of Science and Higher Education of Russia, Ogarev Mordovia State University. Saransk, 2018. 188 p.

УДК/UDC 165

Сущность и существование социально-медицинской реальности как предметообразующая проблема социальной философии и междисциплинарного знания (аспекты рефлексии)

Аксенова Светлана Владимировна
доктор медицинских наук, профессор кафедры госпитальной хирургии с курсами травматологии и ортопедии, глазных болезней
Медицинский институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: aksenovamed@mail.ru

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен «медицинских гуманитарных наук» как самостоятельное междисциплинарное направление исследований — реальность, сложившаяся на базе интеграции международного опыта. Феномен осмысливается в поле святоотеческой традиции и медицины, поскольку фокусирует педагогическую стратегию и нравственную практику. В российской духовной традиции он вписывается в процессы воспитания человечности и формирования духовности, которые получают современное прочтение как в нравственно-религиозных категориях, так и в категориях естественнонаучных, имеющих особое значение для медицинской практики. Духовность в русской традиции выступает осевой категорией мышления. Наряду с этим рассматривается действие мировоззрения личности, выступающего в

качестве психофизиологического сегмента человеческого организма и конструирующего механизма по трансформации ценностных оснований мышления одновременно. Включение в подготовку врачей в современной высшей медицинской школе основ духовно-нравственного воспитания, святоотеческого опыта способствует созданию комплексных условий для восстановления гуманитарной культуры в медицине, качественно меняющих ее антропологическую, этико-психологическую составляющие. Инструментальной нравственной практикой служит системное гуманитарное знание в медицинском образовании. Трансформации человеческих возможностей напрямую связываются с духовными преобразованиями, происходящими в русской традиции, которая выступает также и методом познания. Подчеркивается значение гуманитарного познания в медицинской практике, актуализирующего миссию профессиональной преданности практического врача.

Ключевые слова: мировоззрение, российская духовная традиция, духовная деятельность, философия, наука, гуманитарное знание, метод познания, трансформативные процессы, информация, религиозный опыт, дух, душа, тело, человек, рефлексия, социальность.

The Essence and Existence of Social and Medical Reality as a Preeminent Problem of Social Philosophy and Interdisciplinary Knowledge (the Aspects of Reflection)

Aksenova Svetlana Vladimirovna
Candidate of Medical Sciences, professor of the Department of Hospital Surgery with Courses in Traumatology and Orthopedics, Eye Diseases
Medicine Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: aksenovamed@mail.ru

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History
Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

The article considers the phenomenon of "medical humanities" as an independent interdisciplinary direction of research and as a reality based on the integration of international experience. The phenomenon is thought of in the field of the patristic tradition and medicine, as it focuses pedagogical strategy and moral practice. In the Russian spiritual tradition, it fits into the processes of formation of humanity and spirituality, which receive modern interpretation both in moral and religious categories and in categories of natural science, which are of special importance for medical practice. Spirituality in the Russian tradition acts as a pivotal category of thinking. The authors also consider an action of a person's worldview acting as a psychophysiological segment of the human organism and a designing mechanism for transformation of the value bases of thinking. The inclusion of the foundations of spiritual and moral education and the patristic experience in the training of doctors in the modern higher medical school contributes to the creation of complex conditions for the restoration of humanitarian culture in medicine, qualitatively changing its anthropological and ethical psychological components. Systemic humanitarian knowledge in medical education serves as an instrumental moral practice. Transformations of the human possibilities are directly related to the spiritual transformations taking place in the Russian tradition, which is also a method of cognition. The authors emphasize the importance of humanitarian knowledge in medical practice, as it actualizes the mission of professional dedication of a practical doctor.

Key words: worldview, Russian spiritual tradition, spiritual activity, philosophy, science, humanitarian knowledge, method of cognition, transformative processes, information, religious experience, spirit, soul, body, man, reflection, sociality.

Исследование сущности социальных трансформаций отечественными авторами [1–3] продемонстрировало модификации российской духовной традиции в условиях самоопределения и интегративную роль нравственно-религиозных категорий в этих процессах. Парадигмальное переосмысление религиозного опыта в творениях литературной словесности актуализировало новое прочтение термина «русская духовная традиция», в основу которого положен феномен духовности.

На наш взгляд, традиция — это способ реализации социального наследования положительного опыта прошлых поколений и реальность,

объективированная в предметной и языковой формах и культурных ценностях. Одновременно как религиозной, так и светской сфере бытия общества имплицитно присуще обращение к духовности как к осевой категории, все активнее используемой в социальном познании и в социальной философии. Вместилищем этой духовности становятся внутренний мир человека и его душа как микрокосм.

Происходит модуляция понятия в медицину как часть социальной культуры через ее философские основания, соединяющие принципы и подходы мировоззренческого, методологического и социально-исторического содержания. В поле медицины они определяют и обусловливают существование ее мировоззренческой и методологической структуры. В связи с этим органично возникает понятие медицинской реальности, означающее бытие собственно медицины, имеющей свой онтологический статус, предмет и объект. Ее системообразующими частями становятся: взаимодействие больного, включая совокупность физиологических и патологических процессов, развивающихся на уровне его телесной и психической организации, со специалистами и медицинским персоналом, подготовленным в соответствии с конкретно-исторически сложившимся направлением медицины; деятельность лечебно-профилактических и научных учреждений, организаций здравоохранения и фармации со своей локально-исторической обусловленностью, которая осуществляется в рамках конкретного момента социально-политического развития. Данный тип реальности отражает мировоззрение общества в конкретный исторический период и представляет собой актуальный процесс и результат одновременно. Понятие медицинской реальности связано с понятием стиля мышления врача и его духовным потенциалом.

Духовными способностями достигается знание, по своей содержательности и мерности всегда большее, чем наука, не располагающая такими способностями. «Это, прежде всего интуиция, т. е. непосредственное чутье истины, которое угадывает, прозревает ее, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания» [4, с. 667].

Интуиция, занимая все большее внимание философии, в поиске антропологических истин и ответов на вечные вопросы выводит в другую, высшую область духа, — в религию. Религиозная философия в таком поиске исходит из мировоззренческих предпосылок и методологически целенаправленно использует терминологию и язык теологии в решении онто-гносеологических, социально-личностных проблем. Меняя одномерность социальности, она развивает нравственность, систему ценностей, чувств и социальных оценок.

Анализ социальности современной наукой позволяет расшифровать основу эффектов духовной деятельности, информационную по своей природе. Последние не сводятся только к совокупности нравственных качеств, а выступают особым способом конституирования бытия личности. В «постоянном взаимодействии духа и плоти» [4, с. 412] протекает изменение личности. Очевидно усиление проявлений деструктивности со стороны технико-технологической среды по отношению к реальному историческому знанию и социокультурному опыту, который становится вторично значимым по сравнению с технологически внедряемым образом мира. При этом экзистенциальную угрозу представляет нарушение системообразующего эффекта «механизмов рефлексии личности» [5, с. 200]. Нарушение духовной регуляции, связанной с архетипическими основаниями личности, с последующей технологической трансформацией природы человека также становится экзистенциальной проблемой. Сохранение архетипических оснований в свете взаимоотношений модернизации и традиционализма в России [2, с. 4] становится важным условием для укрепления образцов духовного развития общества и личности.

Изучение социальности сопряжено с особой сложностью человеческой субстратности и субъектности, синформационной составляющей природы человека как качественной и количественной переменной, посредством которых познается сущность этой природы. Их познание неосуществимо безсоциальных и гуманитарных наук. Приближение науки XXI в. к открытию законов, обеспечивающих целостность развивающихся природных систем, отражает потребность междисциплинарной

интеграции теорий самоорганизации и теорий фундаментальных физических взаимодействий.

Формированию профессионализма врачей в условиях перехода на новую модель медицины и ее гуманизации способствует непосредственно феномен «медицинских гуманитарных наук» и выделение самостоятельного междисциплинарного направления исследований на основе интеграции международного опыта. Медицинские гуманитарные науки как часть основного медицинского образования [6], предмета медицины явились ответом на вызовы настоящего времени и возрастающую технизацию. Сфера медицинских гуманитарных наук шире и глубже профессиональной подготовки, поскольку обращена к воспитанию духовности, доброты, милосердия, любви, сострадания и нравственных качеств в личности врача. На путях технологизации и рационализации медицины целью медицинских гуманитарных наук является воспитание человечности и формирование духовности посредством медицинской практики и созерцания, сопереживания пациентам, нарративы болезни через духовное пробуждение и понимание взаимной целительной силы человеческих отношений [7, с. 290–291]. Построение гуманитарного познания на принципе конкретно-исторического познания и понимания имеет свои собственные основания и потенциал, требующий самоосмысления (Selbstbsinnung) в аспекте его трансформативности. Продолжая традицию кантовской позитивной оценки Endilichkeit (конечности) бытия человека [8, с. 486–487], она аккумулирует методологический инструментарий оценки и анализа ее онтологического статуса, ценностей и отношений. Поэтому сбалансирование области технологических решений врача и области персональных личностных проблем больных возможно только в случае инструментального решения проблемы рефлексивного профессионализма в медицинской системе, сопряженного с духовной деятельностью. Инструментальной нравственной практикой служит системная гуманитарная составляющая медицинского образования с ее генезисом, исторически переплетенными традиционной и народной медициной.

Культурно-смысловая и социальная направленность вышерассмотренной междисциплинарности заключается в создании особого понятийного поля, выполняющего адаптивную роль посредством двух гносеологических констант: адаптивных установок и ценностных доминант. Первую составляет теоретико-методологический инструментарий познания и представления об истине, вторую — ценности и доминанты, формирующие ориентирующие идеальные конструкты междисциплинарной области. Первая и вторая константы соотносятся как способ действия и цель действия. Идеациональное по своей сущности признание ценности сверхчувственного познавательного начала, формирующего метафизическое восприятие мира, является мировоззренческим основанием для междисциплинарных исследований. Соприкосновение его с религиозным познанием и духовными практиками представляет собой самоценность связующего звена. В гуманитарных науках процессуальный аспект влияния этого основания на действенность познавательных конструкций, исследованный в социологии П. А. Сорокиным, описан в социальной философии Н. И. Каргамановой [9, с. 284].

Социально-антропологическое понимание духовности выражается во взаимосвязи с выбором собственного образа и судьбы, которое следует обозначить как этическую рефлексию, способ организации деятельности личности. Святоотеческая традиция указывает на основание формирования духовности посредством духовной практики, признающей первичность свойств божественной любви. Благодаря ей протекает комплекс трансформативных процессов в нравственной, духовной сферах — базисных для целительной силы человеческих отношений и врачебной деятельности. По словам выдающегося хирурга, архиепископа, ученого и священника Луки Войно-Ясенецкого, «любовь не может заключаться в себе самой, ибо основное свойство ее — потребность изливаться на кого-либо и на что-либо...» [4, с. 569]. Размышляя о причинности явлений, процессов и феноменов, он указывал: «Вечной материи нет, а только энергия является в форме материи. При атомном распаде освобождаются энергии более тонкие, приближающиеся к чему-то нематериальному...».

Он считал, что «Бог есть дух, Бог есть любовь...Любовь творит» [10, с. 161]. Так сформулирована суть понимания поступков, инерция и процессуальность всего рефлексируемого и нерефлексируемого человеком; духовности. В поисках нравственного и религиозно-духовного смысла в науке, исследуя через познание человеческий онтос и психическую деятельность, он обобщает труды русского физиолога И. П. Павлова: «Мы полностью принимаем это глубоко научное представление о деятельности сознания, но только не считаем его исчерпывающим». «В актах и состояниях сознания всегда участвует наш дух, определяя и направляя их. В свою очередь, дух растет и изменяется от деятельности сознания, от его отдельных актов и состояний» [11, с. 427]. Не ум, а дух становится субъектом самопознания, «. . . ибо ум есть только часть духа, а не весь дух...» [11, с. 428]. Познавательный процесс связывается им с работой духа. В научном анализе соответствия феноменального пространства между чувственным и духовным, не противоречащего религиозным представлениям о составе человека, в качестве общеметодологического применяется субстратный подход. Это выражается в исследовании человека в структурно-закономерной связи со средой и через культурную среду, где в качестве объективаций выступают язык, религиозное, научное познание и философия.

Непреходящим основанием изучения вопроса влияния психического, идеального на физиологическое, материальное стал субстратный подход в гуманистической научной традиции. Сущность данного влияния — в управляющей роли психического, которое, будучи информационным содержанием кодов мозговых нейродинамических процессов, управляет в том же смысле, в каком управляет информация. Производящим началом информационной причины служит специфическая структура кода, где воплощена информация. «Воздействие души на тело» мыслится как перенос информации посредством нейродинамического сигнала. Как реальности духовного характера, собственные мысли и чувства воспринимаются человеком изнутри собственного онтоса. Такая интроспекция стала причиной дуалистического разделения души и тела. Носителем

процессов, протекающих в иерархической структуре мозга, является слово, значение которого фиксируется субъективным опытом [12, с. 47]. К развитию представлений об информации в диагностике как о ценностно-смысловой константе, исходной для специфического медицинского познания, различных параметрических аспектов его исследования располагают синергетические представления [1, с. 506]. Они математически объясняют процессы разветвления прежних качеств на новые с последующей самоорганизацией живой системы. Рассуждая о «внутреннем» (трансцендентальном) человеке и метапсихических явлениях, в работе «Дух, душа, тело» [13; 4, с. 651–652] архиепископ Лука особое место отводит системоорганизующей и самоорганизующей роли первичности идеального в природе организма, истинности духовного знания в терминах традиции. Это «трансцендентальное сознание внутреннего человека», «обновление человека в познании» [4, с. 648–652]. Трансформации человеческих возможностей связываются с духовными трансформациями человеческой целостности [4, с. 650], ее потенциалом, что носит методологическое значение в исследовании феноменальности гуманитарного знания и его оснований в медицине.

Самоценность гуманитарного знания в медицине делает его теоретическим основанием для познания человека как объекта медицины, актуализируя миссию профессиональной преданности практического врача. В этом заключается предметообразующая проблема одновременно медицины и социальной философии, междисциплинарного знания в целом. Современная медицинская реальность переплетена с философией гуманизма и духовными ценностями, без которых невозможно осознать особенности системных взаимосвязей человека с миром, их взаимодействие, понять причинную обусловленность мышления в каждый конкретно-исторический период.

Русская духовная традиция, основанная на феномене духовности, при этом выступает в качестве метода познания и необычного для аналитического мышления способа социальной трансляции положительного опыта духовных практик и профессиональной рефлексии в медицине.

Без включения в подготовку врачей в современной высшей медицинской школе основ духовно-нравственного воспитания, творений святоотеческой традиции и религиозного опыта невозможна гуманизация медицины, создание комплексных условий для восстановления практико-ориентированной гуманитарной, качественно меняющих антропологическую, этико-психологическую составляющие медицины. Данный процесс в проблематике социальной философии и междисциплинарного знания становится предметообразующим.

Список литературы

1. Елдин М. А., Мочалов Е. В., Грыжанкова М. Ю. и др. Византия: богословие, философия, история, культура: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 240 с.

2. Сидоров В. Г. Философия всеединства в идеологии российского общества // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. Выпуск 23. Краснодар: Издательство Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2018. С. 4–5.

3. Kortunov, V. V. Russian Philosophy Between Western Metaphysics and eastern Mysticism // European Journal of Science and Theology. 2014. Vol. 10. No. 6. Pp. 47–61.

4. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий): Избранные творения / Редактор-сост. А. З. Лобанова. М.: Сибирская Благозвонница, 2016. 751 с.

5. Жукова Е. А. Высокие технологии под углом зрения экологии человека // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11 (152). С. 199–225.

6. Gordon, J. Medical Humanities: To Cure Sometimes, to Relieve Often, to Comfort Always. The Medical Journal of Australia. 2005. No. 182 (1). Pp. 5–8. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15651937/ (дата обращения: 27.02.2020).

7. Мухамедова З. М., Умирзакова Н. А. Феномен медицинских гуманитарных наук и международный опыт интеграции гуманитарных наук в медицинском образовании. Философские проблемы биологии и медицины: феномен биорациональности. Вып. 13. М.: Ленанд, 2019. 304 с.

8. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

9. Каргаманова Н. И. Феномен человека в западном познании. Синергетическая модель человека. Екатеринбург, 2016. 351 с.

10. Крестный путь святителя Луки (Войно-Ясенецкого): жизнеописание, чудеса, акафист. М.: ООО «Духовное преображение», 2018. 576 с.

11. Поповский М. А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. СПб.: Сатисъ. 2003. 527 с.

12. Песоцкая Е. Н. Эволюция методологии социального анализа человека в истории науки (антропофилософский аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2015. 112 с.

13. Наука и религия. Дух, душа и тело. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) / Отв. ред. Г. Щербина. Ростов н/Д.: Троицкое Слово, 2001. 320 с.

References

1. Yeldin, M. A., Mochalov, Ye. V., Gryzhankova, M. Yu. et al. Byzantium: Theology, Philosophy, History, Culture. Saransk: Mordovia University Publishing House, 2016. 240 p.

2. Sidorov, V. G. Philosophy of Unity in the Ideology of Russian Society in the XIX–XX Centuries // Social and Humanitarian Bulletin. Issue 23. Krasnodar: Krasnodar Centre for Scientific and Technical Information, 2018. Pp. 4–5.

3. Kortunov, V. V. Russian Philosophy Between Western Metaphysics and eastern Mysticism // European Journal of Science and Theology. 2014. Vol. 10. No. 6. Pp. 47–61.

4. St. Luke of Simferopol: Selected Works / Edited and compiled by A. Z. Lobanova. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnista, 2016. 751 p.

5. Zhukova, E. A. High Technology from the Perspective of Human Ecology // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2014. No. 11 (152). Pp. 199–225.

6. Gordon, J. Medical Humanities: To Cure Sometimes, to Relieve Often, to Comfort Always. The Medical Journal of Australia. 2005. No. 182 (1). Pp. 5–8. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15651937/ (access dare: February 27, 2020).

7. Mukhamedova, Z. M., Umirzakova, N. A. The Phenomenon of Medical Humanities and International Experience in Integrating the Humanities in Medical Education. Philosophical Problems of Biology and Medicine: the Phenomenon of Biorationality. Issue 13. Moscow: Lenand, 2019. 304 p.

8. Kant, I. Critique of Pure Reason. Moscow: Mysl, 1994. 591 p.

9. Kargamanova, N. I. The Phenomenon of Man in Western Knowledge. Synergetic Model of Man. Yekaterinburg, 2016. 351 p.

10. Saint Luke of Simferopol's Way of the Cross: Biography, Miracles, Acathistus. Moscow: Dukhovnoye preobrazheniye, 2018. 576 p.

11. Popovsky, M. A. The Life of St. Luke Voyno-Yasenetskiy, Archbishop and Surgeon. St. Petersburg: Satis, 2003. 572 p.

12. Pesotskaya, Ye. N. The Evolution of the Methodology of Social Analysis of Man in the History of Science (Anthropophilosophical Aspect). Saransk: Mordovia University Publishing House, 2015. 112 p.

13. Science and Religion. Spirit, Soul, and Body. Saint Luke of Simferopol / Editor-in-chief: G. Shcherbina. Rostov-on-Don Troitskoye Slovo, 2001. 320 p.

УДК/UDC 159.947.2

Свободная личность как сущность и смысл образовательного процесса: Л. Н. Толстой

Васильева Анна Сергеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vasanne83@gmail.com
SPIN-код: 4338-9488

Мирная Дарья Сергеевна
студентка факультета гидромелиорации
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: mirnaja.daria@yandex.ru

Романова Анна Сергеевна
студентка факультета гидромелиорации
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: any30082002@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются идеи Л. Н. Толстого, посвященные проблемам, задачам и целям образовательного процесса. Писатель считал, что воспитание ребенка в климате свободы позволяет сформировать творческую, деятельную и нравственную личность одновременно. Толстой критиковал современные ему принципы ведения образовательного процесса, построенные на «заучивании» программы. Телесные наказания, применяемые повсеместно в учебном процессе, особенно в учебных заведениях военного типа, вызывали бурную критику автора. Он призывал искоренить данные методы, подавляющие волю человека, его творческий потенциал. Как и Ж.-Ж. Руссо, Толстой идеализировал нравственную сущность детства, полагая, что педагог должен только направлять ребенка, тем самым способствуя укреплению изначально заложенных моральных ценностей. Толстой считал, что образование должно быть ориентировано на деятельность человека как профессионала, так и как гражданина.

Ключевые слова: образование, личность, Л. Н. Толстой, свобода личности, образовательный процесс.

Free Personality as the Essence and Meaning of the Educational Process: Leo Tolstoy

Vasilyeva Anna Sergeevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vasanne83@gmail.com
SPIN Code: 4338-9488

Mirnaya Darya Sergeyevna
student of the Faculty of Hydrotechnical Melioration
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: mirnaja.daria@yandex.ru

Romanova Anna Sergeyevna
student of the Faculty of Hydrotechnical Melioration
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: any30082002@mail.ru

Abstract

The article deals with L. N. Tolstoy's ideas related to the problems, tasks, and goals of the educational process. The writer believed that raising a child in a climate of freedom allows us to form a creative, active, and, at the same time, ethical person. Tolstoy criticized the modern principles of conducting the educational process built on "memorizing" the programme. Corporal punishment used all over the educational process, especially in military-type educational institutions, became an object of a strong criticism from the author. He called for the elimination of these methods that suppress the will of man, his creative potential. Like J.-J. Rousseau, Tolstoy idealized the moral essence of childhood, believing that the teacher should only guide the child, thereby contributing to the strengthening of the innate moral values. Tolstoy believed that education should be focused on the activity of a person both as a professional and as a citizen.

Key words: education, personality, Leo Tolstoy, freedom of an individual, educational process.

Цивилизация стремительно развивается. Она требует новых навыков, умений и знаний от человека, но она же и предполагает совершенно иные параметры в понимании сущности человека, его целей и задач, форм его актуализации в бытии, в социальном и личном измерениях, в культуре. Европейское Возрождение породило представление о творческой, предприимчивой и свободной личности. Такой тип ориентации характерен и современной динамично развивающейся культуре и цивилизации, с их техникой и технологией. Российская образовательная система также стремится отвечать как современным насущным вопросам, так ей не чужды и экзистенциальные и гуманитарные потребности в образовании: «Необходимость модернизировать образовательный процесс требует как понимания сложившейся социально-исторической ситуации, так и особенностей развития российских образования и системы образования. Кроме того, все современные преобразования не должны идти в разрез с потребностью в воспитании достойного гражданина и свободной личности, понимающей разницу между свободой и произволом» [1, с. 20]. Однако последним меньше стало уделяться место в современном российском образовании, которое становится направленным на решение сугубо утилитарных задач общества. При этом в отечественной культуре не раз предпринимались попытки осмыслить роль образования и его методов в формировании человеческой личности, которая воспринимается как значимая сама по себе, так и как полноценный член общества. Ярким примером являются творчество и деятельность Л. Н. Толстого, который поставил как основу воспитательного процесса свободную личность ученика.

Важнейшее место в педагогических трудах Л. Н. Толстого занимает концепция воспитания свободной личности. В своих работах он описывает необходимость беспрепятственного выражения своих мыслей, формирования собственных ценностей и взглядов без всяческого давления

со стороны общества. Но может ли происходить процесс социализации, вписывания в культуру вне общества, без его давления? Это предполагает полную отрешенность от другого, культуры, цивилизации. Кроме того, данные тенденции, подпитываемые религиозным источником, могут обратиться тоталитарным фанатизмом, которому характерна зацикленность на себе, на своих убеждениях. Поэтому свобода и деспотизм идут рука об руку, сопровождая друг друга во всех начинаниях.

Учитель, считает Лев Николаевич, является неким проводником между учебным материалом и учеником. От его действий зависит, понравится ли ученику материал и не испортит ли он его: «Если учитель имеет только любовь к делу, — он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, — он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель» [2].

По мнению Толстого, попытки «подогнать» детей под определенные идеалы взрослых губят изначально более высокие моральные и духовные качества, которые заложены в ребенке. Воспитание должно сводиться к предоставлению полной свободы выбора и создании материала, для гармоничного и сбалансированного саморазвития, которое будет гораздо лучше стандартной системы образования, построенной на бессмысленном заучивании многочисленных страниц учебников и копировании каких-либо моральных идеалов. «Для того чтобы воспитать человека, годного для будущего, надо воспитывать его, имея в виду вполне совершенного Человека, — только тогда воспитанник будет достойным членом того поколения, в котором ему придется жить» [3, с. 29].

В своих трудах о свободном воспитании Толстой превозносил природу ребенка. Он утверждал, что дети имеют гораздо более правильные моральные устои и ориентиры, они способны к саморазвитию и гораздо более качественному усвоению материала, избранию именно того, что им впоследствии окажется необходимым. Толстой отрицал возможность правильного целенаправленного воздействия педагогов на детей,

утверждая, что образовательный процесс, построенный без учета свободной и чистой личности ребенка, не приведет к желаемому результату, а наоборот, лишит его этих качеств. В трудах Льва Николаевича можно встретить мысль о том, что дети имеют высокие моральные качества, являются идеалом безгрешности и красоты, и основная задача образования — не «уничтожить» эти качества. Однако народная мудрость гласит «дети злые». Действительно, мы сталкиваемся часто большой жестокостью среди детей, даже из благополучных семей. Идеализация Толстым детства чем-то напоминает подход Ж.-Ж. Руссо, идеализирующего детство человечества [4]. Поэтому и не обнаружен еще идеальный способ воспитания, так как он сам зависит от аксиологической наполненности.

Толстой в своих трудах задавался вопросом о реформации образовательной системы, по его убеждениям, для того чтобы воспитывать поколение, которое будет в состоянии создавать шедевры, необходимо исключить из образовательного процесса моменты, которые направлены на зазубривание материала, физические наказания и слишком большой объем информации, который преподается ребенку при обучении: «Первое и главное знание, которое свойственно прежде всего преподавать детям и учащимся взрослым, — это ответ на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. Первый: что я такое и каково мое отношение к бесконечному миру? И второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим, и что всегда, при всех возможных условиях, дурным?» [5, с. 21]. Данная постановка проблемы отражает тенденции, характерные антропологическому повороту в философии и культуре в целом, совершенном в XIX веке.

Учение Л. Н. Толстого некоторые его современники воспринимали как антинаучное, и подвергали достаточно жестокой критике, особенно со стороны преподавателей мужских гимназий и военных училищ, где свободомыслие ни в коем случае не приветствовалось, а в некоторых случаях каралось достаточно суровыми методами. В ответ на критику, в последующих учениях Толстой выступил против подобных учебных заве-

дений, особенно тех, которые опекались высокими правительственными чинами, так как помимо свободомыслия, Толстой выступал за массовое открытие учебных заведений в сельской местности и привлечение в них крестьянских детей: «Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе» [6, с. 710].

Лев Николаевич выступал за то, чтобы уменьшить количество обязательных предметов, преподаваемых в сельских школах, тем самым сократив объем бесполезных для сельских детей предметов и увеличив их тягу к самостоятельному развитию и изучению дополнительного материала.

Толстой много путешествовал. Во время своих странствий по Европе он был шокирован «примитивностью» европейского школьного образования, которое строилось на постоянных молитвах монарху и Богу, механическом заучивании материала, телесных наказаниях и уничтожению личности ученика в угоду усвоения учебной программы: «. . . четырехлетние дети по свистку, как солдаты, делают эволюции вокруг лавок, по команде поднимают и складывают руки и дрожащими и странными голосами поют хвалебные гимны богу и своим благодетелям. . . » [7, с. 19]

Лев Николаевич ставил в центр своей образовательной концепции следующие положения:

— принцип связи обучения с жизнью;
— принцип прочности усвоения знаний;
— принцип природосообразности;
— принцип сознательной активности;
— принцип доступности обучения.

Мыслитель ближе всех из своих современников приблизился к пониманию концепции свободного обучения и воспитания полноценной личности. Он максимально полно и разносторонне изучал личность ребенка. Общая суть концепции свободной личности как сущности и цели образовательного процесса такова: если заставлять детей механически

зазубривать и «забивать» их разум ненужной информацией с применением телесных наказаний — образовательный процесс не принесет необходимого результата. По мнению автора, только свободная личность способна полноценно обучатся, поглощать информацию, творить и созидать.

Спустя некоторое время учение Толстого приобрело несколько большое распространение и признание среди педагогического сообщества. Некоторые педагоги стали вводить в свои методики больше предметов, которые направлены на развитие творческого потенциала ребенка. Антропологические и социальные идеи Льва Николаевича совершенно не идут в разрез с общей тенденцией гуманистической модернизации образования на стыке XIX–XX вв. М. Монтессори, С. Редди, Д. Бэдли, Г. Литц, Э. Демолен и др. — этих авторов можно поставить в один ряд с учением Л. Н. Толстого. Однако наш соотечественник одним из первых не просто сформулировал инновационный подход к образовательному процессу, но и начал применять его в основанной им школе. Не смотря на то, что свободная личность в наше время считается наиболее приоритетной, развитие и сохранение ее ведется весьма неэффективными методами. Например, уроки, направленные на развитие творческого потенциала и личностных качеств детей все также построены на механическом заучивании определенных принципов или повторении каких-либо шаблонов, считаемых идеальными. Способствует таким стандартам образования система контроля знаний выпускников, которая ориентирована на небольшое количество тестов, которые требуют от ребенка «отключения» своих творческих способностей, механического заучивания шаблонных типов решений и полного и безоговорочного следования шаблону решения: «В рамках сложившейся ситуации можно говорить не только о кризисе образования в России, но в целом о кризисе российской культуры, в условиях которого довольно сложно прогнозировать судьбу российского образования» [8]. Помимо школьного образования подобная проблема также существенно отразилась на системе дополнительного образования. Исходя из этого, мы можем сказать, что идея Л. Н. Толстого является очень прогрессивной, и имеет определенные плюсы. В его пред-

ставлении, воспитание свободной личности способно сделать из ребенка гораздо более полноценно развитого человека с более высокими моральными принципами.

Список литературы

1. Данилова М. И., Яковлева Е. В., Васильева А. С. Трансформация культуры и образования в контексте времени: монография. Краснодар: Новация, 2019. 100 с.

2. Резенер Ф. «Азбука» графа Л. Н. Толстого // Народная школа. 1873. № 6. С. 59–64.

3. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: т. 41. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым, мысли многих писателей об истине, жизни и поведении 1904–1908 / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1936. 610 с.

4. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо; отв. ред. А. З. Манфред; изд. подгот. В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, Н. А. Полторацкий и др. Москва: Наука, 1969. 709 с.

5. Вейкшан В. А. Л. Н. Толстой: О воспитании и обучении. М.: Издательство академии педагогических наук РСФСР, 1953. 144 с.

6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: т. 17. Произведения 1863, 1870, 1872–1879, 1884 / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1936. 814 с.

7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: т. 8. Педагогические статьи 1869–1863 / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1936. 665 с.

8. Васильева А. С. Философское образование в России // Качество современных образовательных услуг — основа конкурентоспособности ВУЗа: сборник по материалам межфакультетской учебно-методической конференции / Ответственный за выпуск: М. В. Шаталова. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2016. С. 160–162.

References

1. Danilova, M. I., Yakovleva, Ye. V., Vasilyeva, A. S. Transformation of Culture and Education in the Context of Time. Krasnodar: Novatsiya, 2019. 100 p.

2. Rezener, F. The ABC Book of Count L. N. Tolstoy // Narodnaya shkola. 1873. No. 6. Pp. 59–64.

3. Tolstoy, L. N. Complete Works: Vol. 41. Range of Reading / V. G. Chertkov (gen. ed.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1936. 610 p.

4. Rousseau, J.-J. Treatises / J.-J. Rousseau; A. Z. Manfred (responsible editor); edition prepared by V. S. Alekseyev-Popov, Yu. M. Lotman, N. A. Poltoratskiy et al. Moscow: Nauka, 1969. 709 p.

5. Veikshan, V. A. L. N. Tolstoy: On Education and Training. M.: Publishing House of the RSFSR Academy of Pedagogical Sciences, 1953. 144 p.

6. Tolstoy, L. N. Complete Works: Vol. 17. Works of 1863, 1870, 1872–1879, 1884 / / V. G. Chertkov (gen. ed.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1936. 814 p.

7. Tolstoy, L. N. Complete Works: Vol. 8. Pedagogical Articles 1869–1863 / V. G. Chertkov (gen. ed.). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1936. 665 p.

8. Vasilyeva, A. S. Philosophical Education in Russia // The Quality of Modern Educational Services as the Basis of Competitiveness of a University / M. V. Shatalova (responsible editor). Krasnodar: Kuban State Agrarian University, 2016. Pp. 160–162.

УДК/UDC 130.2

Некоторые источники по изучению эмоциональной истории повседневности в 1920–1930-х годах

Васильева Анна Сергеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vasanne83@gmail.com
SPIN-код: 4338-9488

Стрельцов Вадим Вадимович
кандидат социологических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
e-mail: vvslex@gmail.com
SPIN-код: 1400-7967

Аннотация

Вся государственная и общественная официальная пропаганда, государственные институты, различные меры внесудебного преследования и внеэкономического принуждения в раннем СССР были нацелены на формирование у населения необходимой властям системы ценностей. Далеко не вся эмоциональная жизнь человека исследуемой эпохи резонировала с навязываемой (иногда и насильно) системой ценностей. Понять это помогает изучение сохранившихся документов эпохи, проливающих свет на данную проблему. В статье анализируются некоторые документы различного происхождения, которые имеют отношение к истории городской повседневности 1920-1930-х гг., культурной истории эмоций.

Ключевые слова: архивные документы, городская повседневность, документы личного происхождения, источники, история эмоций.

Some Sources for the Study of the Emotional History of Everyday Life in the 1920–1930s

Vasilyeva Anna Sergeevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vasanne83@gmail.com
SPIN Code: 4338-9488

Streltsov Vadim Vadimovich
Candidate of Sociological Sciences, lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
e-mail: vvslex@gmail.com
SPIN Code: 1400-7967

Abstract

All state and public official propaganda, state institutions, various measures of extrajudicial prosecution and extra-economic coercion in the early USSR were aimed at forming the population's value system necessary for the authorities. Not all the emotional life of a person of that era resonated with an imposed (sometimes violently) value system. Studying the surviving documents of the era helps to understand it, as these documents cast light on this problem. The article analyzes some documents of various origins that are related to the history of urban everyday life of the 1920–1930s, the cultural history of emotions.

Key words: archival documents, urban everyday life, documents of personal origin, sources, history of emotions.

Изучение исторических реалий с точки зрения повседневности для исследователя имеет первостепенное значение, поскольку позволяет понять их составляющие с точки зрения обычного обывателя, обычного горожанина. На современном этапе развития российской науки большой интерес представляет вопрос об источниках таких исследований.

Рассмотрение эмоциональной составляющей позволяет раскрыть особенности историко-культурного процесса, протекающего на определенном этапе и в определенных условиях. Поэтому данное исследование имеет междисциплинарный характер, отражая в себе совокупность признаков исторического времени. В связи с этим в статье сделана попытка осмыслить основные источники, дающие материалы для изучения повседневной жизни людей, живших, решая свои повседневные задачи, а также комплекса чувств и эмоций, которые неизбежно сопровождали граждан в их ежедневных трудах в заботе о житейских проблемах.

В связи с попытками переосмысления исторического значения советского периода в Отечественной истории, его последствий для культурного пространства современной России, ее ментальности, гражданского и правового поля, мы обратились к раннесоветскому периоду становления отношений между государством и обществом, правительством и гражданином, властью и человеком. Первые десятилетия советской власти связаны с глобальным переустройством жизни, которое породило как особые отношения между человеком и государством, так и стало источником новых смыслов. Вот отношение людей к этим смыслам, эмоциональный фон происходящего и является важным аспектом исследования сущности жизни. В исследуемый нами раннесоветский период, правящая в СССР партия ВКП (б) стремилась сделать подконтрольными себе мысли и чувства населения страны, что поспособствовало укреплению набирающего силу сталинского режима. Новые советские ценности навязывались индивиду через целый ряд норм, по которым они должны были оценивать как свое собственное поведение, так и поведение их окружающих. Однако не все чувства горожан могли быть встроены в данную предлагаемую, и даже навязываемую систему общественных ценностей.

Официально декларируемые властными структурами чувственные конструкции значительно расходились с реально существовавшими эмоциональными практиками. Эти последние в значительной мере зависели от различных субъективных (состояние здоровья, гендерная принадлеж-

ность) и объективных (социально-культурные условия жизни и труда) условий.

Источники по культурной истории эмоций в СССР первой половины XX века чрезвычайно многообразны. Из тех сохранившихся до наших дней документов, которые могут дать возможность глубоко вникнуть в суть проблемы, необходимо отметить, прежде всего, документы личного происхождения, такие как личная переписка, личные дневники (к сожалению, на практике они редко попадают в руки исследователя), в которых зачастую можно почерпнуть информацию, касающуюся повседневной эмоциональной жизни людей [1]. Кроме источников личного происхождения используется различная делопроизводственная документация научно-исследовательских и учебных учреждений [2] и контролировавших их партийных и государственных структур, личные дела и характеристики, анкеты сотрудников, жалобы, обращения в партийные, профсоюзные и государственные инстанции, а так же материалы периодической и самодеятельной печати. Анализ содержания источников позволяет выделить ряд наиболее болезненных для ученых тем, детерминированных как ситуацией в стране в целом, так и региональной спецификой. Здесь необходимо заметить, что переживания людей не всегда выражались в их интенсивном обсуждении, нередко предпочитая стратегию умолчания.

Большое значение в историографии проблемы имеет вопрос о проявлении эмоций в ходе «жилищного передела», важнейшего инструмента социальной политики большевиков в 1918-1922 годов [3]. Для характеристики эмоционального фона процесса «уплотнения» и перераспределения имущества бывших владельцев квартир, используется методика микроисторического исследования, документальной основой которого являются «мебельные дела» конкретного жилого комплекса в революционном Петрограде, столице Республики Советов. Сочетание в указанных исторических источниках формализованных анкет с сугубо индивидуализированными заявлениями и жалобами дает возможность выявить комплекс чувств людей терявших или наоборот обретавших материаль-

ные знаки социального благополучия, к которым относятся квартиры, мебель, прочие вещи.

В ранней советской действительности реакция на человеческую жадность менялась в зависимости от складывающейся на тот или иной период политической ситуации в стране. В 1918-1920-х годах в контексте эгалитаристских установок «военного коммунизма» весьма характерной была острая реакция власти большевиков на любые проявления индивидуальной алчности. Однако в связи с вынужденным переходом к НЭПу, когда «всеобщая уравниловка» стала тормозом проводимой политики врастания партийной номенклатуры в мирную жизнь, стремление к присвоению чужого имущества на короткое время превратилась в ненормируемую норму повседневности.

Характерным является и изучение истории эмоций граждан СССР по оставленным ими мемуарам. Так «мемуары участников строительства города Магнитогорска и лиц, в разное время его посетивших объединяет тенденция героики в изложении материала, пафоса строительства металлургического завода. В них практически не говорится о трудностях и бытовых проблемах, имевших место на строительстве города, а тем более в стороне остаются чувства, тяжелый труд, сложные бытовые условия, что, однако, не являлось секретом в эпоху советской пропаганды, несмотря на то, что значительная часть сложностей не освещалась в средствах массовой информации. Осторожны были в освещении этих вопросов и большинство авторов дошедших до нас мемуаров» [4].

Прекрасные возможности для изучения истории эмоций представляют материалы студенческих журналов и газет, издававшихся в 1920-е гг. Для студенческих корреспондентов этот период был довольно свободным, а печатные материалы таят в себе богатейшую информацию по эмоциональным коллективным и личностным реакциям, связанным с когнитивной оценкой ситуации. Принятие в 1931 г. норм судебной ответственности за критику социалистического строя привело к обеднению эмоциональной палитры периодики, однотипности выносимых на публику эмоциональных реакций в русле пафоса социалистического строи-

тельства, классовой бдительности и классовой борьбы с «врагами народа». Их анализ вкупе с обращением к воспоминаниям бывших студентов позволяет показать, что процесс сокращения прав человека и гражданина в ходе становления тоталитарного режима сопровождался ограничением права на чувства [5].

В первые годы советской власти некоторые даты революционных событий, безоговорочно преподносились властью как даты чрезвычайно значимые. Особо значимой для всей планеты, по мнению действовавшей власти, являлась дата празднования начала Великой Октябрьской социалистической революции (ныне ее по большей части называют Октябрьским переворотом). Тем не менее, абсолютное большинство населения страны в первое время были не склонны к восприятию этой даты, как какого - то праздничного события. А очень многие люди, причем как внутри страны, так и, в силу разных причин, покинувшие ее, очень хотели вообще эту дату (и само событие) предать полному забвению, так как связанные с ней события полностью разрушили их привычный жизненный ритм и устои. Но были и другие, которые воспринимали ее с воодушевлением, связывая с ней надежды на светлое будущее.

При организации и проведении различных праздничных собраний, конференций, митингов и т.д., властями основное внимание уделялось различным способам влияния на чувственную, эмоциональную сферу массового сознания. Другими словами, целью ставилось внушение населению чувства оптимизма и торжества справедливости у тех, кто терпел много лишений и трудностей при старой власти, внушить веру в собственные безграничные возможности преобразования мира. К слову сказать, подобные мессианские идеи не раз рождались в переломные периоды русской истории, давая эмоциональную подпитку обществу, стремящемуся прийти к состоянию стабильности.

Большим пластом в исследованиях истории эмоций повседневности выступают письма людей во властные структуры [6]. Такой выбор вполне взвешен и связан с тем, что различные формы апелляции советских граждан во власть (к ним относятся письма, заявления, жалобы,

доносы, прошения и пр.) являются своего рода приметой сталинского времени. Однако данная традиция имела глубокие корни в челобитной и петиционной культуре российского общества. Обращения советских людей во властные структуры передавали и их эмоциональный настрой, причем многообразно и разнопланово.

Поставив в центр внимания письма советских граждан во власть, безусловно, стоит иметь в виду распространившееся в современной историографии мнение «о раздвоенности общественного сознания советских людей, когда с одной стороны публично, и во многом даже искренне, выражалась поддержка политики и действий власти. С другой же стороны имело место внутреннее, скрытое, публично не выражавшееся, неприятие проводимой политики» [7]. Насколько эти чувства, действительно, были личными (либо становились таковыми в результате освоения и присвоения определенных нормативных установок, или и вовсе имитировались), – это один из слабоизученных до сих пор вопросов. Приблизиться к его разрешению, по видимому, как раз и позволяет знакомство с письмами советских граждан, адресованными властям, начиная с низовых, местных органов и вплоть до самого высшего звена (в адрес руководителей партии и ее центральных органов власти) [7].

Определенное значение в задаче исследования эмоциональной составляющей имеют официальные документы эпохи, хранящиеся в архивных учреждениях. Для решения подобных задач большое значение имеет источниковедческий анализ архивных документов, в числе которых находятся различные отчеты, доклады, стенограммы, документы органов партийно-государственного контроля ВКП (б) и иные информационные документы [8]. Так, например, в архивах хранится множество контрольных дел членов партии, совершившего целый ряд неблаговидных, по меркам того времени, морально-нравственных проступков, скомпрометировавших его перед партийной общественностью. Эти дела представляют немалый интерес при разработке данной тематики [9]. А их пристальное изучение поможет выявить некоторые характеристики тех эмоциональных проявлений, которые могли быть свойственны людям того времени

[10]. В том числе такая возможность есть и при исследовании некоторых индивидуальных эмоций членов партии, попавших в зону «повышенного внимания» внутренних следственных органов ВКП (б) [11].

Характерным аспектом нового наполнения эмоциональных процессов, в 1920-1930-е гг., усиленно культивируемых властью, стали переживания, вызванные осознанием внедряемых представлений о классовой общности пролетариата и шире всех трудящихся, классовой борьбе как сути исторического процесса. Социально-психологические изменения эмоциональных состояний личности формировались довольно продолжительное время. Одновременно культивировалась, так же постепенно формируясь, и ограничительная эмоция страха.

По мнению специалистов, исследующих историю данной научной проблемы, пока, четко разработанных и апробированных методик исследования повседневности, и связанной с ней культурной историей эмоций пока нет [12]. Но собственный, личный опыт эмпирических исследований данной научной проблемы сам подскажет верные к ним подходы и методы.

Для понимания сущности протекавших и протекающих в обществе процессов, исследование эмоционального фона, эмоциональных побуждений люде имеет большое значение. Эмоциональная составляющая часто определяет мотивацию, послужившую определенным действиям, которые не далеко не всегда могут быть объяснимы с точки зрения рациональных принципов. Человек, его жизнь, являющаяся частью исторического процесса, таким образом, выступает как основная проблема исследования гуманитарного знания. Особенно это характерно в современную эпоху, которая зиждется на «антропологическом повороте», происшедшем в XIX веке, связанным с обращением к человеку как индивиду, конкретной личности, значительным измерением которого является экзистенциальный модус.

Список литературы

1. Еремеева А. Н. Живем мы неважно: Повседневность начала 1920-х годов и переживания научной интеллигенции Юга России // Город и горожане в Советской России 1920–1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.- сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 174–209.

2. Иванцов И. Г. Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 4. С. 99–105.

3. Лебина Н. Б. Алчность «всякому горю начало» (эмоциональный фон «жилищного передела») // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 155–173.

4. Макарова Н. Н. Повседневная жизнь и эмоциональный режим Магнитогорска в годы первых пятилеток // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 344–363.

5. Мирошниченко М. И. Право на чувство: эмоциональная среда студенческой молодежи Урала в 1920-е годы (гендерный аспект) // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей/ред.- сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 210–231.

6. Рожков А. Ю., Мамонтова О. А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в Советской России 1920-х гг. // Общество: Философия, История, Культура. 2019. № 1 (57). С. 85–93.

7. Тажидинова И. Г. Метаморфозы радости, или Письма вождям из провинциальных городов СССР как источник по истории эмоций (1930-е гг.) // Город и горожане в Советской России 1920-1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с. С. 112–154.

8. Иванцов И. Г. Повседневность провинциального города 1920–1930-х гг., культурная история эмоций в документах органов партийно-государственного контроля ВКП (б) // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2 (53). С. 68–72.

9. Иванцов И. Г. Внутрипартийный контроль ВКП (б) в борьбе с хулиганскими проявлениями в среде коммунистов. 1920-е-начало 1930-х гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2011. № 4 (22). С. 26–31.

10. Иванцов И. Г. Теоретические аспекты локальной истории и повседневности провинциального города в раннем советском обществе // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3-4. С. 97–100.

11. Иванцов И. Г. Дальнейшее его пребывание заведующим кофейни считаем нецелесообразным. . . : контрольное дело коммуниста в ракурсе истории эмоций (Геленджик, 1928 год) // Город и горожане в Советской России 1920 - 1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей/ред.- сост. А.Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с.

12. Рожков А. Ю. Провинциальный город как пространство эмоциональной повседневности в 1920-н годы: методологические подходы и проблемы изучения // Город и горожане в Советской России 1920–1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сборник научных статей / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. 384 с.

References

1. Eremeeva, A. N. «We Are Going Not Really Well»: Everyday Life in the Beginning of the 1920s Through the Emotions of Academic Intelligentsia (Intellectual Class) of Southern Russia // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 174–209.

2. Ivantsov, I. G. System of Party Education in the USSR in the 1930s (Based on the North Caucasus materials) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. 2011. No. 4 (88). Pp. 95–100.

3. Lebina, N. B. Avarice «Is the Beginning of All Evil» (Emotional Background of the «housing Front» 1918–1922) // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 155–173.

4. Makarova, N. N. Daily Life and Emotional Mode of Magnitogorsk in the First Five Years // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 344–363.

5. Miroshnichenko, M. I. A Right to Feel: Emotional Area of the Ural Students in the 1920s (Gender Aspect) // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 210–231.

6. Rozhkov, A. Yu., Mamontova, O. A. Letters to the Authorities as a Historical Source of Studies on Students' Social Problems in Soviet Russia in the 1920s // Society: Philosophy, History, Culture. 2019. No. 1 (57). Pp. 85–93.

7. Tazhidinova, I. G. Metamorphosis of Joy, Oral a Letter to the Leaders of the Provincial Cities of the Ussr as a Source of the History of Emotions (the 1930s) // The City

and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 112–154.

8. Ivantsov, I. G. Daily Routine of a Provincial Town in 1920–1930s, the Cultural History of Emotions in Documents of the Party-State Control of the CPSU (b) // The Cultural Life of the South of Russia. 2014. No. 2 (53). Pp. 68–72.

9. Ivantsov, I. G. Inner-Party Control of All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Struggle against Hooliganism among Communists in 1920s — Early 1930s // Bylye Gody. 2011. No. 4 (22). Pp. 26–31.

10. Ivantsov, I. G. Theoretical Aspects of Local History and Everyday Life of a Provincial Town in the Early Soviet Society // Golos minuvshego. 2014. No. 3-4. Pp. 97–100.

11. Ivantsov, I. G. «We Consider His Further Stay as the Head of the Coffee Shop Inexpedient. . . »: the Control Case of a Communist in the View of the History of Emotions (Gelendzhik, 1928) // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 266–277.

12. Rozhkov, A. Yu. Provincial City as the Space for «Emotional» Daily Life in the 1920s: Methodological Approaches and Problems of Studying // The City and Townspeople in Soviet Russia 1920–1930s: World of Emotions and Everyday Practices: Collection of Scientific Articles / edited by A. Yu Rozhkov. Krasnodar: Tradition, 2017. 384 p. Pp. 68–111.

УДК/UDC 165

Существование социальной реальности: нарративы и события

Герасимов Сергей Викторович
кандидат педагогических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий исвязей с общественностью
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: votje82@mail.ru
SPIN-код: 2759-1538

Аннотация

Человеческая цивилизация неразрывно связана с непрекращающимся процессом генерации социальной реальности. Социальная реальность возникает в пространстве публичных коммуникаций, ее создание, сохранение и изменение являются результатом деятельности отдельных людей и социальных групп. При этом социальная реальность представляет собой в т. ч. систему передачи коллективного опыта и обучения новых участников. Возникает динамическая система взаимного влияния социальной реальности и общества. Люди придают значения и смыслы сущностям и событиям, создают конвенциональный мир знаково-символического пространства для удовлетворения потребностей членов социума. Создание и существование социального пространства происходит в языковой среде, состоящей из речевых актов, перформативов. В статье рассматривается вопрос о том, какую роль играют события и нарративы в процессах концептуализации образа мира, создании, изменении и сохранении социальной реальности, а также в структурировании системы правил, применении этих правил, создании логических связей и практическом существовании социальной реальности.

Ключевые слова: перформативы, нарративы, социальная реальность, смыслообразование, публичные коммуникации, текст, событие.

The Existence of Social Reality: Narratives and Events

Gerasimov Sergey Viktorovich
Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of Communication Technology and Public Relations
Saint Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: votje82@mail.ru
SPIN Code: 2759-1538

Abstract

Human civilization is inextricably linked with the ongoing process of generating social reality. Social reality arises in the space of public communications. Its creation, preservation, and changing are the result of the activities of individuals and social groups. Moreover, social reality is also a system for transferring collective experience and training new participants. A dynamic system of mutual influence of social reality and society arises. People attach meanings to entities and events, create a conventional world of sign and symbolic space to meet the needs of the members of the society. The creation and existence of a social space takes place in a linguistic environment which consists of speech acts, performativities. The article examines the role of events and narratives in the processes of conceptualizing the image of the world, of creating, changing, and preserving social reality, as well as in structuring the system of rules, applying these rules, creating logical connections, and practical existence of social reality.

Key words: performatives, narratives, social reality, semantic formation, public communication, text, event.

Социальная реальность создается, сохраняется, репродуцируется и распространяется в пространстве публичных коммуникаций. Действительность формирует социальную реальность через рефлексию отдельных людей и рефлексию групповую. Этот процесс происходит непрерывно, обновляясь вслед за изменением связей сущностей и событий, происходящих в действительности. Система коммуникаций в публичном пространстве связана с удовлетворением потребности социума в совместной

деятельности, генерацией и трансформацией ценностно-нормативной системы, групповой реакцией на события, сохранением и передачей индивидуальных и коллективных опытов. Система публичных коммуникаций в идеальном случае представляет собой пространство, где каждый желающий может выступить в роли автора, критика, читателя, пересказчика и т. д. Подобная конструкция представляет собой открытую сетевую систему, в которой интегрированы каналы обмена, обработки, перераспределения, хранения и трансляции информации. «Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, т. е. используют аналогичные коммуникационные коды» [1].

Основу современной дискуссии по созданию социальной реальности составили произведения Ф. Бэкона, Т. Дезами, Э. Кабе, Т. Кампанеллы, Дж. Локка, Дж. Милля, Т. Мора, Р. Оуэна, Ж. Ж. Руссо, К. Сен-Симона, А. Смита, Ш. Фурье, Д. Юма. В XX в.и в новейшей истории можно отметить работы Дж. Агамбена, Дж. Бьюкенена, Т. Веблена, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, А. Камю, Т. Куны, П. Курца, И. Лакатоса, Б. Латура, Дж. Мура, Ж. П. Нанси, К. Поппера, В. Райха, Дж. Серля, Э. Тоффлера, Э. Фромма, М. Фуко, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, Р. Холмса, Т. де Шардена, Л. фон Штейна, К. Ясперса и др. Среди сочинений русскоязычного пространства необходимо отметить работы М. М. Бахтина, С. Т. Золяна, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, А. А. Леонтьева, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, Ю. М. Лотмана, В. В. Розанова, В. С. Соловьева, Г. Л. Тульчинского, Н. Ф. Федорова, С. Л. Франка, Г. Г. Шпета, М. Н. Эпштейна и др.

Постоянный генезис социальной реальности возможен благодаря двум областям: ядру и периферии. Периферия находится в постоянном изменении, связанном с изменением действительности и изменением отношения социума к действительности под воздействием многих факторов, например научный прогресс, социально-культурное развитие, катаклизмы, войны и другие потрясения. Ядро социальной реальности содер-

жит отобранный и осмысленный опыт социальной группы, концепт реальности. Такое ядро аккумулирует в себе основные поведенческие паттерны, при этом оно максимально консервативно. Описание концепта реальности можно найти у многих исследователей.«Концепты возникают в сознании человека не только как “намеки на возможные значения”, “алгебраическое их выражение”, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д.» [2]. Существенна связь концепта реальности с языком как с необходимым условием ее существования [3]. М. М. Бахтин обращал внимание на то, что хранение информации и обработка своего и чужого опыта человеком, его «дух» представляются в форме текстов. Человек европейской культуры мыслит, создает знание и ценности через текстовую форму. «Дух (и свой, и чужой) не может быть дан как прямой объект естественных наук, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» [4]. Формирование текста происходит через личностное и коллективное осмысление событий, протекающих в действительности и отражающиеся в социальной реальности.

Термин «событие» как источник изменения и совершенствования социальной реальности используется всеми науками (гуманитарными, естественными и точными) и имеет много вариантов определения. В этом смысле событие - один из главных элементов смысловой картины мира, отвечающий за ее онтологическое основание [5]. Процессы осмысления действительности предполагают построение различных текстов: описаний, нарративов, баз данных, зависимостей, основную роль в которых играют конкретные события.

В процессах конструирования социальной реальности событийный ряд служит источником развития социальных сюжетов. Например, расположение событий в нарративной последовательности соотносится с историческим процессом и историей, при этом история понимается и как наука, и как отдельно взятый сюжет. События служат опорными точками и метрикой социальному пространству. Социум в создании текстов

использует время, часто обозначая его до события, после события, между событиями и т. д. На событийном пространстве рассматриваются процессы развития социальной реальности, ее анализ, создание ценностно-нормативных моделей, концепта. Все сферы человеческого общества развиваются с помощью и благодаря событиям, которые обращают на себя внимание, создают коллективную память, вырабатывают общественное мнение, фиксируют картину мира. Событие как явление, формирующее социальный опыт группы, рассмотрел А. Бергсон [6]. А. Н. Уайтхед предложил рассматривать события как основной элемент строительства реальности, как пространственно-временные происшествия [7]. Б. Спиноза представил события как причинно-следственную основу пантеизма, он утверждал, что в этом мире не существует ни одной реальности, ни одной формы, единицы и элемента, у которой бы отсутствовала событийность [8]. Бергсон через понятие «Durée» (протяженность, длительность), а Хайдеггер [9] через «Dasein» определяют событие как являемость бытия, как «вот-бытие» или «здесь-бытие». «Событие не принадлежит к порядку реальности. Мысль здесь ориентируется на отличие события от его текущей имитации, которую можно назвать фактом... Событие есть то, чего недостает фактам, и то, что задает этим фактам истинность» [10]. С точки зрения М. Ю. Лотмана, событием в тексте является «перемещение персонажа через границу семантического поля» [11]. В понимании Аристотеля [12] событие представляет собой сущность, описывающую изменение в наборе наблюдаемых параметров других сущностей, и имеет свои идентификаторы - имена, уникальность и значения.

Возникающие события согласно Аристотелю могут становиться модальностями в тех случаях, когда возникает управляемый процесс, требующий подготовки, организации, проведения, завершения, переживания и т. д. Если рассматривать событие как сигнал, то оно определяется наличием передачи и приема некоторого множества знаков, упорядоченных в определенную систему. В этом случае событие характеризуется созданием парного множества, состоящего из источника и получателя сигнала. В случае социальной реальности восприятие сигнала идет че-

рез регистрацию его в пяти органах чувств, а также с помощью приборов, позволяющих выйти за пределы перцепции. В качестве простого события может выступать любой символ: дорожный знак, пароль, звук, движение и т. д. Под описание события как сигнала попадает неограниченное количество процессов. Для того чтобы сигнал стал событием, необходимо присутствие в системе источника и получателя сигнала. При этом принимающий обязан сигнал идентифицировать, релевантно перевести его в словесную смысловую форму, сопоставить с существующими нарративами. Естественные науки оперируют термином «сигнал» в тех случаях, когда речь идет о значимом изменении параметров системы, противопоставляя его процессам незначимым и фоновым.

Событию присваивается некоторый знак, который обязательно должен быть связан с другими событиями и сущностями через время и пространство и тоже знаковым способом. В результате конструируется последовательная система знаков, упорядоченная в пространстве и времени и читаемая всеми членами социума. Связь между действительностью и пространством, созданным из знаков, зависит от уровня развития общества, мастерства персонажей, создающих текст. Все процессы, протекающие в пространстве публичной коммуникации, возможны только за счет памяти. Память выступает, с одной стороны, как хранилище предыдущего опыта, процессов реакции на новые сущности и события и, с другой стороны, как фиксатор конечного результата, в основе которого находятся события. Как заметил Ницще, «опыт возможен только благодаря памяти; память возможна только благодаря сведению духовного события к знаку» [13].

Событие в процессе создания текста можно рассматривать с нескольких позиций. Прежде всего события бывают знакомыми по предыдущим историческим эпизодам. Такие события попадают в пространство коллективного сознания и проходят сравнение с прошлыми событиями, реакциями на эти события, поведенческими паттернами, выводами и т. д. Процесс собирания и классификации событий и реакций на них заканчивается определенными выводами. Эти выводы служат

основой для рекомендаций и принятия решений в будущем, для этого они упаковываются в законы, правила, кодексы, артикулы, советы и пр. Человек или группа людей в поисках правильного решения возникающих ситуаций ищут и находят соответствие события прежнему опыту, после чего поступают, отталкиваясь от написанного нарратива. В других случаях, когда соответствующего совета, рекомендации, готовой рефлексии у социума нет, приходится запускать алгоритм создания такого нарратива, который бы связал новое событие, наблюдаемое в публичном пространстве, с прошлыми опытами, объяснил бы происходящие и выработал бы рекомендации по оптимальной рефлексии. Создание текста как основы социальной реальности, инициированное возникновением события, должно быть наблюдаемо прямо или косвенно всеми членами социума. Возникает ситуация, представляющая собой значимое для социальной реальности изменение состояния. Социальная реальность отражает действительность неточно, с некоторой ошибкой. Это связано с несовершенством восприятия и понимания реальности людьми и обществом. Социальная реальность стараниями ее участников стремится предельно точно описать действительность, тем не менее постоянно появляются новые открытия, события и смыслы, показывающие различие между конвенциональным миром социальной реальности и действительностью.

Общий алгоритм конструирования новой реальности состоит из нескольких этапов. В нулевой стадии конструирования присутствует культура как система отобранных тысячелетиями персональных и коллективных опытов, алгоритмов реакций и коллективного принятия решений. Эту систему в каждого приходящего члена социума загружают в первую очередь. До такой загрузки человек не считается полноценным участником социальной реальности. Мы можем это наблюдать в процессах обучения и инкультурации детей. Ребенку для вхождения в социум требуется сдать экзамен на «зрелость», продемонстрировать полноценное понимание предыдущего опыта. Другой пример: иностранец как представитель другой культуры должен пройти обучение, сдать

формальный или неформальный экзамен на понимание социальной реальности того социума, в котором он планирует быть. Процессы самоконтроля социума, постоянные тесты на соответствие общему мнению уходят корнями в животную стадную, стайную природу человека [14], обеспечивают социальную и физическую безопасность. Источником формирования нового элемента социальной реальности может послужить событие природного или антропогенного характера. Под его воздействием происходит эмоциональный всплеск [15], возникает необходимость обсудить персональные реакции и сложить из них коллективную. Причины эмоциональной реакции могут быть различными, самые основные продиктованы животными рефлексами, связанными с домом, семьей, пищей, сексом, безопасностью. При этом реакция может быть различная по эмоциональному значению: об безразличия до паники. Процессы складывания коллективного решения опираются на алгоритмы персонального восприятия. Эти процессы подробно описаны многими исследователями, например А. Г. Черняковым [16]. В зависимости от индивидуального уровня развития каждого члена социума, их персонального опыта создается множество реакций на сигнал. Далее обработка сигнала проходит различные пути, и эти пути - функция, зависящая от типа социума. В идеальном обществе, где все члены равны по уровню развития и все пользуются коллективным опытом, равнодействующая возникает в результате коллективного обсуждения и математического ожидания случайной величины индивидуальных реакций. В реальной жизни уровни персонального опыта различны, как различны доступы к информации, связанные с возрастной и социальной стратификацией. В реальном обществе социальная реальность у каждого своя, также как и реальность личная. В таком случае понятие социальной реальности - это условное понятие, поскольку фактически происходит сплит реальностей, которые частично пересекаются. Место такого пересечения и есть постоянно обновляющаяся конвенциональная концептосфера. В алгоритме конструирования реальностей возникшая синхронность восприятия конкретного события или сущности требует коллективной памяти, относительно ко-

торой происходит оценка новых событий. Коллективная память должна обладать большой инерцией, чтобы не находиться в состоянии постоянной трансформации в результате внесения в нее незначительных для выживания социума событий. Такие незначительные события отсеиваются и не сохраняются. При этом коллективная память должна обладать механизмом внесения в нее значимых событий и исключению незначимых, благодаря чему сохраняется ее релевантность действительности, обеспечиваются эволюция и совершенствование. Такой памятью могут служить различные объекты культурной сферы [17], в т. ч. и тексты. Текст является результатом и формой речи, а речь является реализацией языка.

Знак и текст являются особенной формой памяти. Они составляют возможность существования социальной реальности, благодаря связанности в них сущности и события в пространстве и времени они связаны с действительностью как модель и ее верификация. Созданная модель или основа социальной реальности прописывает правила бытия элементов, составляющих множество социума. При этом как само общество, так и каждый его индивид в каждый момент своего осознанного или бессознательного бытия верифицирует отдельно взятый элемент основы и приводит его в соответствие с действительностью. Это наглядно проявляется в любой игре. Есть правила, приемы, игровая логика, а есть реальный игрок в реальном пространстве, решающий с помощью своих органов восприятия действительности реальную задачу. Подобный зазор существует между правилами поведения, законами, уставами, артикулами и реальной практикой поведения граждан. В силу конвенциональности публичных нарративов они воспринимаются как факт, как закон, как норма, как ценность. Но между нарративом и реальностью всегда существует дистанция, связанная с особенностями индивидуального или группового восприятия реальности и самой реальностью. В нарративном отражении реальности событие или сущность обретают незаконные права «реального события», подтвержденного коллективным согласием. Текому отражению приписывается значение «истинное», и оно входит в состав ядра социальной реальности. Таким образом, зазор между дей-

ствительностью и ее отражением - социальной реальностью - зависит от точности содержания объема знания в знаке, последовательности и расположения знаков во времени и пространстве. Как бы точны ни были авторы, всегда возникающий зазор представляет собой основу для вариативного толкования текста, следовательно, дает место для реализации индивидуальной и групповой интенции, манипуляции [18].

С точки зрения Дж. Серля, людям, как и некоторым животным, свойственна интенциальность действий, которые он называет агентивными (явными) и неагентивными (латентными), при этом коллективные интенции связаны с совместным опытом достижения желаемой цели [19]. Подобных взглядов придерживаются также М. Хайдеггер и Э. Гуссерль. Поскольку социальная реальность стремится к действительности, но никогда ее не достигает, то это повод для перестройки старого восприятия и место для фейковых реальностей. Г. Г. Почепцов утверждает: «Вбрасываемая в массовое сознание сконструированная информация формирует схемы восприятия иных последующих сообщений. Им уже труднее пробиться, поскольку сформированы определенного родаинформационные фильтры» [20].

В наррации присутствует пропозиция, жизненный опыт и перформатив автора [21]. Возникающая неоднозначность, зазор в интерпретации действительности становятся основой для идентификации личности и группы, группы и общества. В этом пространстве возникают художественные произведения: литература, кино, театр, игры и пр. [22]. Социально-культурная сфера представляет собой (в отличие, например, от деловой сферы) наиболее субъективное отражение действительности социальной реальностью. Но при этом в этом фантазийном, художественном пространстве могут возникнуть описания желаемого будущего, некоторые идеи и идеалы, по отношению к которым будут себя ориентировать и отдельные персонажи, и группы персонажей. Интенция создает ценности и создается ценностями. Таким образом, в зазоре между действительностью и реальностью создаются глубоко интенциональные теории социальной справедливости (например, Дж. Адамса или Дж. Ролза). По мере

одобрения кристаллизации таких интенций в социальной памяти они институциализируются и становятся заповедями, законами. Пространство между концептом реальности и реальностью может содержать несколько противоречивых векторов консолидации [23], между которыми создается территория для маневрирования. Все то, что не смогло оформиться в виде императивов, может надолго остаться в латентной форме, в архетипическом сознании в виде легенд, анекдотов, поговорок, былин, мифов. В этом месте сочетаются контрадикторные понятия, формируются бренды, фантазийные сюжеты вымышленной истории, технологии soft power, такие как символическая политика [24].

В реальном социуме конструирование социальной реальности происходит в условиях взаимного влияния интенций отдельных лидеров или групп людей (об этом подробно изложено в работах Ф. Брентано, Э. Гуссерля, Дж. Серля и других исследователей [25]). В результате этого в текстах проявляется манипуляция - перформатив. Эта манипуляция преследует различные цели: обучение и инкультурацию новых членов в социум, обеспечение оптимизации производства и распределения товаров и услуг, захват и удержание власти или жизненных ресурсов и т. д.

Как было показано, конструирование социальной реальности связанно с речью и текстом. Они создаются отдельными авторами, группами авторов и выносятся на публичное обсуждение. Обсуждение в публичном пространстве переплавляет отдельные идеи и сюжеты в единую, непротиворечивую картину мира. Процесс создания социальной реальности - явление, происходящее в публичном пространстве, источником которого становятся события в действительности, а результатом - дескриптивное определение окружающего мира. Это совместная работа, попытка договориться о единой перцепции и рефлексии. Как уже было сказано, действительность и социальная реальность следуют друг за другом, как оригинал и оттиск. Когда нельзя построить непротиворечивую картину мира, сочетать и объяснять явления в окружающем пространстве, наррация переходит в мифотворчество, создавая желаемые реальности с желаемой логикой взаимодействия сущностей и событий. Это может

быть фантастическая, игровая, мифологическая, религиозная, трансцендентная и другая реальность. Эта гибкость и универсальность наррации позволяет интегрировать желаемые несуществующие свойства в социальную реальность и придавать им свойства факта. В результате селекции различных сюжетов, множественных возвратов, повторов, уточнений коллективное описание реальности может локализоваться в кратких поучительных рассказах, историях, приводящих реальные и фантастические примеры поведения в реальных и фантастических обстоятельствах (сказки, мифы, былины, священные писания и пр.). Новые события в реальной жизни через такую абсорбцию обогащают нарративы и язык новыми опытами и словами, знаками, устойчивыми оборотами речи. Малоиспользуемые примеры, знаки или сюжеты постепенно выводятся из активного центра языка и выходят их употребления. Результатом длительной селекции и выдержки становится текст как инструкция для обучения и воспитания на другом примере.

Возникшие в результате такой переплавки нарративы принимаются обществом за основу дальнейшей генерации реальности, опору для выстраивания нормативно-ценностных поведенческих паттернов отдельно взятых людей и общества в целом. Каждый участник социума неизбежно начинает мыслить словами и текстами публичных нарративов. При этом у некоторых членов социума возникают наррации, отличные от групповых, но в любом случае публичные нарративы вносят свой вклад в формирование личного мировоззрения. «Нарративы играют ключевую роль в смыслообразовании, социально-культурных практиках, формировании идентичности личности» [26].

Наличие перформативного начала в наррации определяет его явную или латентную цель - привести слушателя, зрителя, читателя к определенному состоянию выбора и подтолкнуть его к принятию необходимого решения.

Нарратив после социального одобрения становиться каноном, идентификатором конкретного социума, его коллективной подписью под изложенном в нем наборе норм и ценностей. Нарратив после принятия

замораживается, становится неприкосновенным для внесения корректив в его форму или содержание, сакральным, поскольку любой автор, попытавшийся изменить подобный текст, бросает вызов всему консолидированному обществу. Нарратив становится отправной точкой в спорах, примером для обучения, к нему обращаются за решением ежедневных вопросов, его используют в упрощенном виде как инструкцию к поступку. Алгоритм создания смыслообразующего повествования можно представить в виде последовательности «событие — реакция — возникновение ситуации — сравнительный анализ — синтез — заключение — нарратив». В алгоритме создания перформатива часто используются сокращенные рассуждения - энтимемы и эпихейремы, редуцирующие полный процесс нарратогенеза до алгоритма «событие - совет». Происходит генерация рекомендаций, экономящих время и мыслительные процессы. Поэтому нарративы и содержащиеся в них перформативы востребованы, они создают эргономический путь, избавляют индивида и социум от выбора. В случае когда принятый нарратив нарушается отдельно взятым персонажем или группой лиц, общество выражает ему свое недовольство, порицание и даже преследует его в рамках закона. Поэтому управление наррацией напрямую связано и с polices, и с politics.

Конструирование социальной реальности - постоянно обновляющийся процесс, необходимый для цивилизованного существования общества. Поскольку этот процесс существует только в пространстве публичных коммуникаций, главное его свойство -это существование внутри социальной семиотики, в частности в языке, речи, тексте. При этом текст представляет собой основную форму существования социальной реальности. Нарративы - это многофункциональный инструмент, но основной его задачей является постоянное отражение действительности и строительство социальных реальностей. Нарративы обладают большими возможностями в силу их внутреннего перформативизма. Таким образом, события и нарративы связывают действительность и социальную реальность на том понятийно-смысловом уровне, на котором существует конкретный социум. В силу этого одни и те же события могут иметь в

истории разные смыслы, например восход Солнца до открытия Галилея и после.

Нарратив формирует коллективное восприятие действительности, законы, интенции, алгоритмы принятия решений, нормирует поведенческие паттерны, делит воспринимаемый мир на «важное» и «второстепенное». Общественное мнение, закрепленное в нарративах, определяет новостной потенциал события, голосуя своим вниманием или игнорированием. Наррация определяет и генерирует социальную реальность, которая, в свою очередь, определяет наррацию, замыкая круг.

Список литературы

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 494–505.

2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147–165.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

5. Герасимов С. В., Тульчинский Г. Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 3. С. 5–24.

6. Bergson, H. The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics. New York: Philosophical Library, 1946. 252 p.

7. Whitehead, A. N. Essays in Science and Philosophy. New York: Philosophical Library, 1947. 348 p.

8. Спиноза Б. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Изд. 2-е. СПб.: Наука, 1999. 629 с.

9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: AdMarginem, 1997. 452 с.

10. Бадью А. Метаполитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с. С. 53–54.

11. Лотман М. Ю. Структура художественного текста. М.: Издательство «Искусство», 1970. 383 с.

12. Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологи и истории св. Фомы, 2006. 232 с.

13. Ницше Ф. Черновики: июнь-июль 1885 / Под ред. А. А. Гусейнова // Собр. соч. В 13 т. М.: Культурная революция, 2013. Т. 11. 537 с.

14. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.

15. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

16. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб: Изд-во ВРФШ, 2001. 460 с.

17. Тульчинский Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны. Философские науки. 2015. № 5. С. 24–33.

18. Gerasimov, S. Development of manipulation technologies. Philosophy of Science. 2016. Vol 83. No. 5. Pp. 1523–1532.

19. Серль Дж. Р. Конструирование социальной реальности / пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 242 с.

20. Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. М.: СИНТЕГ, 2000. 180 с.

21. Герасимов С. В. Формирование нарратива из перформатива в публичных коммуникациях // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 1. С. 34–49.

22. Gerasimov, S., Tereshchenko, P. Public narratives in modern Russian cinematography // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 32–47.

23. Герасимов С. В. Векторы концептуализации реальности // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 107–116.

24. Герасимов С. В. Инструменты формирования символической политики // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 77–83.

25. Современная социальная философия / Под общ. ред. Т. Х. Керимова. Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2016. 156 с.

26. Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 175–193.

References

1. Castells, M. Formation of the Society of Network Structures // New Post-Industrial Wave in the West. Moscow, 1999. Pp. 494–505.

2. Likhachev, D. S. The Conceptosphere of the Russian language // Essays on the Philosophy of Art. St. Petersburg: Blits, 1999. Pp. 147–165.

3. Berger, P., Luckmann, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium, 1995. 332 p.

4. Bakhtin, M. M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.

5. Gerasimov, S. V., Tulchinskiy, G. L. Events as a Semantic Framework for the Construction of Reality: the Prospects of a Transition to a Dynamic Ontology // Slovo.ru: Baltic Accent. 2018. Vol. 9. No. 3. Pp. 5–24.

6. Bergson, H. The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics. New York: Philosophical Library, 1946. 252 p.

7. Whitehead, A. N. Essays in Science and Philosophy. New York: Philosophical Library, 1947. 348 p.

8. Spinoza, B. Works. In 2 vols. Vol. 2. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka, 1999. 629 p.

9. Heidegger, M. Being and Time. Moscow: AdMarginem, 1997. 452 p.

10. Badiou, A. Metapolitics: May a Politician Think? A Brief Treatise on Metapolitics. Moscow: Logos, 2005. 240 p. Pp. 53–54.

11. Lotman, M. Yu. The Structure of the Literary Text. Moscow: Iskusstvo, 1970. 383 p.

12. Aristotle. Metaphysics. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, 2006. 232 p.

13. Nietzsche, F. Drafts: June—July 1885 / Edited by A. A. Guseynov // Works. In 13 vols. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 2013. Vol. 11. 537 p.

14. Rizzolatti, G., Sinigaglia, S. Mirrors in the Brain: How Our Minds Share Actions, Emotions, and Experience / Translated from English by O. A. Kurakova and M. V. Falikman. Moscow: LRC Publishing House, 2012. 208 p.

15. Inglehart, R. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Moscow: Mysl, 2018. 347 p.

16. Chernyakov, A. G. Ontology of Time. Being and Time in the Philosophy of Aristotle, Husserl, and Heidegger. St. Petersburg: St. Petersburg School of Religion and Philosophy, 2001. 460 p.

17. Tulchinsky, G. Historical Memory in the Symbolic Politics and Information Wars. Russian Journal of Philosophical Sciences. 2015. No. 5. Pp. 24–33.

18. Gerasimov, S. Development of manipulation technologies. Philosophy of Science. 2016. Vol 83. No. 5. Pp. 1523–1532.

19. Searle, J. R. The Construction of Social Reality. St. Petersburg: Piter, 1999. 224 p.

20. Pocheptsov, G. G. Informational and Psychological War. Moscow: SINTEG, 2000. 180 p.

21. Gerasimov, S. V. The Formation of the Narrative and the Performative in Public Communication // Slovo.ru: Baltic Accent. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 34–49.

22. Gerasimov, S., Tereshchenko P. Public narratives in modern Russian cinematography // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 32–47.

23. Gerasimov, S. Vectors of the Conceptualization of Reality // Human. Culture. Education. 2017. No 3 (25). Pp. 107–116.

24. Gerasimov, S. V. The Formation of Symbolic Policy Tools // Sociopolitical Sciences. 2016. No. 2. Pp. 77–83.

25. Modern Social Philosophy / Edited by T. Kh. Kerimov. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2016. 156 p.

26. Tulchinskii, G. L. Estimating and Emotional Factors for Meanings Generation: Normative-Value Patterns of Cultural Narratives // Human. Culture. Education. 2018. No. 4 (30). Pp. 175–193.

УДК/UDC 123

Справедливость как альтернатива свободе в реалиях российского социума

Гузынин Николай Гаврилович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории
Ставропольский государственный аграрный университет
г. Ставрополь, Россия
e-mail: gng49@yandex.ru

Аннотация

В статье показано соотношение понятий справедливости, равенства, свободы применительно к историческим и социальным реалиям российского общества. При этом они рассматриваются не только как понятия, но и как фундаментальные ценности российского социума. Понятия справедливость, равенство, свобода представлены в срезах двухуровневого рассмотрения: гносеологического и онтологического. На гносеологическом уровне свобода и равенство рассматриваются как понятия-антагонисты, а справедливости отводится очень значимая медиативная роль. На онтологическом уровне эти понятия рассматриваются как наиважнейшие ценности российского социума. Автор акцентирует внимание на существенные несоответствия между онтологическим и гносеологическим уровнями в понимании этих понятий и их практическим приложением в исторических и социальных реалиях как целеполагающих ценностей российского социума. В статье отмечается необходимость снятия антагонизма в оппозиции «справедливость — свобода» и утверждения на уровне общества понимания того, что справедливость без свободы несправедлива, а справедливость справедлива лишь в союзе со свободой. В заключении статьи формулируется в качестве главной мысли сентенция о необходимости современному российскому обществу ради реализации в будущем проекта цивилизационного прорыва осуществить переход от конфронтационной модели «справедливость вопреки свободе» к модели «справедливой справедливости на основе свободы».

Ключевые слова: свобода, справедливость, равенство, государство, альтернатива, патернализм, ответственность, вольница, ценность, культура, менталитет.

Justice as an Alternative to Freedom in the Realities of Russian Society

Guzynin Nikolay Gavrilovich
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy and History
Stavropol State Agrarian University
Stavropol, Russia
e-mail: gng49@yandex.ru

Abstract

The article shows the correlation between the concepts of justice, equality, and freedom in relation to the historical and social realities of Russian society. At the same time, justice, equality, and freedom are considered not only as concepts, but also as fundamental values of Russian society. The concepts of justice, equality, and freedom are presented in sections of two-level consideration: epistemological and ontological. At the epistemological level, in relation to the above concepts, freedom and equality are considered as antagonistic concepts, and justice has a very significant mediative role. At the ontological level, these concepts are considered as the most important values of Russian society. The author focuses on significant discrepancies between the ontological and epistemological levels in understanding these concepts and their practical application in historical and social realities as goal-setting values of Russian society. The article notes the need to remove the antagonism in the opposition "justice—freedom" and affirm at the level of society the understanding that justice without freedom is unfair, and justice is just only in union with freedom. In the conclusion of the article, as the main idea, the author formulates a maxim about the need for modern Russian society to make a transition from the confrontational model of "justice in spite of freedom" to the model of "fair justice based on freedom" in order to implement the project of civilizational breakthrough in the future.

Key words: freedom, justice, equality, state, alternative, paternalism, responsibility, freedom, value, culture, mentality.

В российском обществе существует консенсусный запрос на справедливость, которая воспроизводится в качестве исторической интенции российского социума. И если в прошлом тяга к справедливости исхо-

дила «снизу» из глубин пластов русского этноса и не была оформлена «сверху» в официальную путеводную идею, то в постсоветской России справедливость очень часто рефлексируется и на этническом, и на государственно-властном уровнях как национальная идеологема. Вопреки сказанному, России не удалось избежать печального исторического парадокса, заключающегося в большом разрыве между неуемным страстным желанием «жить по справедливости» и повсеместным столкновением простого человека с каждодневной несправедливостью. Этот разрыв между должным и сущим, несмотря на многочисленные заявления властей о необходимости его преодолеть, в различных точках временного исторического пространства не только не устранен, но даже в последние десятилетия достиг еще более значимых масштабов. В этой статье предпринимается попытка осознать не только истоки несправедливости в России, но и возможные пути хотя бы частичного восстановления попранной справедливости и корреляцию справедливости, равенства и свободы.

Понятно, что фанатичное упование на устроение в земной жизни абсолютного счастья и справедливости всегда оказывалось несбыточной иллюзией. Вот что по этому поводу думает С. Л. Франк: «История человечества есть история последовательного крушения его надежд, опытное изобличение его заблуждений... Всечеловеческая жизнь есть тяжкая опытная школа, необходимая для очищения нас от иллюзий всечеловеческого счастья, для обличения суетности и обманчивости всех наших упований на воплощение в этом мире царства добра и правды, всех наших человеческих замыслов идеального общественного самоустроения» [1].

В соотношении понятий «равенство», «справедливость», «свобода» понятие справедливости занимает срединное местоположение, выполняя роль связующего звена между равенством и свободой. Во многих отношениях равенство и свобода являются понятиями-антиподами. Между этими понятиями может существовать частичное совпадение, проявляющееся в том, что не может быть свободы между различными члена-

ми социума без утверждения относительного равенства возможностей в социально-экономическом и политико-правовом отношениях. Несомненным является то, что за аналогичные свободно свершаемые действия и поступки люди должны нести равную правовую ответственность. Справедливость, выполняя медиативную роль, выступает в качестве критерия правильного использования равных возможностей для свободной самореализации людей и степени их одинаковой ответственности за свершаемую деятельность. В различных обществах распространенной причиной неодинаковой свободы их акторов является отсутствие равных правовых возможностей для ее реализации. Смысл и существо правовой формы бытия и выражения свободы определяются через независимость субъектов друг от друга в рамках правовой формы их взаимоотношений и одновременно их одинаковой, равной подчиненности общей норме.

Справедливость - понятие о надлежащем, включающее в себя требования соответствия деяния и воздаяния, прав и обязанностей, труда и вознаграждения, утверждающего признание заслуг человека. Справедливость всегда представляет идею должного порядка вещей. Этимологически близким справедливости выступает понятие «равенство». Наряду со справедливостью равенство исконно выступало в качестве стремления к достижению социального идеала. Неслучайно на знамени Великой французской буржуазной революции были записаны слова: «Liberté, égalité, fraternité». В французской «Декларации прав человека и гражданина», принятой в 1789 г., утверждается мысль о естественном и неотчуждаемом характере прав человека, выраженная в сентенции «люди рождаются и пребывают свободными и равными в правах». Во «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН в 1948 г., как в естественной продолжательнице французской «Декларации прав человека и гражданина» указывалось, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Эти великие декларативно-правовые документы контрастируют с исторической реальностью. С точки зрения мечтаний, конечно, все должны быть равны с момента факта рождения, но так ли это на самом деле? Несомненно, человек, родив-

шийся в семье мультимиллионера или высокопоставленного чиновника, будет обладать принципиально иными возможностями реализации формально одинаково установленных для всех прав, чем люди, родившиеся в семье уборщицы или вахтера. Существенно различные социально-экономические, политико-правовые, духовно-культурные условия существования людей обуславливают не только неодинаковые возможности реализации их прав, но и наличие неодинакового набора этих прав.

Нельзя отождествлять понятия «справедливость» и «равенство», но и неправомерно не видеть между ними определенного совпадения. Общей точкой соприкосновения между ними в идеале является необходимость предоставления всем людям одинаковых условий и возможностей для проявления своих способностей и различных способов самореализации. Совпадают справедливость и равенство и с точки зрения стремления к надлежащему наделению всех членов социума равными правами. В обществе потенциально возможное совпадение равенства и справедливости как формальное наличие одинаковых прав, условий и возможностей для существования и жизнедеятельности членов общества всегда вступает в острое противоречие с действительностью, в которой проявляется неравное и несправедливое распределение этих жизненно важных прав, возможностей и условий бытия людей.

Ну и самой важной точкой бифуркации справедливости и равенства уже не в объективном, а в субъективном плане является то, что члены общества не могут априори биологически, психологически, интеллектуально, духовно-культурно, деятельностно быть равными друг другу. Как показывает советский эксперимент, марксистско-ленинская идеология, осуществляемая во имя равенства на земле, неминуемо вела советское общество от естественного многообразия к искусственному однообразию, оборачивающемуся жестоким и несправедливым вызовом против уникальной природы и сущности человека, сводящим субъективно неравных людей в извращенное состояние равенства. К тому же необходимо иметь в виду, что равенство тяготеет к количественной пропорциональности и качественной одинаковости всего сущего, в то время как

справедливость стремится к утверждению качественного многообразия, реализации в соответствии с неодинаковыми возможностями людей разнообразной действительности, воплощению должного исходя из сущего и оценке сущего посредством должного.

В калейдоскопе различный явлений и событий в течение длительного времени в России традиционно проявляет себя инверсия справедливости и равенства. Исторически сложившийся общинный уклад жизни русского этноса неминуемо порождал эгалитарную психологию, проявляющуюся в обычаях, традициях, поступках, действиях по принципу «жить так, как все». Такое ментальное восприятие справедливости устанавливало подчинение единичного общему, индивидуального коллективному. Тем самым утверждался высший принцип справедливости применительно к России, выражающийся в примате общего над единичным, принижении человеческого по отношению к социальному. При таком подходе любые формы индивидуальной оригинальности и человеческого своеобразия в досоветский и в особенности в советский периоды российской истории подвергались остракизму и нивелировке. «Горе от ума» испытывали люди талантливые и наделенные высоким интеллектом. Дискомфортно чувствовали себя те, кто был неординарен и оригинален в своих мыслях, действиях и поступках, т. к. обстановка в социуме делала жизнь комфортной для тех, кто «не высовывался». Общинно-коллективистское понимание справедливости отождествлялось с социальным равенством, основанном на равномерно-распределительном механизме социальных благ. Крайней формой выражения справедливости, воспринимаемой в первоначальный советский период как социальное равенство, явилась формула Н. И. Бухарина «грабь награбленное». Извращение справедливости и низведение ее до уровня уравниловки глубоко укоренилось в менталитете русского человека, и рецидивы понимания справедливости в виде «отобрать и распределить» широко представлены в качестве отголосков прошлого в сознании современного россиянина. Такой путь сиюминутного проедания «во имя справедливости» материальных богатств и ценностей российского общества чреват для него

крайне опасным социально-экономическим банкротством. И тем не менее он не представляется авантюрным для социальных и политических сил с левым коммунистическим уклоном, а, наоборот, расценивается как верх справедливости.

Нельзя в реальности представлять человека в качестве инкубаторского существа и невозможно не понимать субъективной неодинаковости людей, хотя многие общества и стремятся к уравниванию прав и достоинства неравных друг другу людей. В обществах общинно-коллективистского типа, основанных на доминировании общих социальных величин над малыми, к которым можно отнести и Россию, неминуемо утверждает себя тенденция подмены справедливости социальным уравнительным равенством, которая со временем начинает приобретать универсальное значение, экстраполируясь во все сферы бытия общества, формируя в его сознании эгалитаристское социовосприятие. В соответствии с этой тенденцией формируется такая конструкция общества, в которой абсолютно господствующее положение государства используется в качестве инструмента в руках вертикали власти, заинтересованной в превращении общества не только во все более молчаливое большинство, но и во многих отношениях в одинаковую совокупность людей.

Таким образом, в российской истории общинно-коллективистские тенденции развития общества содействовали гипертрофии государства, а непомерное усиление института власти вело к административно-насильственному внедрению сверху во все сферы жизни общества коллективистско-уравнительных начал, подрывающих ценности справедливости и свободы. В советский период продолжение общинного уклада бытия общества как исторической традиции в виде модифицированного советского коллективизма создает благоприятную почву для произрастания авторитарного и тоталитарного режимов власти, при которых особого размаха получает процесс превращения общества в однородную массу под аккомпанемент лицемерных лозунгов о равенстве, справедливости и гуманизме.

Ложно понятое равенство и практика уравнительно-нивелирующего его осуществления не только удаляли от достижения подлинной справедливости, но и уничтожали ростки свободы в российском обществе. Понятия «справедливость» и «свобода» в онтологическом и гносеологическом аспектах своеобразно коррелируют друг с другом. В философии понятие «свобода» - универсалия объективного и субъективного понятийного ряда.

В объективно-онтологическом отношении свобода представляет некую совокупность возможностей, условий и предпосылок, необходимых для самореализации человека. И все же в соотношении объективного и субъективного как двух взаимосвязанных граней свободы примат принадлежит субъективному аспекту. Свобода - это понятие, прежде всего фиксирующее возможность деятельности и поведения субъекта в условиях противостояния внеположенному. Т. е. наличие свободы предполагает такое качество человека, в котором он становится субъектом принятия решений и их реализации в действиях и результатах. При этом сам человек становится определяющей причиной всего того, что происходит в его жизни, стремясь осознанно соизмерять с субъективными возможностями свои решения, а действия - с внешними условиями и обстоятельствами. По нашему мнению, сформулированную Б. Спинозой классическую трактовку свободы как осознанной необходимости можно представить в качестве меры реализации субъективных возможностей, адекватных действительности.

И гносеологически на понятийном уровне, и онтологически в жизнедеятельности общества между справедливостью и свободой завязываются сложные отношения и перипетии. В оценке суждений «справедлива ли свобода», «свободна ли справедливость» нет однозначных ответов. Свобода как мера между правами и обязанностями, возможностями и действиями, мотивами и стремлениями, средствами и целями совпадает со справедливостью, и в этом смысле можно сказать, что свобода справедлива. Для свободы исходной диспозицией выступает состояние субъективного в человеке и степень его соответствия действительности.

Степень адекватности внутренней субъективной свободы объективной реальности позиционирует в качестве меры свободы субъекта. Свобода придает относительное преимущество субъективному перед объективным, внутренней свободе перед условиями внешней свободы. Человек и в условиях внешней несвободы может быть субъективно свободным и, наоборот, при наличии свободного общества может быть духовно порабощенным. Как свобода не выступает заложником социальной необходимости, так и социальное бытие не может хаотично калькулироваться и видоизменяться свободой. В противном случае общество, отторгающее свободу, превращается в образование, в котором господствует произвол и казарменно-тоталитарный порядок и, наоборот, свобода, не коррелируемая с реалиями социума и навязываемая сверху неподготовленным для ее использования потенциальным носителям, перерождается в вольницу либо в ее неприятие в виде ностальгических умонастроений по возврату к прежним патерналистским временам, в которых они не обладали бы никакой самостоятельностью, а лишь выполняли указания «сверху». Такие исторические ситуации постоянно воспроизводятся в России в виде инверсии в периоды «реформ-контрреформ».

Если свобода проявляет себя как степень самореализации субъективного в объективном, как способность человека максимально выразить свой жизненный и творческий потенциал в сущем, то справедливость тяготеет к ценностной характеристике многообразной жизнедеятельности человека в сущем с позиций должного. Справедливость существенно в меньшей степени детерминирована субъективным и в большей степени зависит от объективно установленного порядка вещей, от сформировавшихся в социуме жизненных, моральных и правовых нормативных ценностей, ориентиров и оценок. Степень внутренней свободы человека может и не оказывать значимого влияния на наличие ценности справедливости в поступках и действиях человека. В тоже время в различных обществах распространенной причиной неодинаковой свободы их акторов является отсутствие равных возможностей для ее реализации. Справедливость, выполняя медиативную роль, выступает в качестве критерия

правильного использования равных возможностей для свободной самореализации людей и степени их одинаковой ответственности за свершаемую деятельность.

В социально-историческом контексте России сложилось специфическое понимание и своеобразная практика применения в реальности понятий и ценностей справедливости и свободы. В их соотношении постоянно возникали коллизии, а зачастую и непримиримые противоречия. В этой связи постоянно возникал фундаментальный вопрос всей истории России: «Почему справедливости отдавался явный приоритет в сопоставлении со свободой?».

В течение более чем тысячелетней истории России не были созданы условия, укореняющие ценность свободы в бытии российского общества. Утвердилась византийская модель российского общества, в которой доминантное положение занимало государство в духе принципа «Кесарево выше Богова» [2, с. 335–341]. На основе этой модели сформировалось патерналистское отношение общества к государству и неуклонная вера в сакральность российской власти, способной устанавливать справедливый порядок вещей в жизни. Исторический уклад бытия России, абсолютное доминирование государства в структуре российского общества и его причастность ко всему происходящему в нем, менталитет русского народа никак не способствовали укоренению свободы как жизненно необходимой ценности существования человека и социума. В России так и не возникла альтернатива этому порядку вещей в виде общественного договора между государством и обществом. Российскому обществу не было сделано прививки ценности свободы, оно никогда не выступало субъектом свободы и не несло на себе груз исторической ответственности, за исключением экстремальных военных периодов, в которых возникала его мобилизационная модель. Вот почему, когда российское общество оказывалось в кратковременных паллиативных условиях свободы, оно превращало ее в вольницу, произвол, анархию и безответственность [2, с. 433–439].

Исторически сложилось так, включая и современное постсоветское общество, что свобода и демократия большинством российского общества воспринимаются если не негативно, то индифферентно. В течение длительного времени в России сформировалась отрицательная модель свободы, то есть не «свобода для» созидания и творения, а «свобода от» реалий общества, обязанностей и ответственности. Русский человек тянулся к «свободе от» ответственности, свободы мыслить, выбирать и действовать. Сформировавшаяся негативистская парадигма свободы вела к уходу от созидания и творения к утверждению равнодушного отношения к добру и злу. Тем самым пассивное отношение ко злу, вопреки страстному стремлению русского этноса к добру и справедливости, во многом утверждало зло, создающее самые благоприятные условия для торжества несправедливости.

И все же, если свобода не приживалась на исторической почве в России, то для справедливости постоянно формировался благоприятный исторический «гумус» в виде огромного желания здесь и сейчас установить справедливость. Никогда для России не была характерна фихтеанская добродетель: «Пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала справедливость». И все же на «плаху справедливости» приносились многие жертвы, и среди них всегда первой выступала «свобода». В исторической дилемме России «свобода или справедливость» справедливости всегда отдавалось предпочтение, но и неистребимое стремление к последней никогда не утверждало справедливого порядка вещей [3].

Никогда в России не было благоприятного исторического «гумуса», на котором бы пустили всходы и надежно произросли ценности демократии и свободы. Первоначальные надежды в девяностые годы постсоветского периода на то, что древо демократии и либерализма глубоко пустит свои корни в российскую социально-политическую почву, не оправдались. В последние 30 лет в социальной структуре российского общества происходит углубление качественного разрыва между социальными полюсами богатых и бедных, сопровождающегося количественным расширением полюса бедных и сокращением полюса богатых. Социальное об-

нищание более трети россиян не способствует в ситуациях выбора «демократия и свобода или социально-экономические блага» отдавать преимущество первым в противовес вторым. Существенное негативное влияние на врастание в сознание, менталитет и деятельность россиян ценностей демократии, свободы и либерализма оказывают продолжающиеся традиции правового нигилизма и отчужденного отношения к утверждению института частной собственности, мешающего становлению гражданского общества. Пока не сложился между властью и российским обществом консенсус о необходимости формирования модели гармоничных отношений в триаде «равенство — справедливость — свобода» и о предотвращении противопоставления ценностей равенства и справедливости ценностям демократии и свободы. Власти во имя сохранения власти не стоит в угоду своим политическим амбициям приносить в жертву демократию и свободу. Российскому обществу во имя удовлетворения социальных интересов и получения материальных благ не следует постоянно пренебрегать приобщением к духовному раскрепощению и освобождению себя от пут приспособленчества, индифферентности, вещизма, бескультурья.

В современном российском обществе растет осознание того, что утверждение справедливости как высшей цели и чуть ли ни главного идеала неприемлемо при наличии пренебрежительного отношения к свободе. Оказывается, что справедливость без свободы несправедлива, а справедливость справедлива лишь в союзе со свободой. Современному российскому обществу для того, чтобы осуществить цивилизационный прорыв к успешному будущему, необходимо постепенно переходить от конфронтационной модели «справедливость вопреки свободе» к модели «справедливой справедливости на основе свободы».

Список литературы

1. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 512 с.

2. Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 736 с.

3. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Издательская группа URSS, 2004. 349 с.

References

1. Frank, S. L. The Spiritual Foundation of Society. M: Respublika, 1992. 512 p.

2. Berdyayev, N. A. The Fate of Russia: Collection of Works. Moscow: Eksmo-Press; Kharkiv: Folio, 2001. 736 p.

3. Gavrov, S. N. Modernization in the Name of the Empire: Social and Cultural Aspects of the Modernization Processes in Russia. Moscow: Editorial URSS, 2004. 349 p.

УДК/UDC 321.7

Архетипы корпоративности, иерархии и Самости в демократических процессах

Львов Денис Владимирович
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия
e-mail: devlal86@gmail.com
SPIN-код: 9049-7480
ORCID: 0000-0001-9165-0428

Аннотация

В статье рассматривается влияние тенденций, вызываемых архетипами корпоративности, иерархии и Самости, на процессы становления демократического социального порядка. Показаны диалектические противоречия, порождаемые указанными архетипами в социально-политической деятельности. Отмечены особенности манифестации каждого из данных архетипов в социокультурной и политической практике, приведены диагностируемые исследователями признаки усиления архетипа Самости, стимулирующие индивидуализм. Предложена краткая схема исторического развития взаимодействия коллективистских архетипов корпоративности и иерархии между собой. Сформулировано предположение о влиянии противоречий, порождаемых этими двумя архетипами, на стимулирование архетипа Самости. Указана необходимость учета влияний каждого из обсуждаемых архетипов коллективного бессознательного в политической жизни общества. Предложен взгляд на демократическую модель как на способ гармонизации архетипов корпоративности, иерархии и Самости.

Ключевые слова: демократия, архетип корпоративности, архетип иерархии, Самость.

Archetypes of Corporativity, Hierarchy, and Self in Democratic Processes

Lvov Denis Vladimirovich
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Sociology
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: devlal86@gmail.com
SPIN Code: 9049-7480
ORCID: 0000-0001-9165-0428

Abstract

The article examines the influence of trends caused by the archetypes of corporativity, hierarchy, and Self on the processes of formation of a democratic social order. The article shows the dialectical contradictions generated by these archetypes in sociopolitical activity; the peculiarities of manifestation of each of these archetypes in sociocultural and political practice; and the signs of strengthening of the Self archetype that stimulate individualism which were diagnosed by other researchers. A brief scheme of historical development of interaction between the collectivist archetypes of corporativity and hierarchy is proposed. The author considers the influence of the contradictions generated by these two archetypes on the stimulation of the archetype of the Self. It is necessary to take into account the influence of each of the discussed archetypes of the collective unconscious on the political life of society. Finally, the author proposes a view of the democratic model as a way to harmonize the archetypes of corporatism, hierarchy, and Self.

Key words: democracy, archetype of corporativity, archetype of hierarchy, Self.

Само слово «демократия» имеет древнегреческое происхождение и за длительное время своего существования обросло неимоверным множеством коннотаций, ассоциаций и понятийных наполнений. В политологии выделяют несколько разновидностей демократий и часто говорят не о демократии вообще, а, например, о либеральной, партиципативной, плебисцитарной, представительной и пр. демократии. Тем не менее в каждом случае имеется ввиду модель политической организации той или иной

социокультурной общности. В этом смысле демократия является одним из модусов социального порядка.

При этом в основании всякого социального порядка лежит массовое сознание, подкрепленное, по мысли К. Г. Юнга, архетипами коллективного бессознательного [1]. Ранее нами в других научных исследованиях уже были рассмотрены архетипы корпоративности и иерархии [2]. Теперь предлагается обсудить, какую роль данные архетипы играют в формировании демократических институтов.

Архетип корпоративности проявляется в первую очередь в идее равенства членов демократического сообщества. При этом, как известно из истории, это вовсе не отменяет возможности дискриминации по тому или иному признаку - полу, расе, имущественному цензу и т. д. Тем не менее подразумевается, что так или иначе получившие статус полноправного члена круга «своих» (обычно в контексте разговора о демократии используется термин «гражданин») имеют одинаковые права и обязанности как по отношению друг к другу, так и в отношении общности в целом.

В то же время для принятия управленческих решений и осуществления коллективных действий требуется функциональная и статусная дифференциация. Соответственно, возникает влияние архетипа иерархии. Диалектика противоречивого по своей природе взаимодействия этих двух архетипов определяет неизбежность всех тех проблем, с которыми на самом фундаментальном уровне сталкивается демократическая общность.

Так, Ю. Эвола, противопоставлявший либерализму и демократии принцип иерархии, доходит в своих рассуждениях до характеристики самой идеи равенства личностей в обществе как логической нелепицы: «Прежде всего, понятие “многих” - многообразия особей - логически противоречит понятию “многих равных существ”. Это онтологически вытекает прежде всего из “принципа неразличимых”, согласно которому “одно существо, абсолютно во всем тождественное другому, является тем же самым существом”. Таким образом, в идее “многих” заложена идея ос-

новополагающего различия: если “многие” равны, равны во всем, то они не могут быть “многими”, но лишь одним. Стремление к равенству “многих” несет в себе противоречие в понятиях, если только это не относится к множеству неодушевленных предметов серийного производства» [3, с. 35].

Все концепции демократии пытаются разрешить это базовое противоречие, что неизбежно приводит к некоторой редукции личности до какого-либо строго ограниченного набора признаков, а в пределе - и вовсе единственного качества. И в этой критике тенденции к упрощению, присущей современной западной цивилизации, Ю. Эвола совпадает с противоположным ему во всем остальном Г. Маркузе, известного своей концепцией «одномерного человека» [4].

Принцип равенства, поддерживаемый архетипом корпоративности, и принцип субординации, навязываемый архетипом иерархии, согласуются только путем отказа от абсолютизации. В социальных отношениях всегда возможно говорить лишь об относительной реализации того или иного. Ни архетип корпоративности, ни архетип иерархии не могут полностью вытеснить влияние не только друг друга, но и прочих структур коллективного бессознательного.

Даже абсолютный тиран ограничен степенью готовности подчиненных выполнять его распоряжения. Даже при утопическом совпадении смысло-ценностного ядра мы-самости с индивидуальными самостями остается необходимость функциональной дифференциации, в т. ч. по вертикали управление-подчинение.

Кроме того, в дискурсе о демократии часто возникают концепты прав и свобод личности. А здесь в полной мере проявляется архетип Самости. В связи с этим интересны рассуждения Ю. Хабермаса, который выделил две модели демократии - либеральную и республиканскую, а также развил концепцию делиберативной политики. Либеральная модель, по мысли Ю. Хабермаса, основывается на противопоставлении гражданского общества как независимо преследующих частные интересы индивидов и государства, выступающего гарантом «правил иг-

ры», конвенционально принятых индивидами. Республиканизм отсылает к идее политической общности, имеющей определенную самостоятельность и этическую наполненность, основные принципы которой имеют примат в отношении личности. Государство здесь является центром коллективной воли граждан, которая посредством их конкретных действий влияет на самое себя.

В рамках предлагаемого здесь архетипического подхода государство по республиканизму становится носителем мы-самости, формируемой архетипом корпоративности. Тогда как либеральная модель делает акцент на архетипе Самости, который направлен как раз на эмансипацию индивидуальной личности от социокультурной общности.

Согласно Ю. Хабермасу, либеральная модель демократии концентрируется вокруг негативного понимания прав и свобод, т. е. права являются средством от принуждения со стороны общности и государства, чья роль должна быть максимально нивелирована. Республиканское понимание прав имеет позитивную природу. Права в ней - это прежде всего возможность активного участия граждан в выработке общих целей и этических принципов, т. е. смысло-ценностного ядра политической общности. Либеральная модель важнейшей общественной силой постулирует анонимные законы рынка, республиканская - самоорганизующуюся коллективную волю.

Предлагаемая философом делиберативная политика основана на процедурах организации коммуникативного взаимодействия граждан и их ассоциаций для процессов договаривания и рационализации. Она заимствует у республиканской модели признание самостоятельной сущности коллективной воли, но освобождается от этического идеализма, приписывающего индивидам целый набор позитивно оцениваемых качеств вовлеченности в общественно-политические процессы, необходимых для активного формирования этой воли. Таким образом, делиберативная политика, основанная на коммуникации и интерсубъективизме, децентрализует понятие народного суверенитета.

«Дискурсивному понятию демократии, напротив, соответствует картина децентрированного общества, которое, однако, разделяет с политической общественностью арену восприятия, идентификации и разработки касающихся всего общества проблем. Если отказаться от формирования понятий с точки зрения философии субъекта, то суверенитету не потребуется ни конкретистского концентрирования в нации, ни изгнания в анонимность конституционно-правовых полномочий. “Самость” организующей самое себя правовой общности исчезает в бессубъектных формах коммуникации, которые так регулируют ход дискурсивного формирования общественного мнения и политической воли, чтобы их погрешимые результаты предполагали для себя разумность. Тем самым интуиция, связанная с идеей народного суверенитета, не опровергается, но истолковывается интерсубъективистски. Народный суверенитет, пусть даже и сделавшийся анонимным, обособляется в демократических процедурах и в правовом выполнении их прихотливых условий коммуникации лишь для того, чтобы продемонстрировать себя в качестве коммуникативно производимой власти. Строго говоря, он возникает из интеракций между институциализированным в рамках правового государства формированием воли и культурно мобилизируемой общественностью, которая, со своей стороны, находит некий базис в ассоциациях гражданского общества, равно удаленных от государства и от экономики» [5, с. 399–400].

Таким образом, коллективная самость организуется из интеракций индивидуальных самостей. При этом характерное для либерализма противопоставление государству, в чьем автономном бюрократическом аппарате возникает независимая от индивидов власть, заменяется пониманием солидарности интерсубъективной власти взаимосвязанных «таких-же-как-я-самостей», договаривающихся друг с другом в непрерывном процессе коммуникации.

В этом смысле демократия может быть интерпретирована как такая организация политической общности, которая эмансипирует личность от коллективной самости посредством рационализированных ком-

муникативных процедур. При этом достигается это через установление коллективной власти посредством государства, но не столько в форме отчужденного от индивидов анонимной бюрократии, сколько в форме живых и постоянных интеракций ассоциаций граждан. Важнейшим элементом для делиберативной модели является установление соответствующих коммуникативных процедур.

В этом смысле эволюцию типов политической самоорганизации социокультурных общностей можно представить следующим образом. Многие социологи и социальные философы постулируют, что первые общности людей отличались крайним коллективизмом при почти невыраженном индивидуальном самосознании отдельных личностей. Ярчайшей концептуализацией этой модели являются идеи Э. Дюркгейма о механической солидарности. Здесь наиболее влиятельным был архетип корпоративности, а коллективная самость социокультурной общности почти полностью заполняла пространство в индивидуальных личностях. Индивидуация, запущенная архетипом Самости, приводила к максимальному слиянию личности с «мы» коллективной целостности.

Постепенно все большее влияние на процессы социокультурной самоорганизации начинает оказывать архетип иерархии. Здесь вспоминается модель социального развития Г. Спенсера, который считал, что рост общественной массы за счет размножения людей привел к функциональной дифференциации, усложнению социальной структуры и выделению отдельных социальных институтов - этаких органов социального организма. Возникают государство и его бюрократический аппарат, в которых предельно реализует свои тенденции архетип иерархии.

Диалектически противонаправленные тенденции архетипов корпоративности и иерархии подталкивают эмансипацию индивидуальной личности от коллективных сущностей, порожденных самими этими архетипами. Этот процесс падает на благодатную почву индивидуации, подготовленную архетипом Самости. Постепенно роль архетипа Самости в индивидуальных личностяхи, как следствие, в коллективном бессознательном становится все значительнее. На поверхности социальных

практик это проявляется в росте индивидуализма в противовес коллективности. Возникает либерализм и его модели демократии. В экономическом плане устанавливается капиталистический уклад хозяйствования, с его растущими конкуренцией, соревновательностью и рационализацией, которая была провозглашена М. Вебером как основной вектор социального развития. В конце XX в. квинтэссенцией либерального дискурса оказалось провозглашение Ф. Фукуямой конца истории, ознаменованного победой капитализма и либеральной демократии.

Таким образом, рост индивидуализма является отражением повышения роли архетипа Самости, который стремится к эмансипации личности из коллективного «мы», играя на диалектических противоречиях между архетипами корпоративности и иерархии. Образно можно сказать, что Самость высвобождается из корпоративности посредством иерархии.

Об общемировом росте индивиуалистских ценностей свидетельствуют исследования команды Р. Инглхарта. Эта же группа ученых связывает этот тренд с демократизацией: «Именно от степени приоритетности ценностей самовыражения в конкретных странах к тому моменту, когда в 1988 г. открылось окно возможностей (когда Горбачев объявил, что Советская армия больше не будет поддерживать коммунистические режимы в Центральной и Восточной Европе), решающим образом зависит то, как далеко они после этого продвинулись по пути к демократии - и насколько устойчивы созданные в результате демократические институты» [6, с. 72]. Сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения связывается с повышением противоэлитной активности. Это также можно интерпретировать как знак понижения значимости архетипа иерархии, способствующего уважению к вышестоящим.

В то же время тезис об окончательном и бесповоротном триумфе демократии является весьма спорным. «Despite optimism regarding the demise of autocracy as a form of government after the Cold War, about one-third of the world's countries and many of its people are still ruled by autocratic governments» [7, p. 328]. Рассматривая потенциал разворота

от демократии к авторитаризму, С. Хантингтон заметил: «Систематическая неспособность демократических режимов действовать эффективно может повредить их легитимности» [8, с. 312].

В качестве возможного решения такого рода проблем еще Й. А. Шумпетер в качестве одного из условий устойчивости демократии обозначил то, «что демократическое правительство в современном индустриальном обществе должно иметь возможность контролировать во всех сферах государственной деятельности - независимо от того, насколько они многочисленны, - хорошо подготовленную бюрократию, имеющую высокий статус и исторические традиции, обладающую сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира. Существование такой бюрократии - главный ответ на возражения против правительства дилетантов. Это единственный ответ на вопрос, который так часто задают в этой стране: демократия оказалась неспособной создать приличное городское правительство; как мы можем ожидать, что народ будет процветать, если все, включая в конечном счете и весь производственный процесс, будет отдано на откуп демократическому принципу?» [9, с. 693].

Но бюрократия основывается прежде всего на архетипе иерархии. И неизбежное для хотя бы более-менее эффективного управления всякой крупной общностью людей выделение специализированной профессионально группы, которая наделяется властью по принятию и воплощению в жизнь конкретных решений, работает на усиление архетипа иерархии. Особенно явно это касается индуцируемой им тенденции к фракционной дифференциации и, как следствие, конкуренции за более высокие иерархические позиции.

Бюрократизация государственного управления приводит к образованию феномена, обозначенного современными мыслителями лейблом «глубинного государства», под которым имеется в виду, что действительно имеющие влияние на жизнь простых людей решения и действия принимаются не на видной обществу поверхности, а в недрах чиновничьей машины ее функционерами, которые к тому же входят в конкурирующие друг с другом кланы. И здесь уже влияние формируемой архетипом

корпоративности коллективной самости политической общности практически нивелируется. Остается только требуемое архетипом иерархии подчинение аппарату власти.

Но влияние архетипа иерархии манифестируется и в намного более явном виде, а именно в партийной организации современной демократии. При этом партии борются между собой именно за власть и более высокое место на «политическом Олимпе». Получающееся в результате положение ярко описал К. Шмитт: «Одним словом, данное парламентско-демократическое партийное государство есть лабильное партийно-коалиционное государство. Изъяны и недостатки подобного положения изображались и критиковались довольно часто: непредсказуемое большинство; неспособные к правлению и вследствие своих компромиссных ограничений безответственные правительства; непрерывные партийные и фракционные компромиссы, заключаемые за счет третьих лиц или государственного целого, при которых каждая участвующая партия требует платы за свое содействие; распределение государственных, коммунальных и иных публичных должностей и доходных мест между сторонниками по какому-нибудь принципу в зависимости от размера фракции или тактической ситуации» [10, с. 134].

Кроме того, архетип иерархии сказывается и внутри партий. Известный феномен «партийной дисциплины» часто позволяет немногим ключевым партийным боссам продавливать определенные решения вне зависимости от чаяний избирателей, чьи интересы, по идее и в соответствии с корпоративным духом, вроде бы защищают конкретные депутаты. На этот отрыв партийных членов от простого народа указал еще на рубеже XIX–XX вв. М. Я. Острогорский: «Хотя члены палаты и избраны народом, но, будучи изуродованы столькими подавляющими влияниями, они не представляют общественного мнения в большей степени, чем сенат, и, насколько возможно, проявляют те же реакционные тенденции “не двигаться” (stand pat). Нужно, чтобы общественное мнение заставило услышать свой властный или иногда даже гневный голос, чтобы вырвать у них мероприятия, направленные к общественному благополу-

чию, которые могли бы взволновать стоячие воды политической жизни» [11, с. 511].

Таким образом, несмотря на усиление архетипа Самости, проявляющееся в диагностированном Р. Инглхартом сдвиге в сторону ценностей самовыражения, а также кажущемся основании самой идеи демократии на принципе равенства «таких-же-как-я-самостей», требуемом архетипом корпоративности, влияние архетипа иерархии на современные демократические процессы остается чрезвычайно значимым. Функционально неизбежный отрыв фракции управляющих от рядовых членов политической общности приводит к систематическому отклонению властной элиты от интересов социокультурной целостности. Отмечаемое по всему миру многими социально-политическими наблюдателями нарастающее недовольство элитами своими знаками имели и избрание Д. Трампа, и Brexit, и получающие все больший процент голосов так называемые популистские партии, и «протестное голосование».

Тем не менее, указав на все эти проблемы в реализации демократических принципов, следует все же отметить, что демократия как форма политического устройства имеет потенциал заполнить своими символическим наполнением и воплощением в общественной практике ключевые для становления социокультурных общностей схемы коллективного бессознательного. Архетипу Самости отвечает тесно связанная с либерализмом ориентация на превалирование индивидуальной личности и ценностей самовыражения, которые сыграли важнейшую роль в разработке самих концепций современной демократии. Архетипу корпоративности соответствуют принцип равенства и ориентация на благо общности как целого и ее отдельных членов. Архетипу иерархии подходит политическая дифференциация в партийной форме, а также сама по себе практика борьбы за власть.

Вряд ли возможно выработать универсальные и подходящие любой политической общности рецепты согласования влияния всех этих архетипов коллективного бессознательного. Многое зависит от исторически сложившихся систем ценностей и смыслов, разделяемых в каж-

дом конкретном случае. Но само по себе требование учета в организации политического процесса требований архетипов Самости, корпоративности и иерархии остается инвариантным. В этом смысле политику можно определить как искусство гармонизации этих архетипов в управлении социокультурной общностью. При этом демократия имеет возможность нащупывать искомый баланс, в отличие от авторитарных и тоталитарных моделей, которые педалируют архетип иерархии в ущерб архетипам корпоративности и Самости.

Список литературы

1. Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious / Translated from German by R. F. C. Hull. Princeton: Princeton University Press, 1981. 451 p.

2. Грицков Ю. В., Львов Д. В. Архетипы внутригруппового единства // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 17–20.

3. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа / Пер. В. В. Ваношкиной. М.: АСТ, 2007. 445 с.

4. Маркузе Г. Одномерный человек / Пер., прим. и предисл. А. Юдина. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.

5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева, под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.

6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. — М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

7. Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 1. No. 2. Pp. 313–331.

8. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: АСТ, 2003. 603 с.

9. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В. С. Автономова; пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко; пер. с англ. В. С. Автономова, Ю. В. Автономова, Л. А. Громовой, К. Б. Козловой, Е. И. Николаенко, И. М. Осадчей, И. С. Семененко, Э. Г. Соловьева. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

10. Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. 448 с.

11. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.

References

1. Jung, C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious / Translated from German by R. F. C. Hull. Princeton: Princeton University Press, 1981. 451 p.

2. Gritskov, Yu. V., Lvov D. V. Archetypes of In-Group Unity // Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2015. No 3 (7). Pp. 17–20.

3. Evola, J. People and Ruins. Criticism of Fascism: Fascism Viewed from the Right / Translated by V. V. Vanoshkina. Moscow: AST, 2007. 445 p.

4. Marcuse, H. One-Dimensional Man / Translated and annotated by A. Yudin. Moscow: REFL-book, 1994. 368 p.

5. Habermas, J. Involvement of Another. Essays on Political Theory / Transled from German by Yu. S. Medvedev, edited by D. V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka, 2008. 417 p.

6. Inglehart, R., Welzel, C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Translated from English by M. Korobochkin. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2011. 446 p.

7. Geddes, B., Wright, J., Frantz, E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 1. No. 2. Pp. 313–331.

8. Huntington, S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century / Translated from English by L. Yu. Pantina. Moscow: AST, 2003. 603 p.

9. Schumpeter, J. A. The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism, and Democracy / Foreword by V. S. Avtonomov; translated from German by V. S. Avtonomov, M. S. Lyubskiy, A. Yu. Chepurenko; translated from English by V. S. Avtonomov, Yu. V. Avtonomov, L. A. Gromovaya, K. B. Kozlova, Ye. I. Nikolayenko, I. M. Osadchaya, I. S. Semenenko, E. G. Solovyev. Moscow: Eksmo, 2008. 864 p.

10. Schmitt, C. State: Law and Politics / Translation from German and foreword by O. V. Kildyushov. Moscow: Territoriya budushchego, 2013. 448 p.

11. Ostrogorskiy, M. Ya. Democracy and Political Parties. Moscow: ROSSPEN, 1997. 640 p.

УДК/UDC 172.4

Язык как инструмент насилия

Олешкова Анна Михайловна
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических наук
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
г. Нижний Тагил, Россия
e-mail: oleshkova@bk.ru
SPIN-код: 7229-5877

Аннотация

В работе представлена интерпретации насилия в контексте фрейдомарксизма, политической философии и критического дискурс-анализа. Категория насилия операционализирована в логике, предложенной Х. Арендт, показана разница насилия и власти. Представлена типология насилия С. Жижека. Дискурсивное понимание власти, начиная с М. Фуко, обусловило ее онтологический статус. Связующим элементом, позволяющим увидеть в насилии одновременно субъективную, объективную и символическую основу социальной системы, является именно язык (а в широком смысле слова — дискурс), в котором концептуализировано насилие. Особо подчеркивается важность использования эмпирического материала для социально-философского анализа: Х. Арендт и С. Жижек формируют свои взгляды и теории на основе событий и проблем, характерных для их эпохи. Обозначенные теории через анализ злоупотребления языком позволяют изучать дискурсивные и недискурсивные практики насилия, которыми наполнена повседневность современного человека.

Ключевые слова: власть, насилие, язык, дискурс, критический дискурс-анализ, фрейдомарксизм, психоанализ, структурализм, постструктурализм.

Language as a Tool of Violence

Oleshkova Anna Mikhaylovna
Candidate in History, assistant professor of the Department of Humanitarian and Social and Economic Sciences
Nizhniy Tagil State Social and Pedagogical Institute, Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhniy Tagil, Russia
e-mail: oleshkova@bk.ru
SPIN Code: 7229-5877

Abstract

The article offers a view of violence in Freudo-Marixism, political philosophy, and critical discourse analysis. Violence is defined through H. Arendt's logic, where she demarcates power and violence, followed by the summary of S. Žižek's typology of violence. Discursive view of power that descends from M. Foucault draws our attention to its ontological status. Meanwhile, the binding agent that enables us to see subjective, objective, and symbolic power of any given social system simultaneously is a language (or a discourse in broader terms) that conceptualizes violence. Thus, it is particularly necessary to use the empiric data in social philosophy: H. Arendt and S. Žižek are shaping their views and methodology on the concurrent issues and events. These theories assist us in understanding that the manipulation of language through discourse and non-discourse practices dominates our daily lives.

Key words: power, violence, language, discourse, critical discourse analysis, Freudo-Marixism, psychoanalysis, structuralism, poststructuralism.

Насилие укоренено в языке. Социально-философская мысль, представленная разнообразием методологий и акцентов этой темы, позволяет говорить о дискурсе как контекстуальной и инструментальной основе доминирования. Представители тех подходов, которых мы выбрали для освещения этой темы, позволяют представить тезис во всех сферах общественной жизни: политической, социальной, экономической и культурной.

Х. Арендт в своей работе «О насилии» обозначает два важные для нас момента. Во-первых, она проводит операционализацию поня-

тий, смысл которых нередко на уровне академического знания, а также обыденного восприятия является нечетким. На это есть причины, в т. ч. лингвистического и методологического характера, проблема перевода, а также убежденность исследователей в общем функционале целого ряда феноменов. В частности, речь идет о таких категориях, как власть, мощь, авторитет, насилие. Во-вторых, свой анализ философ проводит на основе эмпирического материала, что, на наш взгляд, очень важно для философских работ, в которых всегда есть соблазн остаться в пределах теоретизирования и умозрительности. Аренд строит свою теорию на событиях 1960-х гг., акцентируя внимание на таких вопросах, как гонка вооружений, холодная война, молодежные протесты на Западе, война во Вьетнаме.

В отличие от категорий «сила», «мощь» и «власть», «насилие» опирается на «орудие», важное значение в его реализации играет схема «средство — цель» [1]. Более того, в условиях неточного прогнозирования, свойственного социальным наукам, автор отмечает, что именно «средства» играют более значимую роль, тогда как гарантировать реализацию задуманных «целей» не представляется возможным.

Операционализация понятий, предпринятая Арендт, позволяет провести демаркационную линию между феноменами, которые действительно следует трактовать контекстуально. Власть свидетельствует о двух важных проявлениях: действиях именно группы субъектов, а не одного актора; наличии согласованности в действиях этих субъектов. То, что принято персонифицировать в единой личности, является проявлением не власти, но мощи. Категорию «власть» в этой связи можно использовать метафорически. Мощь является характеристикой индивида, проявлением его автономности, с которой посредством власти и борется группа индивидов. Аренд справедливо отмечает, что со времен Платона и Ф. Ницше механизмом обоснования враждебного отношения многих к одному является рессентимент. Также для понимания генеалогии насилия симптоматичным является тот факт, что сама идея моральности возникла из злобности и зависти [2, с. 10]. При этом сама Арендт считает,

что такой подход не объясняет всей сути явления, ведь группа и власть по своей природе противостоят индивидуальности и мощи [3, с. 52]. Вне убеждения и принуждения действует такой феномен, как авторитет, с помощью которого субъект, возможно и вне своих примечательных личных качеств, может влиять на ситуацию. Арендт приводит в пример пьяного священника и жестокого отца [3, с. 53]; в этих случаях наглядно становится ясным, что важным ресурсом, своего рода капиталом авторитета является уважение.

Также в рамках теоретической экспликации понятий Арендт заостряет проблему насилия и на локальном, и на глобальном уровнях, обозначая базовое противопоставление в этом вопросе: парадокс «рациональное— иррациональное». Сложно создать такую логичную, непротиворечивую, рациональную конструкцию, в которой всем будет ясно, что тот или иной акт насилия является абсолютно необходимым. Насилие имеет и иррациональную природу, и парадокс состоит в том, что именно разум является причиной иррациональности [3, с. 71], сама аргументация может быть абсурдной, иррациональной и непонятной самим субъектам высказывания [3, с. 27, 90]. Другим, частным примером проявления парадоксальности насилия являются формы, которые человечество изобрело для того, чтобы обозначать свою волю. Например, забастовка, которая, с одной стороны, находится в легальном пространстве, но с другой — ей всегда оказывается противодействие со стороны полиции и суда [3, с. 131].

Согласно Арендт, власть — это сообщество людей, совместное бытие. С позиции раннего М. Хайдеггера, оказавшего влияние на Арендт, можно обозначить данное сообщество как говорящих и слушающих [3, с. 120]. Дискурс в терминологии М. Хайдеггера следует понимать как маску, которая скрывает «фактичность жизни» [3, с. 140], в результате метафизика понятий складывается из безличности языковых знаков.

Феномены коммуникации занимают в теориях фрейдомарксистов, феноменологов и франкфуртцев важное место. Когда Арендт приводит в пример «Легенду о Великом инквизиторе», она отмечает молчаливость

Христа и активное говорение инквизитора [4, с. 112]. Увязывая молчание и сострадание в единый процесс, ориентированный на другого, переживание его эмоций как своих собственных, в противовес приводится речь: безостановочное говорение, которое дистанцирует субъекта от другого, порождает бесконечный дискурс.

Политическое — это всегда область коммуникации. В терминологии Ю. Хабермаса [3, с. 143] Арендт рассматривает политическое, коммуникативное и насильственное. Насилие оформляется в результате того, как говорение перекрывает слышание.

Парадокс, но свободное общение — основа насилия. Как следствие, насилие — константа общества. Покинуть пределы насилия невозможно. Арендт с необычной стороны доказывает имманентный его характер. Коммуникация как естественное проявление разума с его способностью к концептуализации фиксирует политическое и насильственное. Демократия, как и любая иная власть, имеет опцию насилия.

Арендт указывает на то, что абсолютное добро, как и абсолютное зло, ведут к насилию. В определенной степени это напоминает концепцию С. Жижека, согласно которой либерализм по определению являет собой пример дегуманизации [5, с. 32]. Либеральный коммунист и слепой фундаменталист — грани одного явления. Гуманизм — это идеология [6, с. 38].

Во взглядах Жижека мы видим два сюжета, связанных с насилием, и оба они замыкаются на языке. Но в первом случае важна политическая концепция Жижека, в которой он характеризует виды насилия, и это скорее марксистская составляющая его концепции, которую напрасно считают лишенной методологической основы, полагая, что идеи Жижека нельзя систематизировать.

В работе «О власти» Жижек описывает три вида насилия, образующие треугольник, в котором наиболее заметная роль принадлежит субъективному насилию. Оно выражено в четко опознаваемых процессах: войны, теракты, преступления. Объективное насилие, кажущееся ненасилем «нулевого уровня», является насилием системным, характе-

ризующим само основание общества. С точки зрения Жижека, оно приняло новые формы в капитализме, образно выражаясь, именно «метафизическая пляска Капитала» — это ключ к пониманию всех современных процессов и явлений, в т. ч. катастрофических [5, с. 15]. Опасность такого насилия — в анонимности, его невозможно сопоставить с конкретными людьми. Именно политические и экономические системы являются источником объективного насилия. Фрейдомарксистская критика современного общества заключается у Жижека в анализе недостатков современного капитализма. Однако и другие идеологические системы показаны как источник системного насилия: Жижек достаточно резко пишет о либерально-коммунистической этике, для которой благотворительность является «маской», скрывающей «оскал экономической эксплуатации» [5, с. 22, 23].

Символическое насилие связано с языком и проявляет себя не только в очевидных агрессивных формах коммуникации, но в языке как таковом, поскольку мы имеем дело с фундаментальным насаждением смыслов, тем, что цитируемый Жижеком Хайдеггер называл «домом бытия» [5, с. 5]. Языковые (дискурсивные) формы насилия в большей степени соответствуют названию «системное», «объективное», поскольку действительно все мы живем прежде всего в символическом пространстве, а уже потом в политическом и экономическом.

Именно язык является ключевым элементом насилия как в субъективной, так и в объективной формах. Последняя форма имеет особое значение, т. к. фактически скрыта от субъекта и представлена в виде легально-легитимных практик.

Во втором случае значимым является как раз фрейдистская часть концепции Жижека, а точнее, лакановская. В идеях Жижека, как и во взглядах М. Фуко, мы находим важную мысль о «разрыве». Исторический разрыв и эпистемологическое препятствие – терминология Г. Башляра [2, с. 5], которая позволяет проследить качественное отличие исторических форм знания. Насильственная демаркация истины, ее искусственное происхождение ставит под сомнение идентичность самого

субъекта, а не только верификацию социокультурного пространства. По Жижеку, идентичность — фантазия, следствие представлений Другого, субъект изначально расколот и насильственно лишен целостности. Человек оказывается лишенным сущности, в этой связи Вещь-наслаждение создает травмирующий эффект. Жижек говорит об интерпассивности субъекта [7, с. 178], фактически о подчиненности миру Другого, в качестве примеров автор приводит закадровый смех в телепрограммах, плакальщиц на похоронах и др. [6, с. 20]. В контексте философии Ж. Лакана следует помнить, что бессознательное структурировано как язык. Вместо фрейдовской триады «Оно — Я — Сверх-я» Лакан вводит в оборот другую взаимосвязь: «Реальное — Воображаемое — Символическое». Важным аспектом является синтез воображаемого, заключающееся в субъективной иллюзорности, и символического, выраженного в объективных механизмах языка и культуры. Переосмыслив категорию бессознательного, Лакан связывает его с историческими порядками культуры. В отличие от других представителей психоаналитических течений, теория Лакана излагается«философским тоном» [6, с. 5].

Символическое, исследуемое Жижеком и Лаканом, играет двойственную роль в структурировании насилия. С одной стороны, язык порорывает «дыру» в реальности [7, с. 124], с другой — помимо включенности и в субъективное, и в объективное насилие, именно символическое позволяет субъектам достичь терпимого сосуществования [6, с. 38], и с ним связан, по мнению Жижека, «самый унизительный вид насилия»: невозможность принять суть, ядро собственного бытия. Всегда существует разрыв, который отделяет ядро от других, более поверхностных, уровней идентификации [6, с. 46].

Конкретно-историческое измерение также важно и для Фуко, который именно так понимает дискурс, подразумевая под этим явлением совокупность речевых практик, свойственных данному обществу. Можно сказать, что это способ принудительного структурирования мира, способ маркировки вещей, который мы этим вещам навязываем. Дискурс не может быть нейтральным, являясь следствием социального порядка,

дискурс обладает властью. Дискурс сам может испытывать давление [8, с. 57]. Таким образом, в отличие от персонифицированных трактовок власти, связанных с активностью тех или иных групп или индивидов, перед нами, с одной стороны, ее институционализация, с другой — онтологизация.

Следствием первого аспекта является контроль, регламентирующие практики, определяющие существование субъекта в обществе. Субъект не может высказывать любую мысль и ориентировать ее на любой субъект. По сути, субъект ограничен в использовании своего основного инструмента насилия — языка. В отношении второго аспекта следует обратиться к роли науки и знания: описывая современную культуру, Фуко говорит о ее двойственном характере, заключенном в противостоянии логофилии и логофобии [8, с. 78]. Непредсказуемый характер высказываний нарушает формы мысли и бытия, искажает их соотношение, формирует насильственный контекст, в котором дискурсы сортируются, истина и ложность подвергаются отбору. От субъекта скрыты правила игры дискурсов, неизвестны механизмы, по которым складываются сверхзначимые или незначимые концепты.

Важную роль играет маркировка дискурсов. Дискурсивная среда развивается в конкретно-исторических условиях, которые нужно учитывать при анализе двух противоположных тенденций: свободная процессуальность дискурсов и их социокультурная детерминация [8, с. 24, 30].

Фуко предпринимает попытку представить в историческом срезе эволюции эпистем — последовательность смены парадигм знания, в которой, как представляется, важно не столько содержание, сколько границы этого знания, акценты, которые расставлены как значимые в тот или иной исторический период [9, с. 34]. Это важный сюжет работ Фуко, поскольку он позволяет увидеть трансформации способов того, что и как можно познавать. Сама идея знания тесно переплетена у Фуко с дискурсом, властью и практикой.

Фуко последовательно раскрывает различные конфигурации знания. Приводит в пример античность — это первый исторический период

развития дискурса, когда дискурс сопоставлялся с привилегированной культурой, не только определяющей состояние общества в данный момент, но и обладающей конституирующей силой на ее будущее развитие. Во многом причина такой силы дискурса заключалась в логоцентричности античной культуры, ее обусловленности единым универсумом, который предполагалось возможным постичь рациональным способом. Доминирующий потенциал дискурса был ясен уже на самом раннем историческом этапе развития дискурса и выражен в характерном образе софиста [8, с. 85]. В Средние века и эпоху Возрождения был важен принцип подобия [9, с. 55–60], и любое богословское суждение, научное открытие было подчинено этому принципу. Вещи существуют только через сопоставление друг с другом. Анализ, расчленение целого на части — процедура, характерная для культуры Разума. В этом отношении вещи существуют как часть каталогов и энциклопедий [9, с. 101–106]. К XIX в. формируется новая, современная эпистема, становление которой приходится на конец XVIII в. [9, с. 403], предполагающая, по сути, системный подход к новой реальности, располагающей многообразием фактов, которые нуждались в осмыслении и управлении. Сформировались новые объекты познания, стали складываться новые дисциплины. В конце XIX в. в «поле мысли» вернулся и язык [9, с. 327].

В отличие от Арендт, Фуко понимал власть как силу. Процесс эволюции, изменение культуры сопровождается волей субъекта к обретению знания. Можно сказать, что в новейшее время эпистема системы эволюционирует к эпистеме контроля. При этом следует учесть, что уподобление, разъединение, синтезирование также построены на принуждении.

Культура — совокупность дискурсов, прежде всего языковых. Тот субъект, который управляет дискурсами, способен манипулировать другими субъектами, чья субъектность если и не исчезает полностью, то становится под вопросом. Процесс управления дискурсами, с одной стороны, подчиняет индивидов, с другой стороны, вне этого процесса препятствует хаотичности социокультурного пространства, а сам этот процесс позволяет кристаллизироваться знанию и власти.

Фуко выделяет ряд процедур, характерных для контроля над дискурсами: запрет, разделение, отбрасывание, оппозиция истинного и ложного [8, с. 52–55].

Но самая для нас важная мысль в анализе эпистем Фуко заключается в выводе о фактическом отсутствии в пространстве культуры до XIX в. такого явления, как безумие: «безумцы не считались больными» [2, с. 390]. Действительно, наука, конструируя свой предмет исследования, проводит искусственные, насильственные границы в структуре бытия.

В критическом дискурс-анализе, который опирается на интеллектуальную традицию франкфурсткой школы, постструктурализма, неофрейдизма, используется понятие «коммуникативная власть», которое позволяет нам увидеть связь между языком и насилием на разных уровнях, возможно непривычных, поскольку речь, как и в случае с примерами Жижека, идет о скрытых проявлениях, в частности выраженных в СМИ. С другой стороны, сюжеты, которые используют в исследовании сторонники метода, описывают реалии, связанные с обыденной жизнью человека, рутину, которая оказывается наполнена насилием, ибо любая культура основана на коммуникации и иерархии.

Дискурс, текст, язык и речь можно понимать как синонимы, при этом понятие дискурс претендует на глобальное применение, фактически отождествляясь с социокультурным пространством и, что важно, знанием и представлением о нем. Важным в этом отношении является тезис о том, что весь мир — это текст. Также уточним, что категории «язык» и «речь» позволяют видеть разницу трактовок через оппозицию «письменно — устно», демаркация таких граней может быть принципиальной.

Дискурс понимается как контекстуальное взаимодействие, обязательный учет социальной практики с целью выявить сложные отношения между социальной структурой и структурой дискурса.

В рамках критического изучения дискурса разработке подлежит сам концепт власти с акцентом на тех измерениях, которые касаются коммуникации. Следует сказать, что проработка категории «власть» в

данном подходе выглядит более детальной, возможно, из-за изначального фокусирования методологической оптики именно на языковых практиках, свойственных субъектам. Изучая дискурсивное воспроизводство злоупотребления властью, представители данного подхода, в частности Тён ван Дейк [1], Рут Водак [10] и др., с одной стороны, уделяют внимание семиотическим характеристикам дискурса, подвергая анализу скрытые смыслы, транслируемые в средствах массовой информации, в заявлениях политических деятелей, повседневных разговорах, учебниках [3, с. 14] и иных источниках, с другой — выходят на вопросы социального неравенства, справедливости, выявляя тиражируемые расовые и этнические предрассудки, стереотипы, в конечном счете имея возможность выстроить образы «своих» и «чужих», охарактеризовать портрет ин- и аут-групп. Безусловно, данный анализ невозможен без обращения к ресурсам социальной философии, этики, моральной философии. Концепты критического дискурс-анализа нуждаются в детализации в рамках более глобальных подходов социальных наук. Как следствие, обозначенные выше методологии и отдельные идеи философов необходимо учитывать в рамках развития единой междисциплинарной области дискурсных исследований, определения социального измерения функционирования языка.

Отдельное внимание в критическом дискурс-анализе уделяется властным группам, управляющим публичным дискурсом: СМИ, государственные организации, бизнес-корпорации. Использование языка — злоупотребление языком, порождающее доминирование, представленное в многообразии повседневных практик, которые во многом являются нормой или даже обладают положительной коннотацией для разных социальных групп и нуждаются в пристальном и междисциплинарном изучении: «манипуляция», «внушение», «дезинформация» — слова, которые часто ассоциируются с работой СМИ. Кроме того, социокультурный опыт человечества наполнен сюжетами о сексуальных притязаниях, коррупции, дискриминации, буллинге, не говоря уже о терактах, войнах, катастрофах. Важно понимать, что все эти процессы для субъекта могут

существовать как непосредственно, так и опосредованно, через текст, в котором важно выявить нелегитимную объективность.

Таким образом, согласно представленным теориям, можно сделать ряд частных выводов, определяющих заглавный тезис: язык — инструмент насилия. Как минимум, можно говорить о разных сферах его применения: политика, социальные отношения, процесс познания, этические суждения, экономический уклад и в конечном счете повседневные практики людей. Так, наука, достижения которой репрезентированы через текст, через коммуникацию, отражает несвободный, насильственный характер своего развития и функционирования. Объективное освещение информации посредством прессы затруднено; трансляция смыслов и нарративов превращается в конструирование образов врага, а отбор материла происходит тенденциозно.

В понимании природы власти возможна дихотомия, которая представляется скорее формальной, чем сущностной дилеммой. Не все из обозначенных нами авторов проводили четкую границу между властью, насилием, доминирование и силой. С одной стороны, власть видится как явление внешнего порядка по отношению к субъекту, который ее ощущает на себе или на примере субъекта, который получает или теряет властный ресурс. С другой стороны, власть отражает норму, своего рода консенсус в обществе, имеющего имманентный и конституирующий характер для социальной системы, представляя собой индикатор легитимности и порядка. Насилие, концептуализированное в языке, есть дискурс. Насилие имеет онтологическую природу. Особенности этого феномена не выводятся из биологической или социальной сущности человека и общества, при этом выступают проявлением именно коллективного бытия человека. Сам акт и факт вхождения в социальное порождает насилие. В этой связи возникает опасность инструментализированного понимания человека, потери его субъектности. Онтологическая природа насилия посредством языка формирует социальные отношения власти и насилия, имеющие институциональное измерение.

Список литературы

1. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.

2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. 576 с. (Книга света).

3. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.

4. Арендт Х. О революции. М.: Издательство «Европа», 2011. 464 с.

5. Жижек С. О власти. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.

6. Жижек С. Как читать Лакана // Dream Work. URL: http://dreamwork.org.ua/славой-жижек-как-читать-лакана/ (дата обращения: 30.05.2020).

7. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009. 334 с.

8. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. М.: «Касталь», 1996. 448 с.

9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. статья Н. С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994. 408 с.

10. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Пер. с англ. Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2018. 404 с.

References

1. Dijk, T. van. Discourse and Power / Translated from English. Moscow: Librokom, 2013. 344 p.

2. Foucault, M. Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. St. Petersburg, 1997. 576 p.

3. Arendt, H. On Violence / Translated from English by G. M. Dashevskiy. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2014. 148 p.

4. Arendt, H. On Revolution. Moscow: Yevropa, 2011. 464 p.

5. Žižek, S. On Power. Moscow: Yevropa, 2010. 184 p.

6. Žižek, S. How to Read Lacan // Dream Work. URL: http://dreamwork.org.ua/славой-жижек-как-читать-лакана/ (access date: May 30, 2020).

7. Žižek, S. The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity. Moscow, 2009. 334 p.

8. Foucault, M. The Will to Truth / Translated from French. Moscow: Kastal, 1996. 448 p.

9. Foucault, M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences / Translated from French by V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova; foreword by N. S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.

10. Wodak, R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean / Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr, 2018. 404 p.

УДК/UDC 140.8

Методологическая функция социальной философии в контексте основных исследовательских программ медико-философского знания: основания и трансформативный потенциал

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются место и роль философских оснований в содержании гуманитарных наук и естествознания, определяющих мировоззренческую и методологическую структуру этих наук. Современный рационализм представлен в качестве объяснительно-прогностического концепта. Показано его значение в сфере познания и новых технологий в период проникновения оценочного подхода в упорядоченный контекст естественно-технического, социального и медицинского знания через терминологическое заимствование с выраженным оценочным содержанием. Регулятивные принципы применяются как индивидуальные методологические «подсказки» в решении конкретных научных проблем в условиях ревизии научных стандартов, показано проблемное поле гуманитарного мышления и познания. Рационализация гуманитарности в период цифровизации гуманитарного знания служит в качестве ее аксиоматической характеристики, которая соединяется с контекстным духовно-историческим содержанием. Его философские основания охватывают методологические и социальные аспекты, интегративность, что значит объединение знаний о человеке и его сложной природе, полученных в разных областях познания.

Ключевые слова: социальная философия, методология, философские основания, гуманитарное знание, мировоззрение, наука, рациональность, традиция, культура,

субъект, оценка, мир жизни, естествознание, исследовательская программа, история, реальность, технологии.

The Methodological Function of Social Philosophy in the Context of the Basis Research Programs of the Medical and Philosophical Knowledge: Foundations and Transformative Potential

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History
Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

This article provides an overview of the place and role of philosophical foundations in the content of the humanities and natural science, which determine the worldview and methodological structure of these sciences. Modern rationalism is presented as an explanatory and prognostic concept. The author shows its importance in the field of cognition and new technologies during the period when the evaluation approach appeared in the orderly context of natural and technical, social, and medical knowledge through terminological borrowing with an expressed assessment content. Regulatory principles are applied as individual methodological "clues" in solving specific scientific problems in the context of auditing scientific standards; the problematic field of humanitarian thinking and cognition is shown. The rationalization of humanitarianism during the period of digitalization of humanitarian knowledge serves as its axiomatic characteristic, which connects to the contextual spiritual and historical content. Its philosophical foundations cover methodological and social aspects, integrativeness, which means combining knowledge of a man and his complex nature, obtained in different fields of cognition.

Key words: social philosophy, methodology, philosophical foundations, humanitarian knowledge, worldview, science, rationality, tradition, culture, subject, assessment, world of life, natural science, research program, history, reality, technology.

Гуманитарное познание взаимосвязано с философским познанием таким образом, что основанием их взаимодействия служит принцип конкретно-историчности, имеющий свой собственный потенциал, требующий самоосмысления (Selbstbesinnung) в аспекте его трансформативности. Продолжая традицию кантовской позитивной оценки конечности (Endlichkeit) бытия человека [1, с. 486–487], она аккумулирует методологический инструментарий оценки и анализа ее онтологического статуса, ценностей и отношений.

Гуманитарное знание и гуманитарная наука сXIXв.выходят в центрсоциально-философской проблематики, что преобразует философские представления о реальности [2, с. 124–125]. Преобразования, которые наиболее интенсивно наблюдаются до 1923 г. [3, с. 194–195], меняют мировое сообщество и, как следствие, общественно-исторические науки. Смена парадигмы гуманитарного знания в России [3] - «переход от мира науки к миру жизни»-затронул теоретическую философию [4, с. 7] и ее методологические основания. Философия гуманитарных наук выступает до настоящего времени незаконченной программой [4, с. 197].

Актуальность самоосмысления социально-философской проблематики с середины прошлого века выражается во влиянии неопозитивизма и сциентизма на гуманитарное познание, в связи с чем исследовательская программа гуманитарных наук и философии претерпевает обновление. Основания и когнитивная самостоятельность гуманитарности содействуют завершению ее образа в текущем историческом контексте. Анализ оснований философии гуманитарности возможен только согласно базовому принципу -принципу конкретной историчности познания и понимания [5].

Влияние философских оснований гуманитарных наук на обоснованность научных концепций связано с проявлением признаков их всеобщности и интегративности. Именно это объединяет знание о человеческой природе - полученное в естествознании и социогуманитарных науках.

Натуралистическая программа исследований с XVII в. играла системообразующую роль в нормировании научности, что происходило в соответствии с образцами естествознания, которое аналитико-синтетическим путем представило модель природы, общества и истории. Методология гуманитарности формировалась в контурах философии истории и в контурах социогуманитарного знания. Развитие гуманитарного знания в пространстве естественных наук представлено у М. Фуко. Здесь история расчленяется гуманитарными науками и интегрирует их одновременно. «История образует "среду"гуманитарных наук. . . » [6, с. 389]. Философией истории методологически разработана проблема целостности исторического процесса и роли диалектики в социальном познании. С XVI в. в социальные науки проникают в естественнонаучные для описания сложных системных объектов, в т. ч. человека; также здесь начинают активно применяться математические методы, что образует междисциплинарное поле их взаимодействия.

До начала XXв. в методологии гуманитарных наук в решении проблем социальных наук применялся натурализм-методология естественных наук, в связи с чем феномены социальной жизни объяснялись исключительно на основе природных закономерностей. Долгая ориентация методологии философии и науки на естествознание повлияла на формирование категорий, стратегию познания и логико-методологические исследования. Но культурологический план в категориальном аппарате не нашел достаточного отражения. Это аксиологические аспекты социальной жизни и деятельности личности, вопросы поиска смысла жизни и трансформации ментальности, нравственность и историзм. Это свидетельствовало о соотношении философского и гуманитарного знания, всеобщего и конкретного знания о человеке.

Социогуманитарное знание обращается к абстракциям и понятиям, фиксирующим аксиосферукогниции, структурность мировоззрения и многое другое.

Постижение исторической реальности посредством научного инструментария с начала прошлого века происходит в сравнительном со-

отнесении философско-методологических оснований исторического знания с естественнонаучным [3, 5]. Одновременно проявляется проблема признаков дифференциации научного познания по предмету и методу. Натурализм взаимодействует с формами позитивизма. Структурно-функциональный подход приближен к натуралистической программе, поскольку в социуме происходит проявление тех самых функциональных и структурных связей, что и в природной среде, но в то же время натурализм не обращается к методу понимания.

К началу XX в. кризис натурализма связан с осознанием различий природы и культуры, отличий природных и социальных объектов друг от друга [5, с. 290]. Культур-центристская исследовательская программа строится на различии культуры и природы как: «. . . социальный мир. . . теперь уподобляется субъекту, человеку» [5, с. 291].

Общий объект исследования, связывающий натуралистическую и культур-центристскую программы, становится основой их взаимной трансформации.

Аксиологический план гуманитарного знания рассматривается Г. Риккертом. Мыслитель указывает на его отличия от естествознания [7, с. 90–91] и на принцип ценности в анализе культурных процессов [7, с. 80–81]. Это послужило точкой отсчета для аксиологического принципа как методологического основания исследования человека и иных социокультурных феноменов.

М. Вебером, Х.-Г. Гадамером, Р. Дж. Коллингвудом, К. Поппером [8;9;10;11]разрабатывается методология исследования аксиологической плоскости социогуманитарного познания. Особенности методов социогуманитарных наук - их аксиологический аспект и ориентация их социальных оснований на качественную сторону реальности. Так, «науки о духе», «исторический мир» и «философия в ее истории» [3, с. 202] -суть основания философии гуманитарного знания. Исторический и систематический подходы содержат данные аспекты.

Термин «науки о духе» [12, с. 24–25] символизирует рефлексивный потенциал философии гуманитарных наук, человеческое са-

моосмысление. В. Дильтей, обозначив основания современной философии гуманитарных наук, понимает под этим термином всю область духовно-исторической реальности [13, с. 281–282], человеческие отношения и методы толкования событий, логику «человечески-общественно-исторического мира» [14, с. 3, 88]. Логика человеческих взаимодействий развивается по законам сложных самоорганизующихся открытых систем, описывающих явления случайности, неравновесности, нестабильности, что означает актуальное включение предмета гуманитарных наук в мир жизни посредством герменевтических понятий Дильтея: «переживание», «выражение», «понимание»,образующих эмпирическое основание гуманитарности. По нашему мнению, категория «воспоминание» должна быть включена в этот ряд, поскольку «воспоминание человека о его собственном опыте образует фон всего нашего знания об обществе...» [15, с. 140]. Понимание как метод познания духовности обосновано Дильтеем для анализа эпохальных ценностей, ставшего методологическим инструментарием социогуманитарных наук. После этого культурцентристская программа исследований устанавливает концептуальные границы объяснения процессов и феноменов с последующим формированием концептуальных структур на базе принципа понимания.

Вопрос об историческом основании гуманитарного знания обретает свою актуальность в XX в., когда его эпистемологической средой становится история, которая вместе с другими дисциплинами образует контуры междисциплинарности. История исследует социум через тексты, и вполне способна «...рассматриваться как основание гуманитарного и всего научного знания, ведь основание часто ищут в прошлом (образ прошлого, который создает история - это и есть основание)» [16, с. 339].

Логика современных информационных технологий, истоки которых изначально коренятся в рациональности, не следует за логикой содержания сознания действующего субъекта, подчиняющегося в своей деятельности логике этого мира. Подчинение индивидуального мира логике сети Интернет активно формирует мотивированные интересы пользователя. Как новая область столкновения субъективности и одновременно

объект «бессубъективной эпистемологии» глобальная сеть в настоящее время определяет нормативно-ценностные черты субъектов сетевой активности. Осознание проблем ответственности, долженствования, сетевых угроз, рефлексивного отношения к системам ценностей и императивного поведения является междисциплинарной проблемой, расположенной в поле межгосударственного и международного сотрудничества. Интенсивные изменения статуса ценностей в современном социокультурном контексте, релятивизация и технизация их норм формируют у субъекта сознание пользователя со стратегическим отношением к реальности как к «иной», где рациональность присутствует как атрибут деятельности. Онтологический статус в этих условиях сохраняет только ценность личности самого субъекта, способного выстраивать основания собственной информационно-психологической безопасности на основе образованности и просвещенности в целях повышения собственного культурного уровня.

Обсуждение социальной проблематики современного техногенного общества в научной литературе [17–18] затрагивает вопросы технизации социальных практик и роли технологий, изменения систем ценностей и мировоззрения, самоорганизации техносферы, фрагментации коммуникации социальных субъектов, хранения информации в нейроструктурах памяти субъекта и многие другие.

Создание стратегий, основанных на инструментальном вмешательстве в реальность, когда вещи применяются в процессе человеческой деятельности целенаправленно и рационально, составляет сущность технологического развития. В медицине инструментальную функцию выполняет мировоззрение, алгоритмизирующее человеческий онтос. Историческое формирование мировоззрения человека прошло путь от мифологического восприятия через религиозную веру к философскому знанию. Соответственно, формирование основных исторических типов мировоззрения - мифологического, религиозного и философского -означает их применимость в качестве методов познания в медицине и понимание со-

ответствующего типа мировоззрения как инструмента лечебного воздействия во врачебной практике в определенные исторические периоды.

Мировоззрение можно рассматривать не только с позиций его содержания, которое является результатом отражения действительности в человеческом сознании, но и с позиции взаимосвязи знания о мире и о человеке как социальном субъекте. При данном подходе на первое место выходит значение знания для человеческой жизнедеятельности. Поэтому мировоззрение следует понимать не просто как систему обобщенных знаний о человеке и мире в целом, а как систему знаний, означающую для социального субъекта характерный для него способ понимания, видения, анализа и оценки явлений. Такая система определяет особенности отношения человека к миру и к себе, сознание целей и смысла жизни, характера поступков и действий. Оно и есть способ духовно-практического освоения мира. Подобное освоение для врача означает интеллектуальную ориентацию в сфере теоретического знания и одновременное овладение им профессионально-практическими навыками. В связи с этим применимы оперативные понятия «обыденного мировоззрения» и «врачебного мировоззрения».

Обыденным мировоззрением обозначается совокупность обыденных и стереотипных представлений о мире и механизмах его взаимодействия с человеком в разных сферах жизнедеятельности. Обыденное мировоззрение присуще человеку как биологическому объекту и субъекту определенной социальной среды. Оно непосредственно влияет на физиологические процессы в организме (механизмы адаптаций и пр.), реализующиеся в поведенческо-социальные, и имеет ряд свойств. В медицинском познании мировоззрение человека изучено в аспекте его физиологических проявлений: либо как компонента поддержания здоровья, либо как сферы приложения лечебного воздействия со стороны врача. Это характеризует его деятельную или инструментальную функцию как важнейшую в практическом отношении, тогда как модульности ее отводится ряд отдельных исследований [19].

Сущностью мировоззрения является совокупность информационных взаимосвязей организма со средой (психогенно обусловленная взаимосвязь внутреннего и внешнего мира). Это означает представление о мировоззрении как системе координат, помогающей человеку ориентироваться во внешнем и внутреннем мире и эффективно обрабатывать жизненно важную информацию. Кроме того, мировоззрение обладает и физиологическим потенциалом. В психоанализе хорошо показана значимость для жизнедеятельности человека его жизненного плана, предопределяющего индивидуальное развитие и бытие. Мировоззрение понимается еще и как «устойчивая совокупность принципов и алгоритмов обработки информации об окружающем мире» [20, с. 53].

Свойствами обыденного мировоззрения являются косность, низкая пластичность, авторитарность. Мировоззренческие аспекты жизнедеятельности как социально значимые изучаются все более углубленно: с середины 80-х гг. XX в. Г. И. Царегородцевым введено понятие информационного гомеостаза для обозначения информационной природы высшего чувства ориентирования. Болезнетворное влияние мировоззрения с последующим преобразованием эффекта в соматические или психические болезни проявляется достаточно часто. Сюда относится разрушение религиозных, научных и идеологических систем, изменение статуса государств, последствия распада империй, проигранных войн, изменений государственного устройства, а также психосоматические явления, связанные с верой, табуированием, совестью и долгом, восприятием смерти, неполноценности, изменением социального положения. Мировоззренчески обусловленные заболевания разделяются на три группы. Первая группа связана с разрушением самой мировоззренческой системы и затрагивает достаточно большие массы людей. В качестве примера можно привести Россию с конца XIX в. Вторая группа связана с ситуациями по совершению действий, запрещенных в поле данной мировоззренческой системы. Сюда относятся, например, нарушение табу, долга, предательство и прочие обстоятельства, в результате которых мировоззрение превращается в болезнетворный, «карающий» фактор. Третья группа

связана с чрезмерностью «вживления» в действующее мировоззрение, в результате чего оно оказывает прямое болезнетворное действие (формы религиозной истерии и др.) [20, с. 54].

«Врачебное мировоззрение»- основа клинического мышления. Термин охватывает целостную совокупность представлений, используемых в профессиональной лечебной деятельности. Настоящий комплекс объединяет представления о сущности, механизмах развития болезни, механизмах реализации лечебного эффекта в пределах картины мира, доступной при коммуникации врача и больного. Врачебное мировоззрение служит непосредственным и значимым инструментом лечебного воздействия на организм больного посредством слова и информации в системе ее распознавания и восприятия [20, с. 56].Для философского исследования инструментальности ключевым моментом является то, что «вещи используются в процессе человеческой деятельности для управления нашей жизнью и для контроля над окружающей средой» [17, с. 102–103]. В связи с этим в социально-философском контексте впервые обозначены инструментальное и производственное измерения технологий [17] в целях объединения философско-методологических ориентиров соответственно рациональным основаниям традиции инструментального и производительного подходов. В условиях активной замены физикалистского мышления на цифровое [21, с. 229] анализ инструментальной сути технологий, истоков техногенного общества, формирующего глобальную техносферу, и коммуникации субъектов ведет к оценкам виртуальной реальности и ее структур, а не реальности природной, и человека как над органической ее части.

Рациональность и ее основания в медицине обеспечиваются стабильностью исходной когнитивной конструкции, которая лежит в основе конкретного направления медицины.

Устойчивость совокупной архитектоники мировоззренческой концепции выступает в медицине как высшая ценность, превосходящая ценности гносеологического ряда. Высокий же ценностный аспект идеологии подтверждает тезис о том, что овладение миром (его внутренней,

физиологической составляющей) осуществляется, протекает как через процесс познания, так и за счет других механизмов.

Мы разделяем теоретико-методологическое положение об организме как о диссипативной структуре, в физиологическом состоянии находящейся в пределах детерминистической фазы, а в состоянии болезни приближающейся к процессу флуктуации [20, с. 101]. В условиях «слабой детерминации» аспект медицины в качестве искусства по своей познавательной и деятельной активности становится не менее значимым, чем ее научная ипостась [20]. Это означает, что медицинское мировоззрение применительно к познавательной, исследовательской деятельности должно быть научным, а применительно к практике-более соответствующим потребностям творческой деятельности как акта терапии. Кроме того, лечение является субъект-субъектным процессом, в котором мировоззрение играет понятийную роль, выступая как инструмент коммуникации, по отношению к которому представление о научности и гуманитарности приобретает особый смысл.

Очевидна и актуальность принципа взаимодополнительности рационального подхода иррациональным, о чем свидетельствуют выводы представителей современной философии науки [22, с. 53–54] в рассмотрении объяснительной стороны развития научного знания [23, с. 236] в период внедрения новых биотехнологий, опережающих развитие фундаментальной науки.

Таким образом, мировоззренческие, философские основания гуманитарных наук объединили совокупность фундаментальных принципов, отражающих важнейшие стороны всей субъективной (мир человека) и объективной (мир жизни) реальности. Понимание логики развития этой реальности предполагает рациональное методологическое применение категории синергетического подхода, признающего стохастические процессы и неоднонаправленность исторического будущего. В русле данного подхода выявляется объяснительная, поисковая и трансформативная способность основных исследовательских программ - натуралистической и культур-центристской, а также источник движения методо-

логии гуманитарного знания, заложенный в их противоречивости. Современный рационализм выступает и оценивается как «объяснительно-прогностический концепт в сфере новых технологий в период, когда осуществляется проникновение оценочного подхода в упорядоченный контекст естественно-технического и медицинского знания через терминологическое заимствование с выраженным "оценочным содержанием ...использование регулятивных принципов, которые присутствуют в индивидуальном сознании как эвристические указатели и предписания, принимающие участие в мысленном конструировании познаваемых объектов» [23, с. 237–238]. Обладая различной степенью общности, регулятивные принципы действуют как «индивидуальные подсказки» [24, с. 64–79] в решении конкретных научных проблем в условиях ревизии привычных научных стандартов и появлении новых интерпретаций, приближающих к более ясному и полному познанию действительности [23, с. 238]. Поэтому именно равномерность рационализации гуманитарности в период цифровизации последней способна выступить в качестве ее аксиоматической характеристики.

Инструментальное измерение медицинских технологий исследуется в направлении особенностей познания природы высшего чувства ориентирования деятельно-активного социального субъекта [25], оснований его ценностей [26] и мировоззрения, в котором изучение информационной природы когнитивных процессов занимает одно из ведущих мест.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

2. Апель К. О. Трансформация философии / Пер. с нем. под ред. В. Куренного. М.: Логос, 2001. 339 с.

3. Махлин В. Л. Философия гуманитарных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. С. 194–220.

4. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 366 с.

5. Федотова В. Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. С. 285–305.

6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. 408 с.

7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. под ред. А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998.

8. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 804 с.

9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. под общ. ред. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

10. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

11. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Междунар. Фонд «Культ. инициатива», 1992. 525 с.

12. Bodammer, T. Philosophie der Geisteswissenschaften. Freiburg; Munchen: Alber, 1987. 312 p.

13. Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. В. С. Малахова. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270–730.

14. Dilthey, W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Gesammelte Schriften: Bd. VII. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 381 p.

15. Розеншток-Хюсси О. Прощание с Декартом // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 139–144.

16. Вышегородцева О. В., Счастливцев Р. А. Философия и методология истории // Философия науки. Методология и история конкретных наук / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. С. 326–380.

17. Пелевин С. И. Роль развития технологий в становлении современного общества как техногенной цивилизации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 6А. С. 101–108.

18. Pelevin, S. I., Taubaev, B. D., Baklanov, I. S. Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. No. 11. Pp. 2437–2443.

19. McNamara P. The Neuroscience of Religious Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 318 p.

20. Слесарев В. О. Теория и методология модели философского обеспечения практической медицины. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. 200 с.

21. Бажанов В. А. Мозг — культура — социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.

22. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.

23. Hamnet B., Навроцкий Б. А. История науки и история рационализма: любовь и предательство // Философские проблемы биологии и медицины: Феномен биорациональности. Вып. 13. М.: Ленанд, 2019. С. 235–238.

24. Навроцкий Б. А. Методология научных исследований. Волгоград: Изд-во ВолгГТУ. 2019. 84 с.

25. Rusinova, M. Reflectional Conference on Research // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education RHSCE'16: November 29–30, London, United Kingdom. London, 2016. Pp. 90–91.

26. Mathews, D. J. H., Bok, H. Brain Research and Cognition // Handbook of Neuroethics / J. Clausen, N. Levy (eds.); Heidelberg; New York; London: Springer, 2015. Pp. 1151–1166.

References

1. Kant, I. Critique of Pure Reason. Moscow: Mysl, 1994. 591 p.

2. Apel, K. O. Transformation of Philosophy / Translation from German edited by V. Kurennoy. Moscow: Logos, 2001. 333 p.

3. Makhlin, V. L. Philosophy of Humanities // Philosophy of Science. Methodology and History of Specific Sciences / T. G. Shchedrina (ed.). Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2007. Pp. 194–220.

4. Gadamer, H.-G. The Relevance of the Beautiful. Moscow: Iskusstvo, 1991. 366 p.

5. Fedotova, V. P. The Main Research Programs of the Social Sciences and Humanities // Philosophy of Science. Methodology and History of Specific Sciences / T. G. Shchedrina (ed.). Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2007. Pp. 285–305.

6. Foucault, M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.

7. Rickert, H. Science and History: A Critique of Positivist Epistemology / Translation from German edited by A. F. Zotov. Moscow: Respublika, 1998.

8. Weber, M. Selected Works / Translation from German edited by Yu. N. Davydov. Moscow: Progress, 1990. 804 p.

9. Gadamer, H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics / Translation from German edited by B. N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988. 704 p.

10. Collingwood, R. J. The Idea of History. Moscow: Nauka, 1980. 485 p.

11. Popper, K. Open Society and Its Enemies / Translatiton from English edited by V. N. Sadovskiy. Vol. 2: The Time of the False Prophets: Hegel, Marx, and Other Oracles. Moscow: Kulturnaya initsiativa, 1992. 525 p.

12. Bodammer, T. Philosophie der Geisteswissenschaften. Freiburg; Munchen: Alber, 1987. 312 s.

13. Dilthey, W. Introduction to the Human Sciences: An Attempt to Lay a Foundations for the Study of Society and History / Translated from German V. S. Malakhov. Vol. 1. Moscow: Dom intellektualnoy knigi, 2000. Pp. 270–730.

14. Dilthey, W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Gesammelte Schriften: Bd. VII. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 381 S.

15. Rosenstock-Huessy E. Farewell to Descartes // Questions of Philosophy. 1997. No. 8. Pp. 139–144.

16. Vyshegorodtseva, O. V., Schastlivtsev, R. A. Philosophy and Methodology of History // Philosophy of Science. Methodology and History of Specific Sciences / T. G. Shchedrina (ed.). Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2007. Pp. 326–380.

17. Pelevin, S. I. Role of Development of Technologies in Formation of Modern Society as Technogenic Civilization // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being // 2018. Vol. 7. No. 6A. Pp. 101–108.

18. Pelevin, S. I., Taubaev, B. D., Baklanov, I. S. Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. No. 11. Pp. 2437–2443.

19. McNamara P. The Neuroscience of Religious Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 318 p.

20. Slesarev, V. O. Theory and Methodology of the Model of Philosophical Support of Practical Medicine. Saransk: Krasnyy oktyabr, 1998. 200 p.

21. Bazhanov, V. A. Brain—Culture—Society: The Kantian Program in Cognitive Research. Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2019. 288 p.

22. Moiseyev, N. N. Farewell to Simplicity. Moscow: Agraf, 1998. 480 p.

23. Hamnett B., Navrotskiy, B. A. The History of Science and the History of Rationalism: Love and Betrayal // Philosophical Problems of Biology and Medicine: The Phenomenon of Biorationality. Vol. 13. Moscow: Lenand, 2019. Pp. 235–238.

24. Navrotskiy, B. A. Research Methodology. Volgograd: Volgograd State Technical University. 2019. 84 p.

25. Rusinova, M. Reflectional Conference on Research // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education RHSCE'16: November 29–30, London, United Kingdom. London, 2016. Pp. 90–91.

26. Mathews, D. J. H., Bok, H. Brain Research and Cognition // Handbook of Neuroethics / J. Clausen, N. Levy (eds.); Heidelberg; New York; London: Springer, 2015. Pp. 1151–1166.

УДК/UDC 304.4

К вопросу о внешней и внутренней обусловленности эволюционных и революционных изменений в истории

Яковлева Елена Викторовна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e -mail: kommings@mail.ru
SPIN-код: 7885-4574

Аннотация

Статья посвящена анализу соотношения внутренних и внешних факторов социально-исторических изменений в обществе. Обосновывается позиция, в соответствии с которой изучение исторических процессов, опирающееся исключительно на анализ внутренних характеристик локального общества, является неполным. Рассматривается вопрос о внутренних и внешних предпосылках социально-политической динамики. Анализируются эволюционные и революционные процессы. Обосновывается, что они в значительной мере зависят от внешних факторов. С учетом возрастающего уровня внешних взаимодействий в условиях глобализации доказывается значимость соотнесения моделей естественного развития общества с его актуальным состоянием, в результате чего может быть выявлено внешнее воздействие на ситуацию в обществе.

Ключевые слова: исторические изменения, революция, эволюция, внешние факторы социальной динамики, внутренние факторы социальных изменений.

On the External and Internal Conditionality of Evolutionary and Revolutionary Changes in History

Yakovleva Yelena Viktorovna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kommings@mail.ru
SPIN Code: 7885-4574

Abstract

The article analyzes the correlation between the internal and external factors of social and historical changes in society. The author states that the study of historical processes, based solely on the analysis of the internal characteristics of a local society, is incomplete. The article considers the internal and external prerequisites for socio-political dynamics, analyzes the evolutionary and revolutionary processes and states that they depend on a large extent on external factors. In view of the increasing level of external interactions in the context of globalization, the authors proves that it is important to relate the models of natural development of society with its current state, and, as a result, the external impact on the situation in society can be revealed.

Key words: historical changes, revolution, evolution, external factors of social dynamics, internal factors of social changes.

Одной из важных задач гуманитарного знания является осмысление логики исторического процесса. Это тот аспект истории, на котором акцентируют внимание многие авторы, указывая на значимость «уроков прошлого», знание которых может уберечь от ошибок в настоящем. Действительно, понимание того, в соответствии с какими принципами осуществляется исторический процесс, может выступить в качестве серьезного подспорья в осмыслении современности. Вот только, ставя вопрос о логике истории, мы зачастую сводим совокупность рассматриваемых предпосылок того или иного события к чрезмерно узкому набору факторов, в результате чего реальные причины того или иного события могут ускользнуть из поля зрения. Примерно такова ситуация, напри-

мер, в условиях оценки причин кардинальных изменений, происходящих на уровне локального общества. Опасность узких рационализаций в историческом знании очевидна, вместе с тем это нисколько не отменяет их негативное влияние на процесс познания исторической сферы.

В настоящей статье мы намерены расширить поле рассмотрения одного из важных аспектов исторического знания - проблемы эволюционных и революционных изменений в истории. С этой целью мы сопоставим проблему эволюционных и революционных изменений в обществе с вопросом о масштабе воздействующих на ситуацию факторов.

Для начала следует дать общую характеристику тематики эволюционных и революционных изменений в обществе как объекта научного познания.

Общество меняет свою структуру, подлежат изменениям социальные отношения, правовые нормы, формы экономических отношений, политическая ситуация. На уровне нормативно-правовой сферы производится закрепление социальных отношений и определение приемлемых форм их реализации. Также правовая сфера способствует закреплению общественной структуры. Основная проблема состоит в том, что структура общества находится в состоянии непрерывного динамического изменения под воздействием внешних и внутренних факторов, в связи с чем отношение правовой сферы к структуре общества также имеет динамический характер [1]. Все это может происходить последовательно и постепенно, в рамках развертывания определенного исторического курса, либо представлять собой процесс кардинальной трансформации, при которой происходит разрушение прежних устоев и формирование новых. Традиционно эволюцию понимают как процесс развертывания уже заложенных в обществе предпосылок существования различных социальных явлений и процессов, в то время как революция предполагает вытеснение старого порядка новым, что представляет собой фактически ломку сложившегося курса социального развития.

Одним из парадоксов рассмотрения эволюционного и революционного аспектов исторических изменений является то, что и в случае

развертывания существующих предпосылок социального развития, и в ситуации радикальных социально-исторических преобразований исследователи усматривают в социальной действительности предпосылки происходящих социальных изменений. Иными словами, и революционные, и эволюционные изменения рассматриваются как способ реализации предпосылок социально-исторических трансформаций, локализованных на уровне социальной действительности. И здесь они обнаруживают существенно большее сходство, нежели это принято традиционно рассматривать. Это, в свою очередь, актуализирует вопрос о том, каковы в действительности принципиальные различия между эволюционным и революционным способами общественной трансформации с точки зрения логики исторического процесса.

Остановимся подробнее на сущности социально-исторических изменений, связанных с эволюционным путем. Социальная эволюция предполагает момент преемственности основных общественных институтов, состояние которых меняется постепенно, в соответствии с заложенными в них принципами развития. Это означает прежде всего то, что обширные общественные трансформации осуществляются в рамках существующих общественных институтов с учетом ключевых определяющих аспектов их конфигурации. Принцип преемственности в социальной эволюции означает, что сохраняется основной набор социальных структур, при этом изменению подлежит форма их организации и носители функциональной активности, однако мера этого изменения ограничивается существующими принципами общественного устройства. Следующим важным аспектом эволюционных процессов в истории является плавность происходящих изменений, что выражается в принципе постепенности. При этом в ходе социально-исторического процесса на протяжении длительного периода может происходить накопление изменений, при котором имеют место крайне серьезные общественные трансформации, однако эти трансформации происходят в рамках той системы отношений, которая уже заложена в общественную структуру. Иными словами, средства изменения социальной системы уже заложены в саму эту систему,

что задает основные модели трансформационной активности и одновременно полагает ограничения, налагаемые на нее. Таким образом, если ставить вопрос о логике исторического процесса, социальная эволюция предполагает наличие набора принципов общественного устройства (в т. ч. его динамической трансформации), которые имеют определяющее значение.

Существует достаточно серьезный дискуссионный вопрос, заключающийся в том, какое место в этой системе координат занимает реформаторская деятельность, в рамках которой происходит подчас весьма существенная трансформация структурной определенности общества. В данном случае существует следующий набор возможных позиций, определяющих статус реформ в историческом процессе:

— реформы представляют собой частное проявление социальной эволюции, поскольку реализуются в рамках существующей системы отношений, не вызывая деструкции ее основополагающих элементов;
— реформы выступают в качестве самостоятельной формы социальных изменений, не относящейся к форме социальной эволюции;
— статус реформ как формы исторического изменения зависит от того, какие аспекты общественной жизни подлежат изменению и насколько масштабными являются эти процессы.

На наш взгляд, вопрос о статусе реформ в их отношении к основным выделяемым типам исторических изменений наиболее адекватно выражает третий из рассмотренных подходов. Обосновывая данный тезис, отметим, что, несмотря на то, что инициатором реформ является действующая власть, отдельные изменения, инициируемые ею, могут иметь радикально преобразующий социально-политическое устройство общества характер. Так, например, изменения в Германии, предшествовавшие Второй мировой войне, были осуществлены в системе действующей власти, однако фактически речь идет о радикальном преобразо-

вании политической структуры германского общества с последующим переходом к диктатуре.

Рассмотрим специфику революционного пути исторических изменений. Если эволюция предполагает трансформационные процессы в рамках существующей системы отношений, то революция предполагает смену этой самой системы отношений, т. е. изменение ключевых предпосылок и основополагающих элементов общественного устройства. В исторической практике революции реализуются преимущественно через насильственное свержение действующей власти с последующим изменением политического строя, сменой правящей элиты, обширными трансформациями в ряде сфер общественной жизни (наиболее отчетливо это прослеживается в правовой, административной и экономической сферах). Вместе с тем практика последних десятилетий свидетельствует о том, что возможным сценарием является протекание «бескровных» революций, в рамках которых народные массы проявляют неповиновение действующей власти, и дальнейшая деятельность текущих политических лидеров становится невозможной.

В этом контексте возникает вопрос о том, каковы предпосылки и основания революционных событий? Если рассмотреть классику социально-исторической теории, представленную в марксистской философии, мы обнаружим идею, в соответствии с которой революционные изменения являются закономерным (и необходимым) аспектом исторического процесса, будучи проявлением вырождения одних форм общественного устройства и их вытеснения другими. В этой системе координат революционные события - это результат кризиса существующей социально-политической парадигмы, а также существования развитых политических сил, способных вступить в борьбу с действующей властью. В этом плане кризисная ситуация имеет определяющее значение, поскольку она, с одной стороны, задает снижение возможностей действующей власти, с другой - задает мотивацию широких масс к изменению существующего социального порядка, который уже не удовлетворяет их. В данном случае одним из интересных подходов к трактовке социальных основа-

ний революционных событий является анализ социальной энтропии как условия дестабилизации общественной структуры [2]. Фактически речь идет о том, что в социальной среде накапливаются деструктивные тенденции, способствующие нарушению существующей системы отношений [3].

Одной из основных проблем исторического анализа эволюционных и революционных изменений является то, что причины этих изменений сводятся к ситуации внутри локального государства. Здесь мы снова останавливаемся на такой проблеме, как поиск логики исторического процесса, что предполагает усмотрение ключевых оснований общественной трансформации в актуальном на момент изменения состоянии общества. Такой подход, безусловно, в существенной мере оправдан, поскольку он позволяет поставить вопрос об условиях и факторах эволюционных и революционных изменений на уровне актуального социального состояния и, более того, выявить в существующих социальных системах предпосылки развития той или иной формы трансформационной динамики. Однако, на наш взгляд, исследование социальных изменений с точки зрения рассмотрения социально-политической системы, взятой самой по себе, в ряде случаев представляет собой ограниченный теоретический подход и грозит теоретической редукцией, в результате которой мы получаем не реальное отражение причин и оснований сложившейся ситуации, а ее рационализацию, сводящую социальные изменения к неполному ряду действующих оснований и факторов. Для того чтобы проиллюстрировать данную мысль, следует обратить внимание на такой аспект социально-исторических изменений, как соотношение их внешних и внутренних факторов (для локальной социально-политической системы). Для пояснения данной мысли следует обратиться к системному анализу и рассмотреть понятие открытой и закрытой систем, а также принципы их динамики. Закрытая система является замкнутой, и ее состояние определяется совокупностью характеристик составляющих ее элементов. Рассмотрение исторических процессов на уровне локальных обществ в ряде аспектов близко к анализу характеристик закрытой

системы, сбалансированность и структурная целостность которой определяет характеристики социально-исторического процесса. Собственно говоря, анализ первых революций базируется именно на этом подходе, ставящем во главу угла социально-политическую обстановку в конкретном локальном государстве. Вместе с тем с учетом того, что локальные социально-политические системы взаимодействуют друг с другом, подобного рода подход является однобоким, поскольку, помимо системы внутреннего социально-политического взаимодействия, имеют место также взаимодействия внешнего плана, выраженные в сотрудничестве локальных государств, столкновениях их интересов, военных конфликтах, взаимодействии социокультурного плана и, наконец, намеренном вмешательстве одних социально-политических систем в состояние других. Все это позволяет рассматривать локальное государство в качестве открытой системы, испытывающей на себе агрессивное воздействие внешней социально-политической среды. И вот здесь мы уже можем судить о том, что естественное течение исторического процесса на уровне локального общества нарушается рядом внешних воздействий, без учета которых становится проблематичным определение общей логики исторического процесса. Одним из первых авторов, рассмотревших открытый характер социально-политических систем и зависимость их внутренней динамики от внешней ситуации, является К. Поппер, сформировавший теорию открытого общества [4]. Для нас в данном случае важна в первую очередь не сама попперовская парадигма рассмотрения социальной динамики, а идея зависимости социально-политической обстановки в стране от совокупности внешних воздействий.

Применительно к тематике эволюционных и революционных изменений в обществе рассмотрение внешних факторов протекания исторического процесса ценно в том плане, что мы существенно обогащаем представление о ключевых факторах и механизмах протекания исторического процесса на уровне конкретно взятого общества. Рассмотрим, каковы основные факторы дополнения представлений об эволюционных процессах, связанные с включением в рассмотрение оснований социаль-

ной динамики совокупности внешних воздействий. В данном случае наблюдаются следующие аспекты социальных изменений:

— деструктивные воздействия, оказывающие влияние на социальную ситуацию (внешние социальные вызовы);
— стимулы внутренней трансформации общества, связанные с внешним взаимодействием (необходимость модернизации, перераспределение ресурсов, связанное с необходимостью сохранения обороноспособности, фактор международного сотрудничества и т. д.);
— заимствуемые социальные модели, определяющие трансформацию отдельных аспектов общественной жизни;
— целенаправленное вмешательство во внутреннюю политику государства и реакции на него со стороны политической системы.

Рассматривая специфику протекания революционных событий, следует держать во внимании следующие их факторы:

— агрессивное воздействие внешней среды как фактор дестабилизации ситуации в обществе (те самые кризисные предпосылки революционной активности, которые определяют недовольство масс);
— поддержка оппозиционных (в т. ч. революционных) движений внешними по отношению к локальному государству силами;
— наличие во внешней среде альтернативных социально-политических моделей, которые могут в сознании оппозиции носить целевой характер;
— предпосылки культурно-идеологического плана, сформировавшиеся во внешней для социально-политической системы среде.

Примеры внешнего влияния на эволюционные и революционные процессы многообразны: от реформ Петра Великого, фактически базирующихся на внешних моделях, до влияния Великой французской революции на вспышку революционных движений сразу в ряде государств. Другим примером в данном случае является зарубежная поддержка революционных движений в Российской Империи, предшествующая фев-

ральским событиям. В данном случае ключевое значение имеет то, что происходящие события выбиваются из логики исторического процесса, рассматриваемого исключительно на уровне локального государства. Таким образом, исторические изменения приобретают значительно более сложную обусловленность, что должно быть отражено на уровне гуманитарного знания.

Принцип внешней обусловленности эволюционных и революционных процессов приобретает тем большую значимость, чем выше интенсивность внешнего взаимодействия локальных государств. В этом плане современная ситуация глобального взаимодействия знаменует собой глубокую интенсификацию внешних факторов общественного состояния, ввиду чего рассмотрение той составляющей социально-политического процесса, которая связана с внешними его факторами, приобретает предельную актуальность. При этом возникают перспективы выявления внешних воздействий при условии сопоставления моделей, основанных исключительно на отражении внутренних естественных тенденций развития общества и его актуального состояния.

Список литературы

1. Яковлева Е. В. Право и общественная структура: динамический аспект взаимодействия // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сборник научных статей. Ч. II М.: Издательство «Перо», 2018. 165 с. С. 154–157.

2. Гнатюк М. А., Печкуров И. В., Воробьев Г. А. Диалектика эволюционных и революционных изменений в плоскости репрезентации социальной энтропии в истории российского общества // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 189–197.

3. Воробьев Г. А. Репрезентация социальной энтропии в российской истории в контексте эволюционных и революционных изменений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2016. № 4 (189). С. 98–102.

4. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. М.: Феникс, 1992. 448 с.

References

1. Yakovleva, Ye. V. Law and Social Structure: the Dynamic Aspect of Interaction // Current Trends and Innovations in the Development of Russian science: a Collection of Scientific Articles. Part II / Moscow: Pero, 2018. 165 p. Pp. 154–157.

2. Gnatyuk, M. A., Pechkurov, I. V., Vorob'ev, G. A. The Dialectics of the Evolutionary and Revolutionary Changes in Terms of Social Entropy Representation in the History of Russian Society // Humanitarians of the South of Russia. 2017. Vol. 6. No. 4. Pp. 189–197.

3. Vorobyev, G. A. Representation of Social Entropy in the Russian History in the Context of Evolutionary and Revolutionary Changes // The Bulletin of the Adyghe State University. Series: Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology. 2016. No. 4 (189). Pp. 98–102.

4. Popper, K. The Open Society and Its Enemies. In 2 vols. Moscow: Feniks, 1992. 448 p.

УДК/UDC 336.7

Финансовая грамотность студентов России и Германии: сравнительный анализ

Гар Эдуард
аспирант кафедры корпоративных финансов
Технический университет Дармштадта
г. Дармштадт, Германия
e-mail: gaar@bwl.tu-darmstadt.de
ORCID: 0000-0003-2499-3855

Дембинскайте Виктория Станиславовна
аспирантка кафедры банков, финансовых рынков и страхования
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: v.dembinskayte1986@gmail.com
SPIN-код: 9987-0237

Никитина Татьяна Викторовна
доктор экономических наук, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: t_nikitina2004@mail.ru
SPIN-код: 4012-1447

Скалабан Мария Павловна
студентка экономического факультета
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: skalaban-mariya@mail.ru
SPIN-код: 6590-0323

Ширек Дирк
доктор экономических наук, профессор кафедры корпоративных финансов
Технический университет Дармштадта
г. Дармштадт, Германия
e-mail: schiereck@bwl.tu-darmstadt.de
ORCID: 0000-0002-3064-2894

Аннотация

В статье проведен сравнительный анализ уровня финансовой грамотности студентов экономических специальностей в России и Германии. Выявлены факторы, определяющие финансовые компетенции. На основе регрессионных моделей найдены зависимости между социально-демографическими показателями, образованием и уровнем финансовой грамотности студентов. Сделаны выводы о необходимости повышения финансовой грамотности населения и осведомленности о долгосрочных инвестиционных продуктах с целью обеспечения достойного уровня жизни после выхода на пенсию.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая компетентность, финансовое поведение, демографические показатели.

Financial Literacy among Russian and German Students

Gaar Eduard
Master of Science, graduate student of the Department of Corporate Finance
Technical University of Darmstadt
Darmstadt, Germany
e-mail: gaar@bwl.tu-darmstadt.de
ORCID: 0000-0003-2499-3855

Dembinskayte Viktoriya Stanislavovna
graduate student of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russia
e-mail: v.dembinskayte1986@gmail.com
SPIN Code: 9987-0237

Nikitina Tatyana Viktorovna
Doctor of Economics, professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russia
e-mail: t_nikitina2004@mail.ru
SPIN Code: 4012-1447

Skalaban Mariya Pavlovna
student of the Faculty of Economics
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russia
e-mail: skalaban-mariya@mail.ru
SPIN Code: 6590-0323

Schiereck Dirk
Doctor of Economics, professor of the Department of Corporate Finance
Technical University of Darmstadt
Darmstadt, Germany
e-mail: schiereck@bwl.tu-darmstadt.de
ORCID: 0000-0002-3064-2894

Abstract

The article presents a comparative analysis of the financial literacy level of students in Russia and Germany. The factors determining the financial competence are revealed. On the basis of regression models dependencies between socio-demographic indicators, education, and level of financial literacy are found. Particular attention is paid to the need to improve financial literacy and awareness of long-term investments in order to ensure a decent standard of living after retirement.

Key words: financial literacy, financial competence, financial behaviour, demographic indicators.

Несмотря на то что Германия и Россия являются странами с развитыми экономиками и стабильными банковскими системами, физические лица и в той, и в другой стране неохотно пользуются инвестиционными продуктами и финансовыми инструментами, позволяющими увеличить

сбережения [1]. Исследования показывают, что во многом это связано с действующей пенсионной системой. Господствующая философия, основанная на принципе «живи по мере поступления средств», рано или поздно может дать сбой, особенно в период экономического кризиса. Одним из активно обсуждаемых решений данной проблемы является разработка индивидуальных пенсионных планов и, как следствие, стимулирование персональных инвестиционных накоплений посредством вложения денежных средств в ценные бумаги. Переход от государственной системы пенсионных накоплений к частной возлагает на физических лиц ответственность за свои сбережения, будущие инвестиции и разумное потребление в течение всего жизненного цикла [2]. При этом успех эффективного управления личными финансами во многом зависит от полученных знаний, навыков, умений и практического опыта.

В данном контексте связующим звеном между финансовой грамотностью и пенсионными накоплениями служит финансовое образование [3–4]. Исходя из этого, возникают следующие вопросы:

1. Насколько высок уровень образования в области финансовой дисциплины, планирования бюджета, персональных инвестиций в таких странах, как Россия и Германия?
2. Как глубоко в настоящее время студенты, получающие высшее экономическое образование, осведомлены о долгосрочном инвестировании?
3. Готовы ли они уже сейчас задуматься о пенсионных накоплениях?

Эти вопросы стали отправной точкой для проведения анкетирования среди студентов ведущих университетов России (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СПбГЭУ) и Германии (Технический университет Дармштадта).

Методология исследования. При проведении исследования было опрошено 65 студентов магистратуры по специальности «Промышленное машиностроение» в Техническом университете Дармштадта и 59 студентов бакалавриата и магистратуры по экономическому направлению

СПбГЭУ. Анкетирование было направлено на выявление связи между демографическими показателями, критерием самооценки, математическими способностями и финансовыми компетенциями. Опрос проводился в Германии в письменной форме во время лекций и в России с помощью онлайн-анкетирования (Google-форма) в декабре 2019 г.

Таким образом, цель исследования заключалась в определении факторов, оказывающих влияние на уровень финансовой грамотности студентов в сравниваемых странах - России и Германии.

В связи с тем, что опрос проводился среди студентов из Германии, не связанных с экономической специализацией, и студентов из России, получающих экономическое образование, уместно привести дифференциацию по направлениям обучения. Так, 43,1% всех опрошенных в России являлись студентами 1–2 курса экономического профиля, 20,2% обучались по направлению «Финансы и кредит» (3–4 курс), 14,7% - в магистратуре по экономическим направлениям (второй год обучения), 9,2% -по направлению «Математические методы и статистический анализ» (3–4 курс), 8,3% -по направлению «Бухгалтерский учет и аудит» (3–4 курс), 3,7% -по направлению «Экономика предприятия» (3–4 курс), 0,9% - в магистратуре по экономическим направлениям (первый год обучения).

Опрос состоял из трех блоков. В первом из них требовалось указать пол, возраст, а также оценить по шкале от 1 балла (очень низкий уровень) до 7 баллов (очень высокий уровень) свое понимание вопросов по разделам: управление личными финансами (учет доходов и расходов, использование банковских продуктов) и инвестирование для физических лиц (рынок ценных бумаг, паевые инвестиционные фонды (ПИФы)).

Для того чтобы определить, насколько финансовая грамотность связана с образованием, полученным в университете, студентам был задан вопрос о том, как много внимания в учебной программе уделялось финансовым дисциплинам (от «много» до «почти не было»).

Следующий блок вопросов, представляющий собой тест с вариантами ответов, был посвящен анализу финансовых компетенций, получен-

ных в процессе жизненного опыта и во время обучения в университете. Первые пять вопросов этого раздела содержали простые математически задачи, связанные с умножением, делением, сложением, вычитанием и умением работать с процентами. Далее следовало пять вопросов по базовой финансовой грамотности. Эта часть требовала знаний простых и сложных процентов, понимания инфляции и стоимости денег во времени. Восемь более сложных вопросов касались знаний о фондовых рынках, инвестиционных продуктах, а также о принципах диверсификации рисков.

Последний блок включал два вопроса, связанных с основами теории вероятности и умением делать прогнозы. В частности, спрашивалось, насколько вероятным респонденты считают наступление финансового кризиса через 5 и 25 лет.

Данные. Всего в опросе приняло участие 124 студента: 65 студентов магистратуры Технического университета Дармштадта и 59 студентов бакалавриата и магистратуры СПбГЭУ. Российская группа представлена в основном женщинами, в то время как в немецкой преобладают мужчины, что обусловлено направлением обучения. Самому старшему студенту на момент проведения исследования исполнилось 32 года (из Германии), самому младшему - 17 лет (из России). Самооценка собственных знаний в области финансовой грамотности показала, что студенты из России оценивают свои знания по самой высокой и близкой к высшей шкале, что гораздо лучше, чем у немецкой группы, половина из которой оценивает свои знания в области финансов на среднем уровне или чуть выше среднего. При этом стоит отметить, что немецкая группа избегает крайних оценок, таких как «очень низкое» и «очень высокое».

Аналогичная ситуация характерна для ответов по вопросам об образовании, посвященном финансам. Несмотря на то, что группа опрашиваемых студентов из России учится на экономическом направлении, количество студентов, заявляющих, что у них «почти не было» финансового образования (4) выше по сравнению с немецкой группой (0). Большинство студентов как в России (29), так и в Германии (38) оценили

степень внимания, уделенного в учебном процессе личному финансовому образованию, как среднее или выше среднего, что очевидно и логично для профильного направления экономического вуза СПбГЭУ в отличие от Технического университета Дармштадта.

Результаты исследования. В ходе анализа результатов анкетирования на первом шаге были рассмотрены вопросы по математике, а также базовые и сложные вопросы по финансовой грамотности.

Вопросы по математике были предназначены для проверки арифметических способностей. Более 90% студентов ответили на все пять вопросов правильно. Среднее значение составило 4,9 правильных вопроса для немецкой и российской подвыборки соответственно. Наиболее трудным для студентов оказался вопрос, связанный с вычислением процентов.

При составлении вопросов по финансовой грамотности в следующем блоке анкеты мы опирались на аналогичные исследования авторитетных ученых-экономистов [5; 6]. Первые пять вопросов этого раздела были связаны с базовыми понятиями финансовой грамотности: вычисление простого и сложного процентов, анализ инфляции, стоимости денег во времени. Вторая часть состояла из восьми вопросов, предназначенных для оценки уровня знаний по более сложным вопросам финансовой грамотности, таких как волатильность, различия между облигациями и акциями, диверсификация рисков, долгосрочные инвестиции. Следует отметить, что результаты по базовым вопросам финансовой грамотности оказались хуже по сравнению с математической частью. Первый вопрос о процентных ставках был единственным, на который более чем 90% ответов было дано правильно для обеих групп студентов - как в России, так и в Германии. Наибольшее расхождение между группами показывает вопрос о сложных процентах. При этом вопрос о стоимости денег во времени вызвал наибольшую сложность для обеих групп студентов. Так, более четверти российской группы ошиблись в этом вопросе. Во многом аналогичные результаты можно найти в работе Х. Батмана, проводившего исследование финансовой грамотности в Австралии [8]. Из немецкой

группы 72,3% опрошенных ответили на все пять вопросов, из которых в среднем 4,6 были правильные, тогда как только 27,1% российских студентов ответили на все пять вопросов верно (в среднем 3,8 из пяти правильных ответов).

Кроме того, было выявлено, что женщины отвечают на математические вопросы и вопросы, связанные с деньгами, лучше, чем мужчины, тогда как мужчины лучше отвечают на вопросы о сложных процентах, инфляции и стоимости денег во времени.

Ответы на сложные вопросы по финансовой грамотности показывают некоторые трудности в понимании взаимосвязи между ключевыми ставками и стоимостью облигаций, а также в знании структуры деятельности ПИФов, доходности и волатильности различных финансовых инструментов. На все эти вопросы ответы в значительной степени давались некорректно. Это означает, что даже студенты экономического направления не совсем понимают, как меняются цены облигаций в зависимости от изменения ключевых ставок в Центральных банках и дают ли акции более высокий доход, чем облигации или вклады. Аналогичные результаты представлены в статье А. Лусарди и О. Митчелл, где отмечается, что даже у студентов, имеющих профильное высшее образование, финансовая грамотность может быть на низком уровне [9].

На восемь сложных вопросов из второго блока верно ответили 1,7% российских студентов и 18,5% студентов из Германии. Гендерное сравнение показывает, что мужчины в пяти из восьми случаев более финансово грамотны, чем женщины. Абсолютно идентичный результат мы видим в исследованиях ряда авторов [10; 2; 6].

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о том, что немецкие студенты дали больше правильных ответов, чем российские. При этом различия в математической части не столь очевидны, в то время как ответы на базовые и сложные вопросы по финансовой грамотности показывают явные преимущества немецкой группы. Единственный результат, свидетельствующий о том, что студенты из России ответи-

ли лучше, был продемонстрирован в математической части студентами, оценивающими свои знания финансов как высокие.

Анализ результатов. При анализе связи финансовых компетенций студентов с демографическими критериями и критериями самооценки мы придерживались подхода Х. Батмана [8], в соответствии с которым был рассчитан балл для каждого респондента и каждого набора вопросов. Этот балл вычислялся посредством подсчета правильных ответов на группу вопросов и их стандартизации с помощью выборочного среднего и стандартного отклонения для получения трех показателей для каждого респондента.

На представленных ниже рисунках продемонстрированы пять групп графиков, охватывающих демографические показатели, образование, самооценку финансовых компетенций и кризисные ожидания. Слева представлена немецкая подвыборка, справа - российская. Качественные переменные отображены на гистограмме, количественные - на графиках. Ось ординат показывает средний балл по математическим вопросам, а также базовым и сложным вопросам по финансовой грамотности, ось абсцисс отображает соответствующие переменные. Светло-серый цвет обозначает вопросы по математике, серый - базовые, темно-серый - сложные вопросы по финансовой грамотности.

Важной особенностью взаимосвязи между компетенциями в области финансовой грамотности и полом является разница между ответами на сложные вопросы по финансовой грамотности и двумя другими категориями. Для мужчин этот показатель всегда положительный, а для женщин – всегда отрицательный, независимо от ответов на математические вопросы и базовые вопросы по финансовой грамотности. Это означает, что респонденты мужского пола в среднем лучше отвечают на сложные вопросы по финансовой грамотности, чем женщины (см. рис. 1).

Баллы в зависимости от пола респондентов

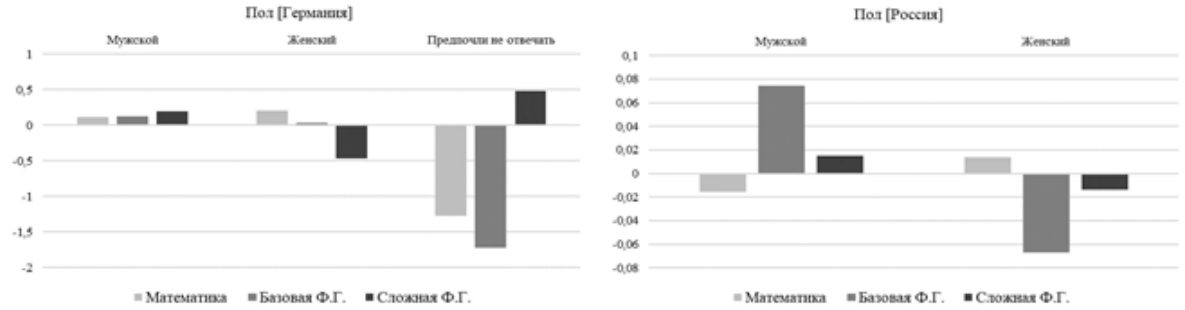

Рисунок 1

Баллы за ответы на математические вопросы и базовые вопросы по финансовой грамотности значительно варьируются в зависимости от возраста для немецкой группы студентов, в то время как количество правильных ответов на сложные вопросы по финансовой грамотности увеличивается с возрастом для российской группы (см. рис. 2).

Баллы в зависимости от возраста респондентов

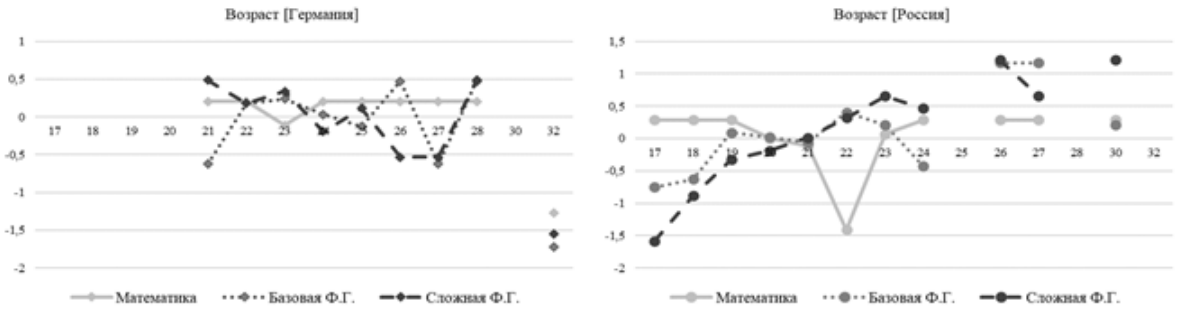

Рисунок 2

Следующие графики отображают баллы, рассчитанные исходя из уровня понимания финансов (см. рис. 3). Для немецкой группы студентов характерно, что респонденты, оценившие уровень понимания финансов как высокий, ответили на вопросы хуже, чем те, которые указали средний уровень понимания финансов. Баллы российской группы варьируются в значительной степени. При этом респонденты, получившие наивысшие баллы, не отметили, что они обладают высоким уровнем понимания финансов, что регулярно наблюдается в других исследованиях [11]. Стоит также обратить внимание на то, что в нашем опросе

вопрос о самооценке ставился перед вопросами по финансовой грамотности, поэтому мнение респондентов о том, насколько хорошо или плохо они ответили, не должно было повлиять на результат.

Баллы в зависимости от уровня понимания финансов

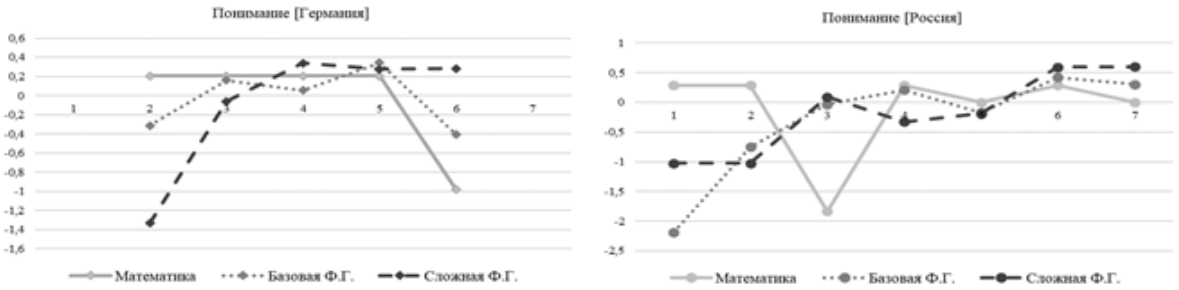

Рисунок 3

В случае с образованием для немецкой группы наблюдается схожая картина (см. рис. 4). Респонденты, отметившие, что значительная часть их образования была посвящена финансам, получили баллы хуже, чем респонденты, указавшие обратное. При этом российские студенты, в учебной программе которых значительное внимание уделялось финансам, показали лучшие результаты в области финансовой грамотности, в то время как студенты, практически не имеющие образования в области финансов, получили более высокий балл за ответы на вопросы по математике.

Баллы в зависимости от образования респондентов

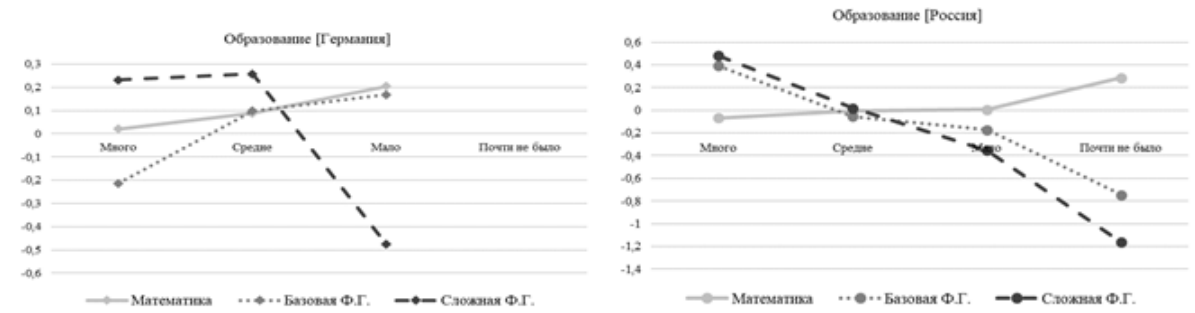

Рисунок 4

Далее приведены графики, иллюстрирующие баллы за ответы на два вопроса, касающихся ожиданий нового финансового кризиса. Нас интересовала связь демографических показателей, уровня понимания

финансов и образования с оптимистическими или пессимистическими взглядами студентов на будущее рынков. Вопрос был сформулирован следующим образом: насколько вероятно, что цены акций понизятся аналогично падениям цен на фондовом рынке в период 2007–2009 гг. в ближайшие 5 и 25 лет? (см. рис. 5 и рис. 6).

Баллы в зависимости от краткосрочных ожиданий респондентов

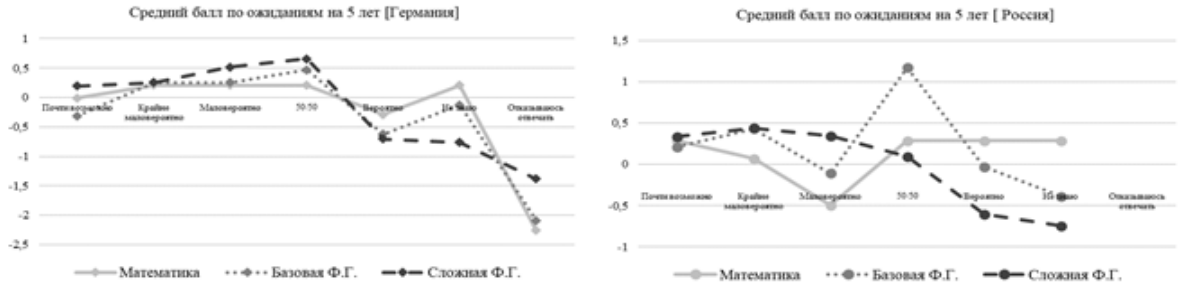

Рисунок 5

Ответы делились на семь категорий, причем каждая категория приписывала возрастающую вероятность очередного резкого падения фондового рынка в течение следующих лет. Кроме того, были выделены категории «не знаю» и «отказываюсь отвечать». Респонденты могли присвоить вероятности в диапазоне от «почти невозможно - менее одного шанса из ста» до «вероятно - более одного шанса из двух».

Исходя из графиков видно, что для немецкой группы низкий уровень финансовой грамотности связан с двумя полярными ответами на эти вопросы: крайним оптимизмом и неопределенностью («не знаю») (см. рис.6). У респондентов, неправильно ответивших на базовые вопросы по финансовой грамотности, также были выявлены слабые математические способности (первый блок вопросов). Вывод о том, что низкий уровень финансовой грамотности связан с оптимизмом, совпадает с результатами исследований, посвященных планированию выхода на пенсию и анализу пенсионных ожиданий в Нидерландах [12].

Баллы в зависимости от долгосрочных ожиданий респондентов

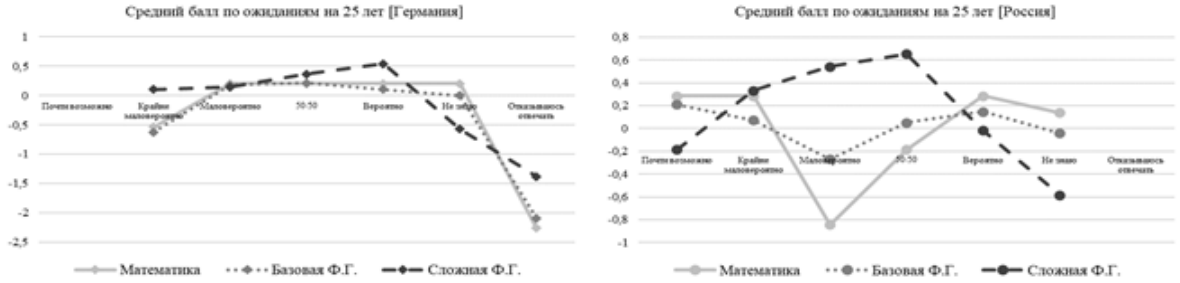

Рисунок 6

Для дальнейшего исследования связей между финансовой компетентностью и кризисными ожиданиями с помощью стандартной логит-модели было проверено, будут ли респонденты с особыми характеристиками более склонны к прогнозированию будущего. После этого была построена упорядоченная логит-модель, позволяющая определить, являются ли респонденты с особыми характеристиками более оптимистичными или пессимистичными в отношении будущего. В качестве переменных при этом были рассмотрены возраст, пол, образование (посвященное финансам), самооценка понимания финансов, ответы на математические вопросы и два блока вопросов по финансовой грамотности.

Сравнительный анализ немецкой и российской групп показал, что российские студенты настроены более пессимистично. В целом, большинство студентов, отвечая на вопрос о вероятности наступления кризиса, выбрало вариант «маловероятно», тогда как немецкие студенты в основном выбирали вариант «крайне маловероятно». Кроме того, было выявлено, что в Германии мужчины более пессимистичны, тогда как в России это характерно для женщин. В отношении понимания финансов и образования представляется, что студенты с высоким уровнем понимания и образования более пессимистичны. По мере увеличения баллов возрастает вероятность того, что респондент выберет пессимистический вариант, и в то же время снижается вероятность выбора оптимистического варианта.

Результаты для долгосрочных ожиданий (на 25 лет вперед) похожи, за исключением того, что они более пессимистичны для обеих групп вплоть до того, что никто из немецких студентов не выбрал вариант «почти невозможно» относительно того, что в ближайшие 25 лет не будет кризиса.

В целом, более высокий уровень финансовой грамотности, лучшее понимание финансов и наличие образования в этой области уменьшают неопределенность. Этот результат согласуется с другими исследованиями, посвященными данной теме [13; 14].

Заключение. Финансовая грамотность является ключом к частному и ответственному пенсионному планированию [15]. Недостаточность финансовых знаний у населения в условии динамично меняющегося финансового рынка приводит к его неспособности эффективно использовать как традиционные, так и новые цифровые финансовые продукты. Отсутствие базовой финансовой грамотности делает людей уязвимыми и доверчивыми для мошенников в финансовой сфере (финансовые пирамиды), а также непоследовательными и неадекватно оценивающими риски при использовании финансовых продуктов [16; 17]. В условиях кризиса особенно остро встает вопрос о финансовой стабильности и способности жизнеобеспечения каждого человека, его базовых потребностей. Финансовая стабильность определяет наличие у населения долгосрочных сбережений, а это требует финансовой дисциплины, продуманной взвешенной стратегии на протяжении всего жизненного цикла в области принятия финансовых решений [18]. Именно поэтому результаты проведенного исследования имеют не только теоретическую, но и практическую ценность.

Список литературы

1. Aktionärszahlen des Deutschen Aktieninstituts 2018 // Deutsches Aktieninstitut. URL: https://www.dai.de/files/dai_usercontent/dokumente/studien/2019-03-06%20Aktieninstitut%20Aktionaerszahlen%202018.pdf (дата обращения: 22.06.2020).

2. Lusardi, A., Mitchell, O. S. Financial Literacy Around the World: An Overview // Journal of Pension Economics & Finance. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 497–508.

3. Белехова Г. В., Калачикова О. Н. Век живи - век учись: Концептуальный дискурс о финансовой грамотности населения // Экономические и социальные перемены: Факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 143–162.

4. Кузина О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: Определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129–148.

5. Lusardi, A., Mitchell, O. S. How Ordinary Consumers Make Complex Economic Decisions: Financial Literacy and Retirement Readiness // Quarterly Journal of Finance. 2017. Vol. 7. Issue 03. URL: https://www.nber.org/papers/w15350.pdf (дата обращения: 22.06.2020).

6. Mandell, L. Financial Education in High School // Overcoming the Saving Slump: How to Increase the Effectiveness of Financial Education and Saving Programs / A. Lusardi (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 2008. Pp. 257–279.

7. Van Rooij, M., Lusardi, A., Alessie, R. Financial Literacy and Stock Market Participation // Journal of Financial Economics. 2011. Vol. 101. No. 2. Pp. 449–472.

8. Bateman, H., Eckert, C., Geweke, J. et al. Financial Competence and Expectations Formation: Evidence from Australia // Economic Record. 2012. Vol. 88. No. 280. Pp. 39–63.

9. Lusardi, A., Mitchell, O. S. Planning and Financial Literacy: How do Women Fare? // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 2. Pp. 413–417.

10. Chen, H., Volpe, R. P. Gender Differences in Personal Financial Literacy Among College Students // Financial Services Review. 2002. Vol. 11. No. 3. Pp. 289–307.

11. Agnew, J. R., Szykman, L. R. Asset Allocation and Information Overload: the Influence of Information Display, Asset Choice, and Investor Experience // The Journal of Behavioral Finance. 2005. Vol. 6. No. 2. Pp. 57–70.

12. Alessie, R., Van Rooij, M., Lusardi, A. Financial Literacy and Retirement Preparation in the Netherlands // Journal of Pension Economics & Finance. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 527–545.

13. Epstein, L. G. A Definition of Uncertainty Aversion // The Review of Economic Studies. 1999. Vol. 66. No. 3. Pp. 579–608.

14. Halevy, Y. Ellsberg Revisited: An Experimental Study // Econometrica. 2007. Vol. 75. No. 2. Pp. 503–536.

15. Никитина Т. В., Репета-Турсунова А. В., Ядрин А. В. Сберегательная политика домохозяйств на рынке финансовых услуг // Известия СПбГЭУ. 2015. № 6 (96). С. 27–33.

16. Артемьева С. С., Митрохин В. В. Оценка финансовой грамотности российской и зарубежной молодежи и рекомендации по ее повышению // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 1. С. 46–59.

17. Гарцуева Е. В. Финансовая грамотность индивида — условие его успехов в рыночной экономике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 38. С. 91–105.

18. Семеко Г. В. Финансовая грамотность в России: проблемы и пути их решения. Экономические и социальные проблемы России. 2019. № 1. С. 70–98.

References

1. Aktionärszahlen des Deutschen Aktieninstituts 2018 // Deutsches Aktieninstitut. URL: https://www.dai.de/files/dai_usercontent/dokumente/studien/2019-03-06%20Aktieninstitut%20Aktionaerszahlen%202018.pdf (access date: June 22, 2020).

2. Lusardi, A., Mitchell, O. S. Financial Literacy Around the World: An Overview // Journal of Pension Economics & Finance. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 497–508.

3. Belekhova, G. V., Kalachikova, O. N. "Live and Learn": Conceptual Discourse on People's Financial Literacy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11. No. 6. Pp. 143–162.

4. Kuzina, O. Financial Literacy and Financial Capability: Definitions, Measurement Methods, and Analysis in the Case of Russia // Voprosy Ekonomiki. 2015. No. 8. Pp. 129–148.

5. Lusardi, A., Mitchell, O. S. How Ordinary Consumers Make Complex Economic Decisions: Financial Literacy and Retirement Readiness // Quarterly Journal of Finance. 2017. Vol. 7. Issue 03. URL: https://www.nber.org/papers/w15350.pdf (access date: June 22, 2020).

6. Mandell, L. Financial Education in High School // Overcoming the Saving Slump: How to Increase the Effectiveness of Financial Education and Saving Programs / A. Lusardi (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 2008. Pp. 257–279.

7. Van Rooij, M., Lusardi, A., Alessie, R. Financial Literacy and Stock Market Participation // Journal of Financial Economics. 2011. Vol. 101. No. 2. Pp. 449–472.

8. Bateman, H., Eckert, C., Geweke, J. et al. Financial Competence and Expectations Formation: Evidence from Australia // Economic Record. 2012. Vol. 88. No. 280. Pp. 39–63.

9. Lusardi, A., Mitchell, O. S. Planning and Financial Literacy: How do Women Fare? // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 2. Pp. 413–417.

10. Chen, H., Volpe, R. P. Gender Differences in Personal Financial Literacy Among College Students // Financial Services Review. 2002. Vol. 11. No. 3. Pp. 289–307.

11. Agnew, J. R., Szykman, L. R. Asset Allocation and Information Overload: the Influence of Information Display, Asset Choice, and Investor Experience // The Journal of Behavioral Finance. 2005. Vol. 6. No. 2. Pp. 57–70.

12. Alessie, R., Van Rooij, M., Lusardi, A. Financial Literacy and Retirement Preparation in the Netherlands // Journal of Pension Economics & Finance. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 527–545.

13. Epstein, L. G. A Definition of Uncertainty Aversion // The Review of Economic Studies. 1999. Vol. 66. No. 3. Pp. 579–608.

14. Halevy, Y. Ellsberg Revisited: An Experimental Study // Econometrica. 2007. Vol. 75. No. 2. Pp. 503–536.

15. Nikitina, T. V., Repeta-Tursunova, A. V., Yadrin, A. V. Households Savings Policy on Financial Services Market // Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta. 2015. No. 6 (96). Pp. 27–33.

16. Artemyeva, S. S., Mitrokhin, V. V. Financial Literacy Assessment of Domestic and Foreign Young Learnersand Recommendations for its Enhancement // Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education. 2018. Vol. 22. No. 1. Pp. 46–59.

17. Gartsuyeva, E. V. Financial Literacy of an Individual is a Condition of His Success in a Market // Tomsk State University Journal of Economics. 2017. No. 38. Pp. 91–105.

18. Semeko, G. V. Financial Literacy in Russia: Problems and Ways of Their Solution // Economic and Social Problems of Russia. 2019. No. 1. Pp. 70–98.

УДК/UDC 368.02

Сельскохозяйственное страхование в РФ: современное состояние и направления развития

Сплетухов Юрий Александрович
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент
Финансовый университет при Правительстве РФ
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ
г. Москва, Россия
e-mail: spletuhov@mail.ru
SPIN-код: 4322-3299
ORCID: 0000-0001-8423-5867

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся порядка проведения сельскохозяйственного страхования, в первую очередь в растениеводстве. Выделены особенности данного страхования; причины, обусловившие его высокую значимость в современных условиях; проблемы, возникающие при осуществлении страховых операций. Особенно подробно характеризуется практика проведения сельскохозяйственного страхования на условиях предоставления государственной поддержки: указаны факторы, обусловившие необходимость проведения страхования в такой форме, и особенности организации данного страхования. Значительное место занимает анализ динамики развития и современного состояния сельскохозяйственного страхования в нашей стране, а также оценка его перспектив и направлений совершенствования. В частности, предлагается внедрение индексного страхования: в этих целях автором описан зарубежный опыт проведения данного страхования, его варианты, достоинства и недостатки.

Ключевые слова: сельскохозяйственное страхование, государственная поддержка, анализ, перспективы развития.

Agricultural Insurance in Russia: Current State and Directions of Development

Spletukhov Yuriy Aleksandrovich
Candidate of Economics, senior researcher, assistant professor
Financial University Under the Government of the Russian Federation
leading researcher
Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
Moscow, Russia
e-mail: spletuhov@mail.ru
SPIN Code: 4322-3299
ORCID: 0000-0001-8423-5867

Abstract

The article deals with issues related to the procedure for conducting agricultural insurance and, first of all, insurance in crop production. The author highlights the features of this insurance, the reasons for its high significance in modern conditions, and the problems arising in the implementation of insurance operations. The practice of providing agricultural insurance on the terms of state support is described in particular detail: the author indicates the factors that made it necessary to provide insurance in this form and the specifics of the organization of this insurance. The article also presents the analysis of the dynamics of development and current state of agricultural insurance in Russia, as well as the assessment of its prospects and areas of improvement. In particular, the introduction of index insurance is proposed: for this purpose, the author describes the foreign experience of providing this insurance, its options, advantages, and disadvantages.

Key words: agricultural insurance, state support, analysis, development prospects.

Одной из важных особенностей сельскохозяйственного производства является его тесная связь с природными условиями, обуславливающая риск понести убытки в неблагоприятные по погодным условиям годы. Поэтому смягчение последствий неблагоприятного влияния природно-климатических условий на деятельность сельскохозяйствен-

ных товаропроизводителей является важным фактором, обеспечивающим устойчивое развитие сельского хозяйства.

Для решения данной задачи, наряду с другими мерами, необходимо наличие у сельскохозяйственных товаропроизводителей средств, обеспечивающих возмещение ущерба, причиненного им неблагоприятными событиями случайного характера. Одним из основных источников таких средств являются выплаты, осуществляемые по договорам сельскохозяйственного страхования. Поэтому наличие эффективно функционирующей системы страхования сельскохозяйственных рисков является важным фактором, способствующим успешному развитию отечественного сельского хозяйства.

В нашей стране сельскохозяйственное страхование традиционно является одним из ведущих направлений страховой деятельности, что объясняется как важным местом, занимаемым сельским хозяйством в российской экономике, так и сложностью природно-климатических условий в стране. В настоящее время оно осуществляется в двух формах: на условиях оказания государственной поддержки страховым операциям и без таковой. При этом ведущей формой является страхование с государственной поддержкой.

Причиной проведения страхования на условиях оказания государственной поддержки является высокий уровень страхового риска при проведении страховых операций, обусловленный значительной зависимостью результатов сельскохозяйственной деятельности от большого числа случайностей, что ведет к высокой стоимости страхования, нередко вынуждающей сельскохозяйственные организации отказываться от заключения договоров страхования на рыночных условиях. В результате у таких хозяйств могут отсутствовать источники средств для возмещения текущих расходов и обеспечения своего развития в неблагоприятные по погодно-климатическим условиям годы, а потому они вынуждены обращаться за помощью к государству, которое, в свою очередь, не может отказать в ней, учитывая высокую социальную значимость сельскохозяйственной отрасли.

Поэтому сельскохозяйственное страхование на условиях предоставления поддержки со стороны государства существует не только в нашей стране, оно успешно функционируют и в ряде других стран (США, Канада, Испания, Италия, Индия и т. д.). Как правило, основное место в таких программах занимает бюджетное субсидирование страховых премий. Кроме того, они могут включать в себя:

1) организацию государством инфраструктуры, обеспечивающей ликвидацию катастрофических убытков (перестрахование, формирование резервных фондов т. п.);
2) оказание помощи со стороны государства в области организации страховой деятельности (методологическое обеспечение, предоставление статистики, осуществление актуарных расчетов, создание служб андеррайтеров и страхового арбитража, подготовка кадров и т. п.);
3) регламентацию основных принципов проведения страхования (порядка заключения договоров, определения размеров страховых премий, осуществления страховых выплат и др.).

В России сельскохозяйственное страхование на условиях предоставления государственной поддержки осуществляется с 1993 г. При этом с 2012 г. порядок его проведения регламентируется Федеральным законом от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”»[1]. Основные принципы данного страхования следующие:

1) страхователями могут быть сельскохозяйственные товаропроизводители, признанные таковыми в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»;
2) страховщиками могут выступать только страховые организации, являющиеся членами Национального союза агрострахов-щиков;

3) объектами страхования могут быть урожай сельскохозяйственных культур, посадки многолетних насаждений, сельскохозяйственные животные и объекты товарного рыбоводства;
4) в перечень страховых рисков входят события, перечисленные в Федеральном законе «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”»;
5) договор страхования заключается на страховую сумму в размере не менее 70% страховой стоимости объекта страхования, а в случае страхования сельскохозяйственных культур и групп многолетних насаждений он должен предусматривать также безусловную франшизу в размере 10–50% от страховой суммы;
6) предельные размеры тарифных ставок указываются в Планах сельскохозяйственного страхования, ежегодно утверждаемых Министерством сельского хозяйства РФ;
7) страхование осуществляется на условиях предоставления страхователям бюджетной субсидии на уплату части страховой премии, размер которой составляет:
   — в случае если страховой тариф по договору страхования не превышает предельного размера тарифной ставки - 50% от начисленной по договору страховой премии;
   — в противном случае - 50% от суммы, рассчитанной как произведение страховой суммы и предельного размера тарифной ставки;
8) доля страховой премии, предназначенная для осуществления страховых выплат, должна составлять не менее 80%.

В таблице 1 [2] приведены данные, характеризующие современное состояние сельскохозяйственного страхования в стране.

Показатели развития сельскохозяйственного страхования в РФ

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Страховая премия (млн руб.):					
а) по всем договорам	7853,4	9822,6	3922,1	3731,1	5647,2
б) с субсидированием	6514,2	8528,7	2381,8	1950,8	4374,2
в) без субсидирования	1339,2	1293,9	1540,3	1780,3	1273,0
Число договоров:					
а) по всем договорам	106919	89911	73710	65398	51882
б) с субсидированием	2487	1954	881	773	2184
в) без субсидирования	104432	87957	72829	64625	49698
Страховая сумма (млн руб.):					
а) по всем договорам	361542,1	432023,5	340360,7	340974,2	458862,7
б) с субсидированием	185237,0	236408,0	128651,0	122112,9	234029,6
в) без субсидирования	176305,1	195615,5	211709,7	218861,3	224833,1
Страховой взнос на 1 договор (тыс. руб.):					
а) по всем договорам	73,5	109,2	53,2	57,0	108,8
б) с субсидированием	2619,3	4364,7	2703,5	2536,6	2002,8
в) без субсидирования	12,8	14,7	21,1	25,5	25,6
Страховая сумма на 1 договор (тыс. руб.):					
а) по всем договорам	3381,5	4805,0	4617,6	5213,8	8844,3
б) с субсидированием	74482,1	120986,7	146028,4	157972,7	107156,4
в) без субсидирования	1688,2	2224,0	2906,9	3386,6	4523,0
Страховые выплаты (млн руб.):					
а) по всем договорам	2718,6	3918,3	1590,5	1563,5	2000,9
б) с субсидированием	897,3	2060,2	1084,3	753,9	521,9
в) без субсидирования	1821,3	1858,1	506,1	809,6	1479,0
Доля страхования с государственной поддержкой (в %):					
а) в страховой премии	82,9	86,8	60,7	52,8	77,4
б) в страховых выплатах	33,0	53,4	68,2	20,2	9,2

Таблица 1

Как видно из приведенных данных, в 2017 г. в стране было заключено немногим менее 52 тыс. договоров сельскохозяйственного страхования на страховую сумму около 460 млрд руб. Размеры страховой премии составили 5,6 млрд руб., выплаченного страхового возмещения - 2 млрд руб.

Почти 96% договоров было заключено на условиях, не предусматривающих государственную поддержку, однако на страхование с бюджетным субсидированием пришлось более 70% страховой премии. Причины этого заключаются в следующем. Во-первых, договоры страхования с государственной поддержкой заключаются на существенно более высокие страховые суммы (средняя страховая сумма по договорам с бюджетным субсидированием страховых взносов - более 107 млн руб., без таковой - 4,5 млн руб.). Во-вторых, в договорах страхования с государственной поддержкой выше также размеры страховых тарифов (средний тариф по договорам с государственной поддержкой - 1,9%, без таковой -ниже 0,6%).

Если рассматривать динамику проведения страховых операций, можно обратить внимание на существенное снижение их объема. Число заключенных договоров в 2019 г. по сравнению с 2015 г. сократилось более чем в 2,7 раза, размеры страховых премий - почти на 30%.

Наиболее существенный спад произошел в 2017–2018 гг. За эти два года размер страховых премий уменьшился по сравнению с 2016 г. в 2,6 раза. При этом сокращение произошло только по договорам с бюджетным субсидированием страховых взносов (почти в 4,4 раза). В то же время по договорам без государственной поддержки зафиксирован рост размера страховой премии почти на 38%. Основная причина этого в том, что в 2017–2018 гг. бюджетные субсидии на уплату страховых взносов не выделялись особо, а вошли в единую региональную субсидию, выделяемую на поддержку сельского хозяйства. Каждый регион получил возможность самостоятельно определять, на какие цели использовать выделенные бюджетные средства. Это привело к существенному сокращению бюджетного субсидирования страховых взносов, а следовательно - к заметному спаду субсидируемого сельскохозяйственного страхования.

В 2019 г. размер страховых премий по страхованию с государственной поддержкой вырос в 1,5 раза, что позволило ему частично восстановиться после спада 2017–2018 гг. Но почти на 30% сократился объем страховых премий по страхованию без государственной поддержки, что

вызвано повышением доступности для хозяйств страхования на условиях предоставления страховых субсидий.

Проанализируем более подробно современное состояние страхования урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений, проводимого с государственной поддержкой (таблица 2) [3].

Показатели страхования урожая и посадок многолетних насаждений с государственной поддержкой

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Число страхователей:						
а) сельскохозяйственные предприятия	3442	1854	774	280	264	1204
б) крестьянские (фермерские) хоз-ва	2385	897	139	41	46	442
в) всего	5827	2751	913	321	310	1646
Число субъектов РФ, участвовавших в страховании	62	56	40	32	31	41
Площадь застрахованных культур:						
а) в млн га	12,8	8,3	3,8	1,8	1,3	4,2
б) в % от общей посевной площади	17,1	10,9	5,0	2,3	1,7	5,5
Страховое возмещение в % к страховым взносам	12,7	12,3	11,1	11,0	10,1	11,9
Число страховых организаций	44	43	21	17	12	15

Таблица 2

Число страховых организаций, осуществляющих данное страхование, за последние 5 лет сократилось почти в 3 раза -до 15. Причина заключается главным образом в уходе с рынка данного страхования страховщиков с неудовлетворительным финансовым состоянием, а также небольших страховых организаций, которые в основном занимались заключением так называемых схемных договоров страхования.

Наибольший охват данным страхованием сельскохозяйственных товаропроизводителей был в 2005–2007 гг. В эти годы число страхователей превышало 10 тыс., количество регионов, принявших участие в страховании, достигало 70, а охват страхованием посевной площади сель-

скохозяйственных культур составлял 28,3%. Позднее данные значения достигнуты уже не были.

Более того, в 2015–2018 гг. наблюдался резкий спад в объемах страховых операций. В 2018 г., по сравнению с 2014 г., число субъектов РФ, принимавших участие в этом страховании, сократилось в 2 раза, количество страхователей - в 18,8 раза (в т. ч. сельскохозяйственных предприятий - в 13 раз, а крестьянских хозяйств - почти в 52 раза), площадь застрахованных культур - в 9,8 раза. В результате в 2018 г. страхованием было охвачено только 1,7% посевной площади сельскохозяйственных культур. И только в 2019 г. наметился перелом, и значения данных показателей вернулись примерно к 2016 г.

Обращает на себя внимание также стабильно низкое значение показателя уровня страховых выплат, которое составляет 10–12% от суммы страховых премий, т. е. подавляющая часть собранных страховых взносов не направляется на осуществление страховых выплат.

Основными проблемами современного состояния сельскохозяйственного страхования, на наш взгляд, являются невысокий уровень его развития и недостаточная его рольв возмещении ущерба, наносимого сельскохозяйственным товаропроизводителям. При этом устойчивой тенденции к росту охвата страхованием не наблюдается.

Причины сложившейся ситуации заключаются, прежде всего, в отсутствии у многих сельскохозяйственных предприятий интереса к заключению договоров страхования, а также в недостаточном объеме бюджетного субсидирования на уплату страховых взносов, фактические размеры которого ограничивают развитие страхования с государственной поддержкой.

В соответствии с итогами опроса сельскохозяйственных товаропроизводителей, 35% из них рассматривают субсидируемое государством страхование как основной метод защиты от рисков, 28% таким видят прямую помощь со стороны государства. В то же время, отмечая свое отрицательное отношение к страхованию, 43% опрошенных сельскохозяйственных товаропроизводителей главной причиной назвали его доро-

говизну, 33% - недоверие к страховщикам, опасения не получить страховую выплату. Кроме того, нередко упоминается сложность процедур, связанных с договором страхования [4].

Таким образом, невысокий спрос сельскохозяйственных предприятий на страхование обусловлен следующими обстоятельствами:

1) высокой стоимостью страхования, что усугубляется сложным финансовым положением многих сельскохозяйственных организаций;
2) непониманием многими сельскохозяйственными товаропроизводителями возможностей, которые предоставляет страхование для защиты их финансовых интересов, а также расчетом на получение помощи в критической ситуации из других источников, в т. ч. от государства;
3) сложностью процедур заключения договора страхования и ликвидации последствий страховых случаев, непониманием многих формулировок условий договоров, большим объемом оформляемых документов;
4) отсутствием у сельскохозяйственных товаропроизводителей уверенности в выполнении страховщиками своих обязательств по выплате страхового возмещения.

Еще одна проблема - размеры бюджетного субсидирования страховых взносов. Поскольку такие субсидии сокращают затраты сельскохозяйственных товаропроизводителей на уплату страховых взносов, их величина является важным фактором, оказывающим влияние на размер операций по сельскохозяйственному страхованию. Наблюдается достаточно устойчивая связь между размерами бюджетного субсидирования и объемом операций по сельскохозяйственному страхованию.

В то же время рассчитывать на заметное увеличение в ближайшие годы размеров субсидирования страховых взносов вряд ли реально, что, с одной стороны, связано с состоянием бюджетной системы страны, с другой- с недостаточно высокой эффективностью существующей системы сельскохозяйственного страхования. Поэтому, прежде чем уве-

личивать размеры бюджетного финансирования, целесообразно внести в данную систему определенные коррективы.

Эффективность страхования в значительной мере можно оценить соотношением между размерами страховых выплат и страховых премий(уровнем страховых выплат). Размер этого показателя характеризует, какая часть полученных страховых взносов используется страховщиками на покрытие убытков, понесенных хозяйствами. Как видно из данных, приведенных в таблице 2, его значение по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур и многолетних насаждений с государственной поддержкой в 2014–2019 гг. колебалось от 10,1% до 12,7%.

Таким образом, значительная часть полученных страховщиками страховых взносов используется ими не для осуществления страховых выплат, а на иные цели (для финансирования собственных расходов, пополнения страховых резервов, формирования прибыли).

Нельзя не отметить, что многие проблемы отечественного сельскохозяйственного страхования присущи и практике проведения субсидируемого государством страхования за рубежом. Главная цель, которая ставится при реализации таких программ, как правило, заключается в прекращении или, по меньшей мере, в сокращении осуществления прямых бюджетных выплат в случае нанесения сельскохозяйственным товаропроизводителям серьезных убытков в результате воздействия внешних природных факторов. Однако такую задачу удается решить далеко не всегда, поэтому практика оказания государством помощи в виде прямых выплат из бюджета сельскохозяйственным товаропроизводителям на возмещение их убытков от катастрофических природных явлений в большинстве стран сохраняется [5].

В то же время, поскольку четкие критерии определения того, какие события следует считать катастрофическими (требующими государственного вмешательства), как правило, отсутствуют, каждая страна действует, опираясь на свое понимание и оценку возникающих ситуаций.

При этом достаточно часты случаи дублирования выплат (т. е. сочетания прямых бюджетных и страховых выплат).

Причины нередких неудачных попыток государств перенести тяжесть возмещения убытков сельскохозяйственных товаропроизводителей на страховщиков, а также жестко обусловить предоставление иных видов финансовой помощи со стороны государства наличием договоров страхования заключаются в следующем:

1) обеспечить достаточно высокий охват страхованием сельскохозяйственных товаропроизводителей удается, как правило, только при наличии высокого уровня бюджетного субсидирования страховых премий;
2) достаточно прохладное отношение к страхованию сельскохозяйственных товаропроизводителей;
3) неготовность страховщиков гарантировать осуществление страховых выплат в случаях, когда убытки носят катастрофический характер.

Среди мер, которые могут способствовать повышению эффективности сельскохозяйственного страхования в стране, выделим следующие:

1) повышение доли страховых премий, направляемых страховщиками на осуществление страховых выплат, в т. ч. путем внесения определенных изменений в систему организации проведения страхования с государственной поддержкой;
2) более высокую обусловленность предоставления сельскохозяйственным товаропроизводителям различных видов государственной поддержки наличием у них договоров сельскохозяйственного страхования;
3) учет региональных особенностей осуществления сельскохозяйственного производства (видов выращиваемых культур, своеобразия воздействия неблагоприятных погодных явлений на них и частоты рисковых событий и размеров убытков, причиняемых ими, уровня издержек и доходности и т. п.) при разработке схем проведения страхования с государственной поддержкой.

Одним из возможных направлений для дальнейшего развития страхования урожая с государственной поддержкой может быть проведение страхования катастрофических убытков, предусматривающее осуществление страховых выплат только в случаях, когда ущерб сельскохозяйственных товаропроизводителей особенно велик.

В качестве примера проведения страхования на таких условиях можно привести опыт США. В этой стране страхование от катастрофических рисков является базовым видом страхования в растениеводстве, осуществляемого на условиях предоставления государственной поддержки. Страховым случаем по такому страхованию является снижение урожайности застрахованной культуры до уровня ниже 50% от средней урожайности в хозяйстве за 5–10 последних лет. В этом случае размер страхового возмещения определяется как произведение разницы между50%средней урожайности и фактической урожайностью на 55% от цены на культуру. Особенностью проведения страхования на таких условиях является освобождение страхователей от уплаты страховых взносов (они субсидируются государством), они лишь вносят фиксированную административную плату, при этом фермеры, доход которых в течение двух предыдущих лет не превышал 20 тыс. долларов, освобождаются и от нее. В то же время сельскохозяйственные товаропроизводители в США имеют возможность увеличить уровень страхового обеспечения путем заключения дополнительного договора, однако страховые премии по дополнительному страхованию субсидируются государством по регрессивной шкале: с увеличением уровня страхового покрытия уменьшается доля страховой премии, субсидируемая государством [6].

Для реализации такого страхования в нашей стране нужно установить критерии катастрофических событий и увеличить для такой программы уровень государственного субсидирования страховых премий. Представляется целесообразным, чтобы такое страхование распространялось на ограниченный круг основных сельскохозяйственных культур, перечень которых может устанавливаться индивидуально для каждого региона. Также по регионам может быть дифференцирован размер

катастрофического порога с установлением централизованного верхнего предела(например, снижение урожайности до уровня не выше 60% от среднегодовой урожайности). Для создания дополнительных стимулов участия в таком страховании можно сделать его наличие у хозяйства обязательным условием для предоставления других видов государственной поддержки.

Еще одним вариантом, расширяющим круг страховых продуктов для сельскохозяйственных товаропроизводителей, является проведение индексного страхования урожая. Такое страхование существует уже во многих странах. Его появление и развитие обусловлено наличием ряда проблем, проявившихся в практике проведения мультирискового страхования урожая. К их числу относятся:

1) лучшая осведомленность страхователей по сравнению со страховщиками о состоянии своего хозяйства и о рисках, угрожающих им, что приводит к высокой вероятности передачи на страхование только наиболее опасных рисков (т. е. неблагоприятного отбора страховых рисков для страховых компаний);
2) снижение у страхователей заинтересованности в осуществлении необходимых агротехнических мероприятий, а также намеренное увеличение или фальсификация ими убытков из-за сложности доказательства отсутствия зависимости убытков от действий или бездеятельности страхователей;
3) значительные колебания размеров убыточности по годам и кумуляция убытков в неблагоприятные годы, что требует формирования страховщиками страховых резервов в крупных размерах;
4) высокий уровень административных расходов страховщиков, что обусловлено их затратами на оценку рисков, на осуществление мониторинга объектов страхования и проведения страхователем всех необходимых технологических операций, на проведение мероприятий по ликвидации последствий страховых случаев.

Данные проблемы, с одной стороны, снижают заинтересованность страховщиков в его проведении, с другой - повышают его стоимость, что ведет к отказу от заключения договоров со стороны сельскохозяйственных товаропроизводителей. Поэтому индексное страхование рассматривается как перспективный альтернативный вариант страхования урожая, который может использоваться тогда, когда традиционное страхование оказывается недостаточно востребованным.

Индексное страхование основано на отказе от оценки ущерба, нанесенного конкретному хозяйству. Единственной информацией, которую должен предоставить сельскохозяйственный товаропроизводитель, являются сведения о размерах своих посевных площадей. Оно осуществляется на случай отклонения специально разработанного параметра (индекса) от его порогового значения. Таким индексом является показатель, соотносящийся с риском, в отношении которого осуществляется страхование, например определяющий степень воздействия неблагоприятного события на урожай. В договоре указывается предельное значение индекса, при достижении которого страховой случай считается произошедшим. Страховая выплата осуществляется в случае преодоления индексом установленного порога, вне зависимости от того, понес ли страхователь в действительности убытки или нет. Расчет размеров страховой выплаты также производится не по индивидуальным показателям страхователя, а основывается на величине изменения индекса.

Таким образом, индексное страхование может решить ряд проблем, свойственных традиционному страхованию урожая. Это касается, в частности, следующего:

1. Как страховщик, так и страхователь при заключении договоров имеют одинаковый доступ к информации, на основе которой осуществляется страхование, поскольку она поступает из открытых источников. Поэтому решается проблема несообщения страхователем существенных обстоятельств, влияющих на степень риска.

2. Устраняется проблема, связанная с тем, что при проведении страхования урожая на традиционных условиях страховщики должны проводить предварительный мониторинг клиентов и устанавливать страховые тарифы в соответствии с уровнем риска страхователей. При этом повышение размеров страховых премий для страхователей с более высоким уровнем риска порой приводит к невозможности приобретения страхования мелкими или бедными хозяйствами. В то же время в индексном страховании необходимость определения уровня риска для каждого страхователя отсутствует, поскольку он определяется исключительно в зависимости от региона. Это упрощает также процедуру заключения договоров, поскольку обычно заключается стандартный для всех страхователей региона контракт и устанавливается единая тарифная ставка.
3. Минимизируется влияние субъективных факторов (управленческая практика, качество ресурсов и семян, своевременность проведения технологических операций и т. п.) на обстоятельства наступления страховых случаев и размеры ущерба.
4. У страхователей отпадает необходимость для получения страхового возмещения заявлять о недоборе урожайности и обосновывать его причины и размеры, а у страховщика - осуществлять проверку реальности наступления страхового случая и оценивать величину ущерба в отдельных хозяйствах, что обеспечивает простоту и прозрачность процедуры урегулирования убытков.
5. Стандартизация процедур заключения договоров и ликвидации последствий наступления страховых случаев, отсутствие необходимости в проведении мониторинга на уровне отдельных страхователей на всех стадиях действия страхования существенно сокращают затраты страховщика на сопровождение договоров и, как следствие, стоимость страховых услуг.

В то же время для успешного внедрения индексного страхования необходимо провести серьезную предварительную работу.

Во-первых, внести изменения в законодательство. Страны, внедрявшие такое страхование, сталкивались с необходимостью обеспечения соответствия между его условиями и нормами страхового законодательства. Главной юридической проблемой договоров индексного страхования является то обстоятельство, что осуществление страховых выплат производится без увязки с размерами фактических убытков, понесенных страхователем. Это приводит к тому, что страховое возмещение, если руководствоваться традиционными нормами страхового права, нередко выплачивается безосновательно или в завышенных размерах.

Во-вторых, обеспечить сбор и анализ многолетних точных данных о погодных условиях и размерах урожайности сельскохозяйственных культур в различных регионах, разработать модели по прогнозированию рисковых событий (снижение урожайности или наступление катастрофических погодных событий), позволяющие рассчитать пороговые уровни индексов и обеспечить их корреляцию с реальным ущербом страхователей.

В-третьих, создать широкую сеть расположенных недалеко от застрахованных хозяйств погодных станций, оснащенных измерительным (мониторинговым) оборудованием. Последняя проблема в развитых странах решается путем использования таких новых технологий, как, например, дистанционное обследование (зондирование) полей, что помогает снизить затраты страховщиков. Однако эти технологии требуют значительных инвестиций в оборудование и в обучение персонала.

Двумя основными видами индексного страхования урожая являются страхование на основе индекса урожайности и страхование на основе погодных индексов. В первом случае страховое возмещение выплачивается тогда, когда урожайность культуры в регионе в текущем году оказалась ниже установленного среднего уровня за длительный период времени. В страховании на основе погодных индексов страховым случаем является отклонение на оговоренной территории значения указанного

в договоре погодного параметра (среднедневной температуры воздуха, количества осадков, скорости ветра и т. д.) от его порогового уровня.

Для России, на наш взгляд, наиболее приемлемым на первом этапе его внедрения является страхование на основе регионального индекса урожайности. Это можно обосновать следующим:

1. За рубежом данным страхованием охвачены ключевые для России сельскохозяйственные культуры - пшеница и подсолнечник. Кроме этого, существует опыт его применения и в отношении многих других культур.
2. Из всех индексов методология расчета индекса региональной урожайности наиболее близка к действующей в настоящее время методологии сбора информации и расчета показателей урожайности, применяемой в области страхования урожая. Расчет указанных данных возложен на Федеральную службу государственной статистики, которая имеет развитую сеть региональных подразделений, аналитические центры и референтную статистическую базу. Поэтому расчет показателя, который лежит в основе индекса урожайности, может быть осуществлен с использованием существующей инфраструктуры при условии ее определенного развития, что минимизирует затраты государства на внедрение данного метода.

Список литературы

1. О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»: Федеральный закон от 25.07.2011 № 260-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 31. Ст. 4700.

2. Данные статистики // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/insurance/reporting_stat/ (дата обращения: 13.05.2020).

3. Федеральное агентство по государственной поддержке аграрно-промышленного комплекса. URL: http://www.fagps.ru/ (дата обращения: 13.05.2020).

4. Назарова А. А. Совершенствование сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой в России: дисс. ... канд. экон. наук. М.: МГУ, 2015, 184 с.

5. Минимизация рисков — непременное условие развития сельского хозяйства в России // Интернет-портал «Руссельхоз.ру». URL: http://russelhoz.ru/2011/11/16/minimizatsiya-riskov-nepremennoe-uslovie-razvitiya-selskogo-hozyajstva-v-rossii (дата обращения: 13.05.2020).

6. Сайт Агентства по управлению рисками (США). URL: http://www.rma.usda.gov (дата обращения: 13.05.2020).

References

1. On State Support in the Field of Agricultural Insurance and on Amendments to the Federal Law On the Development of Agriculture: Federal Law of July 25, 2011 No. 260-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 31. Art. 4700.

2. Statistics Data // Official Website of the Bank of Russia. URL: http://www.cbr.ru/insurance/reporting_stat/ (access date: 13 May, 2020).

3. Federal Agency for State Support of the Agro-Industrial Complex. URL: http://www.fagps.ru/ (access date: 13 May, 2020).

4. Nazarova, A. A. Improvement of Agricultural Insurance with State Support in Russia. Moscow: Moscow State University, 2015, 184 p.

5. Minimization of Risks Is an Indispensable Condition for the Development of Agriculture in Russia // Russelkhoz.ru. URL: http://russelhoz.ru/2011/11/16/minimizatsiya-riskov-nepremennoe-uslovie-razvitiya-selskogo-hozyajstva-v-rossii (access date: 13 May, 2020).

6. U.S. Department of Agriculture, Risk Management Agency. URL: http://www.rma.usda.gov (access date: 13 May, 2020).

УДК/UDC 339.9

Проблемы развития мировой экономики в условиях макроэкономической нестабильности

Тебекин Алексей Васильевич
доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента
Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД России
г. Москва, Россия
e-mail: tebekin@gmail.com
SPIN-код: 5271-1385
ORCID: 0000-0002-3098-7710

Аннотация

Рассмотрены проблемы развития мировой экономики в условиях мирового экономического кризиса, начавшегося в 2020 г. Представлены результаты анализа современных тенденций развития всемирного хозяйства с точки зрения их влияния на структуру и закономерности развития мировой экономики. С точки зрения базовых теоретико-методологических подходов дана оценка текущих процессов развития мирового хозяйства. Представлены результаты анализа динамики международного разделения труда в современных условиях макроэкономической нестабильности по таким направлениям, как валютно-финансовое, медико-биологическое, научно-техническое, социальное, производственное, торговое, экологическое и др. Описаны изменения процессов интернационализации хозяйственной жизни и глобализации экономической деятельности в период текущего глобального экономического кризиса, обусловленного закономерной сменой технологических укладов. С учетом ключевых факторов, определяющих направления и формы динамики процессов интернационализации мировой хозяйственной деятельности, проанализированы изменения во взаимосвязях процессов региональной интеграции и экономической глобализации. Спрогнозированы перспективы выхода из мирового экономического кризиса для мировой и национальной экономики.

Ключевые слова: проблемы развития, мировая экономика, условия макроэкономической нестабильности.

The Problems of the Development of the Global Economy in the Context of Macroeconomic Instability

Tebekin Aleksey Vasilyevich
Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, professor of the Department Management
MGIMO University
Moscow, Russia
e-mail: tebekin@gmail.com
SPIN Code: 5271-1385
ORCID: 0000-0002-3098-7710

Abstract

The article considers the problems of the development of the global economy in the context of the global economic crisis that began in 2020 and presents the results of an analysis of modern trends in the development of the world economy in terms of their influence on the structure and patterns of development of the world economy. From the point of view of the basic theoretical and methodological approaches, the author gives an assessment of the current processes of development of the world economy. The article also presents the results of an analysis of the dynamics of the international division of labor in modern conditions of macroeconomic instability in monetary, financial, biological, scientific, technical, social, industrial, commercial, environmental, and other areas. The author describes the changes in the processes of internationalization of economic life and the globalization of economic activity during the current global economic crisis caused by a regular change in technological patterns. Taking into account the key factors that determine the directions and forms of the dynamics of the processes of internationalization of the world economic, the author also analyzes the changes in the interconnections of the processes of regional integration and economic globalization. Finally, the author gives a prediction about the prospects for overcoming the global economic crisis for the global and national economies.

Key words: development problems, world economy, conditions of macroeconomic instability.

В условиях разразившегося мирового экономического кризиса представляет несомненный интерес комплексное исследование современных проблем мировой экономики. Многоаспектность текущего кризиса приводит к существенным изменениям в закономерностях интернационализации и глобализации экономических отношений, в определенных случаях связанных с появлением в этих отношениях встречных векторов - дезинтеграции и деглобализации. По мере развития мирового экономического кризиса, который, без сомнения, является глобальным, мы становимся свидетелями неизбежного частичного разрушения или деформации одних механизмов регулирования экономических отношений как на национальном и региональном, так и на мировом уровнях при одновременном появлении новых или трансформации части старых механизмов в этой сфере.

Очевидно, что происходящие изменения в закономерностях развития экономических отношений и механизмов их регулирования индуцируют новые теоретико-методологические разработки в этих областях мировой экономики.

В этой связи представляет интерес многоаспектное исследование мирохозяйственных процессов в период мирового экономического кризиса, включая валютно-финансовые, медико-биологические, научно-технические, социальные, производственные, торговые, экологические и др. составляющие.

Проведенные комплексные исследования позволили выявить следующие проблемы развития мировой экономики в условиях макроэкономической нестабильности, обусловленной глобальным экономическим кризисом 2020 г., спрогнозированного нами еще в 2005 г. [1].

Во-первых, рассматривая современные тенденции развития всемирного хозяйства, в первую очередь следует выделить падение объемов экономики. Вопреки многочисленным прогнозам различных мировых институтов анализа и прогнозирования, предсказывавшим замедление темпов роста мировой экономики в 2020 г. по сравнению с 2019

г. (слоубализацию) [2], сегодня можно говорить о том, что этого роста, скорее всего, не просто не будет, а, напротив, вероятен спад.

Происходящий мировой экономический кризис оказывает влияние и на структуру всемирного хозяйства, поскольку его природа связана с закономерной сменой пятого технологического уклада шестым [3]. Базовые технологии пятого уклада постепенно уходят с мирового рынка. Базовые технологии шестого уклада постепенно наполняют мировой рынок. Закономерно и то, что в период смены технологических укладов снижается спрос на материальную, а значит, и энергетическую продукцию. Современное падение мировых цен на нефть это и демонстрирует [4].

Таким образом, объективной причиной кризиса, поразившего мировую экономику в 2020 г., явилась закономерная цикличная и давно прогнозируемая смена пятого технологического уклада шестым, а отнюдь не пандемия COVID-19 [5], как сегодня утверждают многие эксперты [6].

Говоря о цикличной природе текущего мирового кризиса, можно выразится словами Дж. Кейнса о том, что: «главные черты экономического цикла связаны с механизмом колебания предельной эффективности капитала... Лучше всего рассматривать экономический цикл как явление, вызванное циклическими изменениями предельной эффективности капитала, хотя и осложненное, и усиленное сопутствующими изменениями других краткосрочных переменных экономической системы» [7].

Применительно к текущему мировому экономическому кризису следует признать, что, судя по всему, COVID-19 и является тем самым осложняющим и усиливающим «сопутствующим изменением» [7], которое сопровождает текущую фазу цикла Н. Д. Кондратьева [8].

При этом, разумеется, следует признать, что пандемия COVID-19 с точки зрения социального восприятия маскирует, а с точки зрения экономических реалий сглаживает глобальную проблему перепроизводства

продукции, созданной на технологиях пятого технологического уклада, в мировой экономике. Об этом открыто пишет целый ряд экспертов [9].

Ключевым индикатором глобального мирового экономического кризиса, начавшегося в 2020 г. (как и в период кризиса 1970-х гг., обусловленного закономерной сменой четвертого технологического уклада пятым [10]), явились проблемы в энергетической сфере [11], когда события также развивались вокруг стран ОАПЕК [12].

Во-вторых, проведенный анализ развития мирового хозяйства в период экономического кризиса демонстрирует недооценку ведущими мировыми институтами современных концепций развития экономики, включая известные теории развития кризисов [13]. Так, например, Всемирный банк еще в январе 2020 г. прогнозировал рост мировой экономики на 0,1% (2,5% в 2020 г. против 2,4% в 2019 г.) [14]. Хотя авторские прогнозы, выполненные еще в середине 2000-х гг. [15], наглядно демонстрировали, что глобальный мировой экономический кризис придется именно на начало 2020-х гг.

Несмотря на то, что многие авторы [16] считали, что смена технологических укладов произошла в период кризиса 2008–2009 гг., нам представляется это заблуждением [17, 18], поскольку кризис двенадцатилетней давности имел исключительно финансовую, спекулятивную природу [19] и был обусловлен существенным разрывом между товарной массой и денежной массой (в значительной мере ничем не обеспеченной).

Отталкиваясь от триады экономических циклов Н. Д. Кондратьева [20] (продолжительностью примерно 50 лет), С. Кузнеца [21] (продолжительностью примерно 20 лет), К. Жюглара [22] (продолжительностью примерно 11 лет), еще десять лет назад мы спрогнозировали возникновение глобального экономического кризиса, обусловлено сменой технологических укладов (таблица 1) [23].

Посевные площади основных растениеводческих культур в Краснодарском крае, 2014–2016 г., тыс., га

Годы	Динамика больших (технологических) циклов экономической активности Н. Кондратьева	Динамика средних (строительных) циклов экономической активности С. Кузнеца	Динамика малых (промышленных) циклов экономической активности К. Жюглара
1970	Кризис	Спад	Подъем
****	**********	*******	*******
1991	Подъем	Спад	Подъем
1992	Подъем	Кризис	Подъем
1993	Подъем	Подъем	Пик
1994	Подъем	Подъем	Спад
1995	Пик	Подъем	Спад
1996	Спад	Подъем	Спад
1997	Спад	Подъем	Спад
1998	Спад	Подъем	Кризис
1999	Спад	Подъем	Подъем
2000	Спад	Подъем	Подъем
2001	Спад	Подъем	Подъем
2002	Спад	Пик	Подъем
2003	Спад	Спад	Подъем
2004	Спад	Спад	Пик
2005	Спад	Спад	Спад
2006	Спад	Спад	Спад
2007	Спад	Спад	Спад
2008	Спад	Спад	Спад
2009	Спад	Спад	Кризис
2010	Спад	Спад	Подъем
2011	Спад	Спад	Подъем
2012	Спад	Кризис	Подъем
2013	Спад	Подъем	Подъем
2014	Спад	Подъем	Подъем
2015	Спад	Подъем	Пик
2016	Спад	Подъем	Спад
2017	Спад	Подъем	Спад
2018	Спад	Подъем	Спад
2019	Спад	Подъем	Спад
2020	Кризис	Подъем	Кризис

Таблица 1

Как следует из таблицы 1, кризис, обусловленный сменой технологических укладов (самый крупный из представленной триады), был спрогнозирован именно на 2020 г.

Кроме того, необходимо обратить внимание на тот факт, что кризис смены технологических укладов по экономическим циклам Н. Д. Кондратьева [17, 18] в 2020 г. совпал по срокам (следовательно, усилился по своей сути) с кризисом в рамках финансовых циклов, описываемых экономическими циклами К. Жюглара [24]. В этой связи следует отметить, что пандемия COVID-19 в современных условиях (в отличие от кризиса 2008–2009 гг.) также частично замаскирует и сгладит мировую проблему лишних денег - ничем не обеспеченной денежной массы.

В-третьих, что касается международного разделения труда, то в условиях кризиса наблюдается сохранение тенденции смещения развития центрамирового производства в Юго-Восточную Азию [25].

При этом не вызывает сомнений, что в период глобального кризиса, сопровождающегося сокращением мировых объемов материального производства, экологическая обстановка на планете улучшится.

Более сложная ситуация наблюдается в мировой кредитно-финансовой системе. Здесь давно ожидаются изменения, связанные как с составом мировых денег (американский доллар, английский фунт, евро, японская иена), где могут появится новые мировые резервные валюты, так и с изменением всей мировой финансовой платформы, например на базе криптовалют [26]. В этой части есть много вопросов, и мы согласны [27] с мнением части экспертов, что степень распространения криптовалют является «индексом отмывания денег» [28, 29].

Применительно к мировым инвестиционным процессам следует отметить, что в период кризиса 2020 г. инвестиции ожидаемо устремятся в экономики развитых стран, как в наиболее надежные «гавани». Следовательно, отток инвестиций из менее надежных развивающихся стран в этот период усилится. Здесь уместно вспомнить, что именно отток инвестиций из страны явился одной из (далеко не единственной) причиной дефолта в России в 1998 г. [30].

Что касается научно-технического развития, то в современных условиях якорный характер транснациональных корпораций (ТНК) как центров такого развития, на долю которых еще до кризиса приходилось свыше 80% всех инновационных разработок [31], еще более усилится. И те ТНК, которые преуспеют в этой сфере, завладеют в период шестого технологического уклада еще большей долей мирового рынка.

Сказанное в полной мере относится и к медико-биологической сфере. Сегодняшняя социально-психологическая атмосфера в мировом сообществе такова, что то государство или та компания (ТНК), которая первой разработает вакцину против вируса COVID-19, не только повысит свой мировой рейтинг, но и, без сомнения, существенно усилит свои экономические позиции.

Рассматривая социальные аспекты развития мирового хозяйства, необходимо отметить, что в сознании подавляющего большинства людей происходит переоценка системы ценностей (если отталкиваться, например, от иерархических схем [32] содержательных теорий мотивации А. Маслоу, К. Альдерфера, Ф. Герцберга, Д. Мак-Клелланда) с уровней, характеризующих развитие, до уровней, характеризующих безопасность.

Рассматривая сферу мировой торговли, следует отметить, что торговая война между мировыми экономическими лидерами - США (покупатель) и КНР (производитель), длящаяся уже несколько лет [33] и являющаяся одной из составляющих рассматриваемого кризиса, будет продолжаться еще достаточно долго (вероятно, несколько лет). При этом, по сути, торговая война США и КНР, с учетом взаимного проникновения экономик стран на уровень порядка 30%, является войной сиамских близнецов на самоуничтожение. Данный фактор, наряду с пандемией COVID-19, сокращением мировых объемов производства и т. д., будет способствовать как минимум (оптимистический сценарий) замедлению процессов интернационализации мировой хозяйственной жизни. Как максимум (пессимистический сценарий) в результате глобального экономического кризиса можно ожидать проявления процессов как ре-

гиональной дезинтеграции (подобно выходу Великобритании из ЕС [34]), так и деглобализации мирового хозяйства.

В целом, подводя итог краткому рассмотрению проблем развития мировой экономики в условиях макроэкономической нестабильности, следует отметить, что большинство стран мира оказалось не готово к закономерному и прогнозируемому мировому экономическому кризису 2020 г., который застал эти страны врасплох. К сожалению, сказанное в полной мере относится и к Российской Федерации.

Одними из ключевых (но далеко не единственных) проблем преодоления текущего кризиса национальной экономикой являются:

— отсутствие должной диверсификации экономики;
— отсутствие оперативного плана локализации воздействия кризиса и стратегического плана выхода из кризиса.

Что касается проблемы диверсификации российской экономики, то она продолжается уже на протяжении более полувека. И если в 1960-х гг. страна была еще готова к тому, чтобы «слезть с нефтяной иглы» [35], то сегодня к моменту наступления кризиса Россия оказалась уже не готовой к тому, чтобы отказаться от ставки в экономике на экспорт углеводородов [36]. При этом нельзя сказать, что попытки диверсификации отечественной экономики в рассматриваемый временной интервал не предпринимались. Они озвучивались руководством страны и в 1980-е [37], и в 2000-е, и в 2010-е гг. [38], но, к сожалению, так и не были реализованы.

Говоря о плане антикризисных мероприятий, необходимо отметить, что если в 2015 г. для решения проблем импортозамещения он был, по крайней мере, подкреплен существенным финансированием [39] (качество реализации этого плана в данном случае не рассматривается), то текущий план преодоления кризиса [40] в этом смысле (как по комплексу мер, так и по объему ресурсов) выглядит явно недостаточным.

И вполне очевидно, что если план предвосхищения (упреждения) влияния кризиса на национальную экономику сформирован не был, план локализации текущего влияния кризиса недостаточен, а стратегический

план выхода из кризиса еще не сформирован, то влияние кризиса на национальную экономику будет более глубоким и продолжительным в межстрановом сопоставлении и может продлиться, по нашему мнению, 3–4 года.

Список литературы

1. Тебекин А. В., Филатов А. А. Основы менеджмента организации. М.: ВИНИТИ, 2005. 208 с.

2. PwC предсказала «слоубализацию» мировой экономики в 2020 году // Официальный сайт «РБК». URL: https://www.rbc.ru/economics/07/01/2020/5e11b80c9a794727c8069c7b (дата обращения: 30.05.2020).

3. Серяков Г. Н., Тебекин А. В. Методологические основы исследования направлений и средств развития технологических укладов // Транспортное дело России. 2018. № 4. С. 15–17.

4. «Стресс для мировой экономики»: какие последствия может вызвать падение цен на нефть // Новостной сайт RT. URL: https://russian.rt.com/business/article/726709-neft-ceny-obval (дата обращения: 30.05.2020).

5. Huang, C., Wang, Y., Li, X. et al. Clinical features of patients infected with 2019 novel coronavirus in Wuhan, China // The Lancet. https://ru.wikipedia.org/wiki/Elsevier2020. Vol. 395. No. 10223. Pp. 497–506.

6. Тяжелые последствия кризиса, вызванного пандемией COVID-19 // Яндекс.Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/azbukadeneg/tiajelye-posledstviia-krizisa-vyzvannogo-pandemiei-covid19-eto-doljen-znat-kajdyi-5e9f2fd698c2d801bbb178d5 (дата обращения: 30.05.2020).

7. Keynes, J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. 400 p.

8. Тебекин А. В. О возможности возникновения кризиса в национальной экономике в 2018–2019 годах // Маркетинг и логистика. 2018. № 4 (18). С. 52–62.

9. Ханов М. Пандемия «маскирует» циклический кризис мировой экономики // Государственное информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/opinions/8294881 (дата обращения: 30.05.2020).

10. Тебекин А. В., Конотопов М. В., Сметанин С. И. Экономическая история: учебник для бакалавров / Серия 58. Бакалавр. Академический курс (12-е изд.) М., 2019.

11. Тебекин А. В. Развитие концепций менеджмента в 1970-е годы // Журнал исторических исследований. 2018. Т. 3. № 4. С. 33–43.

12. Berry, J. A. The Growing Importance of Oil // Military Review. 1972. Vol. 52. No. 10. Pp. 2–16.

13. Тебекин А. В. Анализ кризисов с позиций экономической теории // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4. № 12. С. 3–9.

14. Всемирный банк ожидает незначительного роста мировой экономики в 2020 году // Государственное информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/7483777 (дата обращения: 30.05.2020).

15. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Мировая энергетическая безопасность. кризис или стабильность? // Инновации и инвестиции. 2007. № 2. С. 3–11.

16. Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26–38.

17. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Апрельские тезисы 2009 года (о мировом экономическом кризисе) // Инновации и инвестиции. 2009. № 1. С. 2–8.

18. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Декабрьские тезисы 2009 года (о мировом экономическом кризисе) // Инновации и инвестиции. 2009. № 4. С. 2–6.

19. Read, C. Global Financial Meltdown: How We Can Avoid the Next Economic Crisis. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 272 p.

20. Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры: доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1-е изд. М., 1928. 287 с.

21. Kuznets, S. Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and Their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston: Houghton Mifflin, 1930. 536 p.

22. Juglar, C. Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis. Paris: Guillaumin et Cie, 1862. 258 p.

23. Тебекин А. В. Стратегический менеджмент: учебник для бакалавров. Серия 60. Бакалавр. Прикладной курс (1-е изд.). М., 2012. 331 с.

24. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Мартовские тезисы 2010 года (о мировом экономическом кризисе с позиций циклов инновационного развития К. Жугляра) // Инновации и инвестиции. 2010. № 1. С. 2–6.

25. Бару С. Центр мира смещается в Азию // Деловая газета «Взгляд». URL: https://yandex.ru/turbo/s/vz.ru/opinions/2019/9/28/1000154.html (дата обращения: 30.05.2020).

26. Акст Р. Маркетинговые фокусы криптовалют, или Что такое альткоины. М.: Издательские решения. 2018. 939 с.

27. Тебекин А. В. Анализ трансформации содержания понятия «деньги»с момента издания перво го тома «Капитала» К. Маркса // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4. № 10. С. 1–9.

28. Imbert, F. BlackRock CEO Larry Fink Calls Bitcoin an 'Index of Money Laundering' // CNBC. 13.10.2017. URL: https://www.cnbc.com/2017/10/13/blackrock-

ceo-larry-fink-calls-bitcoin-an-index-of-money-laundering.html (дата обращения: 30.05.2020).

29. Kim, T. Billionaire Investor Marks, Who Called the Dotcom Bubble, Says Bitcoin Is a 'Pyramid Scheme' // CNBC. 26.07.2017. URL: https://www.cnbc.com/2017/07/26/billionaire-investor-marks-who-called-the-dotcom-bubble-says-bitcoin-is-a-pyramid-scheme.html (дата обращения: 30.05.2020).

30. Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. М.: Время, 2009. 480 с.

31. ТНК правят миром? // Рамблер. Новости. URL: https://news.rambler.ru/europe/35380869-tnk-pravyat-mirom/ (дата обращения: 30.05.2020).

32. Тебекин А. В. Стратегическое управление персоналом (Магистратура и бакалавриат): учебник. М.: Кнорус, 2020. 720 с.

33. Diamond, J. Trump: 'We Can't Continue to Allow China to Rape Our Country' // CNN. 02.05.2016. URL: https://edition.cnn.com/2016/05/01/politics/donald-trump-china-rape/index.html (дата обращения: 30.05.2020).

34. Невельский А., Оверченко М. Великобритания вышла из Евросоюза. Что будет дальше // Новостной портал «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/31/821983-velikobritaniya-evrosoyuza-dalshe (дата обращения: 30.05.2020).

35. Тебекин А. В. Уроки Косыгинских реформ: научные подходы к управлению инновационным развитием экономики. // Инновации. 2017. № 3 (221). С. 11–17.

36. Тебекин А. В. Эра углеводородов заканчивается, а с нею и эра тех, кто думает, что она вечна // Таможенные чтения — 2015: Евразийский экономический союз в условиях глобализации: вызовы, риски, тенденции: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 103–106.

37. Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История советской России. СПб.: Лань, 2001. 416 с.

38. Путин: Россия постепенно уходит от нефтезависимости, но этого не сделать «по щелчку» // Государственное информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/7895291 (дата обращения: 30.05.2020).

39. Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году: Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2020).

40. План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (утв. Правительством РФ 17.03.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

References

1. Tebekin, A. V., Filatov, A. A. Fundamentals of Organization Management. Moscow: VINITI, 2005. 208 p.

2. PwC Predicted the "Slowbalization" of the Global Economy in 2020 // RBC. URL: https://www.rbc.ru/economics/07/01/2020/5e11b80c9a794727c8069c7b (access date: May 30, 2020).

3. Seryakov, G., Tebekin, A. Methodological Bases of a Research of the Directions and Development Tools of Technological Ways // Transport business of Russia. 2018. No. 4. Pp. 15–17.

4. "Stress for the Global Economy": What Are the Consequences of a Drop in Oil Prices // RT. URL: https://russian.rt.com/business/article/726709-neft-ceny-obval (access date: May 30, 2020).

5. Huang, C., Wang, Y., Li, X. et al. Clinical features of patients infected with 2019 novel coronavirus in Wuhan, China // The Lancet. https://ru.wikipedia.org/wiki/Elsevier2020. Vol. 395. No. 10223. Pp. 497–506.

6. Severe Consequences of the Crisis Caused by the COVID-19 Pandemic // Yandex.Zen. URL: https://zen.yandex.ru/media/azbukadeneg/tiajelye-posledstviia-krizisa-vyzvannogo-pandemiei-covid19-eto-doljen-znat-kajdyi-5e9f2fd698c2d801bbb178d5 (accessed date: 30.05.2020).

7. Keynes, J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. 400 p.

8. Tebekin, A. V. On the Possibility of a Crisis in the National Economy in 2018–2019// Marketing and Logistics. 2018. No. 4 (18). Pp. 52–62.

9. Khanov, M. The Pandemic "Disguises" the Cyclical Crisis of the Global Economy // TASS. URL: https://tass.ru/opinions/8294881 (access date: May 30, 2020).

10. Tebekin, A. V., Konotopov, M. V., Smetanin, S. I. Economic History: A Textbook / Series 58. Bachelor. Academic Course (12th ed.) Moscow, 2019.

11. Tebekin, A. V. Development of Management Concepts in the 1970s // Zhurnal istoricheskih issledovaniy. 2018. Vol. 3. No. 4. Pp. 33–43.

12. Berry, J. A. The Growing Importance of Oil // Military Review. 1972. Vol. 52. No. 10. Pp. 2–16.

13. Tebekin, A. V. The Analysis of Crises From Positions of the Economic Theory // Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 4. No. 12. Pp. 3–9.

14. The World Bank Expects a Slight Global Economic Growth in 2020 // TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/7483777 (access date: May 30, 2020).

15. Konotopov, M. V., Tebekin, A. V. World Energy Security. Crisis or Stability? // Innovation and Investments. 2007. No. 2. Pp. 3–11.

16. Glaziev, S. World Economic Crisis as a Process of Substitution of Technological Modes // Voprosy Ekonomiki. 2009. No. 3. Pp. 26–38.

17. Konotopov M. V., Tebekin A. V. April Theses, 2009 (on the Global Economic Crisis) // Innovations and Investments. 2009. No. 1. Pp. 2–8.

18. Konotopov M. V., Tebekin A. V. December Theses, 2009 (on the Global Economic Crisis) // Innovations and Investments. 2009. No. 4. Pp. 2–6.

19. Read, C. Global Financial Meltdown: How We Can Avoid the Next Economic Crisis. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 272 p.

20. Kondratyev, N. D., Oparin, D. I. Large Business Cycles: Reports and Discussion at the Institute of Economics. 1st ed. Moscow, 1928. 287 p.

21. Kuznets, S. Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and Their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston: Houghton Mifflin, 1930. 536 p.

22. Juglar, C. Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis. Paris: Guillaumin et Cie, 1862. 258 p.

23. Tebekin, A. V. Strategic Management: A Textbook. Series 60. Bachelor. Applied Course (1st ed.). Moscow, 2012. 331 p.

24. Konotopov, M. V., Tebekin, A. V. March Theses, 2010 (on the Global Economic Crisis from the Perspective of C. Juglar's Cycles of Innovative Development) // Innovations and Investments. 2010. No. 1. Pp. 2–6.

25. Baru, S. The Center of the World is Shifting to Asia // Vzglyad. URL: https://yandex.ru/turbo/s/vz.ru/opinions/2019/9/28/1000154.html (access date: May 30, 2020).

26. Akst, R. Marketing Tricks of Cryptocurrencies, or What Are Altcoins. Moscow: Izdatelskiye resheniya, 2018. 939 p.

27. Tebekin, A. V. The Analysis of Transformation of Maintenance of the Concept "Money" from the Moment of Issuing of the First Volume of Capital of K. Marx // Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 4. No. 10. Pp. 1–9.

28. Imbert, F. BlackRock CEO Larry Fink Calls Bitcoin an 'Index of Money Laundering' // CNBC. October 13, 2017. URL: https://www.cnbc.com/2017/10/13/blackrock-ceo-larry-fink-calls-bitcoin-an-index-of-money-laundering.html (access date: May 30, 2020).

29. Kim, T. Billionaire Investor Marks, Who Called the Dotcom Bubble, Says Bitcoin Is a 'Pyramid Scheme' // CNBC. July 26, 2017. URL: https://www.cnbc.com/2017/07/26/billionaire-investor-marks-who-called-the-dotcom-bubble-says-bitcoin-is-a-pyramid-scheme.html (access date: May 30, 2020).

30. Gilman, M. Default Which Could not Have Been. Moscow: Vremya, 2009. 480 p.

31. Do TNCs Rule the World? // Rambler. URL: https://news.rambler.ru/europe/35380869-tnk-pravyat-mirom/ (access date: May 30, 2020).

32. Tebekin, A. V. Strategic HR Management (Master and Bachelor): A Textbook. Moscow: Knorus, 2020. 720 p.

33. Diamond, J. Trump: 'We Can't Continue to Allow China to Rape Our Country' // CNN. May 2, 2016. URL: https://edition.cnn.com/2016/05/01/politics/donald-trump-china-rape/index.html (access date: May 30, 2020).

34. Nevelskiy, A., Overchenko, M. The Great Britain Has Left the European Union. What Will Happen Next // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/31/821983-velikobritaniya-evrosoyuza-dalshe (access date: May 30, 2020).

35. Tebekin, A. V. Lessons of Kosyginsky Reforms: Scientific Approaches to Management of Innovative Development of Economy // Innovations. 2017. No. 3 (221). Pp. 11–17.

36. Tebekin, A. V. The Era of Hydrocarbons Ends, and With It Ends the Era of Those Who Think that It Is Eternal // Customs Readings 2015: Eurasian Economic Union in the Context of Globalization: Challenges, Risks, Trends. 2015. Pp. 103–106.

37. Ratkovskiy, I. S., Khodyakov, M. V. History of Soviet Russia. St. Petersburg: Lan, 2011. 416 p.

38. Putin: Russia is Gradually Moving Away from Oil Dependence, but This Cannot be Done "in the Snap of a Finger" // TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/7895291 (access date: May 30, 2020).

39. On Approval of the Plan of Priority Measures to Ensure Sustainable Development of the Economy and Social Stability in 2015: Order of the Government of the Russian Federation of January 27, 2015 No. 98-r // Official Web Portal of Legal Information. URL: Http://www.pravo.gov.ru (access date: May 30, 2020).

40. Plan of Priority Measures (Actions) to Ensure the Sustainable Development of the Economy in a Situation Worsened by the Spread of a New Coronavirus Infection (Approved by the Government of the Russian Federation on March 17, 2020) // Consultant Plus.

УДК/UDC 339.9

Реализация национальных экономических интересов России в рамках устойчивого развития Организации черноморского экономического развития (ОЧЭС)

Ходоченко Анастасия Викторовна
аспирант кафедры мировой экономики
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: anastasia.kh61@mail.ru
SPIN-код: 6343-2333

Аннотация

Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) выступает эффективным механизмом сотрудничества в Черноморском регионе, где страны-участницы могу совместно решать межгосударственные вопросы и реализовывать совместные проекты для дальнейшего развития региона. Единое историческое, геополитическое и геоэкономическое пространство Черноморского региона позволяет объединить страны для противостояния текущим и будущим глобальным вызовам. Ключевым моментом сотрудничества для России выступает реализация национальных экономических интересов в рамках ОЧЭС. Черноморский регион обладает стратегической важностью для России с точки зрения его географического положения и природного богатства. В статье выявлены приоритетные направления сотрудничества, имеющие важное стратегическое значение для России в экономическом плане. Развитие регионального сотрудничества между Россией и странами ОЧЭС в условиях текущих интеграционных процессов может способствовать увеличению темпов развития самих стран и региона в целом.

Ключевые слова: ОЧЭС, Россия, устойчивое развитие, национальные экономические интересы.

Implementation of Russia's National Economic Interests Under Sustainable Development of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC)

Khodochenko Anastasiya Viktorovna
graduate student of the Department of World Economics
Rostov State University of Economics
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: anastasia.kh61@mail.ru
SPIN Code: 6343-2333

Abstract

The BSEC is an effective mechanism for cooperation in the Black Sea region, where the participating countries can jointly resolve interstate issues and implement joint projects for the further development of the region. The common historical, geopolitical, and geo-economic space of the Black Sea region allows the countries to unite in order to face the current and future global challenges. The key point of cooperation for Russia is the implementation of national economic interests within the BSEC. The Black Sea region is of strategic importance to Russia in terms of its geographical location and natural wealth. The article identifies the priority areas of cooperation that are of great strategic importance for Russia in economic terms. The development of regional cooperation between Russia and the BSEC countries in the context of current integration processes can help to increase the pace of development of the countries themselves and the region as a whole.

Key words: BSEC, Russia, sustainable development, national economic interests.

Устойчивое развитие международных связей и наращивание внешнеторгового потенциала между государствами являются актуальными задачами для углубления регионального сотрудничества в условиях активизации интеграционных процессов.

Черноморский регион постоянно находится в зоне интересов Российской Федерации. На протяжении многих веков сотрудничество России с другими странами в Черноморском регионе приобретало ряд важных побудительных мотивов, особенно экономических - торговля, инвестиции

и т. д. Черноморский регион является уникальным местом, обладающим богатыми природными ресурсами, крупными запасами углеводородов на шельфе Черного моря, которое является связующим логистическим звеном между прибрежными территориями и странами.

Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) является важным инструментом для обеспечения экономической, политической и экологической безопасности и укрепления международного сотрудничества в Черноморском регионе. Ключевая задача взаимодействия заключается в создании стабильного регионального объединения, нацеленного на долгосрочное экономическое развитие в Черноморском регионе.

Изначально создание организации предполагало экономическую направленность, т. е. формирование объединения, способного поддерживать экономическое сотрудничество между странами, включающее свободное движение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы в рамках региона. Это произошло в начале 90-х гг., когда вновь образовавшиеся страны имели мало шансов войти в Европейский союз и они нуждались в интеграционных связях, поэтому с большим энтузиазмом восприняли идею Турции и России по созданию черноморского экономического сотрудничества [1, с.11].

В периоды мировых кризисов Россия и страны ОЧЭС сталкивались с серьезными экономическими спадами. Волатильность цен на сырьевые товары, изменение цен на энергоносители, демографические тенденции, смена власти, отсутствие инвестиций и другие ограничения - все это замедляло как текущие, так и будущие потенциальные сферы сотрудничества, что создавало неопределенность функционирования ОЧЭС.

Россия является самой крупной экономикой в ОЧЭС и составляет около половины ВВП Черноморского региона. Активное экономическое партнерство проявляется не только в торговой сфере, но и в финансах, связанных с трансфертом денежных средств между странами в данном регионе. Россия входит в ключевые структуры ОЧЭС, например в Пар-

ламентскую ассамблею ЧЭС (ПАЧЭС) и Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР).

На заседаниях ПАЧЭС обсуждаются текущие проблемы и способы выхода из них, утверждаются декларации и разрабатываются рекомендации по приоритетным экономическим вопросам. Ассамблея рассматривает следующие проблемы: «демократия и верховенство закона, борьба с организованной преступностью и терроризмом в регионе, защита окружающей среды Черного моря, укрепление сотрудничества между странами-членами в области культуры и образования, обеспечение социальных гарантий, укрепление сотрудничества на уровне гражданского общества и развитие сотрудничества с другими европейскими и международными организациями» [2]. Участие в этой структуре имеет весомое значение, т. к. с помощью этого инструмента возможно доведение до стран-участниц ОЧЭС позиций России по приоритетным сферам сотрудничества.

ЧБТР создан для поддержания и содействия экономическому росту стран ОЧЭС с помощью широкого спектра финансовых услуг. Ежегодно осуществляется финансирование различных проектов. В 2018 г. активный портфель банка в РФ состоял из 15 операций с привлечением инвестиций в размере 316,1 млн евро. В результате из них 15 были подписаны на 250,6 млн евро и непогашенные выплаты составили 128,1 млн евро. Таким образом, Россия занимает третье место в портфеле ЧБТР с 14,0%, является четвертой по обязательствам с 12,2% от общего числа подписанных операций и занимает пятое место по сумме задолженности в общем портфеле на 9,4% [3].

Основу национальных экономических интересов России в ОЧЭС составляют следующие положения:

1) поддержание стабильности по всем сферам сотрудничества со странами ОЧЭС;
2) продвижение российских интересов с помощью инвестиционной активности в приоритетные отрасли стран-участниц организации;

3) предоставление доступа странам-участницам ОЧЭС к российской материально-сырьевой базе на взаимовыгодной основе, переходящей в долгосрочное сотрудничество;
4) постоянный мониторинг и создание стабильных условий для национальной безопасности в Черноморском регионе, включая военное присутствие;
5) защита интересов и прав своих граждан в рамках организации.

Регион обладает высокой ценностью для расположенного здесь государства, несмотря на кажущийся приоритет сотрудничества в других регионах мира, особенно на Востоке.

Приоритетные национальные экономические интересы России в ОЧЭС представлены на рисунке 1.

Национальные экономические интересы России в ОЧЭС

Рисунок 1

Национальные экономические интересы России проявляются в той экономической деятельности, которая осуществляется в Черном море и в прибрежных зонах. В то же время важным фактором выступает развитие межрегиональных и приграничных экономических связей при сохранении суверенитета. Сотрудничество в рамках ОЧЭС прежде всего

нацелено на совместное использование природно-хозяйственных зон Черного моря.

Логистика играет ключевую роль для грузовых перевозок и паромных переправ между крупнейшими портами Черного моря. Благодаря транзитному расположению в Черноморском регионе через Черное море проходят транспортные пути, соединяющие европейские страны, страны Закавказья и страны Центральной Азии. Транспортные коридоры пролегают по всему морю, что позволяют укрепить интеграцию между странами ОЧЭС.

Гармонизация внешнеторговой политики стран формирует систему международных торговых отношений в регионе, следовательно, возрастает экономический потенциал организации. По данным российской таможенной статистики за 2019 г. ключевым торговым партнером России среди стран дальнего зарубежья, входящих в ОЧЭС, стала Турция, товарооборот с которой составил26,0 млрд долл. США (101,9% к январюдекабрю 2018 г.) Среди стран ближнего зарубежья, входящих в ОЧЭС, ключевым партнером стала Украина, экспорт с которой составил 6,619 млрд долл. США, а импорт -4,834 млрд долл. США [4].

Со стороны ЧБТР особое внимание уделяется бизнес-проектам, которые продвигают национальное экономическое сотрудничество в регионе, а также привлекают инвестиции не только российских компаний, но и других стран ОЧЭС. Российские компании активно работают в соседних странах, осуществляя инвестирование и расширяя свое присутствие в регионе. В Деловом совете ОЧЭС активно участвует «Деловая Россия».

В 2020 г. Россия стала координатором малого и среднего предпринимательства (МСП) в рамках рабочей группы ОЧЭС. Основные задачи по развитию и поддержанию МСП всех стран ОЧЭС соответствуют целям устойчивого развития в сфере бизнеса в Черноморском регионе. С помощью механизмов (обмен информацией, опытом и пр. с зарубежными коллегами) российский бизнес эффективно осваивает потенциальные рынки сбыта и дает рекомендации государствам-членам [5].

Черноморский регион является привлекательной площадкой для российского бизнес-сообщества. До 2013 г. функционировала Ассоциация торгово-промышленных палат стран Черноморского региона на базе Ростовской торгово-промышленной палаты, однако в связи с политическим событиями на Украине формат сотрудничества изменился на двухсторонние отношения. В качестве механизма взаимодействия используются деловые советы, например Российско-турецкий деловой совет. Другим механизмом взаимодействия выступают совместные торгово-промышленные палаты, например Болгаро-российская торгово-промышленная палата [1, с. 24].

Приоритетным направлением экономического сотрудничества между Россией и странами ОЧЭС является сфера энергетики. Крупномасштабным проектом стало строительство «Турецкого потока» — экспортного газопровода из России в Турцию через Черное море. «Первая из двух ниток газопровода предназначена для поставок газа турецким потребителям, вторая — для газоснабжения стран Южной и Юго-Восточной Европы» [6]. Идея по развитию единого энергетического комплекса среди стран ОЧЭС потенциально возможна при условии неполитизации экономических вопросов в энергетике.

Другим приоритетным направлением сотрудничества между странами ОЧЭС является туристическая отрасль, где осуществляется обмен опытом, реализуются выгодные межрегиональные проекты, например дорожные карты развития круизного туризма и экотуризма, переквалификация и подготовка специалистов для туристской индустрии и развитие туристской инфраструктуры между странами Черноморского региона. Благодаря уникальным природным и историческим объектам Черное море обладает потенциалом реакционного и других видов отдыха в прибрежных странах, в т. ч. для России, которая активно развивает курортно-рекреационные зоны на побережье данного моря.

В рамках концепции устойчивого развития особый интерес для России представляется проблема сотрудничества со странами ОЧЭС в области экологии. Тема по защите морской экосистемы Черного моря стоит

на повестке дня при каждой встречи рабочей группы по охране окружающей среды ОЧЭС. Согласно Конвенции о защите Черного моря от загрязнения «природные богатства и условия для отдыха на Черном море можно сохранить прежде всегообщими усилиями причерноморских стран» [7].

Политика России по защите морской среды регулируется рядом документов: ««Кодекс использования водных ресурсов», закон о континентальном шельфе, закон о производстве и переработке отходов, закон о санитарном и эпидемиологическом благосостоянии населения и закон о защите окружающей среды» [8]. Страна приняла международные обязательства в области поддержания климата в Черноморском регионе, что подтверждает план работ по стратегической реализации мер по повышению экологической обстановки в регионе.

При рассмотрении приоритетных национальных экономических интересов России в Черноморском регионе в рамках сотрудничества ОЧЭС можно выделить следующие проблемы укрепления позиций России и возможности их решения:

1. Политизация международных отношений между странами ОЧЭС по развитию взаимовыгодных отношений в торговле внутри региона и за его пределами. Выходом является окончательное формирование единой логистической инфраструктуры.
2. Разобщенность в принятии совместных решений для эффективной работы ОЧЭС. Необходима вовлеченность всех стран-участниц в равной степени для улучшения работы организации на международной арене.
3. Отсутствие стратегических проектов по развитию Черноморского региона в связи с низким уровнем инвестиционной активности. Черноморский регион имеет выгодное географическое расположение и привлекает внимание крупнейших стран мира, поэтому привлечение внешних инвестиций может в значительной мере ускорить развитие региона.

4. Политическая ситуация вокруг Украины и России оказывает влияние на экономическое развитие всего Черноморского региона. К сожалению, на данном этапе развития окончательного решения данной проблемы не существует.

На текущий момент развития ОЧЭС потенциал сотрудничества в Черноморском регионе используется не в полной мере. Из-за политических конфликтов объемы инвестиционных и торговых потоковежегодно снижаются. Усиление сотрудничества и увеличение торгового оборота позволят поднять экономический потенциал региона и стран-участниц ОЧЭС в целом. Успешная реализация национальных экономических интересов РФ в Черном море будет способствовать укреплению геополитического и политического присутствия страны в Черноморском регионе, следовательно, способствовать развитию устойчивых экономических и культурных связей с государствами в данном регионе.

Региональное сотрудничество между странами ОЧЭС должно приобретать все большую актуальность для России. Региону свойственна уникальная инфраструктура, способная обеспечить устойчивое развитие всех стран-участниц организации. Основой для развития Черноморского региона должны стать региональные и межгосударственные проекты, позволяющие выстроить современную модель экономики, способную противостоять глобальным вызовам.

Список литературы

1. Парламентское измерение сотрудничества в Черноморском регионе: основные итоги, тенденции, перспективы: Материалы парламентских слушаний. 20 февраля 2018 года. М.: Издание Государственной Думы, 2018. 64 с. URL: http://duma.gov.ru/media/files/OrPEaA38V0iQCYdJuAy9Dv6TFxqB4PMI.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

2. Парламентская Ассамблея Черноморского Экономического Сотрудничества. URL: http://www.pabsec.org/?hl=ru (дата обращения: 20.05.2020).

3. Russia Country Strategy 2019–2022 // Black Sea Trade And Development Bank. URL: https://www.bstdb.org/Country%20Strategy%202019-2022%20Russia.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

4. Импорт-экспорт важнейших товаров за 2019 год // ФТС России. URL: http://customs.ru/press/federal/document/226112 (дата обращения: 20.05.2020).

5. Рабочая группа по МСП // ОЧЭС. URL: http://www.bsec-organization.org/areas-of-cooperation/smes/information (дата обращения: 20.05.2020).

6. Турецкий поток // Официальный сайт ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/ (дата обращения: 20.05.2020).

7. Конвенция о защите Черного моря от загрязнения // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Циарас К. Доклад «Состояние морской среды в Черноморском регионе» // Парламентская Ассамблея Черноморского Экономического Сотрудничества. URL: http://www.pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ru-rep-xwsvgwg7ys.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

References

1. Parliamentary Assessment of Cooperation in the Black Sea Region: Main Results, Trends, Prospects: Materials of Parliamentary Hearings. February 20, 2018. Moscow: State Duma Publication, 2018. 64 p. URL: http://duma.gov.ru/media/files/OrPEaA38V0iQCYdJuAy9Dv6TFxqB4PMI.pdf (access date: May 20, 2020).

2. Parliamentary Assembly of the Black Sea Economic Cooperation. URL: http://www.pabsec.org/?hl=ru (access date: May 20, 2020).

3. Russia Country Strategy 2019–2022 // Black Sea Trade And Development Bank. URL: https://www.bstdb.org/Country%20Strategy%202019-2022%20Russia.pdf (access date: May 20, 2020).

4. Import and Export of the Most Important Goods in 2019 // Federal Customs Service. URL: http://customs.ru/press/federal/document/226112 (access date: May 20, 2020).

5. SMEs // BSEC. URL: http://www.bsec-organization.org/areas-of-cooperation/smes/information (access date: May 20, 2020).

6. TurkStream // Gazprom. URL: https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/ (access date: May 20, 2020).

7. Convention on the Protection of the Black Sea Against Pollution // Consultant Plus.

8. Tsiaras, K. Condition of the Marine Environment in the Black Sea region // Parliamentary Assembly of the Black Sea Economic Cooperation. URL: http://www.pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ru-rep-xwsvgwg7ys.pdf (access date: May 20, 2020).

УДК/UDC 343.2/.7

Отграничение состава преступления ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» от смежных составов преступных деяний

Абашина Людмила Александровна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
г. Орел, Россия
e-mail: abashinala@yandex.ru
SPIN-код: 9137-1296

Ефремова Ольга Валентиновна
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Международный юридический институт
г. Москва, Россия
e-mail: eov2209@mail.ru
SPIN-код: 7572-6350

Аннотация

Авторы статьи, рассматривая отграничение состава преступления ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» от смежных составов преступных деяний, пришли к выводу, что это сложная правореализационная проблема, и решение вопроса о разграничении злоупотребления должностными полномочиями и их превышения должно основываться не только на исследовании мотивов совершения этого преступления, как это сейчас происходит на практике, но и на определении наличия или отсутствия должностного статуса, поскольку превышение может быть совершено и обычным субъектом, не имеющим признаков специального. При злоупотреблении полномочиями есть правовые последствия в виде прав и обязанностей для других лиц, тогда как при превышении должностных полномочий либо вообще не было оснований реализовывать полномочия, либо не было возможности их реализовывать таким образом, т. е. за рамками предписанной нормативными актами процедурной формы.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями, должностная преступность, служебная преступность, должностное лицо.

On Differentiating the Elements of the Crime Under Article 286 of the Criminal Code of Russia (Exceeding Official Powers) and the Elements of Related Criminal Acts

Abashina Lyudmila Aleksandrovna
Candidate of Law, assistant professor, head of a chair of the Department of Criminal Law
Turgenev Orel State University
Orel, Russia
e-mail: abashinala@yandex.ru
SPIN Code: 9137-1296

Yefremova Olga Valentinova
senior lecturer at the Department of Theory and History of State and Law
International Law Institute
Moscow, Russia
e-mail: eov2209@mail.ru
SPIN Code: 7572-6350

Abstract

This article considers the differentiation of the crime under Article 286 of the Criminal Code of Russia (Exceeding Official Powers) from related criminal acts. The authors come to the conclusion that this is a complex legal problem, and the decision on the distinction between abuse and excess of power should be based not only on the study of the motives for committing this crime (as it is happening now in practice), but also on determining the presence or absence of an official status, since the excess of powers can be committed by an ordinary subject that does not have the characteristics of a special one. When abuse of power take place, there are some legal consequences, such as rights and obligations for others, whereas in case of excess of power either there was no reason to implement the powers, or it was not possible to implement them this way, i. e. it was beyond the procedural form prescribed by the relevant regulations.

Key words: excess of power, abuse of power, official crime, public officer.

Процесс правильной квалификации любого общественно опасного деяния очень важен не только для укрепления законности и правопорядка, но и для самого обвиняемого в совершении преступления, поскольку это напрямую влияет на назначаемое ему наказание, и для потерпевшего, который должен быть уверен в справедливом воздаянии со стороны социума за противоправные общественные деяния. В. Н. Кудрявцев совершенно справедливо отмечал, что «. . . по сути дела, весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других, смежных преступлений» [1, с. 126].

В уголовно-правовой науке нередко делались попытки выявить соотношение состава преступлений, предусмотренного в ст. 285 УК РФ, где криминализировано злоупотребление должностными полномочиями и ст. 286 УК РФ, устанавливающей ответственность за превышение должностных полномочий [2, 3]. Именно их чаще всего признают смежными составами преступных деяний.

Заметим, что законодатель активно использует в конструкции диспозиций термины и превышение полномочий, и злоупотребление ими. В частности он их применяет в статьях 201, 202, 203, 285, 286 УК РФ. Однако А. А. Ильин указывал, что законодатель и сам плохо понимает сущность отличия между злоупотреблением и превышением должностных полномочий. Этот ученый обосновывает свою позицию посредством анализа специальных составов, введенных в УК РФ. Рассматривая ст. 286.1 УК РФ «Неисполнение сотрудником внутренних дел приказа», автор исходит из того, что превышение полномочий может быть только в форме действия, а в данном случае речь идет о бездействии, поэтому этот спецсостав следует трактовать как производный от злоупотребления, а не от превышения полномочий. Анализ статей 285.1 и 285.2 УК РФ автора показал, что они являются разновидностью превышения полно-

мочий, как и состав, предусмотренный в ст. 285.3 УК РФ, его диспозиция такова, что можно прямо говорить, что в круг каких-либо полномочий умышленное внесение заведомо недостоверных сведений, подлог и уничтожение документов не могут входить в принципе, поэтому в данном случае мы тоже имеем дело с превышением полномочий, а не со злоупотреблением ими [4, с. 23–24].

Попробуем разобраться в их сущности. В цивилистике активно разрабатывается категория злоупотребления правом, в ст. 10 ГК РФ прописаны пределы осуществления права, притом, можно быть в общем русле правовых предписаний, но отклониться от них в частностях, например, используя недозволенные формы поведения в общих рамках поведения законного. Этому процессу была посвящена активная дискуссия среди ученых-правоведов. Выразитель одной из позиций Н. С. Малеин считал, что когда субъект реализует предоставленные ему права, он в любом случае злоупотреблять ими не может, если находится в рамках правового поля, а выходя за рамками последнего, лицо совершает не злоупотребление правом, а правонарушения [5, с. 90]. В. П. Грибанов, выражая вторую позицию, исходил из того, что злоупотребление правом не имеет отношения к содержанию субъективного права, а относится к процессу его реализации [6, с. 58], означая выбор формы его реализации за пределами осуществления предоставленных прав. Эта позиция имеет отношение к концепции, условно именуемой формальной концепцией злоупотребления правом. Есть еще одна концепция, которую условно именуют телеологической или целевой (термин К. А. Грекова) [7]. В ее рамках злоупотребление правом означает выход за рамки целевого предназначения права, и его действие в противовес интересам общества и государства [8, с. 234]. Думается, что в уголовном праве мы имеем дело именно с ней применительно к злоупотреблению полномочиями, т. е. субъект реализует предоставленные ему полномочия, но делает это не в интересах общества и государства, а руководствуясь личными мотивами, включая корыстную мотивацию. А вот применительно к превышению полномочий, скорее, работает формальная теория злоупотребления правом, поскольк-

ку субъект нарушает форму и процедуру реализации права в процессе превышения полномочий.

Рассматривая понятие полномочия, следует отметить, что оно легально не закреплено. Руководствуясь доктринальным толкованием, можно говорить, что, в отличие от субъективного права, оно не только основывается на законе, но и его реализация должна происходить в строгом соответствии с законодательной основой, поскольку согласно словарной статье — это «признанное в установленном порядке право социального субъекта влиять на поведение людей и деятельность других институтов с помощью использования легитимных средств воздействия» [9, с. 126]. Реализация должностных полномочий не только должна иметь в основе юридический факт, позволяющий и предписывающий это сделать, но и, подчеркнем, что должностное лицо обязано соблюсти определенную форму реализации, т. е. процедурную форму. И первый, и второй случай имеют отношение к процессу превышения полномочий, но в одном случае не было оснований вообще реализовывать полномочия, а во втором - их реализовывать таким образом, т. е. за рамками предписанной нормативными актами процедурной формы.

К. А. Греков указывает, что в случае злоупотребления должностными полномочиями тоже происходит нарушение либо формы, либо основания их реализации, что, по его мнению, может случить доказательством не только тесной родственной связи составов преступлений, предусмотренных в статьях 285 и 286 УК РФ, но и подтверждает, что злоупотребление полномочиями — это один из случаев превышения полномочий. Этот исследователь отмечает большое число проблем, связанных в правоприменительной практике с квалификацией деяний по этим статьям, и говорит, что одно и тоже деяние можно квалифицировать и как злоупотребление, и как превышение полномочий [7].

Обратим внимание, что юристы-практики, включая адвокатов, и ученые-криминологи неоднократно предпринимали попытки выявить отличие этих составов. Например, существует такое мнение: главное, на что следует ориентироваться при отграничении этих составов — это,

во-первых, мотив преступного деяния. Во-вторых, при злоупотреблении должностными полномочиями лицо не выходит за рамки власти, предоставленной ему законодательством, хотя и использует ее вопреки интересам службы, тогда как при превышении должностное лицо использует те полномочия, которые ему недоступны или вообще совершает противозаконные действия. В-третьих, с позиции адвоката при злоупотреблении полномочиями наступает материальный ущерб, а превышение наносит вред правам личности и государству в целом [10]. Наш анализ судебной практики не подтверждает абсолютности второго и третьего критерия, хотя автор и сам признает выдвинутый им третий критерий несовершенным.

Многие исследователи посвящали свое внимание проблеме изучения разграничения этих родственных составов. При этом справедливым представляется мнение В. Н. Боркова, высказанное им о невозможности выделения формальных критериев, как то мотив и форма деяния. Этот исследователь иронично заметил, что такие критерии подходят для статистической отчетности, однако плохо коррелируют с реальной действительностью [11].

Часть исследователей по результатам проведенного анализа приходила к выводу о нецелесообразности существования этих составов в качестве отдельных статей уголовного закона России, подразумевая необходимость их слияния в единый обобщенный состав преступления [12, с. 196]. Традиционно выделение преступлений в отдельные составы бывает обычно вызвано двумя причинами. Во-первых, необходимостью дифференциации ответственности, а во-вторых, нежеланием законодателя детализировать объективную сторону преступления. В данном случае мы не наблюдаем действия первого фактора, поскольку в значительной степени наказания, помещенные в санкции обеих статей за исключением части третьей обеих статей повторяют друг друга.

Сходство в этих составах наблюдается и в объекте преступного посягательства, обе эти нормы имеют спецсубъект, а также совпадают по последствиям совершения преступления в виде наступления существен-

ного вреда, однако по объективной стороне и такому компоненту субъективной стороны, как мотив, эти составы отличаются. Статья 285 предполагает совершение этого преступного деяния с корыстным мотивом или иной личной заинтересованностью, тогда как при квалификации деяний по ст. 286 УК РФ мотивационный компонент значения не имеет. В одном случае в объективной стороне состава преступного деяния (ст. 285 УК РФ) злоупотребления должностными полномочиями совершаются вопреки интересам службы, во втором (ст.286 УК РФ) наблюдается явный вход за пределы предоставленных должностных полномочий. Отметим, что с советских времен ст. 285 УК РФ сменила не только наименование (по сравнению со ст. 170 УК РСФСР), но и объективную сторону, ранее преступным считалось использование служебного положения, а не должностных полномочий как сейчас. Примечательно, что инерционность мышления правоприменителей такова, что высшая судебная инстанция вынуждена была, отменяя некоторые приговоры, пояснить, что в ст. 285 УК РФ речь идет именно о злоупотреблении должностными полномочиями, а не о злоупотреблении служебным положением. Например, нет состава преступления, предусмотренного в ст. 285 УК РФ, в ситуации, когда работник ФСНП угрожал работникам автосервиса увольнением, принуждая их к бесплатному ремонту своей машины [11, с. 15]. Верховный Суд РФ требовал пояснить, и в приговоре, и материалах уголовного дела, указывая объем полномочий и нормативно-правовые акты, их предоставившие. Причем достаточно конкретно: часть, пункт, статью, при невыполнении такого условия равным образом действующего и для злоупотребления, и для превышения должностных полномочий, ликвидировать эту лакуну в самом судебном заседании при слушании дела не представляется возможным, поэтому, согласно ст. 237 УПК РФ, его требуется возвращать для устранения препятствий к рассмотрению дела в суде.

Последствием этого будет возможность привлечения к уголовной ответственности только за те деяния, которые возникли из компетенции и должностных полномочий, а те случаи, которые связаны с должност-

ным положением, в частности, сформированные дружеские и служебные связи, авторитет власти, не подлежат криминализации, поскольку формально не входят в компетенцию, хотя и возникли из-за занимаемого субъектом должностного положения.

Интересно, что главным признаком объективной стороны преступления в ст. 285 УК РФ является действия вопреки интересам службы, причем речь идет о возложенных на аппарат публичной власти задачах, даже если они противоречили закону, но не интересам дела, то состав преступления, предусмотренный ст. 285 УК РФ, по мнению А. В. Иванчина и М. Н. Каплина, — отсутствует [13, с. 78]. Отдельные исследователи полагают, что в тех случаях, когда должностное лицо совершает действия, формально соответствующие его полномочиям, однако в конкретном случае - незаконные, то таким образом это лицо совершает не только выход за пределы своих полномочий, но и совершает частный случай злоупотребления полномочиями. А. Грибов полагает, что нельзя утверждать, что эти составы преступлений соотносятся как общее и частное, а, с его точки зрения, они частично пересекаются, он полагает, что вместе оба этих состава составляют злоупотребление служебным положением, т. е. его противоправное использование. Этот исследователь занимает противоречивую позицию, с одной стороны он одобряет и считает обоснованным установление ответственности не только за злоупотребление, но и за превышение полномочий, а с другой, считает, что в данном случае законодатель нарушает принцип экономии законодательного текста, полагая, что эти составы конкурируют друг с другом в тех случаях, когда лицо совершает входящие в его компетенцию полномочия, однако в конкретном случае являющиеся незаконными. Следует согласиться, что ключевым критерием разграничения в таком случае остается мотивационный компонент, однако личная заинтересованность крайне расплывчатый критерий, могущий трактоваться очень широко. Причем, если корыстная заинтересованность обычно выражается в получении взятки, что на практике доказать вполне можно, то корыстнонизменный мотив бывает установить затруднительно. Так, в практике

Омского суда известен случай отмены судебной коллегией Омского областного суда по делу о злоупотреблении должностными полномочиями, обвинительного приговора в отношении А., вынесенного нижестоящей инстанцией. Причиной такого решения судебной коллегии была как раз недоказанность мотивов его поступка. Суду не удалось доказать, что, не зарегистрировав кражу, А. руководствовался личными мотивами, в качестве такового суд не счел возможным рассматривать боязнь критики, сочтя, что это не уголовное преступление, а всего лишь дисциплинарный проступок. Акцентируем внимание на том, что ложно понятые интересы службы или корпоративные интересы как мотив совершения преступления обычно являются основанием для совершения превышения полномочий, а не злоупотребления ими.

Еще одну сложность в правореализационной практике составляют вопросы квалификации по ст. 286 УК РФ как общему составу и иным нормам уголовного закона, когда превышение должностных полномочий образует специальный состав преступления. Заметим, что исследование судебной практики показывает сложности с подобным процессом квалификации деяний как составов преступлений. Общее правило в данном случае таково: вменять в данном случае квалификацию по ст. 286 УК РФ — излишне.

Обратим внимание на тот факт, что когда превышение должностных полномочий образует специальный состав преступления, то ответственность согласно правилу ч. 3 ст. 17 УК РФ наступает только по специальной норме и наказание должно быть назначено, исходя из ее санкции. Применительно в ст. 286 УК РФ специальными нормами выступают ч. 2 ст. 136, ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ч. 3 ст. 139, п. «б» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 144, ст. ст. 299-302, ч. 2 ст. 303, ст. 305 УК РФ.

Часть 3 статьи 286 УК РФ содержит особо квалифицированные составы преступления. При этом тоже в правореализационной практике возникает ряд сложностей, обусловленных необходимостью в некоторых из таких составов квалификации по совокупности преступлений. Пункт «а» части третьей предполагает совершение насилия или угрозу

его применения, при этом если в процессе насилия оказалось совершено убийство, то требуется дополнительная квалификация по ст. 105 УК РФ, помимо квалификации по ст. 286 УК РФ, а если причинение тяжких телесных повреждений, то по ст. 111 УК РФ, кроме ст. 286 УК РФ. Однако угроза применения насилия, воспринимаемая как реальная потерпевшим, не требует дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ, поскольку полностью охватывается составом предусмотренном в п. «а» части третьей ст. 286 УК РФ. Если оружие только демонстрируется, то квалификация происходит по пункту «а» 3 части ст. 286 УК РФ, а по не п. «б» части 3 этой нормы. Пункт «в» части третьей ст. 286 УК РФ в качестве квалифицирующего признака устанавливает наступление тяжких последствий, причем часть из них касаются общественной жизнедеятельности (крупные аварии, остановка производственного процесса или нарушение деятельности организации), а часть конкретного субъекта (суицид, или покушение на него, значительный материальный ущерб, причинение смерти по неосторожности и пр.). При причинении смерти по неосторожности дополнительной квалификации по ст. 109 не требуется, это охватывается деянием предусмотренном п. «в» 3 части ст. 286 УК РФ, при причинении тяжких повреждений, повлекших за собой смерть, квалификация по ст. 111 части 4, требуется, только если был умысел на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, если будет доказан умысел на убийство, то требуется квалификация как по ст. 286, так и по соответствующей части ст. 105 УК РФ. Однако если вред здоровью средней тяжести или тяжкий, или даже смерть по неосторожности оказались причинены в пределах необходимой самообороны, то квалификация будет не по ст. 286 УК РФ, а по ст.ст. 108 и 114 УК РФ.

Мы полагаем актуальным добавление примечания к ст. 286 УК РФ, в котором нужно прояснить, что этим составом преступления не охватываются случаи применения к потерпевшему пыток, изнасилований, действий сексуального характера, причинений тяжкого вреда здоровью и прочие деяния. Возможно, следует продумать вопрос о криминализации

отдельным составом пыток, как чрезвычайно распространенного деяния, имеющего большую опасность и латентность.

Таким образом, исследование показало, что и в уголовно-правовой доктрине и даже на уровне законодателя нет четкого понимания критериев разграничения понятий «злоупотребление» и «превышение» должностных полномочий, что негативно сказывается на правоприменительной практике в процессе квалификации деяний по смежным составам преступлений, представленных в статьях 285 и 286 УК РФ. Основным критерием, используемым в правоприменительной практике, попрежнему остается мотив совершения преступлений, если удается установить корыстность мотива или иную личную заинтересованность, то речь идет о злоупотреблении должностными полномочиями. Как злоупотребление должностными полномочиями следует рассматривать не только очевидное нарушение должностным лицом нормативных актов, которые регламентируют его деятельность, но и злоупотребление правом, т. е. совершение действий, противоречащих его смыслу и содержанию, что берет начало в телеологической теории злоупотребления правом, в отличие от теории формальной, положенной в основу превышения должностных полномочий, поэтому согласимся с теми исследователями, которые полагают, что центральное отличие этих двух преступных деяний состоит в механизме причинения вреда интересам власти, государства и общества.

В результате можно сделать вывод, что решение вопроса о разграничении злоупотребления должностными полномочиями и их превышения должно основываться не только на исследовании мотивов совершения этого преступления, но и на определении наличия/отсутствия должностного статуса, поскольку превышение может быть совершено и обычным субъектом, не имеющим признаков специального. При злоупотреблении полномочиями есть правовые последствия в виде прав и обязанностей для других лиц, тогда как превышение должностных полномочий либо вообще не было оснований реализовывать полномочия, либо

не было возможности их реализовывать таким образом, т. е. за рамками предписанной нормативными актами процедурной формы.

Список литературы

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 302 с.

2. Изосимов С. В., Стравинскас С. В. Конструирование объективных и субъективных признаков составов злоупотребления и превышения должностных полномочий (ст. 285, 286 УК РФ) // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 271–281.

3. Абдуллина А. Б. Разграничение состава преступления ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 11-3. С. 101–103.

4. Ильин А. А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.

5. Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. 204 с.

6. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Российское право, 1991. 204 с.

7. Греков К. А. Соотношение категорий «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» в уголовном праве России // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 2 (21). С. 115–117.

8. Общая теория права и государства / В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, А. П. Герасимов и др.; под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 1994. 360 с.

9. Современный словарь по политологии / Под ред. В. А. Мельника. Минск: Книжный Дом, 2004. 640 с.

10. Отличие злоупотребления от превышения должностных полномочий // Ошеров, Онисковец и Партнёры. URL: https://advokat-osherov.ru/blog/otlichie-zloupotrebleniya-ot-prevysheniya-dolzhnostnykh-polnomochiy/ (дата обращения: 14.05.2020).

11. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): Методические рекомендации. Омск: Омская академия МВД России, 2013. 31 с.

12. Соловьев О. Г., Авдеев О. Ю. Конструирование диспозиции уголовно-правовой нормы: особенности использования приемов законодательной техники // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Де-

мидова. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2011. С. 194–201.

13. Иванчин А. В. Каплин М. Н. Служебные преступления. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 108 с.

References

1. Kudryavtsev, V. N. General Theory of Crime Qualification. 2nd ed., revised and augmented. Moscow: Yurist, 2004. 302 p.

2. Izosimov, S. V., Stravinskas, S. V. Constructing the Objective and Subjective Essential Elements of Abuse and Excess of Power (Articles 285, 286 of the Criminal Code of Russia) // Yuridicheskaya tekhnika. 2013. No. 7-2. Pp. 271–281.

3. Abdullina, A. B. Distribution of Composition of Crime Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. No. 11-3. Pp. 101–103.

4. Ilyin, A. A. Excess of Power (Article 286 of the Criminal Code of Russia): Concept, Types, Issues of Legislative Technique and Differentiation of Responsibility. Moscow, 2013. 30 p.

5. Malein, N. S. Legal Responsibility and Justice. Moscow: Manuskript, 1992. 204 p.

6. Gribanov, V. P. The Limits of Implementaion and Protection of Civil Rights. Moscow: Rossiyskoye pravo, 1991. 204 p.

7. Grekov, K. A. Correlation of the Categories of Abuse of Power and Excess of Power in the criminal law of Russia // Yurist-Pravoved. 2007. No. 2 (21). C. 115–117.

8. The General Theory of Law and State / V. S. Afanasyev, A. G. Bratko, A. P. Gerasimov et al.; edited by V. V. Lazarev. M.: Yurist, 1994. 360 p.

9. Modern Dictionary of Political Science / Edited by B. A. Miller. Minsk: Knizhnyy Dom, 2004. 640 p.

10. Difference Between Abuse and Excess of Power // Osherov, Oniskovets, and Partners. URL: https://advokat-osherov.ru/blog/otlichie-zloupotrebleniya-ot-prevysheniya-dolzhnostnykh-polnomochiy/ (access date: May 14, 2020).

11. Differentiation Between Abuse of Power (Article 285 of the Criminal Code of Russia) and Excess of Power (Article 286 of the Criminal Code of Russia): Methodological Recommendations. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 31 p.

12. Solovyev, O. G., Avdeyev, O. Yu. Contructing a Disposition of a Criminal Legal Norm: Features of the Use of Legislative Techniques // Legal Notes of Demidov Yaroslavl State University. Yaroslavl: Demidov Yaroslavl State University, 2011. Pp. 194–201.

13. Ivanchin, A. V., Kaplin, M. N. Official Crimes. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2013. 108 p.

УДК/UDC 343

К вопросу о противоправной деятельности «групп смерти»

Акаева Ксения Альбертовна
слушатель факультета подготовки сотрудников полиции
Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: kseniya.akaeva@mail.ru
SPIN-код: 1697-8765

Западнова Юлия Альтафовна
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: kap-zapad@yandex.ru
SPIN-код: 4639-8614

Аннотация

В статье рассматривается противоправная деятельность «групп смерти» и криминологическая характеристика преступления, предусмотренного ст. 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства». Представлена характеристика личности куратора-администратора «группы смерти», в том числе социально-демографические и нравственно-психологические черты, поведение жертв, а также причины совершения преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ. Представлены примеры из судебной практики и статистическая информация МВД России, Всероссийского центра изучения общественного мнения. Рассмотрены особенности предупреждения совершения самоубийства или содействия к совершению самоубийства несовершеннолетними, в частности деятельность Роспотребнадзора и Роскомнадзора по блокировке сайтов и сообществ в сети Интернет, содержащих запрещенную информацию в виде пропаганды самоубийства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, склонение к совершению самоубийства, побуждение к совершению самоубийства, статья 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, «группа смерти».

On the Illegal Activity of "Death Communities"

Akayeva Kseniya Albertovna
student of the Faculty of Police Training
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Yekaterinburg, Russia
SPIN Code: 1697-8765

Zapadnova Yuliya Altafovna
Candidate of Law, lecturer at the Department of Criminology and Penal Law
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Yekaterinburg, Russia
SPIN Code: 4639-8614

Abstract

The article discusses the unlawful activity of "death communities" and the criminological characteristics of the crime under Art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation—Inducement to Commit Suicide or Assistance in Committing Suicide. The personality characteristic of an administrator of a "death community" is presented, including sociodemographic and moral and psychological traits, the behavior of the victims, and the reasons for committing the crime under Art. 110.1 of the Criminal Code of Russia. The authors present some examples from judicial practice and statistical information of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the All-Russian Center for the Study of Public Opinion. The authors also examine the specifics of preventing youth suicide or assisting in committing suicide, in particular, the activities of the Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing (Rospotrebnadzor) and the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) in blocking the sites and communities on the Internet that contain prohibited information in the form of suicide propaganda.

Key words: juvenile, inducement to commit suicide, article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, "death community".

Интернет-среда является неотъемлемой частью жизни многих подростков. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 89% несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет и 53% взрослых пользуются социальными сетями. Кроме того, 98% несовершенно-

летних и 69% взрослых указали, что ежедневно используют сеть Интернет [1].

Согласно социологическому исследованию, проведенному С. Б. Цымбаленко, 56% подростков проводят свое время в сети Интернет и подвергаются влиянию современных информационных технологий, в том числе неформальных противоправных групп, где несовершеннолетние восполняют общение, получают эмоции и тем самым все больше подвергаются влиянию референтной группы [2].

Именно несовершеннолетние поддаются негативному влиянию, так как их ценности не сформированы, побуждения и установки легко поддаются влиянию извне. Поэтому необходимо проанализировать противоправную деятельность различных групп, в том числе «групп смерти» на предмет анализа состояния преступности в данной сфере, выявления специфических черт личности организатора данных групп, а также причин и условий, способствующих склонению к самоубийству или доведению до самоубийства, с последующей выработкой основных мер предупреждения противоправной деятельности «групп смерти».

«Группы смерти» — это закрытые сообщества в социальных сетях, основной целью которых является прямо или косвенно склонить несовершеннолетнего к суицидальным действиям. Стать участником данных групп возможно только при одобрении кураторов-администраторов.

По оценке К. А. Романюка, за последние годы создано множество «групп смерти», основной целью которых является привлечение в состав групп как можно большего количества несовершеннолетних для склонения их к совершению самоубийства [3].

Для того чтобы начать играть, подросток должен был опубликовать в сети определенную запись с хештегом «#хочувигру». После по данному хештегу с подростком связывался куратор, который давал задания, а в случае их невыполнения угрожал подростку физической расправой. Задания носили исключительно негативный характер, который связан с просмотром фильмов ужаса, психоделических материалов, так-

же были задания, связанные с угрозами насилия, страданием, которые приводили к совершению самоубийства.

Распространенная деятельность «групп смерти» подтолкнула законодателя к криминализации деяний организаторов, исполнителей и иных лиц данных групп, а также выработке механизма предотвращения их деятельности.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [4] внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно введены две новые статьи, предусматривающие ответственность за склонение несовершеннолетних к суициду, такие как ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Статистические данные МВД России в период с 2018 по 2019 год свидетельствуют о снижении показателей регистрируемого преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ, что объясняется тем, что правоохранительными органами реализуются комплексные меры профилактики, которые позволили снизить уровень деятельности «групп смерти», а также латентностью противоправной деятельности кураторов-администраторов данных групп, что позволяет им оставаться безнаказанными и дистанционно реализовывать свою деятельность, не осознавая в должной мере общественно-опасного характера своих действий.

В 2018 году было выявлено 40 преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, а в 2019 году — 23. Удельный вес в структуре преступлений против жизни и здоровья составляет: в 2018 году — 0,018%, в 2019 году — 0,011%; в структуре всей преступности на территории Российской Федерации: в 2018 году — 0,002%; в 2019 году — 0,001% [5].

Так, за 2019 год выявлено четыре лица, совершивших склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства,

предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, из них одно лицо в возрасте 16–17 лет, одно лицо в возрасте 18–24 года; одно лицо в возрасте 30–49 лет; одно лицо в возрасте старше 50 лет [6]. То есть возрастные категории преступников, склоняющих к совершению самоубийства или способствующих ему, разные, при этом однозначных суждений выдвигать не следует, так как регистрируемые данные свидетельствуют о незначительном количестве фактов преступной деятельности.

В. В. Никитин считает, что куратор (администратор) «группы смерти» — это организатор «игр смерти», который всегда старше своих выбранных потенциальных жертв, но, как обычно, не намного: максимум на 8–10 лет. Эта разница позволяет куратору позиционировать себя в роли лидера, но при этом не выглядеть лицом более старшего возраста, негативно влияющим на нравственное, психологическое, физиологическое развитие несовершеннолетнего [7].

Полагаем, что тезис В. В. Никитина не совсем согласуется с официальными статистическими данными. Так, согласно данным МВД России, кураторами (администраторами) «групп смерти» являются молодые люди от 13 до 25 лет: 42% из них — подростки 14–15 лет, 40% — подростки 16–18 лет [8].

Так, например, в Самарской области ученица восьмого класса одной из школ города Тольятти зарегистрировалась в социальной сети через абонентский номер своего отца. В анкете школьница разместила найденные в интернете фотографии и начала вести переписку с другими пользователями. Девушка давала своим подписчикам задания, которые в итоге должны были привести их к самоубийству. Поскольку 14-летняя школьница не достигла возраста уголовной ответственности по ст. 110.1 УК РФ, то, соответственно, она была поставлена на профилактический учет в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также по решению суда отправлена в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей [9].

Основным мотивом преступной деятельности кураторов-администраторов является игровой (властный) мотив, который связан с желани-

ем доминировать над другими несовершеннолетними. Участников данной игры кураторы-администраторы называют «биомусором», относятся к ним с нескрываемым пренебрежением, активно используют психологическое давление, а также преподносят себя как «всезнающих» и проницательных людей [10].

Согласно Апелляционному постановлению № 22-3060/2018 от 9 июня 2018 г. Б. признана виновной по пп. «а, г, д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ. Б. совместно с П. (не достигшим возраста 16 лет) по предварительному сговору путем указания на самоубийство как на способ решения проблемы, одобрения совершения самоубийства и использования психологических приемов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» склонили к совершению самоубийства несовершеннолетнюю Л., однако последняя самоубийства не совершила, поскольку преступные действия Б. и П. были пресечены [11].

Согласно данным МВД России, участниками данных групп являются несовершеннолетние в возрасте от 12 до 14 лет — 62%; 15 лет — 22%; 16 лет — 12%; старше 16 лет — 4% [6]. Наиболее виктимной категорией участников «группы смерти» являются девочки и девушки — 61,22% [7]. По мнению психологов, это оправдано тем, что женская аудитория в «суицидальных» сообществах находит свой целевой контент, а именно потребность в реализации внутренних переживаний, таких как: несчастная любовь, одиночество, проблемы с внешностью и лишний вес, саморефлексия и другие проблемы, присущие этому возрастному периоду.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что куратор-администратор «группы смерти» — это лицо в возрасте от 13 до 25 лет, осуществляющее противоправную деятельность дистанционно посредством сети Интернет с целью склонения несовершеннолетних к самоубийству или содействия ему. Мотивацией куратора-администратора выступает игровой (властный) мотив, который заключается в доминировании над несовершеннолетними. Исходя из аналитических данных МВД России, участниками «групп смерти» являются несовершеннолетние в возрасте от 12

до 18 лет, которые подвергаются негативному влиянию данных групп, что приводит впоследствии к суициду. Наиболее виктимной категорией участников «групп смерти» являются девочки и девушки, которые находят в «суицидальных сообществах» способ реализации своих внутренних переживаний.

Полагаем, что после изучения личности лиц, склоняющих к совершению самоубийства или содействующих совершению самоубийства, особенностей жертв и механизма преступного поведения необходимо рассмотреть некоторые меры предупреждения склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства.

Одной из основных мер предупреждения склонения или побуждения к совершению самоубийства является процедура установления запрета, блокировки сайтов и сообществ в социальных сетях, в том числе противоправной деятельности «групп смерти».

Так, согласно ст. 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [12], существует Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее — Реестр). Данный Реестр ведется в целях ограничения доступа к сайтам сети Интернет, содержащим запрещенную информацию.

К запрещенной информации в соответствии с Реестром относится пропаганда самоубийств (информация о способах совершения самоубийства и призывы к совершению самоубийства). Сайты и сообщества социальных сетей, содержащие в себе указанную запрещенную информацию, вносятся в Реестр.

Основанием для включения в Реестр информации, которая содержит запрещенные сведения о способах совершения самоубийства и призывы к совершению самоубийства, является решение Федеральной службы в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее — Роспотребнадзор).

К призывам к совершению самоубийства относится информация, которая отвечает одному или нескольким критериям: наличие просьбы, предложения, приказа совершить самоубийство; наличие указания на совершение самоубийства; выражение одобрения совершению самоубийства; осуждение или высмеивание неудачной попытки совершения самоубийства и т. д. К информации о способах совершения самоубийства относится: демонстрация изображений, текстов и иных материалов, том числе с использованием аудио- и видеосредств в сети Интернет; наличие информации об условиях совершения самоубийства (место, время, способ, а также иные действия направленные на подготовку совершения самоубийства). Данные критерии позволяют Роспотребнадзору проводить проверку материалов на предмет соответствия запрещенной информации, пропагандирующих самоубийство в сети Интернет.

Роспотребнадзор осуществляет экспертную оценку материалов сайтов в отношении распространяемой посредством сети Интернет информации о способах совершения самоубийства и призывов к совершению самоубийства, после чего должностными лицами Роспотребнадзора выносятся решения о наличии или отсутствии на сайте информации, запрещенной к распространению в Российской Федерации. Далее после проведенной экспертизы материалы передаются Роскомнадзор для последующей технической блокировки сайтов и сообществ, содержащих запрещенную информацию и пропагандирующих самоубийство.

Особенности процедуры блокировки сайтов и сообществ, содержащих запрещенную информацию, определяются в ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Соответственно, одним из направлений деятельности Роспотребнадзора и Роскомнадзора является блокировка сайтов и сообществ в сети Интернет, содержащих запрещенную информацию в виде пропаганды самоубийства. Также Роспотребнадзор и Роскомнадзор в рамках межведомственного взаимодействия активно сотрудничают с органами внутренних дел по оперативному обмену информацией о сообществах и

группах, пропагандирующих самоубийство среди несовершеннолетних в сети Интернет, что позволяет минимизировать факты склонения к совершению самоубийства или содействия совершения самоубийства.

На основе анализа эмпирического материала Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации по итогам 2018–2019 гг., данных ВЦИОМ, научных изысканий по указанной теме, судебной практики по ст. 110.1 УК РФ следует сделать вывод, что динамика регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, имеет тенденцию к снижению, которая объясняется латентностью осуществления склонения или содействия к совершению самоубийства кураторами-администраторами и достаточно эффективными комплексными мерами, реализуемыми субъектами профилактики в данной сфере.

При этом следует учитывать, что общественная опасность деятельности «групп смерти» выражается в психологическом воздействии на несовершеннолетнего, навязывании чувства страха, тревоги, страданий, которые впоследствии приводят несовершеннолетнего к суициду. Поэтому не стоит забывать о важной роли виктимологических мер профилактики в данной сфере, а именно внимательном и заботливом отношении к детям, где основой является доверие и эмпатия.

Список литературы

1. ВЦИОМ: соцсетями ежедневно пользуются 89% подростков // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20190306/1551577366.html (дата обращения: 27.02.2020).

2. Цымбаленко С. Б. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития информационного пространства // Медиа. Информация. Коммуникация. 2013. № 4. С. 16–18.

3. Романюк К. А. Склонение к самоубийству: криминалистический портрет личности преступника и потерпевшего // Современность в творчестве начинающего исследователя: Сборник материалов научно-практической конференции молодых ученых. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. 184 с. С. 65–68.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установ-

ления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.02.2020).

5. Сведения о количестве совершенных преступлений на территории России по итогам 2018 г. и 2019 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». Раздел 2. Форма 491. URL: http://10.5.0.16 (дата обращения: 20.01.2020).

6. Сведения о лицах, совершивших преступления на территории России по итогам 2019 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». Раздел 1. Форма 492. URL: http://10.5.0.16 (дата обращения: 24.01.2020).

7. Никитин В. В. Актуальные вопросы безопасности подростков в интернете // Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Москва: Академия социального управления, 2017. № 1. С. 878–889.

8. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 24.01.2020).

9. «Группы смерти» 2.0. Кто стоит за всплеском активности «китов» // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20170220/1488297018.html (дата обращения: 24.01.2020).

10. Биомусор // Новая газета. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2016/12/12/70868-biomusor. (дата обращения: 24.01.2020)

11. Апелляционное постановление Новосибирского областного суда № 22-3060/2018 от 9 июня 2018 г. по делу № 22-3060/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://www.sudact.ru (дата обращения: 28.01.2020).

12. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.02.2020).

References

1. Russian Public Opinion Research Center: 89% of Adolescents Use Social Networks Daily // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20190306/1551577366.html (access date: February 27, 2020).

2. Tsymbalenko, S. B. The Influence of the Internet on Russian Adolescents and Youth in the Context of the Development of the Information Space // Media. Information. Communication. 2013. No. 4. Pp. 16–18.

3. Romanyuk, K. A. Inducement to Commit Suicide: a Forensic Portrait of the Personality of the Perpetrator and Victim // Modern Times in the Works of Novice

Researchers. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. 184 p. Pp. 65–68.

4. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation Regarding the Establishment of Additional Mechanisms to Counteract Activities Aimed at Encouraging Children to Suicidal Behaviour: Federal Law of June 7, 2017 No. 120-FZ // ConsultantPlus (access date: February 5, 2020).

5. Information on the Number of Crimes Committed in Russia According to the Results of 2018 and 2019 // Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section 2. Form 491. URL: http://10.5.0.16 (access date: January 20, 2020).

6. Information on the Persons Who Committed Crimes in the Territory of Russia According to the Results of 2019 // Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section 1. Form 492. URL: http://10.5.0.16 (access date: January 24, 2020).

7. Nikitin, V. V. Topical Issues of Adolescent Safety on the Internet // Konferentsium ASOU. Moscow: Academy of Public Administration, 2017. No. 1. Pp. 878–889.

8. The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/ (access date: January 24, 2020).

9. "Death Commuinities" 2.0. Who Is Behind the Burst of Activity of "Whales" // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20170220/1488297018.html (access date: January 24, 2020).

10. Biomass // Novaya gazeta. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2016/12/12/70868-biomusor. (access date: January 24, 2020)

11. Appeal Ruling of the Novosibirsk Regional Court No. 22-3060/2018 of June 9, 2018 in the case No. 22-3060/2018 // Sudebnyye i normativnyye akty RF. URL: https://www.sudact.ru (access date: January 28, 2020).

12. On Information, Information Technology, and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ // ConsultantPlus (access date: February 5, 2020).

УДК/UDC 343

Интернет-мемы как основание для уголовного преследования

Беренкова Виолета Михайловна
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: berenkovs@mail.ru
SPIN-код: 3396-4580

Аннотация

Все возрастающая популярность интернет-мемов послужила поводом для возбуждения значительного количества уголовных дел, результатом которых в ряде случаев стало наказание обвиняемых лишением свободы. Данная статья посвящена проблематике уголовного преследования авторов интернет-мемов, в частности выдвижению обвинения, определению характеристик прецедентных мемов и обзору общественного мнения по данному вопросу. Возникшая ситуация вызвала определенный общественный резонанс. С целью выявления общественного мнения автор статьи провел анонимный опрос. Он выявил, что большинство опрошенных не рассматривают мемы как опасное для социума явление. Также были выявлены характеристики мемов, которые могут стать основанием для возбуждения уголовного преследования по ст. 282 УК РФ: непристойное содержание (при этом наличие непристойной лексики не является обязательным критерием), злой умысел и подстрекательский характер, публичное распространение, умышленная дискредитация лица или группы лиц в глазах общественности.

Ключевые слова: оскорбления, интернет-мемы, лингвистическая экспертиза, культура речи, уголовное преследование, анонимный опрос.

Internet Memes as a Basis for Criminal Prosecution

Berenkova Violeta Mikhaylovna
Candidate of Philology, assistant professor of the Department of Foreign Languages
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: berenkovs@mail.ru
SPIN Code: 3396-4580

Abstract

The growing popularity of Internet memes has caused proceedings of a significant number of criminal cases, which in some cases resulted in the imprisonment of the accused people. This article deals with the problem of criminal prosecution of the Internet memes authors, in particular, the problem of bringing charges, defining the characteristics of the precedent memes and reviewing of the public opinion concerning this point. The situation has caused certain public response. In order to reveal the public opinion, the author carried out an anonymous survey. It found that the majority of respondents do not consider memes as a dangerous phenomenon for the society. The author also identified the characteristics of the memes that can be the basis for criminal prosecution under Article 282 of the Criminal Code of Russia: obscene content (the presence of obscene language is not a mandatory criterion), malicious intent and instigating nature, public character, deliberate discrediting of a person or group of people in the public eye.

Key words: abuse, Internet memes, linguistic expertise, speech culture, criminal prosecution, anonymous survey.

Современную интернет-культуру трудно представить без такого массового явления, как мемы. Интернет-мем (англ. Internet meme) — «информация в той или иной форме (медиа объект, т. е. объект, создаваемый электронными средствами коммуникации, фраза, концепция или занятие), как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в Интернете разнообразными способами (посредством социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и пр.)» [1]. Это, казалось бы, безобидное явление не только вызывает улыбку, но и часто служит поводом для возбуждения значительного ко-

личества уголовных дел, результатом которых в ряде случаев становится наказание обвиняемых лишением свободы. Данная статья посвящена проблематике уголовного преследования авторов интернет-мемов, в частности выдвижению обвинения, определению характеристик прецедентных мемов и обзору общественного мнения по данному вопросу.

Нами был проведен анонимный опрос общественного мнения, в котором приняли участие сто человек в возрасте от 18 до 20 лет. Все опрошенные обозначили свое положительное отношение к мемам в целом. На вопрос о том, какие из мемов следует рассматривать как оскорбление, опрошенные отметили такие пункты: насмешка одной группы людей над другой, «черный юмор», шутки над инвалидами и меньшинствами, сексизм, фашистские высказывания. Небольшая часть принявших участие в опросе высказали мнение, что мемы в целом не несут оскорбления, это род современного искусства и не следует воспринимать их всерьез. При ответе на последний вопрос о том, мемы какого содержания следует запретить, респонденты отметили следующие пункты: расизм и нацизм, подстрекательство, с проявлением агрессии к определенным группам (животные, меньшинства, инвалиды, публичные люди), сексизм, сексуальные извращения. Около 30% опрошенных высказали мнение, что мемы не следует запрещать, так как это безобидная шутка, порой не очень удачная; кроме того, запрет может вызвать обратную реакцию.

Основанием для уголовного преследования по распространению мемов в Интернете является прежде всего ст. 282 Уголовного кодекса РФ (далее —УК РФ) Так, согласно ч. 1 ст. 282 УК РФ «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе», совершенные публично, в т. ч. с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» [2]. Данная статья предусматривает наказание либо штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы (иного

дохода осужденного) за период от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок от одного года до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Как показывает статистика последних лет, «из-за частичной декриминализации ст. 282 УК РФ» был пересмотрен или отменен ряд приговоров по распространению мемов в Интернете [3].

Тем не менее выросло число приговоров по другим статьям, которые затрагивают содержательный план мемов и рассматриваются многими правоведами как продолжение ст. 282 УК РФ: о призывах к экстремисткой деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ);возбуждение национальной ненависти (ст. 23.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ);клевета (128.1 УК РФ); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 336 УК РФ) [3].

Следует отметить, что многие возбужденные дела, привлекшие внимание общественности, в результате окончились оправданием обвиняемых. Это связано с тем, что в случае мемов обвинение достаточно трудно доказуемо.

Этот прецедент вызвал много общественных споров и суждений, т. к. уголовное преследование за распространение мемов можно считать нарушением свободы слова. Однако, как гласит ст. 282 УК РФ, далеко не все мемы могут стать поводом для уголовного преследования.

Для начала необходимо уточнить понятие термина «уголовное преследование». Как писал М. С. Строгович: «Само понятие уголовного преследования указывает на обвинительный характер этой деятельности... уголовное преследование— это обвинение как процессуальная функция, т. е. обвинительная деятельность» [4, с. 65]. Несомненно, уголовное преследование является более широким понятием, которое включает в себя,

помимо обвинения, еще и иные виды обвинительной деятельности [5]. В первую очередь в уголовно-процессуальную деятельность следователя входит «собирание доказательств, уличающих подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления или устанавливающих отягчающие вину обстоятельства» [6, с. 272]. В данном случае в качестве доказательства выступает мем, а обвинительная деятельность — подходящая статья.

Если проанализировать текст ч. 1 ст. 282 УК РФ, то можно выделить три основных компонента, которые должен проанализировать эксперт в ходе лингвистической экспертизы:

1) возбуждение ненависти либо вражды;
2) унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе;
3) публичное совершение этих действий.

Рассмотрим эти моменты более подробно.

В основе обвинения лежит акт оскорбления личности или группы.

При проведении лингвистической экспертизы современное законодательство «содержит два важных указания на то, как лингвисту-эксперту работать с материалом — это “неприличная форма” и “неуважение”» [7, с. 47].

Вопрос о неприличной форме высказывания является очень тонким и неоднозначным. Он имеет лингвистическую и юридическую трактовку. Как любой речевой или языковой знак «высказывание имеет план содержания (смысл) и план выражения (форму)» [8, с. 334].

С лингвистической точки зрения высказывание в неприличной форме в адрес гражданина — это то, которое содержит «оскорбительную, непристойную лексику и фразеологию, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий» [9].

В юридическом же смысле понятие «неприличная языковая форма» подразумевает высказывания в адрес истца, содержащие именно

нецензурные слова и выражения, которые «грубо нарушают нормы общественных приличий» [10, с. 19]. Грубая, стилистически сниженная лексика в юридическом смысле не входит в понятие неприличной формы выражения. «Обязательным признаком объективной стороны преступления является способ унижения чести и достоинства другого человека — неприличная (т. е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. Таковы, например, нецензурные выражения, циничные прикосновения к телу, плевок в лицо, срывание одежды с интимных частей тела» [11].

Таким образом, высказывание может иметь нецензурную форму выказывания, но не иметь оскорбительного содержания по отношению к лицу или группе, т. к. содержит грубую брань, так сказать, для связки слов. Негативная же оценка с использованием непристойной лексики может уже быть расценена как оскорбление.

Проведение экспертизы по делам об оскорблении базируется на решении двух задач: установление оскорбительного характера высказывания в адрес лица или группы людей и определение формы высказывания (приличная или неприличная) [8, с. 331]. Это довольно спорный момент, поэтому среди экспертов не существует однозначного понимания «неприличности формы выражения смысла» [8, с. 331]. Согласно первой точки зрения, неприличную форму имеют только те высказывания, которые содержат именно нецензурную лексику. Другая позиция определяет неприличность высказывания согласно контексту ситуации. Неодинаковость экспертных подходов приводит к тому, что «один и тот же объект исследования оценивается экспертами по-разному, что вызывает сомнения в объективности методов лингвистической экспертизы у участников судебного процесса» [8, с. 331]. В таком случае высказывание с использованием стилистически «умеренно» сниженной лексики («козел», «дрянь», «мразь») может одними экспертами считаться оскорблением, а другими —не имеющей оскорбительной формы.

Е. И. Гляшина отмечает, что «в лингвистической экспертизе нет понятия “неуважение”, но есть понятие “дискредитация”» [7, с. 47].Согласно

толковому словарю Д. Н. Ушакова дискредитация означает «умаление, утрата значения, авторитета» [12].

И. А. Стернин также указывает, что при поведении лингвистической экспертизы «необходимо различать общественную и личную публичную отрицательную оценку» [10, с. 4]. Так, правовому регулированию подлежат именно публичные высказывания, содержащие общественную оценку лица или группы лиц, которые могут нанести ущерб их социальному престижу. Личная же публичная неодобрительная оценка является неуместной с позиции речевого этикета и, несомненно, подлежит моральному осуждению, но с юридической точки зрения ущерба общественному престижу личности она не наносит, т. к. не несет информации о конкретных характеристиках личности [10, с. 5].

Унижение чести личности или группы лиц предполагает, что «лицо осознает изменение (или предполагает возможное изменение) общественного мнения о себе, т. е. его самооценка остается той же и расходится с действительной или возможной общественной оценкой» [7, с. 50]. Если «лицо не ощущает изменения общественного мнения о его личности, то в таком случае не может быть унижения чести» [13, с. 14].

Таким образом, возможно также считать оскорблением высказывание в адрес лица или группы людей в стилистически нейтральной форме, однако со злым умыслом, негативной оценкой и унижением достоинства в глазах общества.

Для признания высказывания унижающим честь и достоинство лица или группы лиц «распространяемая информация должна быть распространена публично» и предназначена для широкого круга лиц [10, с. 11].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать «опубликование таких сведений в печати, транс-

ляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в т. ч. устной, форме хотя бы одному лицу» [14, с. 5–19].

Под эту категорию как раз и попадают интернет-мемы, доступ к которым является открытым.

Что касается пункта о возбуждении ненависти или вражды, указанном в ст. 282 УК РФ, то необходимо также определить значение данного понятия. Юридически, «под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортации, совершения иных противоправных действий, в т. ч. применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц» [15]. В законодательстве четко прописано, что к возбуждению ненависти или вражды следует относить распространение злонамеренных слухов и утверждений, подрывающих авторитет другой национальности (либо иной группы), вызывающих чувство неприязни к ней. Причем подчеркивается публичный характер подобных высказываний.

Ключевым моментом при подтверждении того, что высказывания ведут к возбуждению ненависти или вражды, является наличие злого умысла и, как следствие, возможное подстрекательство.

Установление злого умысла отличает оскорбление от простого хулиганства, которое является неким вызовом общественному мнению, но не конкретным умыслом. При этом наличие злого умысла «может косвенно подтверждаться и лингвистическим анализом спорного текста, может иметь определенное лингвистическое обоснование» [10, с. 22].

Таким образом, можно выделить следующие характеристики мемов, которые могут стать основанием для возбуждения уголовного пре-

следования по ст. 282 УК РФ. Во-первых, уголовно-наказуемые мемы имеют непристойное содержание, при этом наличие непристойной лексики не является обязательным критерием. Во-вторых, в текстах мемов должен прослеживаться злой умысел и подстрекательский характер. Также мемы должны быть в открытом доступе для общественности, т. е. носить публичный характер. Кроме того, текст мема должен содержать умышленную дискредитацию лица или группы лиц в глазах общественности.

Все эти вопросы встают перед экспертом по лингвистической экспертизе в ходе расследования дела по распространению мемов в Интернете. Учитывая спорный характер установления доказанности по большинству пунктов, эксперт сталкивается с трудноразрешимой проблемой. Возникновение общественного резонанса о правомерности уголовного преследования за распространение мемов определенной направленности тем не менее не снимает прецедента роста громких дел. Такое положение вещей ставит вопрос о необходимости выработки единых процедур экспертной лингвистической оценки интернет-мемов.

Список литературы

1. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 34–38.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

3. Мишина В, Павловский П. Статьи нет, но люди находятся // Газета «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/4269839 (дата обращения: 01.06.2020).

4. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.

5. Соловьев А. Б., Токарева М. Е., Халиулин А. Г. и др. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. М.; Кемерово, 1997. С. 38–40.

6. Ревенко Н. И. Уголовное преследование как элемент функции расследования преступления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С. 268–273.

7. Галяшина Е. И. Феномен «неуважение к власти» в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МПОА). 2019. № 5. С. 45–55.

8. Саженин И. И. Неприличная форма высказывания: этика, лингвистика, право // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 331–338.

9. Лингвистическая экспертиза оскорбления // Центр экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики. URL: https://ceur.ru/library/articles/lingvisticheskaja_jekspertiza/item128815/ (дата обращения: 01.06.2020).

10. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л. и др. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.

11. Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А. В. Наумов. М.: Издательство БКЭ, 1997. 683 с.

12. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. Т. М. Логвиновой, В. М. Правиловой, И. Н. Сергеевой. М.: Альта-Принт, 2009. 1239 с.

13. Земскова С. И. Судебная экспертиза диффамационных материалов: монография / Под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2013. 176 с.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2005.

15. Что означает «возбуждение ненависти либо вражды»? Предусмотрена ли за это уголовная ответственность? // Официальный сайт прокуратуры Рязанской области. URL: http://www.prokrzn.ru/active/comments/vopros-otvet/chto-oznachaet-vozbuzhdenie-nenavisti-libo-vrazhdy-predusmotrena-li-za-eto-ugolovnaya-otvetstvennost/ (дата обращения: 01.06.2020).

References

1. Shchurina, Yu. V. Internet Memes as the Means of Intercultural Communication // Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2013. No. 6 (81). Pp. 34–38.

2. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 17 June, 1996. No. 25. Art. 2954.

3. Mishina, V, Pavlovskiy, P. Articles Are not Present, but People Are // Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4269839 (access date: June 1, 2020).

4. Strogovich, M. S. Criminal Prosecution in the Soviet Criminal Trial. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 191 p.

5. Solovyev, A. B., Tokareva, M. Ye., Khaliulin, A. G. et al. Legality in the Pre-Trial Stages of the Criminal Process in Russia. Moscow; Kemerovo, 1997. Pp. 38–40.

6. Revenko, N. I. Criminal Prosecution as an Element of the Crime Investigation Function // Herald of Omsk University. Series: Law. 2008. No. 3 (16). Pp. 268–273.

7. Galyashina, E. I. The Phenomen "Disrespect of Authority" in the Aspect of Forensic Linguistic Examination in Cases of Information Delicts // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2019. No. 5. Pp. 45–55.

8. Sazhenin, I. I. Indecent Form of Utterance: Ethics, Linguistics, Law // Lingvokulturologiya. 2016. No. 10. Pp. 331–338.

9. Linguistic Examination of an Insult // Centre for Expertise at the Institute of Forensic Science and Forensics. URL: https://ceur.ru/library/articles/lingvisticheskaja_-jekspertiza/item128815/ (access date: June 1, 2020).

10. Sternin, I. A., Antonova, L. G., Karpov D. L. et al. Revealing of Signs of Abasement of Honour, Dignity, Business Reputation and Insult in Linguistic Examination of the Text. Yaroslavl, 2013. 35 p.

11. The Criminal Law Dictionary / Editor-in-chief: A. V. Naumov. Moscow: BKE, 1997. 683 p.

12. Ushakov, D. N. The Explanatory Dictionary of the Russian Language / Edited by T. M. Logvinova, V. M. Pravilova, I. N. Sergeyeva. Moscow: Alta-Print, 2009. 1239 p.

13. Zemskova, S. I. Judicial Examination of Defamation Materials / Edited by Ye. I. Galyashina. Moscow: Yurlitinfom, 2013. 176 p.

14. Resolution of the Supreme Court Plenum of the Russian Federation of February 24, 2005 No. 3 On the Judiciary Practice Concerning the Cases of Honour and Dignity Protection of Citizens, and Business Reputation of Citizens and Legal Bodies // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 4. 2005.

15. What Does "Hatred or Enmity Excitation" Mean? Is the Criminal Liability is Provided for It? // Official Website of the Prosecutor's Office of Ryazan Oblast. URL: http://www.prokrzn.ru/active/comments/vopros-otvet/chto-oznachaet-vozbuzhdenie-nenavisti-libo-vrazhdy-predusmotrena-li-za-eto-ugolovnaya-otvetstvennost/ (access date: June 1, 2020).

УДК/UDC 341.9

О роли коллизионных норм в международном частном праве РФ

Гайнюченко Дмитрий Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: dimon.k201@mail.ru

Батурьян Маргарита Аветисовна (научный руководитель)
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: margarita_baturyan@mail.ru
SPIN-код: 8262-0135

Аннотация

В статье раскрывается вопрос о роли коллизионных норм в международном частном праве России, выявляется их правовая природа, виды и функции. В МЧП «конкуренция» правовых систем, одновременно претендующих на регулирование одних и тех же общественных отношений, устраняется главным образом при помощи коллизионных норм. Под ними в международном частном праве обычно понимаются правила поведения, устанавливающие, право какого государства должно быть применено к данному конкретному правоотношению. Эти нормы решают коллизионную проблему на основе выбора права определенного государства, с которым связаны элементы правоотношения. Рассматривается особенность данных норм, так как коллизионная норма сама по себе не дает ответа на вопрос, каковы права и обязанности сторон данного правоотношения, а лишь указывает компетентный для этого правоотношения правопорядок, определяющий права и обязанности сторон.

Ключевые слова: государство, национальное право, имплементационные акты, коллизия, полисистемный комплекс, коллизионная привязка, отсылочные нормы.

On the Role of the Conflict of Laws Rules in the International Private Law of the Russian Federation

Gaynyuchenko Dmitriy Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: dimon.k201@mail.ru

Baturyan Margarita Avetisovna (research advisor)
Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Foreign Languages
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: margarita_baturyan@mail.ru
SPIN Code: 8262-0135

Abstract

The article covers the role of the conflict of laws rules in Russian private international law, including their legal nature, types, and functions. In private international law, a "competition" between the legal systems that simultaneously claim to regulate the same public relations is eliminated mainly by means of conflict of laws rules. They are usually understood in private international law as rules of conduct that establish which state's law should be applied to a particular legal relationship. These rules solve the conflict of laws problem based on the choice of the law of a particular state with which the elements of the legal relationship are connected. The article discusses the features of these rules because the conflicts rule itself does not answer the question, what are the rights and obligations of the parties to this relationship, but merely indicates a competent legal order that determines the rights and obligations of the parties.

Key words: state, national law, implementing acts, conflict, multisystem complex, conflict binding, reference rules.

Необходимым условием правового регулирования конфликтов юрисдикций является выбор частного права государства, которое будет компетентно их регулировать. Во внутреннем праве государств су-

ществуют особые правила — коллизионные нормы, которые содержат правила выбора права: они так или иначе указывают, гражданское право какого государства следует применять для разрешения конкретных гражданских правоотношений с иностранным элементом. Несмотря на общепризнанность понятия «коллизионная норма», до настоящего времени целый ряд вопросов, связанных с указанными нормами, включая их правовую природу, роль, структуру, виды, остаются без однозначного ответа в юридической доктрине, что вызывает их особую актуальность.

Предотвращая, образно говоря, «коллизии» законов, коллизионные нормы выполняют свое предназначение особым образом: они прямо не регулируют права и обязанности участников отношений, как это характерно для материальных требований, но определяют применимое право. Это достигается с помощью оснований (признаков, критериев), указанных в коллизии норм, которые позволяют установить применимое право [1].

Коллизионная норма — это правило, которое определяет, какое право следует применять к отношениям, возникающим в контексте международного общения, когда на регулирование таких отношений может претендовать правопорядок сразу нескольких стран и необходимо разрешить существующую коллизию, подчинив отношения с иностранным элементом праву конкретных стран. Отсюда и название коллизионных норм, которые в юридической литературе именуются также конфликтными или отсылочными.

Как мы знаем, конфликты характерны для права институционального образования различных государств на всех этапах их развития. Не существует бесконфликтных систем правовой реальности, и никакая система правовых знаний и принципов не может полностью адаптироваться к темпам социального прогресса и политическим интересам законодателя» [2].

При этом с XIII–XIV вв. и до начала 1990-х гг. XX в. терминология «коллизия», «коллизионное регулирование», «коллизионные нормы»

безразборно превалировала в доктрине международного частного права [3].

Внутригосударственные коллизии обычно рассматриваются в частном праве как «межрегиональные» конфликты, конфликты местного права, конфликты, типичные для стран со многими правовыми системами.

Это было даже логично, когда само международное частное право рассматривалось как отрасль национального права. С появлением других точек зрения, а также с принятием Конституции 1993 года [4] (п. «п» ст. 71) «коллизионное регулирование» вышло за рамки науки международного частного права. Ю. А. Тихомиров, пожалуй, первым в национальной юриспруденции поднял вопрос о существовании конфликтов не только в частном праве, но и в публичном праве, но в то же время о формировании новой сложной отрасли национального права — коллизионного права [5].

Однако эта формулировка вопроса несколько преждевременна, и законодатель, скорее всего, имел в виду не «федеральное коллизионное право», а «федеральное коллизионное законодательство». Таким образом, было предложено провести различие между урегулированием конфликтов на международном и национальном уровнях, в публичном и частном праве.

Действительно, если мы рассматриваем международное право как наднациональную (планетарную) систему права, которая включает в себя две взаимосвязанные, но независимые подсистемы: международное публичное право и международное частное право, то эта точка зрения имеет место.

Оставим пока без внимания дискуссию об особенностях конфликтов в публичном и частном праве и остановимся на разграничении конфликтов территориального характера.

Доктринальные различия очевидны. В международном частном праве под коллизионной проблемой понимается «проблема выбора права, подлежащего применению в том или ином случае». А в общей теории

права правовой конфликт часто определяется как столкновение различных правовых норм, предписывающих разные модели поведения в одной и той же правовой ситуации. Это очень узкое определение, которое не охватывает типы правовых конфликтов, таких как толкование и применение верховенства права.

В попытке найти идеальное понятие, напротив, существуют очень широкие определения.

К примеру, Ю. А. Тихомиров определяет правовые коллизии как «противоречие между существующим правопорядком и всеми намерениями, и действиями, направленными на его изменение, при котором проводится определенное сравнение этих требований либо с действующим правопорядком, либо с принципами права; это противоречие между тем, что есть и что должно быть» [5].

Поэтому любые противоречия интересов, позиций, притязаний можно свести к юридической коллизии. Не следует трактовать термин «коллизия» как любое столкновение, так можно дойти до абсурда и считать коллизией любую аварию, произошедшую в реальной действительности.

Также важно отметить, что в национальном законодательстве правовые конфликты являются противоречиями, чье постоянное существование и количественный рост угрожают дестабилизации правовой системы изнутри.

Они не могут быть сохранены и должны быть устранены, что приближает их к юридическим ошибкам (дефектам). Напротив, в международном частном праве коллизии являются совершенно логичным и неизбежным явлением, обусловленным самой природой не консолидации международно-правовых отношений.

Следовательно, правовые конфликты встречаются не только на национальном уровне, но и на международном уровне. Однако природа этих явлений, их значение существенно отличаются в том и другом случае. Следовательно, и в способах их устранения должна наблюдаться определенная особенность.

Логично предположить, что в первую очередь это будет наблюдаться в конфликтных коллизиях разных территориальных уровней. Остановимся на данном вопросе подробнее:

1) ряд ученых считает, что такие коллизионные нормы имеют и различную внутреннюю структуру (коллизионные нормы внутригосударственного права состоят из гипотезы и диспозиции, в то время как коллизионные нормы международного частного права состоят из объема и привязки) (например, Б. Ауди, П. Лагард);
2) коллизионные нормы международного частного права подразделяются на односторонние и двусторонние; императивные и диспозитивные; основные, дополнительные и субсидиарные; кумулятивные и альтернативные (например, Н. Ю. Ерпылева, М. М. Богуславский) [6].

И здесь не всегда можно увидеть аналогию: коллизионные нормы внутригосударственного уровня по своему характеру, как правило, императивны, двусторонни, однозначны.

При этом выделяют и другие классификации, общие для тех и других коллизионных норм. Так, и в науке международного частного права, и в теории государства и права применительно к коллизионным нормам используется их деление на следующие виды: интерлокальные, интертемпоральные, интерперсональные.

Важно отметить еще одну особенность: в случае «хромающих отношений», вопрос о применимой к спорной ситуации коллизионной норме решается путем нахождения компромиссного решения в рамках международного договора. В национальном законодательстве таких механизмов нет, и вопрос решается иначе: бескомпромиссно (одно из спорных правил признано уместным вышестоящим судом, другие теряют право на применение).

То, что в национальном законодательстве называется «позитивным конфликтом», по сути, представляет собой не что иное, как конкуренцию норм [7]. На первый взгляд, конфликт в международном частном пра-

ве выглядит как норма конкуренции, поскольку он не влечет за собой никаких изменений в законодательстве конкретного государства.

Однако «негативные коллизии» по-прежнему существуют, они встречаются как в национальном, так и в международном праве. По своей сути эти конфликты порождаются несовершенством конфликтных норм как средства регулирования социальных отношений (неспособность конфликтных норм разрешать противоречие на уровне простой конкуренции норм). В то же время выходы из этой ситуации на разных территориальных уровнях, как мы отмечали выше, существенно различаются.

И, пожалуй, самое важное: если в международном частном праве коллизионный метод является одним из основных методов регулирования (наряду с материально-правовым или прямым методом), который дает международное частное право в странах, принадлежащих к англо-американской правовой семье, то второе название — международное конфликтное право, в национальном законодательстве такой метод правового регулирования даже не различается.

Коллизионные нормы — самые сложные нормы, используемые в международном частном праве. Чтобы понять их специфику, необходимо рассмотреть структуру конфликтной нормы, которая имеет много характерных особенностей.

Каждое правило коллизии состоит из двух элементов: объема и привязки. Сфера действия правила коллизионного права указывает на гражданско-правовые отношения, к которым применяется норма, а обязательное правило указывает основания (символы) для определения применимого права.

Вторым основным элементом стандарта коллизионного права (как указано выше) является привязка, которая указывает, право какой страны следует применять к этим правовым отношениям или к группе правоотношений. Результатом многовековой практики во многих странах является обобщение наиболее распространенных конфликтных связей, определение их основных типов, формирование типов таких связей (формулы связей).

Самым простым способом предотвращения конфликтных ситуаций может быть автономная воля сторон, если они сами выбирают применимое право и место судебного разбирательства, так называемый закон, выбранный сторонами сделки (lex voluntatis) [8]. Этот принцип принят в коллизионном праве почти всех стран. Однако стороны не всегда могут по объективным или субъективным причинам сделать свой выбор.

Важно подчеркнуть, что формальное, то есть указанное в объеме коллизии, может не совпадать с его фактическим объемом, если часть отношений, к которым применяется норма, посредством дополнительных правил конфликта, «переназначается» на другие правовые системы.

Проблема коллизий международно-правовых норм и норм российского права является важным аспектом теории соотношения международного и внутригосударственного права.

Причины столкновений могут быть разными. Некоторые конфликты являются следствием несоблюдения государствами своих международно-правовых обязательств (скажем, несоответствия национального законодательства международным обязательствам). Другие конфликты определяются объективно, и их существование неизбежно (например, предоставление специальных прав и преимуществ гражданам государства-партнера в соответствии с двусторонним соглашением) [9].

Можно выделить следующие причины коллизий: задержка с принятием национальных имплементационных актов, ненадлежащее применение международных стандартов, необходимость конкретного регулирования отношений с отдельными государствами и т. д.

Соответственно, способы разрешения конфликтов могут быть разными. В частности, временной промежуток между вступлением в силу международных обязательств для страны и принятием имплементационных актов может быть сокращен.

Примером является Федеральный закон от 25.10.1999 № 193-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней», которым од-

новременно оформляется дача согласия Российской Федерации на юридическую обязательность Конвенции и содержатся меры по обеспечению ее исполнения [10].

Иным способом является приведение национального законодательства в соответствие с международными обязательствами (например, Федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [11]).

Основная функция кодификации, на что многократно указывалось в зарубежной доктрине, проявляется в преодолении «законодательной инфляции», кризиса права путем привнесения правовой определенности в регулирование развивающихся правоотношений [12].

Таким образом, бесспорно, на наш взгляд, одно: природа самих юридических коллизий, а следовательно, и связанных с ними коллизионных норм имеет ряд сходных черт, отличия наблюдаются, но в основном в деталях (способах устранения, видовой классификации и т. п.).

Исходя из ст. 54 и п. «о» ст. 71 Конституции РФ, уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством России. В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами РФ в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора РФ (например, ст. ст. 355 и 356 УК РФ [13]).

Такие казусы, думается, необходимо решать следующим образом: нормы международных договоров, предназначенных для прямого действия в Российской Федерации, или договоров, согласие которых дается в форме закона, должны прямо регулировать правоотношения в Российской Федерации. Российская Федерация имеет приоритет над национальным характером. Нормы договоров, которые реализуются с помощью российского законодательства, являются основой для приведения зако-

нодательства Российской Федерации в соответствие с международными договорами.

Также важен такой вопрос: могут ли последующие внутригосударственные акты отменять ранее принятые поэтому же вопросу международные договоры по принципам:

— «последующий закон отменяет предыдущий»;
— «норма с большей силой отменяет норму с меньшей силой»;
— «специальный закон отменяет общий»?

По нашему мнению, на этот вопрос должны быть даны следующие ответы:

— Эти принципы не применимы к соотношению положений российского и международного права; это правила различных правовых систем.
— Последующее верховенство закона Российской Федерации не может отменить или изменить ранее заключенный международный договор (пока, конечно, договор остается в силе для России).
— Внутренняя норма особого характера не может отменять или изменять международные нормы более общего характера, поскольку они являются нормами различных правовых систем.

Какова юридическая сила «первоначально» внутригосударственных и имплементационных норм (т. е. норм, принятых во исполнение международных документов)?

«Последующий» простой нормативный акт не может отменять действие предыдущих имплементационных норм. Иное противоречило бы конституционному принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Список литературы

1. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для академического бакалавриата / И. В. Гетьман-Павлова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 412 с.

2. Канашевский В. А. Международное частное право: учебник / В. А. Канашевский. М.: Международные отношения, 2016. 1008 с.

3. Сильченко Н. В., Толочко О. Н. Теоретические проблемы учения о нормах международного частного права // Государство и право. 2000. № 1. С. 35–39.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: учебное и научно-практическое пособие / Ю. А. Тихомиров. М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2000. 394 с.

6. Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник / Н. Ю. Ерпылева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 656 с.

7. Vischer, F. General Course on Private International Law. Dordrecht; Boston; London: M. Nijhoff, 1993. 383 p.

8. Hartley, T. International Commercial Litigation: Text, Cases and Materials on Private International Law. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 964 p.

9. Международное частное право: учебник для академического бакалавриата / под ред. Н. И. Марышевой. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. 376 с.

10. О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней: Федеральный закон от 25 октября 1999 г. № 193-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

11. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией конвенции о защите прав человека и основных свобод: Федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

12. Cowan, R. Foray, D. The Economics of Codification and the Diffusion of Knowledge // Industrial and Corporate Change. 1997. Vol. 6. No. 3. Pp. 595–622.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Getman-Pavlova, I. V. Private International Law: A Textbook / I. V. Getman-Pavlova. 3rd ed., revised and augmented. Moscow: Yurayt, 2018. 412 p.

2. Kanashevskiy, V. A. Private International Law: A Textbook / V. A. Kanashevskiy. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2016. 1008 p.

3. Silchenko, N. V., Tolochko, O. N. Theoretical Issues of the Doctrine of the Norms of Private International Law // State and Law. 2000. No. 1. Pp. 35–39.

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, of July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Consultant Plus.

5. Tikhomirov, Yu. A. Conflict Law: A Workbook / Yu. A. Tikhomirov. Moscow: M. Yu. Tikhomirov's Publishing House, 2000. 394 p.

6. Yerpyleva, N. Yu. Private International Law: A Textbook / N. Yu. Yerpyleva. Moscow: Higher School of Economics, 2015. 656 p.

7. Vischer, F. General Course on Private International Law. Dordrecht; Boston; London: M. Nijhoff, 1993. 383 p.

8. Hartley, T. International Commercial Litigation: Text, Cases and Materials on Private International Law. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 964 p.

9. Private International Law: A Textbook / edited by N. I. Marysheva. 4th ed., corrected and augmented. Moscow: Yurayt, 2016. 376 p.

10. On Ratification of the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters and Its Additional Protocol: Federal Law of October 25, 1999 No. 193-FZ // Consultant Plus.

11. On Introducing Amendments and Additions to Some Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Federal Law of March 20, 2001 No. 26-FZ // Consultant Plus.

12. Cowan, R. Foray, D. The Economics of Codification and the Diffusion of Knowledge // Industrial and Corporate Change. 1997. Vol. 6. No. 3. Pp. 595–622.

13. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

УДК/UDC 336.225.673

Налоговый мониторинг как возможность повышения эффективности налогового администрирования

Давыдова Мариам Александровна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового права
Российский государственный университет правосудия
г. Москва, Россия
e-mail: imariam@mail.ru
SPIN-код: 9741-0550

Аннотация

Целью научного исследования является изучение повышения эффективности, прозрачности, оперативности налогового администрирования благодаря развитию электронного документооборота. В статье использованы формально-юридический метод, метод обобщения, сравнительно-правовой метод. На основе исследования налогового мониторинга с 2015 по 2019 гг. в России сделаны выводы об эффективности применения данного вида налогового контроля как способа предупреждения налоговых споров. Автор приходит к выводу о необходимости расширения круга участников мониторинга путем снижения порога для участия. Область исследования демонстрирует практическую и теоретическую значимость взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков при проведении налогового мониторинга в форме электронного документооборота. Положения статьи могут использоваться в научной и практической деятельности при осуществлении налогового мониторинга как инновационного способа контроля.

Ключевые слова: налоговый мониторинг, налоговый контроль, налоговое администрирование, налоговая проверка, налоги.

Tax Monitoring as an Opportunity to Improve the Efficiency of Tax Administration

Davydova Mariam Aleksandrovna
Candidate of Law, senior lecturer at the Department of Financial Law
Russian State University of Justice
Moscow, Russia
e-mail: imariam@mail.ru
SPIN Code: 9741-0550

Abstract

The purpose of the research is to study the increase in efficiency and transparency of tax administration due to the development of electronic document management. The article uses the formal legal method, the method of generalization, the comparative legal method. Having studied tax monitoring in Russia from 2015 to 2019, the author gives an assessment of the effectiveness of this type of tax control as a way to prevent tax disputes. The author comes to the conclusion that it is necessary to expand the circle of the participants of monitoring by lowering the threshold for participation. The field of study demonstrates the practical and theoretical significance of the interaction of tax authorities and taxpayers when conducting tax monitoring in the form of electronic document flow. The provisions of the article can be used in scientific and practical activities in the implementation of tax monitoring as an innovative way of control.

Key words: tax monitoring, tax control, tax administration, tax audit, taxes.

Налоговый мониторинг в Российской Федерации - новая форма взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами. Созданный с целью совершенствования контроля за правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты налогов и иных обязательных платежей, налоговый мониторинг представляет собой систему дистанционного налогового контроля. Рассматриваемая форма налогового контроля предполагает возможность введения постоянного контроля за налогоплательщиком, а налогоплательщик получает правовую определенность в отношении проводимой им налоговой политики [1, с. 59].

Термин «мониторинг» заимствован из латинского языка (monitor переводится как «предостерегающий»). Термин отражает превентивность реагирования на возможные нарушения либо действия, направленные на их профилактику.

Исследователи не имеют единой позиции по поводу определения сущности налогового мониторинга.

О. В. Курбатова и Г. Х. Хадисов предлагают рассматривать налоговый мониторинг в широком и узком смыслах. В широком смысле налоговый мониторинг представляет собой специализированную систему постоянного наблюдения, оценки и прогноза изменения состояния налоговой системы государства. В узком смысле налоговый мониторинг рассматривается как механизм превентивного налогового контроля для крупных организаций [2, с. 15].

Мигачева Е. В. рассматривает налоговый мониторинг в качестве одного из элементов финансового контроля в системе обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации [3, с. 30].

Федеральная налоговая служба России видит мониторинг системой дистанционного налогового контроля, который происходит следующим образом. Компании открывают свои информационные учетные системы для налоговиков, а взамен получают отсутствие камеральных и выездных налоговых проверок. Такое сотрудничество позволяет бизнесу исключить риски, связанные с некорректным исчислением налогов и сборов [4].

Поскольку «каждое государство, в свою очередь, должно защищать свои имущественные интересы» [5], вполне логично рассматривать налоговый контроль в виде мониторинга превентивными мерами по его защите.

Указанное направление мониторинга впервые было запущено в Нидерландах еще в 2005 г. Налоговые службы Нидерландов предлагали в обмен преференции при проверке деклараций компаний-налогоплательщиков.

Положительный опыт Нидерландов подвиг другие страны перенять его. Однако каждая страна имеет свои особенности применения налогового мониторинга. Это объясняется различием налоговых систем.

Например, в США отсутствует законом закрепленный термин «налоговый мониторинг», однако деятельность сконцентрирована на информационном обмене между налоговой службой и налогоплательщиком в форме консультации последних как по вопросам налогообложения, так и по вопросам заключаемых сделок. Не так давно исследователями в области налогообложения в США обсуждалось введение круглогодичного налогового мониторинга в США, который будет использоваться для учета и анализа того, каким образом деятельность налогоплательщика может влиять на него и его налоги [6]. Также «работники налоговых служб США используют пропаганду налогового контроля, чтобы влиять на восприятие и информированность отдельных налогоплательщиков об эффективности применения налогового законодательства со стороны налогоплательщиков при подаче своих налоговых деклараций» [7].

В Уганде «мониторинг соблюдения налогоплательщиками включает эффективную регистрацию налогоплательщиков, своевременную отчетность и своевременную оплату всех налоговых обязательств» [8].

Казахстан пошел по пути Российской Федерации и налоговый мониторинг проводит в отношении крупных налогоплательщиков.

Белоруссия применяет налоговый мониторинг с 2012 г. и в ходе проверки, выявив у налогоплательщика недоимки, предлагает их доплатить либо внести уточнения в декларацию взамен на освобождение от ответственности полностью.

Налогоплательщик, взаимодействуя подобным образом с налоговыми органами, берет на себя обязательство самостоятельно исполнять обязанность по уплате налогов. Более того, налогоплательщик «несет бремя» формирования мировоззрения добросовестного налогоплательщика.

При проведении опроса среди потенциальных участников налогового мониторинга о том, что является для них основным мотивом вступ-

ления, чего они ожидают от нового формата взаимодействия с налоговыми органами, большинство организаций заявили, что мониторинг позволит им снизить налоговые риски через урегулирование спорных вопросов. Кроме того, переход на налоговый мониторинг - это и возможность повысить престиж организации, подтвердив тем самым репутацию добросовестного налогоплательщика [9].

Тем самым налоговые органы, получив доступ к налоговой отчетности, формируют свою позицию по планируемым сделкам.

Стоит отметить, что работа указанной системы продемонстрировала свою состоятельность. Преимущества рассматриваемого вида налогового администрирования привели к увеличению количества компаний, перешедших к подобному взаимодействию с федеральными налоговыми органами России. На сегодняшний день 95 налогоплательщиков работают в рамках налогового мониторинга (из них 48 - это компании с государственным участием). Федеральная налоговая служба России прогнозирует рост участников налогового мониторинга до 200 компаний в 2021 г. (см. рисунок 1).

Рост участников налогового мониторинга с 2016 по 2019 гг., а также прогнозируемое прибавление таковых к 2020 г.

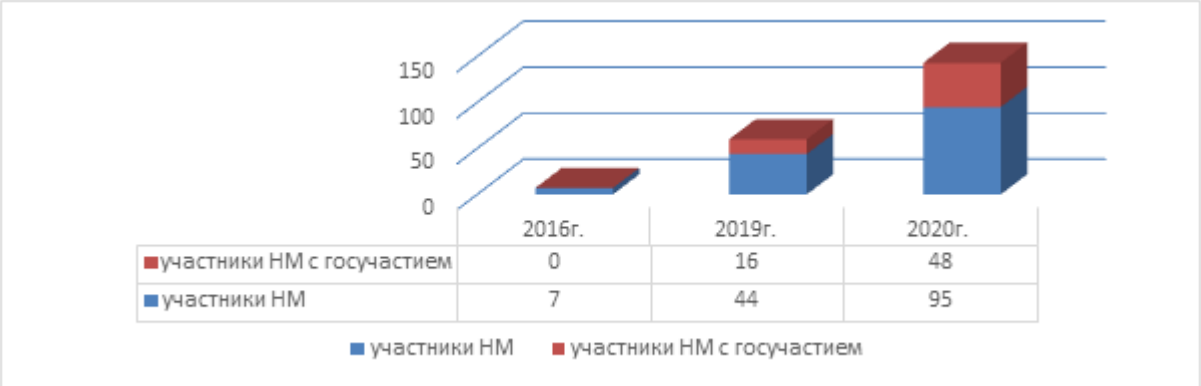

Рисунок 1

Требования к участникам данной программы весьма высоки, например, участниками могут быть только организации, подпадающие под категорию крупнейших налогоплательщиков с годовым оборотом не ме-

нее 3 млрд руб. и активами на 3 млрд руб. При этом они должны уплатить за предшествующий год не менее 300 млн руб.

Учитывая положительную динамику роста компаний, желающих стать участниками налогового мониторинга, Правительство Российской Федерации утвердило своим Распоряжением от 21 февраля 2020 г. № 381-р Концепцию развития и функционирования системы налогового мониторинга (далее - Концепция). Так, согласно Концепции порог участия будет снижен в три раза, а именно с 2022 г. в налоговый мониторинг смогут войти организации, объем годовых доходов которых составляет 1 млрд рублей, активы-1 млрд рублей, совокупная сумма исчисленных за год налогов - 100 млн рублей. Будут учитываться не только исчисленные компанией налоги, но и суммы НДФЛ и страховых взносов [10]. Реализация мероприятий по снижению порога участия в налоговом мониторинге, а также упрощению процедуры его применения позволит обеспечить расширение перечня потенциальных участников налогового мониторинга, тем самым законодатель предполагает возможность роста участников налогового мониторинга за счет среднего бизнеса. Федеральная налоговая служба России прогнозирует рост количества участников к 2022 г. до не менее 3879 плательщиков, к 2024 г. до не менее 7827 плательщиков.

К возможным причинам роста участников следует отнести следующие «положительные моменты» в бизнесе:

1) сокращение издержек на налоговые проверки,
2) снижение налоговых рисков,
3) снижение административного давления [11].

Нельзя не согласиться с мнением о том, что это «одна из налоговых новелл, которая активно опробуется сегодня крупными налогоплательщиками и рассчитана исключительно на дисциплинированных и сознательных субъектов налоговых правоотношений» [12].

Рассматриваемое «взаимодействие налоговых органов и налогоплательщиков направлено на смещение акцента с фискальной функции налогового контроля на профилактическую, что соответствует новому пониманию роли государства в жизни общества, а именно концепции сер-

висного государства» [2, с. 16]. При этом в основе налогового мониторинга лежит принцип добровольного совместного соблюдения налогового законодательства. Это открытый диалог с налоговым органом с помощью современных информационных технологий [4].

При явных достоинствах налогового мониторинга следует выделить и ряд недостатков, допущенных, на наш взгляд, законодателем:

1. Угроза безопасности данных налогоплательщика, составляющих налоговую тайну, вследствие неограниченного доступа к ним инспекторов [13]. Согласно п. 6 ст. 105.26 Налогового кодекса РФ информационное взаимодействие осуществляется путем представления налоговому органу документов (информации), связанных с исчислением (удержанием), уплатой (перечислением) налогов, сборов, страховых взносов в электронной форме, и (или) доступа к информационным системам организации, в которых содержатся указанные документы (информация). Иными словами, налоговый орган получает полный доступ ко всей налоговой и бухгалтерской документации, тем самым получает информацию, являющуюся коммерческой тайной. Возможно в данной ситуации пойти по европейской модели, когда налогоплательщик предоставляет доступ налоговому органу к информации, касающейся бухгалтерского учета, только по требованию налогового органа и после обязательного обоснования необходимости таковой для определения правильности исчисления налогов.
2. Неполное исключение проведения налоговых проверок. Законодатель устанавливает исключения, при которых проводятся и камеральные, и выездные проверки при налоговом мониторинге. В качестве примера можно привести необходимость представления уточненной налоговой декларации, в которой уменьшена сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, по сравнению с ранее представленной налоговой декларацией за период проведения налогового мониторинга. Данная мера не оправда-

на в полной степени, и ее возможно избежать, т. к. имея доступ к налоговой документации в рамках мониторинга, налоговый орган может проверить информацию, содержащуюся в обосновании проведения проверки, и, соответственно, не проводить контрольные мероприятия.

3. Отсутствие достаточно полного описания процесса проведения взаимосогласительной процедуры. Проведение взаимосогласительной процедуры инициируется в случае несогласия налогоплательщика с мотивированным мнением налогового органа и представления им разногласий. Согласно ст.105.30 Налогового кодекса Российской Федерации по результатам взаимосогласительной процедуры Федеральная налоговая служба России может изменить мотивированное мнение или оставить его без изменения. Однако действия налогоплательщика при несогласии с мотивированным мнением законодатель не регламентировал, что может повлечь за собой для налогоплательщика применение санкций. Возможность избежать негативных последствий для налогоплательщика заключается в предоставлении сторонам права проведения повторной процедуры устранения разногласий по взаимному согласию.

«Вполне вероятно, что в дальнейшем налоговый мониторинг должен стать основной формой налогового контроля и постепенно заменить налоговый контроль в форме выездных проверок организаций налоговыми органами» [14, с. 291]. Сегодня можно смело говорить об эффективности деятельности налоговых органов и открытости их для плодотворного взаимодействия с компаниями-налогоплательщиками.

Мы согласны с мнением Г. А. Терентьева и Т. Ю. Солодимова о том, что правовое регулирование налогового мониторинга все еще не в полной мере отвечает целям и задачам налогового мониторинга, среди которых -обеспечение взаимовыгодного сотрудничества налогоплательщиков и налоговых органов в форме партнерских отношений, предупреждение неверного исчисления налогов вследствие осуществления орга-

низацией рисковых операций, налоговое консультирование, разрешение споров в досудебном порядке [15]. Для того чтобы налоговый мониторинг в большей степени был направлен на формирование доверительных и прозрачных отношений между налоговыми органами и налогоплательщиком, стоит создавать более привлекательные условия для компаний-участников рассматриваемой формы налогового контроля.

Список литературы

1. Цветкова Е. А. Сравнительно-правовой анализ альтернативных способов разрешения налоговых споров на примере России, США, Нидерландов, Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правосудия. 2017. № 2. С. 58–64.

2. Курбатова О. В., Хадисов Г. Х. Налоговый мониторинг: сущность и значение // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С 15–17.

3. Мигачева Е. В. Налоговый мониторинг как способ обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. 2016. № 1. С. 30–33.

4. 48 компаний заявили о переходе на налоговый мониторинг с 2020 года // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8785782/ (дата обращения: 05.06.2020).

5. Tsindeliani, I. A., Miroschnik, S. V., Bit-Shabo, I. V. et al. Financial Law as a Public Law Branch: A Fresh Look at the Signs of Publicity // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2019. Vol. 22. No. 5. URL: https://www.abacademies.org/articles/financial-law-as-a-public-law-branch-a-fresh-look-at-the-signs-of-publicity-8677.html (дата обращения: 05.06.2020).

6. Patent No. US 7,769,647 B1, August 3, 2010. Method and System for Providing a Year-round Tax Monitor / Char, R. J. Novak, M. A., Caldwell, J. R. et al. // URL: https://patentimages.storage.googleapis.com/ef/f1/a9/81e48830d7a764/US7769647.pdf (дата обращения: 05.06.2020).

7. Hanlon, M., Hoopes, J. L., Shroff, N. The Effect of Tax Authority Monitoring and Enforcement on Financial Reporting Quality // The Journal of the American Taxation Association. 2014. Vol. 36. No. 2. Pp. 137–170. URL: http://hdl.handle.net/1721.1/98870 (access date: June 5, 2020).

8. Apollo, O. Monitoring Taxpayers' Compliance and Local Revenue Performance in Local Government: A Case of Lira District Local Government // Research Journal of Finance and Accounting. 2017. Vol. 8. No. 22. Pp. 7–19.

9. В ФНС России провели «круглый стол» с крупнейшими налогоплательщиками - участниками налогового мониторинга // Официальный сайт Федеральной на-

логовой службы.. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/7259013/ (дата обращения: 05.06.2020).

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.02.2020 № 381-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.03.2020. № 10. Ст. 1357.

11. Налоговый мониторинг: векторы развития самой прогрессивной формы контроля // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

12. Мигачева Е. В. Налоговый мониторинг в условиях развития цифровой экономики // Финансовое право. 2018. № 8. С. 21–25.

13. Саркисян Э. П., Сидельников А. Р. Новая форма налогового контроля: особенности и перспективы развития // Международный студенческий научный вестник: электронный научный журнал. 2015. № 1. URL: http://www.eduherald.ru/pdf/2015/1/27.pdf (дата обращения: 05.06.2020).

14. Налоговое право: учебник / Под ред. И. А. Цинделиани. 3-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2019. 615 с.

15. Терентьева Г. А., Солодимова Т. Ю. Налоговый мониторинг: от теории к практике // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 3 (55). С. 88–92.

References

1. Tsvetkova, E. A. Comparative-Legal Analysis of Alternative Tax Dispute Resolution: the Practice of the Russian Federation, the United States, the Netherlands and Germany // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2017. No. 2. Pp. 58–64.

2. Kurbatova, O. V., Xadisov, G. X. Tax Monitoring: Essence and Meaning // Vestnik Moskovskogo univesiteta MVD Rossii. 2017. No. 5. Pp 15–17.

3. Migacheva E. V. Tax Monitoring as a Way to Ensure Financial Security // Financial Law. 2016. No. 1. Pp. 30–33.

4. 48 Companies Have Announced the Transition to Tax Monitoring Since 2020 // Federal Tax Service. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8785782/ (access date: June 5, 2020).

5. Tsindeliani, I. A., Miroschnik, S. V., Bit-Shabo, I. V. et al. Financial Law as a Public Law Branch: A Fresh Look at the Signs of Publicity // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2019. Vol. 22. No. 5. URL: https://www.abacademies.org/articles/financial-law-as-a-public-law-branch-a-fresh-look-at-the-signs-of-publicity-8677.html (access date: June 5, 2020).

6. Patent No. US 7,769,647 B1, August 3, 2010. Method and System for Providing a Year-round Tax Monitor / Char, R. J. Novak, M. A., Caldwell, J. R. et al. // URL: https://patentimages.storage.googleapis.com/ef/f1/a9/81e48830d7a764/US7769647.pdf (access date: June 5, 2020).

7. Hanlon, M., Hoopes, J. L., Shroff, N. The Effect of Tax Authority Monitoring and Enforcement on Financial Reporting Quality // The Journal of the American Taxation Association. 2014. Vol. 36. No. 2. Pp. 137–170. URL: http://hdl.handle.net/1721.1/98870 (access date: June 5, 2020).

8. Apollo, O. Monitoring Taxpayers' Compliance and Local Revenue Performance in Local Government: A Case of Lira District Local Government // Research Journal of Finance and Accounting. 2017. Vol. 8. No. 22. Pp. 7–19.

9. The Federal Tax Service of Russia Held a Round Table With the Largest Taxpayers—Tax Monitoring Participants // Federal Tax Service. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/7259013/ (access date: June 5, 2020).

10. Order of the Government of the Russian Federation of February 21, 2020 No. 381-r // Collection of the legislation of the Russian Federation. March 9, 2020. No. 10. Art. 1357.

11. Tax Monitoring: Vectors of Development of the Most Progressive Form of Control // Consultant Plus.

12. Migacheva, E. V. Tax Control in the Conditions of Digital Economy Development // Financial Law. 2018. No. 8. Pp. 21–25.

13. Sarkisyan, E. P. Sidelnikov, A. R. New Form of Tax Inspection: Features and Development Prospects // Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik. 2015. No. 1. URL: http://www.eduherald.ru/pdf/2015/1/27.pdf (access date: June 5, 2020).

14. Tax Law: A Textbook / Edited by I. A. Tsindeliani. 3rd ed., amended and augmented. Moscow: Prospekt, 2019. 615 p.

15. Terentyeva, G. A., Solodimova, T. Y. Tax Monitoring: From Theory to Practice // Problemy ekonomiki i menedzhmenta. 2016. No. 3 (55). Pp. 88–92.

УДК/UDC 343.1

Институт освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве Республики Беларусь на основании компенсации причиненного ущерба

Заблоцкая Татьяна Геннадьевна
студентка юридического факультета
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь
e-mail: tatyana.zablotskaya56@gmail.com

Хилюта Вадим Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь
e-mail: hiluta_vv@grsu.by
SPIN-код: 1396-9471

Аннотация

В данной работе рассматриваются общественные отношения, возникающие в связи с фактом совершения преступления и последующим освобождением от уголовной ответственности по причине добровольного возмещения причиненного ущерба, а также вопросы применения на практике возможности освобождения от уголовной ответственности по данным основаниям. Также в статье описываются сложности, касающиеся выплаты обвиняемым суммы, которая должна быть больше, чем выражающая причиненный ущерб. Рассматриваются взаимоотношения обвиняемого, который рассчитывает на освобождение от уголовной ответственности, и органа уголовного преследования, который дает заключение о наличии оснований для такого решения. Уделяется внимание невозможности применения освобождения от уголовной ответственности по данному основанию в случаях, когда совершенные преступления связаны с посягательством на жизнь и здоровье.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, уголовное право, Республика Беларусь, добровольное возмещение ущерба, Уголовный кодекс, меры

наказания, компенсация, вред, имущество, соглашение о признании вины, общественная опасность, раскаяние.

Institution of Exemption from Criminal Liability in Criminal Law of the Republic of Belarus on the Basis of Compensation for Damage Caused

Zablotskaya Tatyana Gennadyevna
student of the Faculty of Law
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
e-mail: tatyana.zablotskaya56@gmail.com

Khilyuta Vadim Vladimirovich
Candidate of Law, assistant professor
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
e-mail: hiluta_vv@grsu.by
SPIN Code: 1396-9471

Abstract

This publication deals with the social relations arising from committing an offence and the subsequent exemption from criminal liability in connection with the voluntary compensation of the damage caused, as well as the application in practice of the possibility of exemption from criminal liability on these grounds. The article also describes the difficulties that arise in connection with the payment made by the accused that should be greater than the amount that corresponds to the damage caused. The authors study the relationship between the accused, who looks forward to exemption from criminal responsibility, and the criminal prosecution body, which gives an opinion on the existence of grounds for such a decision. It is also noted that no exemption from criminal liability on this ground should take place in cases where the crimes committed involve an attack on life and health.

Key words: exemption from criminal liability, criminal law, Republic of Belarus, voluntary reparation of damaged, Ciminal Code, penalties, compensation, harm, property, plea agreement, public danger, repentance.

На сегодняшний день в Республике Беларусь происходит активный процесс усовершенствования законодательства посредством ликвидации правовых пробелов, детального изучения и анализа практического использования различных мер наказания. В уголовном праве все большую роль начинают играть гуманизм, постепенная дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания. Особому вниманию подлежат вопросы применения института деятельного раскаяния лица, совершившего преступление, а также добровольного возмещения им причиненного ущерба. Ежегодно в Республике Беларусь следователями МВД, органами прокуратуры и судами часть дел прекращается ввиду добровольной компенсации виновным причиненного вреда.

Доктрина уголовного права и нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) трактуют освобождение от уголовной ответственности как отказ государства от осуждения от имени Республики Беларусь лица, которое совершило преступление, и применения к нему мер уголовной ответственности в связи с наличием оснований, предусмотренных законом [1]. К таким основаниям можно отнести: отсутствие общественной опасности преступления, а также факт иных обстоятельств, предусмотренных уголовным законодательством, включая создание благоприятных условий для того, чтобы государство могло обеспечить противодействие преступности. В соответствии со ст. 44 УК РБ уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности. Отсюда можно сделать вывод, что обязательной составляющей уголовной ответственности является осуждение от имени Республики Беларусь ввиду обвинительного приговора [2, с. 41].

Это обстоятельство обоснованно берется во внимание российскими и украинскими криминалистами, характеризующими аналогичные нормы УК России и Украины. На это же указывает ст. 26 Конституции Республики Беларусь, которая напрямую связывает признание лица ви-

новным в совершении преступления с вынесением судом обвинительного приговора и вступлением этого приговора в законную силу [3].

Из сказанного следует сделать следующий вывод: решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности по конкретному уголовному делу относится к компетенции суда и только суда. Этот вопрос не может быть решен в обвинительном приговоре суда ввиду того, что такой приговор указывает на наступление уголовной ответственности (т. к. уже свершилось осуждение от имени государства). Но в то же время этот вопрос не должен решаться и в оправдательном приговоре суда, поскольку при освобождении от уголовной ответственности лицо признается виновным в совершении преступления. Исходя из этого, освобождение от уголовной ответственности должно производиться на основании самостоятельного, отдельного постановления суда, которое будет вынесено в совещательной комнате.

Схожие принципы можно отметить в международном, зарубежном законодательстве. Так, ст. 11 «Всеобщей декларации прав человека» от 10 декабря 1948 г. гласит: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [4, с. 462–464]. В ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. указано: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону» [5, с. 17]. Эти нормы — общепризнанные принципы международного права, поэтому согласно ст. 8 Конституции Республика Беларусь признает их приоритет.

С целью лучшего понимания сути какого-либо явления необходимо знать историю его возникновения. В связи с этим встает вопрос: чем же руководствовался законодатель, когда принял решение ввести в 2006 г.действие нормы уголовного закона, которая предусматривала освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещени-

ем лицом, совершившим преступление, причиненного им ущерба (вреда)? Это, в свою очередь, влекло за собой возникновение еще одного вопроса: а не принималось ли это решение исключительно с целью возврата государству денежных средств, похищенных преступным путем?

Ущерб можно считать возмещенным, когда виновное лицо любым законным и удовлетворяющим потерпевшего или юридического лица способом добровольно и в полном объеме возместило имущественный вред, причиненный своими действиями (преступлением), например: возврат похищенного имущества; возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества или передача вещи того же рода и качества; устранение неисправности поврежденной вещи; выполнение каких-либо действий, равнозначных по стоимости причиненному ущербу. Устранение причиненного преступными действиями ущерба может быть выражено в материальном возмещении морального вреда; принесении извинений; оплате расходов, которые пошли на лечение потерпевшего, в т. ч. на санаторно-курортное; в компенсации упущенной выгоды, а также при оказании иной помощи потерпевшему или путем других действий, которые могут предотвратить, уничтожить или уменьшить наступившие неблагоприятные последствия. Следует отметить, что не играет роли факт того, было ли возмещение ущерба, устранение вреда собственной личной инициативой виновного лица или это было сделано по инициативе органа, занимающегося уголовным процессом.

Ст. 88 УК РБ, Положение от 3 декабря 1994 г. № 250 закрепляют тот факт, что до того, как поднять вопрос об освобождении от уголовной ответственности по данному основанию, обвиняемый обязан возместить причиненный им вред. Соответственно, виновное лицо обязано вернуть владельцу изъятые активы, похищенное имущество, неуплаченные налоги или компенсировать ущерб в размере, который соответствовал бы размеру причиненного ущерба, учитывая убытки, которые имели место быть ввиду восстановления нарушенных имущественных прав, и неполученные доходы, а также упущенную выгоду от оборота имущества, вред, который затронул государственные или общественные интересы.

В правовом государстве сложности, возникающие ввиду выплаты обвиняемым суммы, которая должна быть больше, чем та, которая выражает причиненный ущерб, могут решаться путем, например, возложения на виновного в порядке, предусмотренном законодательством, также обязанности по возмещению затрат государства, которые ушли на ведение уголовного процесса. Стоит лишь не забывать об утвержденной правительством методике их исчисления. Если же обвиняемый не изъявит желания покрыть эти затраты и быть освобожденным от уголовной ответственности, то государство будет вынуждено понести расходы на применение к нему уголовной ответственности. Однако использование подобных мер должно быть законным, а не отданным на усмотрение публичной власти. Ко всему прочему, применение таких мер не должно противоречить принципам, закрепленным Конституцией, применимым к уголовной ответственности [2].

В основном проблемы возникают тогда, когда поднимается вопрос об определение размера вреда, нанесенного государственным или общественным интересам. Существенный вред для общественных или государственных интересов — это такой, который является неимущественным и который не может исчисляться в денежных знаках. Его определяют, учитывая конкретные обстоятельства уголовных дел. Указания для определения такого вреда находятся в законодательстве республики.

Так, например, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в своем постановлении от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике касательно преступлений против интересов службы (ст. 424–428 УК)» пояснил, что, решая вопрос о том, можно ли такой вред считать существенным, «необходимо брать в расчет степень негативного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, численность потерпевших граждан, размер причиненного физического или морального ущерба и т. д.» [7]. Наряду с этим также было отмечено, что «существенный вред может быть выражен в нарушении прав и свобод граждан, закрепленных Конституцией, в подрыве авторитета органов власти,

государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка».

Перед тем как принять решение об освобождении от уголовной ответственности, вопрос о размере материального возмещения морального вреда необходимо обговаривать с потерпевшими, а лицо, которое нанесло этот вред, в свою очередь, должно его компенсировать, например, путем перевода соответствующей суммы на счет потерпевшего.

Достаточно часто освобождение от уголовной ответственности ввиду добровольного возмещения причиненного ущерба может быть рассмотрено в качестве «сделки с законом» или «сделки с правосудием». Безусловно, такого рода освобождение от уголовной ответственности, конечно, в некотором смысле слова может называться сделкой, но ни в коем случае не с законом. Закон выступает в качестве регулятора и создателя правил и условий, согласно которым наступает соглашение сторон.

Так называемая надежность, о которой упоминают адвокаты и обвиняемые, является не чем иным, как своеобразным факультативным стимулом для того, чтобы могли быть использованы дискреционные полномочия главы государства, чтобы в последующем было вынесено положительное решение касательно освобождения обвиняемых от уголовной ответственности [2, с. 17]. Такие предъявляемые требования (действительно существующие, но не предаваемые особой огласке) существуют вне закона, который регламентирует возмещение причиненного ущерба, но одновременно не предусматривает уплату обвиняемым какой-то социальной компенсации (размера, которой превышал бы причиненный вред), хотя попытки сформулировать и внести такие положения в проект закона конечно же предпринимались [2, с. 21].

Что касается взаимоотношений обвиняемого, который рассчитывает на освобождение от уголовной ответственности, и органа уголовного преследования, который дает заключение о наличии оснований для такого решения, то они до конца не урегулированы законом. В них не предусматривается тот факт, что между обвиняемым и органом уголовного преследования должно быть установлено соглашение касательно осво-

бождения от уголовной ответственности, что данное соглашение необходимо фиксировать документом, который подписывается этими сторонами, что размер ущерба согласован сторонами и определен ими в соответствующей сумме, что при согласовании размера этой суммы учитывалось мнение пострадавшей стороны (примечательно, что участие пострадавшего в решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности обвиняемого почему-то вообще до сих пор не предусматривается действующим законодательством) [2, с. 22]. Если бы эти и некоторые другие вопросы были четко урегулированы законодательством, то не возникало бы одной и той же проблемы, а именно подозрений и опасений у обвиняемого в том, что он, выполнив все условия, устранив ущерб, все же окажется неосвобожденным от уголовной ответственности.

На практике периодически встречаются такие случаи, когда обвиняемый, находясь под стражей, может и не признавать себя виновным, но быть готовым возместить ущерб, чтобы доказывать свою невиновность, находясь уже на свободе, после освобождения от уголовной ответственности. В таком положении обвиняемому следует помнить о том, что непризнание им своей вины рассматривается как обстоятельство, которое препятствует прекращению уголовного дела по ст. 88 УК РБ ввиду того, что в такой ситуации лицо нельзя признать раскаивающимся в совершенном преступлении [2, с.18].

Также одним из условий освобождения от уголовной ответственности по такому основанию является то, что совершенное преступление не должно быть связано с посягательством на жизнь или здоровье человека [2, с. 27]. Преступления, которые все же связаны с посягательством на жизнь и здоровье человека, — это умышленные преступления, направленные на причинение смерти другому лицу или вреда его здоровью (убийство, разбой и др.). Неосторожные преступления, одно из которых — нарушение правил дорожного движения, которое могло повлечь за собой в т. ч. смерть потерпевшего (ст. 317 УК РБ), относят к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или к менее тяжким преступлениям. В данном случае осво-

бождение от уголовной ответственности за совершение таких преступлений ввиду деятельного раскаяния и возмещения причиненного ущерба не может производиться согласно ст. 88 УК РБ.

Следует отметить, что даже когда есть все вышеуказанные условия освобождения обвиняемого от уголовной ответственности ввиду добровольного возмещения им причиненного ущерба, это является лишь правом, а не обязанностью соответствующих государственных органов и должностных лиц. Т. е. они всегда могут утверждать, что исправление обвиняемого не может быть достигнуто без привлечения его к уголовной ответственности [6, с. 202]. Такое утверждение может быть опровергнуто только в судебном порядке. В т. ч. в судебном порядке может обжаловаться решение об отказе в освобождении от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда).

Еще один интересный и немаловажный момент заключается в том, что отсутствие ущерба ввиду совершения преступления, в частности неоконченного, будет равно его возмещению органом уголовного преследования путем изъятия похищенного имущества и его возврата потерпевшему или юридическому лицу. И это не является обстоятельством, исключающим освобождение лица от уголовной ответственности [2, с. 31].

В случае когда ущерб от преступления остался невозмещенным из-за отказа потерпевшего или юридического лица, которым его причинили, от предъявления требований по его возмещению, вынесение решение по вопросу об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности будет возможным лишь при условии устранения им нанесенного вреда иным способом. Наряду с этим следует учитывать тот факт, что отказ потерпевшего от возмещения, допустим, имущественного вреда, не всегда говорит о том, что вред не был устранен иным устраивающим потерпевшего способом. Например, потерпевший отказывается от получения от обвиняемого денежных средств за незначительно поврежденную одежду, будучи убежденным, что причиненный ему хулиганскими действиями вред полностью исчерпан публичным извинением обвиняемого, который

осознал недопустимость своего поведения и искренне раскаялся в содеянном.

УК РБ насчитывает порядка 20 видов освобождения от уголовной ответственности обвиняемого и освобождения от наказания осужденного [1, с. 354]. Однако освобождение от уголовной ответственности и наказание наступает только в случаях, предусмотренных УК РБ, т. е. тех, которым принадлежит статус принципа уголовного закона и уголовной ответственности.

Освобождая от уголовной ответственности, государство:

1) защищает интересы пострадавшей стороны, которой может быть возмещен ущерб, взамен на освобождение от уголовной ответственности обвиняемого, при этом само государство в данном случае не имеет возможности возместить вред и ущерб, причиненный бюджету;
2) в пределах разумного проявляет гуманность к лицу, которое совершило преступление;
3) достигает целей уголовной ответственности, не привлекая к такой ответственности и не применяя наказание;
4) снижает расходы, идущие на обеспечение уголовного преследования, правосудие и исполнение приговора, которые оплачиваются по факту налогоплательщиками;
5) уменьшает занятость органов уголовного преследования, судов и органов, осуществляющих исполнение наказания, что, с одной стороны, формально повышает уровень их профессионализма и эффективности деятельности, а с другой — избавляет бюджет от расходов на увеличение штата следователей, судей и работников пенитенциарной системы.

Итак, общим основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба является положительное посткриминальное поведение лица, которым было совершено преступление, в полной мере свидетельствующее о его раска-

янии в совершении преступления и о возможности его исправления без привлечения к уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности по данному основанию должно осуществляться в судебном порядке, носить исключительный характер, применятся при особых обстоятельствах по отношению к лицам, которые впервые совершили преступление, в отношении престарелых и тяжело больных, а также при наличии прочих обстоятельств, которые должны быть регламентированы уголовным законом [2, с. 33].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 15.07.2010 г. № 166-З) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000».

2. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000».

3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 62 с.

4. Всеобщая Декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217A (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право: сборник документов. М., 1996. Т. 1.

5. Права человека: сборник международно-правовых документов / Сост. В. В. Щербов. Минск, 1999.

6. Лукашов А. И. Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда) // Юрист. 2006. № 4.

7. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. ст. 424–428 УК) // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vsgov/b694b296f8f60b55.html (дата обращения: 31.05.2020).

References

1. The Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999 No. 275-Z: Adopted by the House of Representatives on June 2, 1999: Approved by the Council of the Republic on June 24, 1999 (as amended by the Law of the Republic of Belarus of July 15, 2010 No. 166-Z // Consultant Plus: Belarus. Technology 3000.

2. On the practice of the application by the courts of articles 86, 88, 89 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, providing for the possibility of exempting a person from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus of March 29, 2012 No. 1 // Consultant Plus: Belarus. Technology 3000.

3. The Constitution of the Republic of Belarus: as amended and augmented by republican referenda on November 24, 1996 and October 17, 2004. Minsk: National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, 2016. 62 p.

4. The Universal Declaration of Human Rights. Adopted and proclaimed by Resolution 217A (III) of the United Nations General Assembly of December 10, 1948 // International Public Law: Collection of Documents. Moscow, 1996. Vol. 1.

5. Human Rights: A Collection of International Legal Documents / Compiled by V. V. Shcherbov. Minsk, 1999.

6. Lukashov, A. I. Exemption from Criminal Liability due to Voluntary Compensation for Damage (Harm) // Yurist. 2006. No. 4.

7. On Judicial Practice in Cases of Crimes Against the Interests of the Service (Articles 424–428 of the Criminal Code) // Web Portal of the Courts of General Jurisdiction of the Republic of Belarus. URL: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vsgov/b694b296f8f60b55.html (access date: May 31, 2020).

УДК/UDC 347

Публично-правовые средства противодействия бесхозяйственному обращению с жилыми помещениями

Исакова Нина Александровна
старший юрисконсульт отделения судебной защиты 3-го отдела Правового управления Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: isakova.nina2016@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы порядка и оснований прекращения права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение. Автором сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в части противодействия бесхозяйственному обращению с жилыми помещениями. Также автором предлагается законодательно закрепить специальное понятие «бесхозяйственносодержимое жилое помещение», которое является ключевым при принятии решения о продаже с публичных торгов такого жилого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи средств.

Ключевые слова: право собственности, прекращение права частной собственности, жилое помещение, бесхозяйственное обращение с жилыми помещениями, обращение в суд.

Public Legal Means of Counteracting Mismanagement of Residential Premises

Isakova Nina Aleksandrovna
senior legal advisor at the judicial protection division of the Legal Department of the Russian MIA General Administration for St. Petersburg and the Leningrad Region
St. Petersburg, Russia
e-mail: isakova.nina2016@mail.ru

Abstract

The article considers some debatable issues of the order of and the grounds for termination of a property right on a mismanaged residential premise. The author formulates suggestions for improvement of the current legislation regarding mismanagement of residential premises. The author also suggests to introduce the special concept of a mismanaged residential premise into the legislation, which is important when deciding whether to sell such housing at an open auction with the money from selling going to the owner.

Key words: ownership, termination of a private property right, residential premise, mismanagement of residential premises, resort to the court.

Публично-правовая ответственность за нарушение правил пользования и содержания жилых помещений предусмотрены как Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 7.21, 7.22) в виде уплаты административного штрафа [1], так и Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) в виде прекращения права собственности на жилое помещение (статья 293 ГК РФ) [2].

В виду того, что административная ответственность становится не столь уж и непреодолимым препятствием на пути нарушителей правил пользования и содержания жилых помещений, пришло время взглянуть на проблему бесхозяйственно содержимого жилого помещения с точки зрения совершенствования гражданско-правовых норм, регулирующих особенности и основания прекращения права собственности на жилое помещение, так как данная мера является наиболее строгой по отношению к собственнику жилого помещения, нарушающему правила пользования и содержания жилых помещений.

В данной статье предлагается рассмотреть особенности и основания прекращения права собственности за бесхозяйственно содержимое жилое помещение.

В соответствии с положениями статьи 293 ГК РФ для применения мер гражданско-правового воздействия на правонарушителя необходи-

мо наличие сложного юридического состава, т.е. наступление нескольких взаимосвязанных между собой юридических фактов, а именно: установление самого факта противоправного поведения собственника жилого помещения, которое заключается в использовании жилого помещения не по назначению, систематическом нарушении прав и интересов соседей либо бесхозяйственно обращении с жильем, которое приводит к его разрушению; после вынести предупреждение собственнику о необходимости устранения нарушения, вынесенное органом местного самоуправления, а в случае, если нарушения влекут разрушение жилого помещения орган местного самоуправления назначает собственнику соразмерный срок для ремонта жилого помещения.

В случае неисполнения ранее выданных предписаний по устранению нарушения органом местного самоуправления подается иск в суд для принятия решения о продаже жилого помещения с публичных торгов с выплатой собственнику вырученных от продажи средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения. Однако данную меру следует применять только в тех случаях, когда собственник после предупреждения продолжает нарушать права и охраняемые законом интересы соседей или использовать жилое помещение не по назначению либо без уважительных причин не произведет необходимый ремонт, то есть первоначальные действия оказались безрезультатными.

Данную меру воздействия на нарушителя возможно отнести к видам гражданско-правовой ответственности, однако ввиду особой процедуры привлечения к такой ответственности и особого статуса жилого помещения, которое подлежит «взысканию», предлагаем определить в гражданском праве самостоятельный вид ответственности — вещно-правовую ответственность.

Для привлечения собственника жилого помещения к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной статьей 293 ГК РФ, необходимо раскрыть содержание понятия «бесхозяйственно содержимое жилое помещение».

Устанавливая суровую меру гражданско-правовой ответственности в виде прекращение права собственности на жилое помещение, законодатель не раскрывает в ГК РФ понятие «бесхозяйственно-содержимое жилое помещение», что влечет правовую неопределенность. Использование аналогии закона при применении мер гражданско-правовой ответственности представляется недопустимым, так как нормы об ответственности по своей природе носят императивный характер. Вместе с тем согласно абз. 8 п. 39 Постановления Пленума ВС РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «под систематическим бесхозяйственным обращением с жилым помещением, ведущим к его разрушению, следует понимать целенаправленные постоянного характера действия нанимателя и (или) членов его семьи, влекущие повреждение либо уничтожение структурных элементов квартиры (окон, дверей, пола, стен, санитарно-технического оборудования и т.п.).» [3].

Для разрешения правового пробела, законодателю необходимо предусмотреть для данного института гражданско-правовой ответственности специальное понятие «бесхозяйственно-содержимое жилое помещение».

В настоящее время в науке гражданского права существуют доктринальные взгляды цивилистов исследователей. Наиболее интересными на наш взгляд являются научные позиции А. В. Кудашкина, который под бесхозяйственным содержанием жилого помещения понимает бездействие собственника, нарушающее правила и нормы санитарного содержания, технической эксплуатации жилищного фонда, безопасности проживания людей [4, с. 234]. Кроме того, Л. Ю. Цыганова, полагает, что «. . . для собственников жилых помещений российским законодательством установлены еще более жесткие пределы осуществления права собственности, поскольку жилые помещения — это объекты недвижимости, в сохранности и нормальной эксплуатации которых заинтересовано общество в целом. . . » [5, с. 68].

Данные точки зрения, позволяют сделать вывод, о том, что, приобретая право собственности на жилое помещение, собственник приобрета-

ет бремя (обязанности) по содержанию данного жилого помещения, так как в этом заинтересован не только собственник, но и иные собственники жилых помещений, чьи интересы могут быть нарушены. Учитывая изложенное, собственник наделяется обязанностями, которые по своему характеру сходны с публично-правовыми обязанностями. В поддержку данного тезиса можно привести мнение Е. В. Васьковского, который указывал, что ограничения, возникающие при приобретении права собственности на жилое имущество, есть не что иное, как публично-правовые обязанности административного характера, лежащие на владельцах недвижимости, никто из частных лиц не может понудить собственника путем гражданского судопроизводства к исполнению этих обязанностей. За их выполнением следят органы государства и в случае необходимости применяют административные меры к нарушителям [6, с. 122].

Вместе с тем существуют мнения некоторых ученых, о том, что в силу того, что обязанность по содержанию вещи не должна рассматриваться как публично-правовая обязанность, соответственно, не представляется правильным наделение лишь публичных органов возможностью требовать прекращения субъективного права собственности, как это имеет место в статье 293 ГК РФ [7, с. 233–237].

Представляется, что содержание собственником жилого помещения является не только обязанностью, но и его правом, таким образом, действия или бездействие собственника бесхозяйственно содержимого жилого помещения следует одновременно квалифицировать как злоупотребление правом.

Некоторые исследователи полагают целесообразным рассмотреть вопрос о возможности обращения в суд жильцов многоквартирного дома непосредственно или через принятие решения на общем собрании [8].

Также Д.А. Туманов предлагает предоставить гражданам более широкие возможности по обращению в суд в защиту неких общих интересов при обосновании ими своей принадлежности к социальной группе, общности, являющейся носителем интереса [9, с. 163-164, 168, 170].

Однако ввиду того, что право собственности неприкосновенно и может быть ограничено в исключительных случаях, а также подобные иски могут являться злоупотреблением правом на защиту и иметь характер сутяжничества, наделение правом обращения в суд с исками о продаже с публичных торгов жилого помещения иных лиц, не относящихся к публичным органам, представляется нецелесообразным.

При этом зачастую складывается ситуации, когда органы местного самоуправления не заинтересованы принимать участие в разрешении конфликтов, возникающих между собственниками жилых помещений по факту их бесхозяйственного содержания, так как призваны выполнять иные функции.

Таким образом, собственники жилых помещений, чьи интересы нарушены бесхозяйственным содержанием жилого имущества, не могут эффективно влиять на органы местного самоуправления в части обращения в суд с иском, а альтернативы обращения в суд иных публичных органов законодательством Российской Федерации не предусмотрено.

Так, апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 29 апреля 2019 г. № 33а-8458/2019 было оставлено без изменения решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга от6 декабря 2018 года, в соответствии с которым истцу С.отказано в удовлетворении требования о признании незаконным бездействие администрации Приморского района Санкт-Петербурга о признании незаконным бездействия, выразившееся в уклонении от выдвижения требования в порядке статьи 293 ГК РФ о прекращении права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение [10]. Суд исходил из того, что администрацией Приморского района Санкт-Петербурга предприняты все предусмотренные законом меры в целях подготовки в суд требований, предусмотренных статьей 293 ГК РФ.

Указанное судебное решение демонстрирует сложности привлечения публичных органов для защиты прав лиц, страдающих от действий собственника, который бесхозяйственно содержит свое жилое помещение.

Помимо перечисленных сложностей привлечения органов местного самоуправления для защиты прав и охраняемых законом интересов иных собственников многоквартирного дома встречаются случаи злоупотребления органами местного самоуправления своим правом обращения в суд с исками о продаже с публичных торгов жилого помещения.

Так, Администрация Петродворцового района Санкт-Петербурга обратилась в Петродворцовый районный суд Санкт-Петербурга с иском к А., в котором истец просил принять решение о продаже комнаты, расположенной в квартире, путем организации публичных торгов [11].

В обоснование заявленных требований истец указал, что квартира, состоит из трех комнат, одна из которых принадлежит ответчику А., а две других находятся в собственности Санкт-Петербурга и являются свободными. Комната ответчика А. и места общего пользования находятся в ветхом состоянии, захламлены, отсутствует сантехническое оборудование. По делу установлено, что в захламленном, антисанитарном состоянии находится вся квартира, а не только комната ответчика.

Таким образом, не только А., но и сособственник квартиры — Администрация Петродворцового района Санкт-Петербурга, должен поддерживать квартиру в надлежащем состоянии, не допуская бесхозяйственного обращения с ней.

К тому же, распоряжением администрации квартира признана непригодной для проживания и подлежит расселению, в связи с чем на администрации лежит обязанность по предоставлению ответчику жилого помещения взамен занимаемого, а не на ответчике - обязанность по приведению помещения в надлежащее состояние.

Учитывая вышеизложенное, встает вопрос о необходимости наделения правом обращения в суд наряду с органом местного самоуправления иных органов государственной власти, а именно прокурора в силу его особого статуса.

В обоснование указанной позиции, отметим, что в соответствии с частью 3 статьи 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор вправе обратиться в суд

с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства [12].

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор может предъявить иск в защиту неопределенного круга лиц [13], причем это его право не связывается с обоснованием невозможности предъявления этого иска гражданами.

Таким образом, прокурор, как должностное лицо, надзирающее за законностью и правопорядком, использующее судебную процедуру в качестве способа осуществления прокурорских функций, может быть дополнительно наделен правом обращения в суд с иском о продаже жилого помещения с публичных торгов, в порядке, предусмотренном статьей 293 ГК РФ.

Некоторые авторы отмечают, что прокурор может выступать дублером и конкурентом государственных органов, которые также по закону могут обращаться с исками в суд [14], однако наделение прокурора подобными полномочиями поможет преодолеть бездействие других компетентных органов.

Резюмируя вышеизложенное, предлагается выделить ряд теоретических и практических выводов:

1. Содержание собственником жилого помещения является не только обязанностью, но и его правом, таким образом, действия или бездействие собственника бесхозяйственно содержимого жилого помещения следует одновременно квалифицировать как злоупотребление правом.
2. Для разрешения правового пробела, законодателю необходимо предусмотреть для данного института гражданско-правовой ответственности специальное понятие «бесхозяйственносодержимое жилое помещение».
3. Ответственность за бесхозяйственно содержимое жилое помещение может являться самостоятельным видом гражданско-

правовой ответственности — вещно-правовой ответственностью.

4. Считаем целесообразным изменить часть 2 статьи 293 ГК РФ, изложив ее в следующей редакции: «2. Если собственник после предупреждения продолжает нарушать права и интересы соседей или использовать жилое помещение не по назначению либо без уважительных причин не произведет необходимый ремонт, суд по иску органа местного самоуправления или прокурора может принять решение о продаже с публичных торгов такого жилого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения.».

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2009.

4. Кудашкин А. В. Жилищное право: учебник. М.: Норма, 2010. 432 с.

5. Цыганова Л. Ю. К вопросу бесхозяйственного обращения с жильем // Жилищное право. 2010. № 10. С. 67–76.

6. Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут, 2007. 255 с.

7. Суслова С. И. Бесхозяйное содержание жилого помещения как основание прекращения права собственности // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы. М.: Статут, 2015. 400 с.

8. Береговая Т. А. Недопустимое осуществление прав пользования жилым помещением и его правовые последствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 51–54.

9. Туманов Д. А. Защита интересов неопределенного круга лиц (отдельные проблемы) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 162–173.

10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.04.2019 № 33а-8458/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

11. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.06.2018 № 33-11930/2018 по делу № 2-412/2018 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

12. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

14. Терехова Л. А. Обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц // Российский судья. 2018. № 5. С. 6–10.

References

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

3. On Some Issues that Have Arisen in Judicial Practice When Applying the Housing Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 2, 2009 No. 14 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 9. 2009.

4. Kudashkin, A. V. Housing Law: A Textbook. Moscow: Norma, 2010. 432 p.

5. Tsyganova, L. Yu. On Mismanagement of Residential Premises // Zhilishchnoye pravo. 2010. No. 10. Pp. 67–76.

6. Mikryukov, V. A. Restrictions and Encumbrances of Civil Rights. Moscow: Statut, 2007. 255 p.

7. Suslova, S. I. Mismanagement of a Residential Premise as a Ground for Termination of a Property Right // Fifth Perm Congress of Legal Scientists: Selected Materials. Moscow: Statut, 2015. 400 p.

8. Beregovaya, T. A. The Incompetent Exercise of Rights to Use Dwelling Premises and Its Legal Consequences // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2015. No. 11. Pp. 51–54.

9. Tumanov, D. A. Court Protection of General Public Interests (Certain Issues) // Proceeding of the Institute of State and Law of the RAS. 2017. Vol. 12. No. 6. Pp. 162–173.

10. Appeal Ruling of the St. Petersburg City Court of April 29, 2019 No. 33a-8458/2019 // Consultant Plus.

11. Appeal Ruling of the St. Petersburg City Court of June 7, 2018 No. 33-11930/2018 in the Case No. 2-412/2018 // Consultant Plus.

12. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472.

13. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

14. Terekhova, L. A. Prosecutor's Recourse to Court for Protection of Public at Large // Russian Judge. 2018. No. 5. Pp. 6–10.

УДК/UDC 336.221

Налоговые преференции для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития

Кедровская Елизавета Антоновна
старший преподаватель кафедры государственного и административного права
Ульяновский государственный университет
г. Ульяновск, Россия
e-mail: elizavetakedr@gmail.com
SPIN-код: 8828-0918

Аннотация

В статье рассмотрены особенности налогообложения на территориях опережающего социально-экономического развития, правового регулирования специальных экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития. Изучены требования, предъявляемые к организациям для получения статуса резидента территорий опережающего социально-экономического развития и права на применение налоговых преференций. Описаны требования, предъявляемые к резидентам территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территории монопрофильных муниципальных образований (моногородов). Рассмотрены налоговые преференции по уплате земельного налога, налога на имущество организаций, налога на добавленную стоимость, налога на прибыль организаций, налога на добычу полезных ископаемых, уплаты страховых взносов. На примере Ульяновской области рассматривается вопрос предоставления дополнительных налоговых преференций на уровне субъектов. Приведено сравнение налоговых ставок с применением льготного режима налогообложения и в общем режиме. Обозначены проблемы, связанные с соблюдением требований к получению и сохранению статуса резидента и применению налоговых преференций, предложены пути их решения.

Ключевые слова: налоговые преференции, налоговые льготы, территории опережающего социально-экономического развития, налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость, налог на добычу полезных ископаемых, тарифы страховых взносов.

Tax Preferences for the Residents of the Territories of Advanced Social and Economic Development

Kedrovskaya Yelizaveta Antonovna
senior lecturer at the Department of State and Administrative Law
Ulyanovsk State University
Ulyanovsk, Russia
e-mail: elizavetakedr@gmail.com
SPIN Code: 8828-0918

Abstract

The article discusses the features of taxation in the territories of advanced social and economic development and legal regulation of the special economic zones and territories of advanced social and economic development. The author considers the requirements which organizations must fulfill in order to obtain the status of a resident of the territories of advanced social and economic development and the right to tax preferences. The article describes the requirements for the residents of the territories of advanced social and economic development created in the territory of single-industry municipalities (monotowns). The tax preferences for payment of land tax, corporate property tax, value added tax, corporate income tax, mineral extraction tax, and insurance premiums are considered. On the example of Ulyanovsk Oblast, the issue of providing additional tax preferences at the level of subjects is considered. The author compares the tax rates under the preferential tax regime and under the general regime, states the problems regarding compliance with the requirements for obtaining and maintaining the status of a resident, and the application of tax preferences, proposing the ways to solve them.

Key words: tax preferences, tax incentives, territories of advanced social and economic development, corporate income tax, value added tax, mineral extraction tax, insurance premium rates.

Территории с особым экономическим режимом получили свое распространение после подписания «Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур» 1973 г. в г. Киото. 3 ноября 2010 г. был принят Федеральный закон № 279-ФЗ «О присоединении РФ к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных

процедур от 18 мая 1973 г. в редакции Протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 г.». Данной конвенцией было введено понятие «свободная зона», означающее«часть территории Договаривающейся Стороны, в пределах которой любые прибывшие на нее товары обычно рассматриваются, в том, что касается импортных пошлин и налогов, как товары, находящиеся за пределами таможенной территории» [1]. Конвенция содержит принципы применения упрощенных таможенных процедур, а также начисления, взимания и уплаты пошлин и налогов. Так, в отношении товаров, допускаемых в свободную зону, может предусматриваться освобождение или возврат от внутренних и импортных пошлин и налогов.

Целями создания специальных экономических зон являются насыщение внутреннего рынка качественной продукцией, производство которой местными товаропроизводителями по тем или иным причинам невозможно или затруднительно, включение национальных хозяйств в глобальное международное разделение труда, внедрение в национальное производство инновационных научно-технических разработок, привлечение инвестиций в регионы, рост занятости. Создание таких зон способствует ускоренному развитию территорий. Представляется, что свободные экономические зоны можно назвать наиболее ярким проявлением стимулирующей функции налоговых преференций, поскольку на данных территориях для стимулирования роста экономики налогоплательщикам предоставляется наибольшее количество льгот и освобождений по сравнению с налогоплательщиками, не являющимися резидентами таких экономических зон.

В Российской Федерации на данный момент существуют четыре особых правовых режима осуществления предпринимательской и иной деятельности на определенных территориях, при этом их существенной чертой является предоставление налоговых преференций резидентам данных территорий и зон.

Первым видом таких территорий стали особые экономические зоны. В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об особых экономических зонах в РФ» от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ под ними понимается часть территории РФ, которая определяется Правительством РФ и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны [2]. В настоящее время в России функционирует 30 особых экономических зон, 13 из которых являются промышленно производственными, 6 - технико-внедренческими, 10 - туристско-рекреационными и 1 - портовой.

Вторым видом являются зоны территориального развития, под которыми согласно Федеральному закону «О зонах территориального развития в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ понимается часть территории субъекта РФ, на которой для ускорения социально-экономического развития субъекта РФ путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику резидентам зоны территориального развития предоставляются меры государственной поддержки [3]. Перечень субъектов РФ, на территориях которых возможно создание зон территориального развития, утверждает Правительство РФ, и в настоящее время создание таких зон разрешено в двадцати субъектах РФ.

Третьим видом специальных экономических зон стала свободная экономическая зона на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Согласно Федеральному закону от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» особый правовой режим на данных территориях включает в себя особенности правового регулирования отношений в сферах привлечения к трудовой деятельности иностранцев, регулирования въезда иностранных граждан в Республику Крым и город федерального значения Севастополь и выезда за их пределы, осуществления деятельности в об-

ласти морского транспорта [4]. Свободная экономическая зона на данной территории создается на двадцать пять лет с возможностью продления этого срока федеральным законом.

И, наконец, четвертым видом специальных экономических зон являются территории опережающего социально-экономического развития (далее — ТОР), которых на данный момент в РФ создано уже более ста.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» под территорией опережающего социально-экономического развития понимается часть территории субъекта РФ, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства РФ установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения [5]. По решению Правительства РФ территории опережающего развития создаются на территории одного или нескольких муниципальных образований в границах одного субъекта РФ сроком на семьдесят лет, который может быть продлен, и сроком на десять лет с возможностью продления на пять лет на территориях моногородов. При этом границы ТОР не могут пересекаться с границами особых экономических зон или зон территориального развития.

По состоянию на первую половину 2020 г. в РФ насчитывается 86 территорий опережающего развития в моногородах, 3 в закрытых административно-территориальных образованиях и 19 на Дальнем Востоке. Результатом функционирования ТОР стало создание свыше 14 тысяч рабочих мест и привлечение инвестиций в размере свыше 24 млрд рублей. Число резидентов ТОР превышает семьсот.

Резидентами ТОР могут стать индивидуальные предприниматели и юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, заключившими соглашение об осуществлении деятельности на данной тер-

ритории, и включенные в реестр ее резидентов. При этом резидентам ТОР запрещено иметь статус участника регионального инвестиционного проекта, а также филиалы и представительства за пределами конкретной ТОР.

Особые требования предъявляются к резидентам ТОР, созданным на территориях моногородов — монопрофильных муниципальных образований. Во-первых, ими не могут быть унитарные предприятия, финансовые организации и градообразующие предприятия, а также их дочерние организации. Во-вторых, юридические лица должны быть зарегистрированы и осуществлять свою деятельность исключительно на территории соответствующего моногорода, а также реализовать инвестиционный проект в соответствии с требованиями, установленными Постановлением Правительства РФ от 22 июня 2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» [6].

Таковыми являются требования:

1. К количеству создаваемых рабочих мест: не менее 20 в течение первого года для вновь образованных юридических лиц и не менее среднесписочной численности работников за последние три года для юридических лиц, уже осуществляющих деятельность на данной территории.
2. Привлечение иностранной рабочей силы возможно лишь в размере, не превышающем четверти от общей численности работников.
3. В течение первого года объем вложения капитала не может быть меньше 5 млн рублей.
4. В общем объеме выручки доля выручки от реализации товаров и услуг градообразующим организациям моногорода не может превышать 50%.
5. Запрещено производить подакцизные товары (за исключением транспортных средств) и осуществлять деятельность в сфере

сделок с недвижимостью, оптовой и розничной торговли, лесозаготовки, связанную с транспортировкой, добычей или производством нефтепродуктов и природного газа, а также деятельность, в которой занято более 20% среднесписочной численности работников всех организаций моногорода.

Резиденты территорий опережающего развития осуществляют свою деятельность в условиях особого правового режима, включающего в себя различные преференции финансового и административного характера: льготные арендные ставки, приоритетное подключение к объектам инфраструктуры, особый порядок предоставления государственных услуг и проведения государственного и муниципального контроля, особый таможенно-тарифный режим и др. Данный правовой режим предусматривает также особый режим налогообложения и освобождение от уплаты отдельных налогов.

Так, п. 8 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» предусматривает освобождение резидентов ТОР от уплаты земельного налога и налога на имущество организаций, ставки по которым могут составлять соответственно до 1,5% и до 2,2%. Стоит отметить, что такое освобождение распространяется только на то имущество и те земельные участки, которые непосредственно связаны с осуществлением деятельности в рамках соглашения по осуществлению деятельности на ТОР.

Помимо этого, предусмотрены также преференции для налога на добавленную стоимость, налога на прибыль организаций, налога на добычу полезных ископаемых и пониженные тарифы страховых взносов. Остановимся на них подробнее.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» на территории опережающего развития применяется процедура свободной таможенной зоны. Товары, реализуемые в рамках данной процедуры, облагаются по нулевой ставке налога на добавленную стоимость (п. 1 ч. 1 ст. 164 Налогового кодекса РФ) [7], в то время как общая став-

ка по данному налогу составляет 20%.Для применения нулевой ставки организация-резидент предоставляет в налоговые органы:

1. Копию или контракт с резидентом ТОР.
2. Копию свидетельства о регистрации в качестве резидента ТОР.
3. Таможенную декларацию с отметками о выпуске товаров в соответствии с таможенной процедурой свободной таможенной зоны либо ее копию.

В случае если НДС был уплачен, предусмотрен заявительный порядок его возмещения до завершения камеральной налоговой проверки, проводимой на основе налоговой декларации. Заявление о применении заявительного порядка возмещения налога подается в течение пяти дней со дня подачи налоговой декларации, и в случае отсутствия у налогоплательщика недоимок по налогам, задолженностей по пеням и штрафам, в течение еще пяти дней заявление о возврате НДС может быть удовлетворено. На возврат предусмотрено также пять дней со дня вынесения соответствующего поручения налоговым органом. При этом для возмещения НДС в обычном порядке требуется более длительный срок: до двух месяцев на проведение камеральной налоговой проверки, до семи дней на принятие решения о возмещении и еще пять дней на возврат.

Стандартная ставка по налогу на прибыль организаций устанавливается в размере 20%, из которых 2% (или 3% в 2017–2024 гг.) зачисляются в федеральный бюджет, а оставшиеся 18% или 17% — в бюджет субъекта РФ.

Для резидентов ТОР по налогу на прибыль предусмотрена в течение первых пяти лет нулевая ставка в части налога, подлежащего зачислению в федеральный бюджет, и возможность установления субъектами пониженной налоговой ставки в части налога, подлежащего зачислению в бюджет субъекта РФ. При этом ставка налога, подлежащего зачислению в региональный бюджет, не может превышать 5% в течение первых пяти лет и 10% в течение следующих пяти лет.Ставка налога в части зачисления в федеральный бюджет применяется ко всей налоговой базе, в то время как ставка в части налога, зачисляемого в бюджет региона,

применяется только к налоговой базе от деятельности, которая осуществляется при исполнении соглашения.

Ст. 284.4 Налогового кодекса РФ предусмотрен ряд требований к налогоплательщикам-резидентам для применения данных налоговых ставок:

1. Налогоплательщик должен быть зарегистрирован в качестве юридического лица на ТОР и не иметь в своем составе обособленных подразделений за пределами соответствующей территории.
2. Налогоплательщик не должен являться участником консолидированной группы налогоплательщиков или применять специальные налоговые режимы.
3. Доходы от деятельности на ТОР должны составлять более 90%всех доходов, учитываемых при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций. Если же такие доходы составляют менее 90%, то применяются общие ставки по налогу на прибыль [8].
4. Раздельное ведение учета доходов и расходов, полученных от деятельности, осуществляемой при исполнении соглашения об осуществлении деятельности, и осуществления иной деятельности.

По налогу на добычу полезных ископаемых в соответствии со ст. 342.3 Налогового кодекса РФ предусмотрен коэффициент, характеризующий территорию добычи полезного ископаемого, применять который вправе организации-резиденты ТОР. Данный коэффициент составляет 0 в течение первых двух лет и постепенно увеличивается с шагом 0,2 каждые два года, то есть на протяжении первых десяти лет, пока не достигает 1. При расчете налога, подлежащего к уплате, налоговая ставка умножается на данный коэффициент, таким образом на протяжении первых двух лет осуществления деятельности резидентом ТОР может применяться нулевая ставка по налогу на добычу полезных ископаемых, а на протяжении последующих восьми лет — пониженная на 80%, 60%,

40% и 20% соответственно с шагом два года (двадцать четыре налоговых периода, исчисляемых месяцами).

Статья 427 Налогового кодекса РФ предусматривает пониженные тарифы страховых взносов в том числе для резидентов территорий опережающего развития в размере 6% на обязательное пенсионное страхование, 1,5% на обязательное социальное страхование и 0,1% на обязательное медицинское страхование. Итого общая сумма страховых взносов для резидентов ТОР составляет 7,6%, в то время как в общем режиме тарифные взносы достигают 30%.

Данные тарифы применяются в течение первых десяти лет со дня получения статуса резидента ТОР и только в отношении базы взносов для физических лиц, занятых на новых рабочих местах, впервые созданных в рамках соглашения об осуществлении деятельности на ТОР. Соответственно, трудовые обязанности данных работников должны быть напрямую связаны с осуществлением деятельности, связанной с исполнением соглашения.

При этом для резидентов ТОР, расположенной на территории Дальневосточного федерального округа, пониженные тарифы применяются, если объем инвестиций в соответствии с соглашением составляет более 500 тысяч рублей и статус резидента будет получен не позднее 31 декабря 2025 г.

Законодательством субъектов РФ могут предусматриваться и иные налоговые преференции для резидентов ТОР. Так, в соответствии с Законом Ульяновской области «О транспортном налоге в Ульяновской области» №130-ЗО от 6 сентября 2007 г. организации-резиденты ТОР на основании выписки из реестра резидентов имеют право на применение льготы в виде полного освобождения от уплаты транспортного налога на протяжении пяти налоговых периодов с даты включения в реестр резидентов ТОР [9]. Аналогичные положения действуют в ряде других регионов страны.

Вместе с тем предоставление таких налоговых послаблений сопряжено с рядом проблем.

Во-первых, требования к резидентам ТОР для получения и сохранения статуса резидента достаточно жесткие. Так, соглашение об осуществлении деятельности может быть расторгнуто, в частности, если резидент не осуществил капитальные вложения в сроки и в объемах, предусмотренных соглашением. При этом, как уже упоминалось выше, объем капитальных вложений для резидентов ТОР в моногородах — 5 млн рублей в течение первого года. В текущей эпидемиологической ситуации, в связи с введением режима повышенной готовности субъектами, многие производства простаивали или же вынуждены были работать не в полную мощность, что, несомненно, оказало негативное влияние на экономические показатели. Как следствие, выполнение требований по своевременному осуществлению всего объема капитальных вложений может оказаться для предприятий весьма затруднительным. Аналогичная ситуация и с соблюдением требований по максимальному порогу выручки от градообразующих предприятий и по созданию новых рабочих мест. Если же соглашение будет расторгнуто в принудительном порядке, то расходы, понесенные резидентом в связи с его выполнением, ему не будут возмещены, и в то же время у него возникнет обязанность уплатить все неуплаченные ранее суммы налогов. Решением данной проблемы видится предоставление предприятиям льготных кредитов на выполнение этих условий, однако в данный момент льготные кредиты выдаются либо резидентам дальневосточных ТОР [10], либо организациям, осуществляющим деятельность в тех отраслях экономики, которые признаны наиболее пострадавшими от распространения коронавирусной инфекции [11].

Во-вторых, достаточно жесткие требования предъявляются и к применению некоторых налоговых льгот. Так, если для применения льгот по земельному налогу, налогу на добычу полезных ископаемых и налогу на имущество организаций достаточно самого статуса резидентства либо использования земли или имущества непосредственно в деятельности по осуществлению соглашения, то для применения остальных льгот требования более существенны. Представляется завышенным порог в 90% дохода от деятельности на территории опережающего раз-

вития для применения льготной ставки налога на прибыль. Видится целесообразным понижение данного порога до 75–80%. Распространение пониженных тарифов страховых взносов только на базу взносов в отношении физических лиц, занятых на вновь созданных рабочих местах, может привести к несправедливому распределению заработной платы: заниженному окладу работников, занятых на уже существовавших рабочих местах. Возможным решением видится распространение пониженных тарифных ставок на базу взносов по всем работникам, занятым в деятельности по осуществлению соглашения при соблюдении условия по созданию определенного количества новых рабочих мест.

В-третьих, предоставление самих налоговых преференций ведет к выпадению налоговых доходов из бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ. Особенно обременительной представляется нагрузка на бюджеты субъектов РФ, где существенной частью налоговых доходов являются поступления от уплаты налога на прибыль. Да, представляется, что создание ТОР способствует появлению новых рабочих мест, развитию экономики региона и в итоге должно привести к увеличению налоговых поступлений в бюджет. Однако существующие методики оценки эффективности ТОР не учитывают уровень выпадающих доходов и не дают возможности оценить их соотношение с результатами существования ТОР. Учет выпадающих налоговых доходов позволил бы более объективно оценивать эффективность существования ТОР, однако возложение на предприятия дополнительной обязанности по учету налоговых платежей, которые могли бы быть уплачены в общем режиме, приведет лишь к обременению самого предприятия дополнительной отчетностью.

Таким образом, территории опережающего социально-экономического развития, являясь одним из видов специальных экономических зон, представляют для налогоплательщиков-резидентов целый ряд налоговых преференций, позволяя направлять высвободившиеся средства на развитие предприятия. В то же время требования для получения статуса резидента и применения налоговых льгот являются достаточно жесткими, а их невыполнение или ненадлежащее выполнение может повлечь

за собой утрату статуса резидентства и возникновение обязанности по уплате ранее неуплаченных сумм налогов.

Список литературы

1. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18.05.1973 (в ред. Протокола от 26.06.1999) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (в ред. от 18.07.2017) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3. О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2011 № 392-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный закон от 29.11.2014 № 377-ФЗ (в ред. от 25.12.2018) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерациот 29.12.2014 № 473-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 № 614 (в ред. от 26.04.2017) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 21.05.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 20.03.2015 № 03-03-10/15503 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

9. О транспортном налоге в Ульяновской области: закон Ульяновской области от 06.09.2007 № 130-ЗО (в ред. от 25.01.2018) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

10. Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным резидентам территорий опережающего социально-

экономического развития и свободного порта Владивосток на реализацию инвестиционных проектов на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, по льготной ставке, и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2013 г. № 810: Постановление Правительства РФ от 25.12.2019 № 1818 (в ред. от 23.05.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

11. Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 (в ред. от 12.05.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

References

1. International Convention on the Simplification and Harmonisation of Customs Procedures (Kyoto Convention) of May 18, 1973 (as amended by the Protocol of June 26, 1999) // Consultant Plus.

2. On Special Economic Areas in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of July 22, 2005 No. 116-FZ (as amended on July 18, 2017) // Consultant Plus.

3. On Areas of Territorial Development in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 3, 2011 No. 392-FZ (as amended on April 24, 2020) // Consultant Plus.

4. On the Development of the Republic of Crimea and the City of Federal Importance of Sevastopol and on the Free Economic Zone in the Territories of the Republic of Crimea and the City of Federal Importance of Sevastopol: Federal Law of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 377-FZ (as amended on December 25, 2018) // Consultant Plus.

5. On Territories of Advanced Social and Economic Development in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2014 No. 473-FZ (as amended on July 26, 2019) // Consultant Plus.

6. On the Peculiarities of Creating the Territories of Priority Social and Economic Development in the Territories of Single-Industry Municipalities of the Russian Federation (Monotowns): Decree of the Government of the Russian Federation. Federation of June 22, 2015 No. 614 (as amended on April 26, 2017) // Consultant Plus.

7. The Tax Code of the Russian Federation (Part Two): F Federal Law of the Russian Federation of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on May 21, 2020) // Consultant Plus.

8. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of March 20, 2015 No. 03-03-10/15503 // Consultant Plus.

9. On the Transport Tax in Ulyanovsk Oblast: Law of Ulyanovsk Oblast of September 6, 2007 No. 130-ZO (as amended on January 25, 2018) // Consultant Plus.

10. On Approval of the Rules for the Provision of Subsidies From the Federal Budget to Russian Credit Organizations for the Reimbursement of Lost Income on Loans Issued to the Residents of the Territories of Priority Social and Economic Development and the Free Port of Vladivostok for the Implementation of Investment Projects in the Territories of the Constituent Entities of the Russian Federation Which Are Part of the Far Eastern Federal District, at a Preferential Rate, and on Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of September 17, 2013 No. 810: Decree of the Government of the Russian Federation of December 25, 2019 No. 1818 (as amended on May 23, 2020) // Consultant Plus.

11. On the Approval of the List of the Branches of the Russian Economy Severely Affected by the Changing Situation as a Result of the Spread of a New Coronavirus Infection: Decree of the Government of the Russian Federation of April 3, 2020 No. 434 (as amended of May 12, 2020) // Consultant Plus.

УДК/UDC 343.2

Разграничение мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных актами международного и национального законодательства

Корнеев Сергей Александрович
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академия права и управления ФСИН России
г. Рязань, Россия
e-mail: kornei_lam@mail.ru
SPIN-код: 5735-4462

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу мер уголовно-правового воздействия национального и международного уголовного законодательства. В ряде случаев компетенция международных органов правосудия совпадает с полномочиями национальных судебных органов, что приводит к юридической коллизии. В связи с этим в исследовании предлагается разграничение мер, предусмотренных актами международного и национального уголовного законодательства. Компетенция Международного уголовного суда в силу его приоритета, верховенства перед национальными органами правосудия - привлечение к уголовной ответственности в виде наказания лиц, признанных виновными в совершении международных преступлений, относящихся к его юрисдикции. Компетенция национальных органов власти - назначение мер уголовно-правового воздействия, смягчение уголовной ответственности и наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, решение вопроса о вменяемости/невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, и др.

Ключевые слова: международное уголовное право, международный орган правосудия, международный уголовный трибунал, уголовно-правовое воздействие, меры уголовно-правового воздействия.

Differentiation of the Measures of Criminal Legal Pressure Provided for by the Acts of International and National Legislation

Korneev Sergey Aleksandrovich
adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia
Ryazan, Russia
e-mail: kornei_lam@mail.ru
SPIN Code: 5735-4462

Abstract

This article considers the measures of criminal legal pressure of national and international criminal legislation. In some cases, the competence of international judicial bodies coincides with the powers of national judicial bodies, which leads to a legal conflict. In this regard, the study suggests a distinction between the measures provided for by the acts of international and national criminal legislation. The competence of the International Criminal Court, by virtue of its priority and supremacy over national justice bodies, is to bring the persons found guilty of international crimes within its jurisdiction to criminal responsibility in the form of punishment. The competence of national authorities is to prescribe the measures of criminal legal pressure, mitigate criminal responsibility and punishment, release from criminal responsibility and punishment, resolve the issue of sanity/insanity of a person who has committed a socially dangerous act etc.

Key words: international criminal law, international body of justice, international criminal tribunal, criminal legal pressure, measures of criminal legal pressure.

На разных этапах становления и развития государства совершались преступления, которые нарушали основополагающие нормы международного права, затрагивали интересы всего международного сообщества и посягали на международный правопорядок в целом, что определило необходимость их регулирования как национальным законодательством, так и международным сообществом. Для привлечения к ответственности лиц, совершивших международные преступления против человечества, создавались специализированные интернациональные

судебные органы - международные трибуналы, представляющие собой утвержденные соглашением, специальной прокламацией либо резолюцией ООН временные или действующие на постоянной основе международные органы, осуществляющие правосудие в отношении лиц, совершивших международные преступления.

Цели данного органа правосудия заключались в решении вопроса виновности указанных лиц; защите жертв и всего международного сообщества от угрозы причинения вреда в результате совершения международных преступлений; предупреждении международных преступлений, восстановлении и поддержании на этой основе международного мира и безопасности [1, с. 41].

Каждый из международных уголовных органов содержит устав (статут), который закрепляет материальные, организационные и процессуальные основы его деятельности. Таким образом, применительно к отечественному законодательству, устав (статут) является комплексным межотраслевым нормативным актом, содержащим нормы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного права.

В своей деятельности международные уголовные органы, помимо положений утвержденного устава (статута), руководствуются международными договорами, принципами и нормами международного права. В исключительных случаях - общими принципами права, закрепленными в соответствующих национальных законах государств [1, с. 41].

Первым в истории международного уголовного права был учрежден Нюрнбергский международный трибунал в соответствие с Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г. между правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников Второй мировой войны. Одновременно с соглашением был принят Устав трибунала, устанавливающий правила и процедуры проведения Нюрнбергского процесса. За совершение преступлений (против мира, против человечности и военные преступления) Устав Нюрнбергско-

го международного трибунала предусматривал возможность назначения смертной казни или иных уголовных наказаний (ст. 27) [2, с. 163–165].

Вторым, аналогичным по своей сущности, структуре, юрисдикции и санкциям, в истории международного уголовного права был созданный 19 января 1946 г. Международный военный трибунал для Дальнего Востока, учрежденный специальной прокламацией, изданной главнокомандующим оккупационными войсками в Японии генералом Д. Макартуром [3, с. 79–86]. Таким образом, международное уголовно-правовое воздействие, реализуемое по решениям указанных международных органов, осуществляющих правосудие в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, отождествлялось исключительно с уголовным наказанием.

В 1993 г. был создан Международный трибунал по бывшей Югославии (далее - МТБЮ), а в 1994 г. - Международный трибунал по Руанде (далее - МТР), учрежденные Резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 и № 955 соответственно [4]. Оба трибунала были образованы на основании гл. 7 «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» Устава ООН и являются adhoc («специально для этого», «по особому случаю») судебными органами. Формулируя материально-правовые основы деятельности МТБЮ и МТР, их Уставы определили, что основная задача трибуналов состоит в осуществлении судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия с 1 января 1991 г., а на территории Руанды - с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. Соответственно, функционирование перечисленных международных судебных органов прекращается после решения поставленной цели - определение меры ответственности лицам, виновным в совершении преступлений против мира и безопасности человечества.

За совершение международных преступлений (МТР: геноцид, преступления против человечности, серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г.; к юрисдикции МТБЮ, помимо указанных, было отнесено

нарушение законов и обычаев войны) Уставами предусматривалась возможность назначения наказаний в виде тюремного заключения; возвращения законным владельцам любого имущества и доходов, приобретенных в результате преступного поведения, в т. ч. путем принуждения (ст. 24 Устава МТБЮ, ст. 23 Устава МТР); личная уголовная ответственность (ст. 7 Устава МТБЮ, ст. 6 Устава МТР) [5; 6]. Под последней понимается ответственность лица, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало в подготовке или совершении международного преступления. Исходя из вышеизложенного, следует признать, что международное уголовно-правовое воздействие этого периода носит менее репрессивный характер в сравнении с первыми международными трибуналами, т. к. из его содержания был исключен вид наказания в виде смертной казни и в то же время закреплена мера уголовно-правового характера, не относящаяся к видам наказания. Таким образом, международное уголовно-правовое воздействие было реализовано в форме уголовной ответственности как более широкой и объемной категории уголовного права.

Устав Специального суда по Сьерра-Леоне, учрежденного в 2002 г. на основании Соглашения между ООН и правительством Сьерра-Леоне во исполнение Резолюции 1315 (2000) Совета Безопасности ООН от 14 августа 2000г. [7, с. 308], предусматривал за совершение преступлений(против человечества, военных преступлений и других серьезных нарушений международного гуманитарного права, а также в отношении предусмотренных соответствующим законодательством Сьерра-Леоне преступлений, совершенных на территории Сьерра-Леоне с 30 ноября 1996 г.) уголовно-правовое воздействие в виде наказания (ст. 19) и личной уголовной ответственности (ст. 6). Под последней понимается ответственность лица, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или соучаствовало в планировании, подготовке или совершения международного преступления вне зависимости от его должностного положения.

Помимо этого, рассматриваемый орган правосудия обладает юрисдикцией над лицами, достигшими возраста 15 лет (ст. 7) [8]. Уголовно-правовое воздействие в отношении лиц в возрасте 15–18 лет сводится к уходу, опеке и надзору, общинным работам, программам консультирования, передаче на воспитание, программам исправления, просвещения и профессионально-технического обучения. Целями применения данных мер уголовно-правового воздействия являются реабилитация, реинтеграция в общество и выполнение в нем конструктивной роли в соответствии с международными стандартами прав человека, в особенности прав детей. Данная мера уголовно-правового воздействия имеет схожие черты с иными мерами уголовно-правового характера, закрепленными в УК РФ, и напоминает по содержанию прообраз отечественных принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90–92 УК РФ).

Устав Специального трибунала по Ливану за совершение преступлений, относящихся к его юрисдикции, предусматривает уголовно-правовое воздействие в виде индивидуальной уголовной ответственности (ст. 3), наказания в виде лишения свободы (ст. 24) и компенсацию потерпевшим (ст. 25) [9]. Под индивидуальной уголовной ответственностью Устав понимает ответственность лица, которое совершило преступление, участвовало в его совершении в качестве соучастника, организовывало или направляло других лиц с целью его совершения или любым иным способом внесло вклад в совершение преступления.

Коллегии с исключительной юрисдикцией, учрежденные Временной администрацией ООН в Восточном Тиморе, по справедливому утверждению И. Бантекаса и С. Нэша, создавались в национальных судах общей юрисдикции по принципу «суд в суде» с целью преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений. Такие «интернационализированные местные уголовные трибуналы» являются составной частью национальной судебной системы [10, с. 557–584].

За совершение преступлений (геноцида, военных преступлений, против человечности, убийств, сексуальных преступлений и пыток, совершенных в период с 1 января по 25 октября 1999 г.) Устав данно-

го судебного органа предусматривает возможность назначения наказания в виде тюремного заключения на определенный срок, но не более 25 лет; штраф в размере не свыше 500 000 долл. США; конфискацию доходов, имущества и денежных средств, прямо или косвенно полученных в результате преступления (ст. 10). Приведенный Устав содержит ряд международно-правовых новелл: им предусматривается освобождение от уголовной ответственности (ст. 19) [11, с. 201–214]. Так, уголовной ответственности не подлежит лицо, которое в момент совершения деяния страдало психическим расстройством и которое в силу своего заболевания не способно осознавать общественную опасность своего деяния; находилось в состоянии интоксикации, что также лишает его возможности осознавать противоправность своего поведения; действовало разумно для защиты себя, другого лица или особо важного для выживания данного лица имущества от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу, другому лицу или имуществу; деяние является вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти либо причинения тяжких телесных повреждений для него самого или других лиц при условии, что оно не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить [11, с. 212].

Таким образом, приведенный институт частично дублирует положения отечественного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), о лицах, подлежащих уголовной ответственности (гл. 4 УК РФ), однако не имеет ничего общего с институтом освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ).

Действующим в настоящее время судебным органом международного сообщества является Международный уголовный суд. Статут суда, вступивший в силу 1 июля 2002 г., предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок (не более 30 лет); пожизненного лишения свободы; штрафа; конфискации имущества, доходов и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления; индивидуальную уголовную ответственность (ст. 25);

уголовную ответственность командиров и начальников (ч. 3 ст. 28 Статута). Подобным образом Статут суда предусматривает виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 31 Статута), однако не закрепляет положения об уголовной ответственности несовершеннолетних, т. к. не распространяется на деяния, совершенные представителями указанной категории граждан (ст. 26) [12].

Особенностью современных моделей уставов международных органов правосудия является закрепление основания освобождения от уголовной ответственности ввиду психического расстройства лица, совершившего преступление. Отметим, что данная новелла не нашла своего закрепления в отечественном уголовном праве. В случае совершения лицом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости отсутствует состав преступления, что подразумевает исключение уголовной ответственности ввиду отсутствия ее основания (ст. 8 УК РФ). Следовательно, норма международного уголовного права об освобождении от уголовной ответственности лиц, страдающих психическим расстройством, порождает ряд вопросов относительно целесообразности ее закрепления в основных источниках международных органов правосудия.

С одной стороны, международное уголовно-правовое воздействие, определяемое решениями приведенных международных органов правосудия, отождествляется с национальным, т. к. в его содержание включаются меры, реализацию которых необходимо рассматривать за пределами уголовной ответственности (юрисдикция специального суда по Сьерра-Леоне над лицами возраста 15–18 лет). С другой стороны, действующий на постоянной основе Международный уголовный суд не закрепляет мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное Римским Статутом, однако содержит виды оснований освобождения от уголовной ответственности.

Отсутствие мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, страдающих психическим

расстройством, в международном уголовном праве обусловлено рядом факторов. Так, к компетенции Международного уголовного суда относятся вопросы определения ответственности за отдельные преступления против мира и безопасности человечества: планирование, подготовка или ведение агрессивной войны, публичные призывы к ее развязыванию; реабилитация нацизма; разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; применение запрещенных средств и методов ведения войны; геноцид; экоцид; наемничество; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой; акт международного терроризма.

Считаем, что лицо, страдающее психическим расстройством, в силу своего душевного состояния или несовершеннолетний в силу своей социальной незрелости не в состоянии совершить подобного рода преступления. В крайнем же случае освобождение от уголовной ответственности данных категорий лиц, назначение им соответствующих принудительных мер медицинского характера и воспитательного воздействия определяется на основании норм национального законодательства [13–14].

Наличие видов оснований освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних лиц и лиц, страдающих психическим расстройством, в международном уголовном праве, по нашему мнению, является неправильным. Смягчение уголовной ответственности и наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, решение вопроса о вменяемости/невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние и пр. - это предмет национального правового регулирования, а не международного. Считаем, что международное уголовное право не должно регулировать вопросы, относящиеся к исключительной компетенции национальных судебных органов.

В силу своего приоритета, верховенства перед национальными органами правосудия, степени общественной опасности совершаемых преступлений международного характера компетенция Международного уголовного суда заключается в квалификации действий (бездействий), содержащих в себе признаки состава соответствующего международно-

го преступления, а также в определении меры ответственности за его совершение (наказание).

Назначение других мер уголовно-правового воздействия, например штрафа, конфискации имущества, доходов и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления,- прерогатива законодательства государства, гражданином которого является преступник.

Список литературы

1. Ведерникова О. Н. Современные модели международного уголовного правосудия // Наука и жизнь Казахстана. 2012. № 2. С. 40–45.

2. Устав Международного военного трибунала // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. № 11. 199 с.

3. Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. № 12. 199 с.

4. Резолюция 827 (1993), принятая Советом Безопасности ООН на его 3217-м заседании 25 мая 1993 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org (дата обращения: 21.05.2020).

5. Report of the Secretary-General pursuant to paragraph 2 of Security Council resolution 808 (1993) // United Nations Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/166504 (дата обращения: 21.05.2020).

6. Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org (дата обращения: 21.05.2020).

7. Волеводз А. Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 305–323.

8. Устав Специального суда по Сьерра-Леоне // Официальный сайт Специального суда по Сьерра-Леоне. URL: http://www.rscsl.org (дата обращения: 21.05.2020).

9. Устав Специального трибунала по Ливану // Официальный сайт Специального трибунала по Ливану. URL: https://www.stl-tsl.org (дата обращения: 21.05.2020).

10. Bantekas, I., Nash, S. International Criminal Law. London: Routledge-Cavendish, 2007. 640 p.

11. Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. 536 с.

12. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Справочно-правовая система «Гарант».

13. Lapshin, V. F., Korneev, S. A. Social Distributional Aspect of Penal Actions // E3S Web of Conferences. 2019. 135. 04063. 10.1051/e3sconf/201913504063. Pp. 1–11.

14. Корнеев С. А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 64–72.

References

1. Vedernikova, O. N. Modern Models of International Criminal Justice // Science and Life of Kazakhstan. 2012. No. 2. Pp. 40–45.

2. Charter of the International Military Tribunal // Collection of the Existing Treaties, Agreements, and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Moscow, 1955. No. 11. 199 p.

3. Collection of the Existing Treaties, Agreements, and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Moscow, 1956. No. 12. 199 p.

4. UN Security Council resolution 827 (1993) of May 25, 1993 // United Nations. URL: https://www.un.org (access date: May 21, 2020).

5. Report of the Secretary-General pursuant to paragraph 2 of Security Council resolution 808 (1993) // United Nations Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/166504 (access date: May 21, 2020).

6. UN Security Council resolution 955 (1994) of November 8, 1994 // United Nations. URL: https://www.un.org (access date: May 21, 2020).

7. Volevodz, A. G. The Modern System of International Criminal Justice: Concept, Legal Basis, Structure, and Features // International Criminal Justice: Modern Problems / Edited by G. I. Bogush, Ye. N. Trikoz. Moscow: Institute for Law and Public Policy, 2009. Pp. 305–323.

8. Charter of the Special Court for Sierra Leone // Special Court for Sierra Leone. URL: http://www.rscsl.org (access date: May 21, 2020).

9. Charter of the Special Court for Lebanon // Special Tribunal for Lebanon. URL: https://www.stl-tsl.org (access date: May 21, 2020).

10. Bantekas, I., Nash, S. International Criminal Law. London: Routledge-Cavendish, 2007. 640 p.

11. Volevodz, A. G., Volevodz, V. A. The Modern System of International Criminal Justice. Moscow, 2009. 536 p.

12. Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, July 17, 1998) // Garant.

13. Lapshin, V. F., Korneev, S. A. Social Distributional Aspect of Penal Actions // E3S Web of Conferences. 2019. 135. 04063. 10.1051/e3sconf/201913504063. Pp. 1–11.

14. Korneev, S. A. The Criminal Law Measures not Related to Criminal Liability // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. No. 3. Pp. 64–72.

УДК/UDC 347.78.025

Специфика творчества в произведениях науки, литературы и искусства как условия предоставления им авторско-правовой охраны

Копылов Андрей Юрьевич
старший преподаватель кафедры гражданского права, аналитик научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права»
Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск, Россия
e-mail: akop67@mail.ru
SPIN-код: 9831-2862

Аннотация

Действующее законодательство и практика его применения закрепляют общий критерий охраноспособности произведений науки, литературы и искусства без учета специфики его проявления в каждой отдельной сфере регулирования. При этом различные виды творчества — научное, литературное и художественное оказывают прямое воздействие на условия охраноспособности отдельных видов произведений с точки зрения их содержания и формы. В результате проведенного исследования установлено, что творчество в научной сфере характеризуется строго целевой направленностью и ценность произведений науки определяется содержанием — теми научными идеями, которые воплощаются в определенной концепции. В сфере литературного творчества автором предложена идея различать литературные произведения по отношению к произведениям художественной литературы как их отдельным видам. Критерием такого разграничения выступает содержание, определяемое спецификой художественного творчества, результат которого отображает реальную или вымышленную действительность посредством используемых писателем художественных образов и иных выразительных средств. Установлено, что еще менее универсальным этот критерий будет для различных видов произведений искусства, неисчерпывающий перечень которых содержится в ст. 1259 ГК РФ. Именно поэтому он выстраивается с учетом наличия объема творческого начала.

Ключевые слова: творчество и творческая деятельность; произведения науки, литературы и искусства; форма и содержания произведения; авторские права.

The Specifics of Creativity in the Works of Science, Literature, and Art as a Condition for Granting Copyright Protection to These Works

Kopylov Andrey Yuryevich
senior lecturer at the Department of Civil Law, analyst at the Intellectual Property and Intellectual Rights Scientific and Educational Center
National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia
e-mail: akop67@mail.ru

Abstract

Current legislation and the practice of its application establish a general criterion for the protection of works of science, literature, and art without taking into account the specifics of its manifestation in each individual area of regulation. Moreover, various types of creativity—scientific, literary, and artistic—have a direct impact on the conditions for the protection of individual types of works in terms of their content and form. As a result of the study, it was found that creativity in the scientific field is characterized by a strictly targeted orientation and the value of works of science is determined by the content—those scientific ideas that are embodied in a certain concept. In the field of literary creativity, the author proposed the idea of distinguishing literary works in relation to works of fiction as their separate types. The criterion for such a distinction is the content determined by the specifics of artistic creation, the result of which reflects real or imaginary reality through the use of artistic images and other expressive means by the writer. According to the author, this criterion will be even less universal for various types of works of art, a non-exhaustive list of which is contained in Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation. That is why it is built taking into account the presence of the volume of creativity.

Key words: creativity and creative activity; works of science, literature, and art; form and content of the work; copyright.

Критерий творчества является универсальным признаком любого произведения независимо от сферы интеллектуальной деятельности, к которым можно отнести науку, литературу и искусство, выделяя при

этом традиционную триаду охраняемых произведений: произведения науки, литературы и искусства (п. 1 ст. 1259 ГК РФ).

Творческий характер научной деятельности не вызывает сомнений, поскольку п. 1 ст. 44 Конституции РФ каждому гарантирует среди прочих творческих свобод и свободу научного творчества [1]. Произведения науки являются результатом научного творчества, которое обладает определенными особенностями. Целью научной деятельности является как познание явлений объективной реальности, так и поиск способов и решений для осуществления процесса познания. Согласно ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» научная деятельность определяется как получение и применение новых знаний [2]. Результатом такой деятельности является научное произведение, которое нормативно определяется как «охраняемый законом результат интеллектуальной деятельности, полученный в ходе самостоятельного творческого труда физического лица (группы лиц) в сфере науки, выраженный в какой-либо объективной форме и содержащий новое научное знание» [3].

Следует отметить, что в литературе отсутствует единая трактовка понятия «произведение науки (научное произведение)». Это объясняется спецификой научно–исследовательской деятельности, которая не является универсальной и может выражаться как в фундаментальных, так и прикладных исследованиях. Произведение науки (научное произведение) является продуктом особого исследовательского творчества, цель которого заключается как в приобретении новых знаний, так и в выработке новых аксиоматичных понятий. Поэтому творчество в этой сфере носит строго целевой характер, оно направлено на получение нового объективного научного знания, которое подтверждается проведенными исследованиями. Ценность полученного знания имеет принципиальное значение как для развития самой науки, так и для решения прикладных задач, которые ставятся перед учеными. Именно эта особенность позволяет нам разграничить научное и литературно–художественное творчество, сферу объективного знания и сферу эстетики. Для уяснения сути этого разгра-

ничения необходимо обратить внимание на то, что норма п. 1 ст. 1259 ГК РФ закрепляет доктринальное положение о том, что авторским правом охраняются любые произведения независимо от их достоинств и назначения.

Достоинство произведения обусловлено уровнем творческой активности конкретного автора, воплощенной в конкретном результате, в этом и состоит его «творческая ценность». Критерием такой оценки является мнение публики, отзывы специалистов, литературных, музыкальных и иных критиков, с помощью которых уровень такого творчества определяется как высокий, средний или низкий. Но даже если произведение не удовлетворяет эстетическим запросам публики, то оно не утрачивают свойств охраняемого правом объекта интеллектуальной собственности. Таким образом, авторское право исходит из принципа «эстетической нейтральности» при оценке произведения с точки зрения критерия творчества [4, с. 68], в основе этой нейтральности лежит конституционная гарантия свободы творчества, закрепленная в п. 1 ст. 44 Конституции РФ.

Назначение произведения определяется той целью, которую ставит перед собой автор, воплощая свою идею в художественных образах, позволяющих воздействовать на чувства публики, причем как высокие, так и низкие. Следует отметить, что если относительно достоинства произведения «безразличность» авторского права не вызывала сомнений, поскольку закон не ставил и не ставит перед собой цель выступать в качестве литературного или художественного критика, то в отношении назначения в советский период некоторые авторы пытались обосновать тезис о назначении произведения как условии получения им авторско — правовой охраны [5, с. 62]. Но большинство исследователей все же придерживались нейтральности авторского права в этом вопросе и не признавали наличие или отсутствие признаков «общественной полезности» в качестве условия охраноспособности.

По мнению Э. П. Гаврилова, «авторов произведений антисоциальной направленности можно преследовать в административном или уго-

ловном порядке, но авторским правом они должны охраняться» [6, с. 223].

Поэтому научные произведения, равно как и произведения художественного творчества, также охраняются авторским правом независимо от их ценности для развития самой науки и научно-технического прогресса. Содержащиеся в них понятия, идеи, выводы и решения имеют особую ценность и значимость. Поэтому их отсутствие или низкое качество полученного результата нивелирует саму деятельность конкретного ученого.

Так же существует особый вид научных произведений — это диссертации на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук. На особый характер подобных произведений обращал внимание Э. П. Гаврилов, отмечая несовпадение принципов традиционного авторского права и так называемого «диссертационного права» [6, с. 246]. По мнению ученого авторское право не может в полной мере выполнять свои охранительные функции в отношении диссертационных работ, в силу того, что для достижения поставленных диссертантами целей учитывается именно их содержание, которое как раз авторским правом в силу п. 5 ст. 1259 ГК РФ не охраняется. Такая же ценность содержания характерна для научных статей, публикуемых в некоторых ведущих научных изданиях, которые предъявляют требования к их назначению и достоинствам.

Выдвинутый ученым тезис о необходимости формирования особого «диссертационного права» безусловно оправдан, поскольку диссертационное исследование, действительно, по ряду признаков отличается от традиционных произведений именно тем, что оно должно соответствовать императивным требованиям — предписаниям в отношении содержания: идей, принципов, методов, процессов, систем, способов решений технических, организационных и иных задач. Но это не значит, что диссертационные работы, не соответствующие этим требованиям не будут охраняться авторским правом. Соискатель, в отношении которого диссертационный совет не счел обоснованным принять решение о присвоении ученой степени, не лишен возможности использовать свое произве-

дение способами, определенными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Не оспоримым является наличие у него всего комплекса авторских прав, закрепленных в ст. 1255 ГК РФ. Все сказанное в полной мере можно отнести и к статьям, которые по своему уровню не соответствуют требованиям ведущих научных изданий.

Именно в отношении диссертаций как научных произведений объективно сложился двойственный правовой режим. Безусловно они подлежат авторско-правовой охране, в силу которой авторские права их авторов признаются и защищаются. В тоже время им присущ особый правовой режим, природа которого является сложной, с точки зрения его отраслевой принадлежности, а регулирование соответствующих отношений осуществляется подзаконными нормативными актами [7].

Специфика научных произведений состоит в том, что в отличие от произведений литературы и искусства, их ценность определяется, прежде всего, содержанием (научными идеями), воплощаемым в определенную концепцию и облекаемым в определенную литературную форму [8, с. 27]. Именно в силу специфики содержания научное произведение можно определить как выраженную в объективной форме систему идей, понятий и выводов, сформулированных автором с целью решения фундаментальной и (или) прикладной научной задачи.

Вторым исследуемым объектом авторских прав является «произведение литературы». При этом вп. 1 ст. 1259 ГК РФ первым видом охраняемых объектов поименованы литературные произведения. В этой связи возникает вопрос о соотношении объемов понятий «произведение литературы» и «литературное произведение». В широком смысле, безотносительно к отдельным видам интеллектуальной деятельности, термин литература (от лат. Littera — буква) означает совокупность любых письменных текстов, независимо от их содержания. При этом в литературоведении художественную литературу определяют либо как множество литературных произведений, каждое из которых представляет собой самостоятельное целое, соотнося таком образом понятия «литература» и «литературное произведение» как общее и частное [9, с.104], либо как

вид искусства, направленного на восприятие и осмысление действительности, с последующим ее изображением как процесса [10, с. 449], Среди цивилистов также отсутствует единство мнений по данному вопросу, например, В. Я. Ионас полагал, что литература выступает как «объективно выраженная образная форма отражения действительности средствами письменной художественной речи, а литературное произведение решает конкретную художественную задачу, связанную с этим отражением» [11, с. 35]. Некоторые авторы предлагают включать в объем содержания понятия «литературное произведение» любые результаты, воплощенные в письменной (литтеральной) форме при условии наличия в них признаков оригинальности и новизны [12, с. 163].

Думается, что литературные произведения следует определять как в широком, так и узком смысле. В широком смысле это научные произведения, публицистические произведения и прочие, целью которых является сообщение читающей публике какой либо информации, лежащей вне сферы художественного литературного творчества. Например, научное произведение характеризуется целью ознакомить научное сообщество с принципиально новыми идеями и понятиями, результатами исследований и экспериментов, цель учебного произведения — сообщить учащимся необходимую сумму знаний по изучаемой дисциплине, статья или монография политического характера направлена на сообщение какой либо политической идеологии. В узком смысле это произведения литературного художественного творчества, характерной чертой которых является описание явлений и объектов условных и (или) вымышленных.

Грань между этими видами литературных произведений условна, как условно любое деление. Например, произведения художественного творчества могут быть в определенной степени идеологизированы и политизированы (например, достаточно вспомнить значительный объем литературных произведений советского периода), они могут нести в себе часть какого либо научного знания (примером такого творчества могут служить исторические и научно-фантастические романы). При этом подобные элементы в таких произведениях вторичны, используют-

ся автором в качестве дополнительных выразительных художественных средств, умело вплетены в сюжетную линию и усиливают эмоциональное восприятие таких произведений публикой.

Общим критерием, объединяющим «литературные произведения» и «произведения литературы» является литтеральная форма выражения творческого замысла автора. Литературное произведение с точки зрения этого критерия представляет собой закрепление творческого результата в письменной (литтеральной) форме. Например, нотные записи музыкальных произведений, напечатанные в учебнике или ином издании математические или иные формулы, распечатанные тексты диссертаций по данному критерию можно отнести к литературным произведениям. В этой связи под литературным произведением понимается любой результат творческой деятельности в сфере науки, литературы и искусства, выраженный в литтеральной форме.

Объем содержания понятия «произведение литературы» значительно уже. Его следует трактовать как результат именно литературного художественного творчества, отображающий реальную или вымышленную действительность посредством используемых автором художественных образов и иных выразительных средств, среди которых присутствуют описания действующих лиц — персонажи.

Третьим элементом триады произведений являются произведения искусства. В культурологии и искусствоведении искусство трактуется «как форма культуры, связанная со способностью субъекта к эстетическому освоению жизненного мира, его воспроизведению в образно-символическом ключе при опоре на ресурсы творческого воображения» [12, с. 274].

Искусство является универсальной формой творческого мировосприятия и уникальным способом выражения человеческого бытия, воплощенного в творческой деятельности, направленной на создание эстетически выразительных форм, в которых воплощаются различные виды произведений, охраняемых авторским правом. В философии искусство определяется как одна из форм человеческого сознания, специфический

род практически-духовного освоения мира. К искусству относят живопись, музыку, театр, художественную литературу и т.п., поскольку они являются специфическими художественно-образными формами воспроизведения действительности [13, с. 222]. Значительная часть объектов, указанных в перечне, содержащемся в п. 1 ст. 1259 ГК РФ, относится именно к произведениям искусства.

К рассматриваемому виду произведений относятся драматические и музыкально-драматические произведения. Эти произведения, с одной стороны, близки к литературным произведениям (особенно драматические), но, с другой стороны, предназначены для сценической (театральной) постановки, поэтому в литературе их называют (вместе с хореографическими произведениями и пантомимами) сценическими (театральными) произведениями.

После музыкально-драматических и хореографических произведений следуют произведения музыкальные — с текстом или без текста. Музыкальное произведение определяют как «совокупность идей и образов, получивших в результате творческого процесса отражения человеком реальной действительности свое выражение в форме организованных по высоте и по времени звуковых последований» [14, с. 10], как «упорядоченную совокупность акустических образов, созданную творческим трудом автора и выраженную в какой-либо объективной вариативной форме» [15, с. 14]. Такие произведения воспринимаются публикой непосредственно в результате живого исполнения или путем прослушивания аудиозаписи или просмотра аудиовизуального произведения (концерта, музыкального фильма и т.д.). Поэтому следом идут аудиовизуальные произведения.

Даже анализ уже перечисленного показывает, что жесткой границы, разделяющей произведения в зависимости от способа их выражения, не существует. Музыкальные произведения могут присутствовать в музыкально-драматических произведениях. Хореографическое произведение, записанное на пленку, становится аудиовизуальным.

Далее следуют произведения изобразительного искусства, архитектуры и другие произведения художественно-пространственных решений. К ним относятся произведения дизайна, декоративно-прикладного, сценографического и садово-паркового искусства.

Фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, представляют собой особую группу в том смысле, что не все оригинальные фотографии признаются произведениями. В то же время отграничить фотоснимок от фотографического произведения не всегда просто. Ведь даже снимок, сделанный с обычного фотоаппарата с использованием автоматических настроек, может представлять художественную ценность. А когда фотограф использует собственные настройки, меняя резкость, глубину, освещенность и другие параметры снимка, ситуация еще более усложняется.

Следует заметить, что данный перечень строится в зависимости от объема составляющих каждое произведение творческих элементов, от сложного к простому. Драматические, хореографические, музыкальные и аудиовизуальные произведения отличаются богатством формы и содержания, которое представляет собой систему элементов: творческих идей и художественных образов, призванных удовлетворять духовные и эстетические потребности публики.

Исходя из вышеизложенного любое произведение как объект авторских прав представляет собой результат творческой деятельности в сфере науки, литературы и искусства, выражающего идеи, понятия и (или) образы, зафиксированные в какой-либо объективной форме таким образом, что оно становится доступным для восприятия человеческими чувствами, для его внешней оценки и последующего воспроизведения в той же или иной форме.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ // Российская газета. 03.09.1996. № 167.

3. ГОСТ Р 55385-2012 Интеллектуальная собственность. Научные произведения // Кодекс. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200119669 (дата обращения: 15.05.2020).

4. Михайлов С. В. Принцип эстетической нейтральности авторского права // Хозяйство и право. 2019. № 5 (508). С. 67–74.

5. Гордон М. В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. 232 с.

6. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. М.: Юрсервитум, 2015. 492 с.

7. О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 40 (часть III). Ст. 5074.

8. Усольцева С. В. Проблемы правовой квалификации неправомерных действий по созданию произведений науки для третьих лиц // Lex Russica. 2018. № 12. С. 25–36.

9. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 1999. 368 с.

10. Словарь литературоведческих терминов/ Тимофеев Л. И., Тураев С. В. М.: Просвещение, 1974. 512 с.

11. Ионас В. Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М., 1963. 137 с.

12. Матвеев А. Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: Учебное пособие / А. Г. Матвеев; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2015. 444 с.

13. Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 1 / под ред. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.

14. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

15. Иванов Н. В. Авторские и смежные права в музыке: Учебно-практич. пособие / Под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2009. 176 с.

16. Мерзликина Р., Юмашев А. Современный взгляд на определение понятия музыкального произведения как объекта авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2009. № 8. С. 14–21.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted on December 12, 1993) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.

2. On Science and State Science and Technology Policy: Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ // Rossiyskaya gazeta. September 3, 1996. No. 167.

3. GOST R 55385-2012 Intellectual Property. Scientific Works // Kodeks. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200119669 (access date: May 15, 2020).

4. Mikhaylov, S. V. The Principle of Aesthetic Neutrality of Copyright // Business and Law. 2019. No. 5 (508). Pp. 67–74.

5. Gordon, M. V. Soviet Copyright. Moscow: Gosyurizdat, 1955. 232 p.

6. Gavrilov, E. P. Intellectual Property Law. General Provisions. The 21st Century. Moscow: Yurservitum, 2015. 492 p.

7. On the Procedure for Awarding Scientific Degrees: Decree of the Government of the Russian Federation of September 24, 2013 No. 842 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 40 (Part Three). Art. 5074.

8. Usoltseva, S. V. Problems of Legal Qualification of Illegal Actions Aimed at Creating Works of Science for Third Parties // Lex Russica. 2018. No. 12. Pp. 25–36.

9. Introduction to Literary Criticism. Literary Work. Basic Concepts and Terms / Edited by L. V. Chernets. Moscow: Vysshaya shkola, 1999. 368 p.

10. Dictionary of Literary Terms / L. I. Timofeyev, S. V. Turayev. Moscow: Prosveshcheniye, 1974. 512 p.

11. Ionas, V. I. Creativity Criterion in Copyright and Judicial Practice. Moscow, 1963. 137 p.

12. Matveyev, A. G. Intellectual Rights to Works of Science, Literature, and Art: A Textbook / A. G. Matveyev; Perm State National Research University. Perm, 2015. 444 p.

13. Culturology. The 20th Century: An Encyclopedia. Vol. 1 / Edited by S. Ya. Levit. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998. 447 p.

14. Philosophical Encyclopedic Dictionary / L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseyev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p.

15. Ivanov, N. V. Copyrights and Related Rights in Music: A Workbook / Edited by A. P. Sergeyev. Moscow: Prospekt, 2009. 176 p.

16. Merzlikina, R., Yumashev, A. A Modern View at the Definition of the Concept of a Musical Work as an Object of Copyright // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2009. No. 8. Pp. 14–21.

УДК/UDC 343. 98

Криминалистически значимые особенности новейших информационных технологий

Краснова Людмила Борисовна
кандидат юридических наук, доцент
Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Россия
e-mail: krasnova@law.vsu.ru
SPIN-код: 9512-0382

Аннотация

В статье рассмотрены криминалистически значимые особенности новейших информационных технологий: особенности создания, преобразования и использования искусственного интеллекта и его наиболее эффективного способа организации — искусственных нейронных сетей, а также программных и технических средств, обеспечивающих анонимность осуществляемых действий (это в первую очередь электронные средства общения, минующие операторов связи, и более сложные средства, такие как анонимайзеры, VPN, специальные браузеры). Большинство перечисленных информационных технологий создают и непрерывно ведут запись всех производимых с ними действий. Таким образом, электронная техника обладает способностью хранить значительный объем цифровой информации и является на данный момент самым информативным источником сведений о его владельце и его активности в цифровой среде, что создает возможность криминалистического исследования всего технологического процесса воздействия на электронную информацию.

Ключевые слова: криминалистика; расследование преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий; информационные технологии; искусственный интеллект; анонимайзеры.

Forensic Features of the Latest Information Technologies

Krasnova Lyudmila Borisovna
Candidate of Law, assistant professor
Voronezh State University
Voronezh, Russia
e-mail: krasnova@law.vsu.ru
SPIN Code: 9512-0382

Abstract

The article discusses the forensic features of the latest information technologies: the features of the creation, transformation, and use of artificial intelligence and its most effective way of organizing (artificial neural networks), software and hardware that ensure the anonymity of the actions taken (these are primarily electronic communication tools that bypass telecom operators and more sophisticated tools such as anonymizers, VPNs, and special browsers). Most of the listed information technologies create and continuously record all actions performed with them. Thus, electronic equipment has the ability to store a significant amount of digital information and is currently the most informative source of information about its owner and their activity in the digital environment, which makes it possible to conduct a forensic investigation of the entire technological process of impact on electronic information.

Key words: forensics, investigation of crimes committed using information technology, information technology, artificial intelligence, anonymizers.

Современный этап развития общества характеризуется ростом высокотехнологичной преступности. Это связано в первую очередь с тем, что если ранее, характеризуя личность преступника, совершающего преступления с использованием информационных технологий, отмечалось, что это лица, обладающие достаточно глубокими специальными знаниями в области информационных технологий и имеющие доступ к профессиональному компьютерному оборудованию, то на данный момент ситуация существенно изменилась.

Так, например, исследования показывают, что информационно-телекоммуникационные сети для бесконтактного сбыта наркотических средств обычно используют «. . . молодые люди в возрасте 18–28 лет. Они имеют среднее техническое, высшее или незаконченное высшее образование. Многие из них имеют познания в области компьютерной техники и информационных технологий, а также активно используют их, например, при создании и обслуживании интернет-сайтов с объявлениями о продаже наркотиков. Рассматриваемые преступники ориентируются в отдельных финансовых операциях, например, особенностях движения денежных средств по счетам, вкладам в банковской системе, возможностях системы безналичного расчета через электронные системы оплаты» [1, с. 84] .

Т. е. современные информационные технологии значительно упростили процесс осуществления некоторых действий, давая возможность сложные систематически повторяющиеся действия осуществлять одному человеку, имеющему минимальные специальные знания. Причем для этого не нужно обладать какими-либо мощными электронными ресурсами. Более того, при наличии начальных знаний и навыков программирования можно организовать осуществление этих действий в автоматическом режиме.

Например, можно запрограммировать компьютер для выполнения такого действия, как отправка сообщения электронной почты в определенное время. Этот процесс называется планированием событий и не требует вообще никаких навыков программирования - это простая функция операционной системы.

В настоящее время наиболее современным видом информационных технологий является искусственный интеллект.

В законодательстве содержится следующее определение понятия: «искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые,

как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в т. ч. в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2].

Наиболее эффективным способом организации искусственного интеллектаявляются искусственные нейронные сети.

«Искусственная нейронная сеть — математическая модель, а также ее программное или аппаратное воплощение, построенная по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей — сетей нервных клеток живого организма.

Искусственная нейронная сеть состоит из искусственных нейронов (artificial neuron), каждый из которых представляет собой упрощенную модель биологического нейрона. Все, что делает искусственный нейрон, — это принимает сигналы со многих входов, обрабатывает их единым образом и передает результат на многие другие искусственные нейроны, т. е. делает то же самое, что и нейрон биологический. Биологические нейроны связаны между собою аксонами, места стыков называются синапсами. В синапсах происходит усиление или ослабление электрохимического сигнала. Связи между искусственными нейронами называются синаптическими, или просто синапсами. У синапса имеется один параметр — весовой коэффициент, в зависимости от его значения происходит то или иное изменение информации, когда она передается от одного нейрона к другому. Именно благодаря этому входная информация обрабатывается и превращается в результат, а обучение нейронной сети основано на экспериментальном подборе такого весового коэффициента для каждого синапса, который и приводит к получению требуемого результата» [3].

Для того чтобы нейронная сеть могла корректно решать поставленные задачи, требуется провести ее обучение на десятках миллионов наборов входных данных. Но уже разработаны различные технологии ускоренного обучения, современные видеокарты позволяют обучать нейросети в сотни раз быстрее, а недавно появились готовые, предобученные

нейросети, которые, например, могут распознавать образы. На основе таких нейросетей можно создавать приложения, не занимаясь длительным обучением [4].

В 2013 г. считалось, что создание масштабных нейронных сетей обходится очень дорого с точки зрения вычислительных ресурсов. Например, компании Google для создания сети, которая научилась всего лишь распознавать кошек в серии роликов YouTube, пришлось задействовать примерно 1000 серверов, что эквивалентно 16 тысячам процессорных ядер. Построенная сеть характеризовалась 1,7 млрд параметров, которые виртуально отражали связь между нейронами [3].

Но технологии развиваются очень быстро. В 2017 г. дочерняя компания Intel под названием Movidius выпустила на рынок устройство Neural Compute Stick. Оно имеет размеры, сопоставимые с обычной флешкой, при этом внутри находится мощная нейронная сеть с функцией глубокого машинного обучения. Стоимость этого продукта — $79 [5].

Таким образом, если раньше использование нейронных сетей при совершении преступлений было ограничено в силу трудоемкости и сложности реализации таких алгоритмов, то при современном развитии и повсеместном использовании информационных технологий это перестало быть проблемой, и создавать нейронные сети теперь могут научиться даже те, кто ранее навыков программирования не имел.

Но, с другой стороны, в основе работы любой информационной технологии, включая и искусственный интеллект, лежит программа, которую создал человек. И программа эта основана на некотором алгоритме, который и управляет поведением устройств. Это управление представляет собой процессы, состоящие из четко регламентированных правил выполнения операций, действий, этапов разной степени сложности над данными, хранящимися в электронных устройствах. При этом электронная техника создает и непрерывно ведет запись всех производимых с ней действий, сохраняя адреса веб-сайтов, которые просматривал пользователь, документы или изображения, которые были загружены или

отредактированы, использованные приложения, время и продолжительность их использования, координаты нахождения и перемещения устройства. Таким образом, электронная техника обладает способностью хранить значительный объем цифровой информации и является на данный момент самым информативным источником сведений о его владельце и его активности в цифровой среде, что создает возможность криминалистического исследования всего технологического процесса воздействия на электронную информацию.

Однако вышеизложенные принципы и тенденции развития информационных технологий создают определенные трудности для их технического исследования, т. к. обладают все более сложной и разветвленной инфраструктурой. «Одним из первых примеров использования искусственного интеллекта в широкоформатных кибератаках можно считать вирус CryptoLocker, распространявшийся при поддержке однорангового ботнета GameoverZeuS, использовавшего зашифрованные каналы связи с центрами контроля и управления. Эта вредоносная система использовала самообучающиеся алгоритмы управления, тип и характер которых в настоящее время достоверно не известен. Обезвреженный в результате операции Tovar ботнет GameoverZeuS был отрезан от центров управления, но сами центры в руки правоохранителей не попали, так что возможности проанализировать использованное для управления программное обеспечение не было. Тем не менее ряд косвенных признаков (устойчивость к контрвзлому, избегание прямых атак, адаптивное поведение, скорость принятия решений) свидетельствуют о возможном использовании нейросетевой технологии в управлении данной вредоносной компьютерной системой» [6].

Физически электронная информация может быть расположена как в памяти самого электронного устройства, так и в любой точке мира. Фактически такая информация может быть получена как из мобильных устройств (телефонов, компьютеров, ноутбуков, GPS и т. д.), так и с серверов, которые предоставляют услуги через Интернет и часто регистрируют IP-адреса и другую информацию о своих клиентах и их действиях.

Эти серверы могут быть расположены в разных странах, с разными национальными законами.

Традиционное хранение информации в виде письменных документов или на каком-либо ином материальном носителе всегда позволяло точно определить, где именно находятся те или иные сведения. А рассматривать электронные устройства как обычные предметы невозможно, т. к. традиционно юридическая наука и практика всегда исходила из того, что объект материального мира содержит лишь те сведения, что хранит в себе, в то время как электронные устройства могут предоставлять информацию, физически хранимую в иных местах. И таких мест может быть достаточно много. В связи с этим поиск интересующей следствие информации должен осуществляться как на электронных устройствах подозреваемого или обвиняемого, так и на других связанных с ними электронных устройствах, хранящих информацию, например серверах провайдеров. При этом все эти носители информации обладают способностью хранить огромный объем информации, требующий для исследования значительного времени.

Кроме того, в последнее время при совершении преступлений все больше используются не только компьютеры, методика исследования которых уже достаточно сформировалась, но и иные устройства (смартфоны, планшеты и т. д.), также имеющие свои особенности функционирования. Это, на наш взгляд, исключает формулирование конкретных рекомендаций по поиску и фиксации относимой к делу информации.

Наконец, еще одной особенностью использования информационных технологий при совершении преступлений, по нашему мнению, является появление различного вида электронных и программных средств, обеспечивающих все больший уровень анонимности осуществляемых действий. Он достигается в первую очередь за счет использования для коммуникации электронных средств общения, минующих операторов связи. К ним относятся такие программные средства, как Viber, Skype, WhatsApp. Для осуществления финансовой связи при совершении пре-

ступлений могут используются электронной платежные системы, такие как WebMoney, «Yandex-деньги», QIWI, PayPalи т. д.

Более сложным способом обеспечения анонимности является использование анонимайзеров. Главной функцией анонимайзера является маскировка IP-адреса. К таким сервисам относятся: программное обеспечение, устанавливаемое на компьютер или мобильное устройство; надстройки и дополнения веб-браузеров; удаленные прокси-серверы; онлайн-сервисы.

Самым простым и доступным является использование встроенных функций VPN, которые имеются в некоторых браузерах (например, в браузере Opera). VPN (virtual private network) представляет собой виртуальную частную сеть, пользователи которой соединяются с провайдером по закрытому каналу (тоннелю), который обеспечивает зашифрованную передачу данных. Тем самым достигается безопасность соединения, а также анонимность пользователя.

«Возникает вопрос об обеспечении сохранности сведений о пользователе на сервере провайдера. В 2013 г. интернет-ресурсом torrentfreak.com был проведен опрос, в ходе которого у VPN-провайдеров выясняли, хранят ли они журналы, позволяющие сопоставить IP-адреса. Как следует из результатов опроса, такие журналы не хранятся либо хранятся недолго, а установить по ним клиента невозможно» [7].

Еще один распространенный способ сохранения анонимности- это использование специальных браузеров. Наиболее популярным из них является TOR Browser. Он позволяет пользователю анонимно просматривать веб-страницы, скрывая фактическое имя пользователя, и защищает от любого анализа трафика.

«Работа сети построена на использовании так называемой луковой маршрутизации. Ее суть заключается в использовании системы специальных узлов, которые последовательно шифруют информацию о пользователе и маскируют действующий IP-адрес компьютера. Специальные узлы - это компьютеры и серверы нескольких тысяч пользователей, входящих в единую анонимную сеть. Как правило, соединение пользовате-

ля происходит через три случайных узла (входной, промежуточный и выходной). Каждому из указанных узлов неизвестны адреса пользователя и интересующего его ресурса одновременно (иначе говоря, известно только, откуда пришли данные и куда их необходимо отправить). Такой способ работы в сети Интернет, несмотря на низкую скорость, позволяет с достаточно большой степенью вероятности сохранить в тайне данные пользователя, обратившегося на какой-либо закрытый (заблокированный) сайт» [7].

При этом возможность контроля указанных каналов связи и платежных систем как технически, так и организационно у правоохранительных органов крайне низкая.

Другой составляющей анонимности преступной деятельности с использованием информационных технологий является то, что используемая электронная техника и программные средства, создают и непрерывно ведут журналы действий пользователя. Однако при этом идентификация истинного автора этих действий является достаточно трудной задачей. Действительно, возможно определить владельца электронного устройства и действия, на нем производимые, но сама электронная информация не содержит данных о том, кто или что непосредственнно ее произвело. Т. е. установление лица, непосредственно производившего эти действия, является не только задачей специалистов в области высоких технологий в рамках компьютерно-технической экспертизы, но и специалистов в области автороведения, дактилоскопии, речеведения и т. д.

Таким образом, значимые с точки зрения криминалистики особенности создания, преобразования и использования новейших информационных технологий, описанные выше, должны, по нашему мнению, способствовать выработке научно-обоснованных рекомендаций по расследованию высокотехнологичных преступлений.

Список литературы

1. Поляков В. В., Кондратьев М. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-1 (86). Т. 1. С. 83–86.

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Искусственные нейронные сети (ИНС) // Технологии IT-Enterprise. URL: https://www.it.ua/ru/knowledge-base/technology-innovation/iskusstvennye-nejronnye-seti-ins (дата обращения: 21.05.2020).

4. Хохлова Д. Бум нейросетей: Кто делает нейронные сети, зачем они нужны и сколько денег могут приносить // vc.ru. URL: https://vc.ru/future/16843-neural-networks (дата обращения: 22.05.2020).

5. Intel представила нейронную сеть размером с флешку // Hi-News.ru. URL: https://hi-news.ru/technology/intel-predstavila-nejronnuyu-set-razmerom-s-fleshku.html (дата обращения: 22.05.2020).

6. Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД. № 2 (35). 2019. С. 36–41.

7. Усманов Р. А. Характеристика преступной деятельности, осуществляемой в сети интернет посредством сервисов-анонимайзеров // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 135–141.

References

1. Polyakov, V. V., Kondratev, M. V. Criminalistics Features of Non-Contact Modus Vivendi of Drug-Related Crimes // Izvestiya of Altai State University Journal. 2015. No. 2-1 (86). Vol. 1. Pp. 83–86.

2. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2019. No 41. Art. 5700.

3. Artificial Neural Networks (ANNs) // IT-Enterprise Technologies. URL: https://www.it.ua/en/knowledge-base/technology-innovation/iskusstvennye-nejronnye-seti-ins (access date: May 21, 2020).

4. Khokhlova, D. The Boom of Neural Networks: Who Creates Neural Networks, Why They Are Needed and How Much Money They Can Bring // vc.ru. URL: https://vc.ru/future/16843-neural-networks (access date: May 22, 2020).

5. Intel Presented a Neural Network the Size of a Flash Drive // Hi-News.ru. URL: https: //hi-news.ru/technology/intel-predstavila-nejronnuyu-set-razmerom-s-fleshku.html (accessed date: 05/22/2020).

6. Erakhtina E. A., Tirranen, V. A. Crimes Made With the Use of Artificial Intelligence: Problems of Qualification and Investigation // Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. No. 2 (35). 2019. Pp. 36–41.

7. Usmanov, R. A. Characteristics of Criminal Activities Carried Out on the Internet by Means of Anonymizers // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2018. No. 4 (46). Pp. 135–141.

УДК/UDC 343.2/7

Юридический анализ объекта и объективной стороны принуждения к даче показаний

Кузьмин Сергей Сергеевич
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки
Сибирский юридический институт МВД России
г. Красноярск, Россия
e-mail: sergei.15.07@yandex.ru

Аннотация

Система отправления правосудия нуждается в охране с целью исключения фактов посягательств, которые могли бы нанести ущерб законным интересам как простых граждан, так и непосредственных участников уголовного судопроизводства. Отношение населения к судебной власти может ухудшаться из-за неправомерного воздействия на лиц в виде их принуждения к даче показаний. Состав данного преступления закреплен в ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации. В результате такого принуждения создается опасность вынесения приговора, основанного не на реальной картине совершенного преступного деяния, а на воображении лица, осуществляющего предварительное расследование по конкретному уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное право, преступления против правосудия, принуждение к даче показаний, объект преступления, объективная сторона преступления.

Legal Analysis of the Object and the Objective Side of Coercion to Testify

Kuzmin Sergey Sergeyevich
lecturer of the Department of Weapon Training and Tactical and Special Training
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: sergei.15.07@yandex.ru

Abstract

The system of administration of justice needs protection in order to exclude the facts of encroachment that could harm the legitimate interests both of ordinary citizens and of direct participants in criminal proceedings. The attitude of the population towards the judiciary can become worse because of unlawful influence on individuals in the form of forcing them to testify. The body of this crime is defined in Article 302 of the Criminal Code of Russia. Such coercion creates the danger of passing a sentence based not on the real picture of the committed criminal act, but on the imagination of the person conducting the preliminary investigation in a specific criminal case.

Key words: criminal law, crimes against justice, coercion to testify, object of crime, objective side of the crime.

В отечественной уголовной правовой науке принято понимать под объектом преступления общественные отношения, т. е. определенные формы и виды взаимодействия индивидов, социальных групп, организаций и государственных органов, возникающие в связи с участием в производстве и распределении общественных благ [1].

Родовым объектом принуждения к даче показаний являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование системы органов государственной власти.

Норма, предусмотренная ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за принуждение к даче показаний, находится в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», что позволяет считать, что видовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, направленные на обеспечение нормальной деятельности системы органов, осуществляющих правосудие.

Изучение норм гл. 31 УК РФ позволяет утверждать, что в данной главе правосудие понимается в широком смысле слова. Под осуществлением правосудия законодатель понимает деятельность различных государственных органов, в т. ч. органов дознания и следствия, прокуратуры, судов и органов, исполняющих судебные решения [1].

Значимость защиты общественных отношений, связанных с осуществлением правосудия, определяется прежде всего тем, что Конституция РФ в ст. 46 гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод. Касательно определения непосредственного и основного объекта преступления, закрепленного в ст.302 УК РФ, в науке не существует единой точки зрения.

П. В. Тепляшин считает, что объектом данного преступления являются интересы правосудия, касающиеся выполнения органами, осуществляющими следствие и дознание, а также судом обязанностей по всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств уголовного дела, а также сохранения и повышения авторитета правосудия [2].

Мы считаем, что данная позиция требует определенной корректировки. Во-первых, в ней нет указания на общественные отношения с участием органов прокуратуры. В то же время, делая акцент на исследовании обстоятельств дела, в т. ч. на оценку доказательств, мы должны включать в перечень и органы прокуратуры, которые, осуществляя функции надзора, также участвуют в деятельности по всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств уголовного дела. Например, прокурор может признать доказательство недопустимым в соответствии с ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее -УПК РФ).

Во-вторых, мы считаем необоснованным указание на сохранение и повышение авторитета правосудия, т. к. данные общественные отношения входят в родовой объект принуждения к даче показаний.

А. С. Горелик и Л. В. Лобанова считают, что объект принуждения к даче показаний - общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование, органов прокуратуры и суда по отправлению правосудия [3].

Данный подход, по нашему мнению, обладает излишнее широкой трактовкой общественных отношений, входящих в объект принуждения

к даче показаний. Он не отражает специфику общественных отношений, на которые посягает преступник.

На основе анализа различных позиций можно сформулировать следующий подход к определению основного объекта преступления, закрепленного в ст. 302 УК РФ. Так, объектом принуждения к даче показаний являются общественные отношения в сфере осуществления органами предварительного расследования, прокуратуры и судом деятельности по сбору и оценке доказательств в ходе осуществления производства по уголовному делу.

Относительно трактовки непосредственного дополнительного объекта принуждения к даче показаний в юридической науке нет серьезных разночтений. П. С. Метельский считает, что «дополнительный объект — интересы личности, в т. ч. ее телесная неприкосновенность, здоровье, честь и достоинство» [4]. Е. А. Авдеева пишет, что «дополнительный объект — интересы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и эксперта» [5].

Так или иначе, все точки зрения можно свести к тому, что под дополнительным объектом принуждения к даче показаний следует понимать общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности, физическое и психическое здоровье, а также защиту отношений собственности.

В научной и учебной литературе факультативный объект принуждения к даче показаний не выделяется.

К предмету преступления в широком смысле относится все то, что подвергается непосредственному воздействию при посягательстве на общественные отношения и в результате чего причиняется ущерб всему общественному отношению или создается реальная угроза причинения такого вреда. Т. е. под предметом преступления понимается конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления) [6]. Такое понимание предмета преступления обусловлено структурой данных общественных отношений.

Необходимо отметить, что не все общественные отношения являются предметными, поэтому предмет преступления является факультативным признаком состава преступления.

Сложившийся в уголовно-правовой науке подход позволяет говорить о существовании беспредметных преступлений, к которым, по нашему мнению, относится рассматриваемый нами состав принуждения к даче показаний.

Круг и признаки лиц, указанных в ст. 302 УК РФ, закрепляются в УПК РФ. Например, ч. 1 ст. 46 УПК РФ закрепляет круг лиц, обладающих статусом подозреваемого. Принуждение к даче показаний лиц, не обладающими признаками, регламентированными УПК РФ, не образует состава принуждения к даче показаний. Например, совершение действий в отношении задержанного, но не признанного подозреваемым лица не образует состава преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ.

В литературе справедливо отмечается, что в круг лиц, которые могут быть подвержены принуждению, необоснованно не включен переводчик, который упоминается в других статьях гл. 31 УК РФ. Ст. 309 УК РФ содержит запрет на принуждение переводчика к осуществлению неправильного перевода. Конструирование уголовного закона в части индивидуализации наказания и обеспечения принципа справедливости предполагает закрепление в ст. 302 УК РФ нормы, обеспечивающей защиту прав переводчика от посягательства со стороны специального субъекта [2].

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ, образуют два самостоятельных деяния:

1) принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний;
2) принуждение эксперта, специалиста к даче заключения или показаний.

В качестве способа совершения преступления указывается применение угроз, шантажа или иных незаконных действий.

Деянием в ст. 302 УК РФ является принуждение, содержание которого исследуемая статья не раскрывает, а лишь указывает на способы его совершения.

Если обратиться к толкованию термина «принуждение» в русском языке, то словари определяют принуждение как инициирование чьих-либо действий против его воли [7]. В уголовно-правовой науке существует различное понимание термина «принуждение». Мы считаем, что можно согласиться со следующим определением: принуждение - это умышленное психическое либо физическое воздействие на лицо, направленное на подавление его свободной воли и заключающееся в инициировании его совершить какое-либо действие или воздержаться от этого в интересах принуждающего для облегчения совершения последним им задуманного [8]. По нашему мнению, ч. 1 ст. 302 УК РФ закрепляет психическое воздействие на потерпевшего, а ч. 2 данной статьи -физическое.

В качестве способов совершения преступления в ч. 1 ст. 302 УК РФ указываются угрозы, шантаж или иные незаконные действия. Толковый словарь русского языка определяет угрозу как запугивание, обещание причинить неприятность, зло кому-нибудь [9]. Под угрозой вообще понимается воздействие на психику другого человека, и сущность угрозы представляется в воздействии на психическую деятельность потерпевшего путем сообщения ему сведений о совершении немедленно либо в будущем нежелательных (вредных) для него или близких ему лиц действий, в возбуждении у него чувства страха и принуждении его к какой-либо деятельности или бездействию [2].

Такой способ психического принуждения как угроза может выражаться в различных формах, например обещание ухудшения процессуального положения обвиняемого, угроза применения насилия, уничтожения или повреждения имущества [2].

Выражаться угроза может любым способом. Передача угрозы может происходить непосредственно от угрожающего лица либо через третьих лиц. В этих случаях действия последних будут квалифицироваться как пособничество в совершении принуждения к даче показаний [2].

Необходимо, чтобы угроза реально воспринималась принуждаемым лицом и действительно не оставляла альтернативы в его действиях. Вопрос о реальности угрозы решается в зависимости от обстановки ее высказывания и конкретных обстоятельств (например, от интенсивности ее выражения) [10].

Следует согласиться с мнением о том, что высказывание угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью полностью охватывается составом ст. 302 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ [11]. Это связано с тем, что в принуждении к даче показаний дополнительным объектом преступления могут выступать общественные отношения, касающиеся охраны жизни и здоровья личности, а угроза является необходимым альтернативным способом принуждения. Она высказывается потому, что это необходимо для достижения преступной цели.

Вторым альтернативным способом принуждения является шантаж. Под шантажом понимается угроза распространения информации, которую потерпевший или близкие ему лица желают сохранить в тайне. Нежелание потерпевшим распространения таких сведений должно вынудить его склониться к даче показаний или заключений. При этом причина, по которой потерпевший хочет сохранить информацию, не имеет значения [2]. Для квалификации также не имеет значения, действительно ли информация является позорящей, соответствует ли действительности; важно лишь, чтобы угроза была способна оказать воздействие на лицо для дачи им соответствующих показаний [2].

В науке существует точка зрения, согласно которой шантаж является разновидностью угрозы [2]. Данный подход нам кажется вполне обоснованным. В обоих случаях происходит психическое воздействие на потерпевшего. Шантаж, как и угроза, наносит психический вред потерпевшему. В связи с этим с этим логичным видится предложение исключить шантаж из признаков состава принуждения к даче показаний, т. к. имеется достаточное указание на угрозу как родовое понятие [12].

В уголовно-правовой науке нет единого понимания иных незаконных действий как способа принуждения к даче показаний. В качестве примера можно привести следующие высказывания.

К незаконным мерам, принуждающим к даче показаний, относятся все те меры, которые предполагают оказание в той или иной форме психического воздействия на допрашиваемое лицо, в результате которого ущемляются его определенные права и ограничиваются свободы волеизъявления [13].

К иным незаконным действиям следует отнести обещания, требование, приказ [8].

Можно утверждать, что такие действия в целом должны содержать признак недопустимости их использования, который может выражаться в следующем:

1. Способы воздействия, закрепленные в УК РФ в качестве самостоятельных преступных деяний, например принуждение к даче показаний путем незаконного лишения свободы. При этом требуется дополнительная квалификация. Пытки, насилие и издевательства не будут относиться к иным незаконным действиям, т. к. прямо закреплены в ч. 2 ст. 302 УК РФ [2].
2. Способы воздействия, предусмотренные законом, но применяемые представителями власти с нарушением установленного законом порядка, например не к тем участникам уголовно-процессуальных отношений [2].
3. Действия, которые каким-либо иным образом нарушают права и законные свободы потерпевших лиц, например ограничение прав лиц, содержащихся под стражей, закрепленных Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [3].

Следует отметить, что к иным незаконным действиям не относится использование психотропных, наркотических веществ, лекарственных

препаратов, т. к. данные деяния следует рассматривать как насилие, попадающее под квалификацию по ч. 2. ст. 302 УК РФ [14].

Также к числу иных незаконных действий не относится подкуп, поскольку он направлен формирование у лица желания совершить какие-либо действия в целях достижения своей выгоды [2].

В литературе также отмечают, что к числу иных незаконных действий не относятся установленные и совершенные в надлежащем порядке, закрепленные законом действия (предупреждение о даче заведомо ложных показаний или ложного заключения), используемые следователем тактические уловки [15].

В тоже время некоторые авторы считают, что иные незаконные действия могут предполагать неправомерное использование различных тактических приемов [12]. В процессе расследования могут быть использованы не любые приемы, приводящие к выяснению истины, а только отвечающие определенным требованиям: законности, этичности, научности. Эти требования означают строгое соответствие деятельности осуществляющего расследование лица нормам и принципам права, морали, научной обоснованности тактических рекомендаций и решений [16].

В науке отсутствует критерии, позволяющие отграничить неправомерное психическое воздействие и допускаемое процессуальное принуждение от иных незаконных действий. Можно предположить, что правомерное психическое воздействие не диктует определенных действий, а формирует нужную позицию человека, сознательное поведение. При психическом насилии человек ограничен в своем поведении либо совсем лишен возможности выбора [2].

По своей конструкции состав преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, является формальным. Преступление окончено с момента совершения принуждения вне зависимости от того, добился ли виновный показаний или заключения. Кроме того, не имеет значение то, каких показаний добивался виновный: ложных или правдивых.

Таким образом, законодатель сконструировал состав принуждения к даче показаний по типу формального с альтернативными действиями.

Нельзя признать обоснованным отдельное указание на шантаж как способ совершения данного преступления, т. к. он, по сути, является разновидностью угрозы.

Кроме того, в юридической литературе нет единого мнения по поводу толкования иных незаконных действий как способа совершения рассматриваемого преступления. Предполагаем, что для целей правоприменения требуется закрепление хотя бы примерного перечня таких действий в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. 208 с.

2. Тепляшин П. В. Преступления против правосудия: учебное пособие. Красноярск, 2004. 160 с.

3. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. 491 с.

4. Метельский, П. С. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний (статья 302 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2009. Т. 5. № 2. С. 91–101.

5. Авдеева Е. А. Принуждение к даче показаний: причины и меры предупреждения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2008. 19 с.

6. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. 248 с.

7. Идеографический словарь русского языка / Под ред. О. С. Баранова. М.: Издательство ЭТС, 1995. 820 с.

8. Шестаков А. Л. Сущность и место принуждения в системе способов совершения преступления против правосудия // Российский судья. 2010. № 1. С. 23–26.

9. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2010. 704 с.

10. Кудрявцев В. Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний»: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 42–52.

11. Чучаев А., Дворянсков И. Ответственность за принуждение к противодействию осуществления правосудия // Законность. 2001. № 4. С. 11–14.

12. Бунев А. Ю., Бунева И. Ю. Особенности уголовной ответственности за принуждение к даче показаний: учебное пособие. Красноярск, 2001. 142 с.

13. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968.136 с.

14. Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2000. 24 с.

15. Байсалуева Э. Ф. Характеристика объективной стороны статьи 302 УК РФ // Адвокатская практика. 2007. № 1. С. 34–37.

16. Крупнова Т. Б. Уголовно-наказуемое принуждение к даче показаний // Научный поиск. 2018. № 1 (27). С. 65–67.

References

1. Novoselov, G. P. The Doctrine of the Object of Crime. Methodological aspects. Moscow, 2001. 208 p.

2. Teplyashin, P. V. Crimes Against Justice: A Training Manual. Krasnoyarsk, 2004. 160 p.

3. Gorelik, A. S., Lobanova, L. V. Crimes Against Kustice. St. Petersburg, 2005. 491 p.

4. Metelskiy, P. S. Criminal Liability for Coercion to Testify (Article 302 of the Criminal Code of Russia) // Novosibirsk State University Bulletin. Series: Law. 2009. Vol. 5. No. 2. Pp. 91–101.

5. Avdeyeva, Ye. A. Coercion to Testify: Reasons and Preventive Measures. Moscow, 2008. 19 p.

6. Korzhanskiy, N. I. The Object and Subject of Criminal Law Protection. Moscow, 1980. 248 p.

7. The Ideographic Dictionary of the Russian Language / Edited by O. S. Baranov. Moscow: ETS, 1995. 820 p.

8. Shestakov, A. L. Essence and Place of Compulsion in the System of Methods of Commitment of Crimes Against Justice // Russian Judge. 2010. No. 1. Pp. 23–26.

9. Dahl, V. I. The Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Eksmo, 2010. 704 p.

10. Kudryavtsev, V. L. The Objective Side of a Crime Under Part 1 of Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, “Coercion to Testify”: Some Criminal Law and Criminal Procedure Issues // Eurasian Advocacy. 2017. No. 1 (26). Pp. 42–52.

11. Chuchaev A., Dvoryanskov I. Responsibility for Coercion to Oppose the Administration of Justice // Zakonnost. 2001. No. 4. Pp. 11–14.

12. Bunev, A. Yu., Buneva, I. Yu. Features of Criminal Liability for Coercion to Testify: a Training Manual. Krasnoyarsk, 2001. 142 p.

13. Vlasov, I. S., Tyazhkova, I. M. Responsibility for Crimes Against Justice. M., 1968. 136 p.

14. Buneva, I. Yu. Criminal Liability for Coercion to Testify. Omsk, 2000. 24 p.

15. Baysaluyeva, E. F. Description of the Objective Side of Article 302 of the Criminal Code of Russia // Advocate's Practice. 2007. No. 1. Pp. 34–37.

16. Krupnova, T. B. A Criminal Offence: Coercion to Testify // Scientific Search. 2018. No 1 (27). Pp. 65–67.

УДК/UDC 347.2/.3

К вопросу о возможности изъятия земельного участка в случае нарушения собственником условий о его целевом использовании

Марухно Василиса Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, психологии и педагогики
Кубанский государственный медицинский университет министерства
здравоохранения Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
e-mail: vasilisa_amg@mail.ru

Руденко Евгения Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: golushko1@rambler.ru
SPIN-код: 3898-8331

Аннотация

В Конституции РФ закреплен принцип неприкосновенности собственности, однако в ней же предусмотрена возможность лишения этого права. В действующем законодательстве закреплено несколько способов принудительного прекращения права собственности на земельные участки. Авторы анализируют нормы статей 284 и 285 Гражданского кодекса РФ, предусматривающие возможность принудительного прекращения права собственности на земельные участки в связи с противоправным поведением собственника – нарушением требований о целевом использовании земельных участков. Руководствуясь словесным толкованием норм, авторы приходят к выводу, что нормы имеют различное смысловое значение, несмотря на похожие формулировки. Авторы считают, что правоприменительная практика не согласуется с содержанием и смыслом норм, особенно учитывая тот факт, что земельные участки имеют особую ценность.

Ключевые слова: земельный участок, изъятие, использование, целевое использование, целевое назначение, словесное толкование.

On the issue of the possibility of withdrawing a land plot in case of violation by the owner of the conditions for its intended use

Marukhno Vasilisa Mikhaylovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Philosophy, Psychology and Pedagogy
Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
e-mail: vasilisa_amg@mail.ru
SPIN Code: 9596-2984

Rudenko Yevgeniya Yuryevna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Rights
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: golushko1@rambler.ru
SPIN Code: 3898-8331

Abstract

The Constitution of the Russian Federation enshrines the principle of inviolability of property, but it also provides for the possibility of deprivation of this right. The current legislation enshrines several methods of forcibly terminating ownership of land. The authors analyze the norms of Articles 284 and 285 of the Civil Code of the Russian Federation, providing for the possibility of forcibly terminating the ownership of land in connection with the unlawful behavior of the owner - violation of requirements for the intended use of land. Guided by the verbal interpretation of the norms, the authors come to the conclusion that the norms have different semantic meanings, despite similar formulations. The authors believe that law enforcement practice is not consistent with the content and meaning of the norms, especially considering the fact that land plots are of particular value.

Key words: land, seizure, use, intended use, intended purpose, verbal interpretation.

Согласно ст. 284 и 285 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) земельный участок может быть изъят у собственника в случаях

нарушения им требований о целевом использовании земельного участка [1].

Согласно п. 2 ст. 7 Земельного кодекса РФ, земли используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. В соответствии со ст. 42 Земельного кодекса РФ, в числе обязанностей собственников земельных участков или лиц, не являющихся их собственниками, названа обязанность использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением и принадлежностью к той или иной категории земель и разрешенным использованием [2].

В связи с этим интересно следующее: например, лицо является собственником земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения. Что может делать лицо с этим земельным участком? Использовать его по целевому назначению, использовать не по целевому назначению, вообще не использовать. В связи с этим возникает вопрос: если собственник вообще не использует земельный участок, можно ли в таком случае утверждать, что он не использует земельный участок по целевому назначению?

Данный вопрос вытекает из формулировок ст. 284 и 285 ГК РФ. В ст. 284 ГК РФ указано, что земельный участок может быть изъят у собственника в случаях, когда участок предназначен для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства и не используется по целевому назначению. Действие ст. 285 ГК РФ распространяется на иные категории земельных участков и в ней речь идет о возможности изъятия земельного участка в частности, если участок используется не по целевому назначению. Синтаксическая форма слов в нормах различна. Слова «не использование по целевому назначению» (ст. 284 ГК РФ) не равнозначны словам «использование не по целевому назначению».

Е. В. Васьковский писал: «Слова – не пустые, бессмысленные звуки. Они – знаки, показатели идей. Под каждым словом скрывается какое-либо представление или понятие, и соединяются слова в предложения . . . с тем, чтобы выразить ту или иную мысль. . . . одна и та же мысль может быть выражена разными словами и различными способами сочетания

их» [3, с. 39]. По образному выражению Е. В. Васьковского, слова – камни, а предложение – здание. Способы связи слов не случайны. Поэтому любую норму необходимо в первую очередь толковать словесно.

Слово «использовать» означает употребление чего-то в какое-то дело, нахождение чему-либо применения с целью извлечения пользы, воспользоваться чем-нибудь для чего-нибудь. Частица «не» служит для выражения отрицания при разных членах предложения [4]. Использование предполагает активные действия, а не использование – отсутствие действия.

Словесное толкование словосочетания «не используется по целевому назначению» показывает, что неиспользование может быть как в форме действия, так и в форме бездействия, поскольку есть дополнение – «по целевому назначению». Это дополнение выступает не только в виде смыслового уточнения, но и является дополнением – второстепенным членом предложения. Если убрать это дополнение из предложения, останутся только слова «не используется», а они означают отсутствие действий. Уточнение же в виде дополнения «по целевому назначению» в данном случае показывает, что возможно как отсутствие действий по использованию в общем, так и наличие действий по использованию, но не по целевому назначению.

Словосочетание «используется не по целевому назначению» следует толковать по-иному. Главным словом в словосочетании является слово «используется», которое всегда означает действие. Дополнение «не по целевому назначению» уточняет, что действие не направлено на целевое использование. В данном случае речь идет именно об активных действиях.

Таким образом, по ст. 284 ГК РФ, земельный участок может быть изъят у собственника в случаях, когда участок предназначен для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства и используется не по целевому назначению, либо вообще никак не используется. По ст. 285 ГК РФ земельный участок может быть изъят у собственника, если использование участка осуществляется с нарушением

требований законодательства Российской Федерации, в частности, если участок используется, но не по целевому назначению; отсутствие каких-либо действий в отношении земельного участка в данном случае нельзя расценивать как основание для изъятия земельного участка.

Среди ученых по данному вопросу нет единства мнений. Так, И. С. Шахрай полагает, что «неиспользование земельного участка ... проявляется в отсутствии какой-либо деятельности землепользователя на земельном участке, тогда как использование не по целевому назначению – в реализации не предусмотренных правоустанавливающими документами видов деятельности» [5, с. 163]. М. А. Вербицкая и Т. Б. Светличная пишут, что неиспользование земельного участка по целевому назначению проявляется в том, что лицо осуществляет землепользование, но не соблюдает установленный для данной категории земель правовой режим [6, с. 151].

Судебная практика практически единогласно утверждает, что понятие «использование земельного участка в соответствии с его целевым назначением» и понятие «своевременное использование (освоение) земельного участка» являются различными понятиями, вследствие чего неиспользование (неосвоение) земельного участка в течение того или иного времени не может рассматриваться как неиспользование земельного участка в соответствии с его целевым назначением [7-10]. Другими словами, если земельный участок вообще не используется, то это не свидетельствует о его неиспользовании не по целевому назначению и изъять такой земельный участок по ст. 284 и ст. 285 ГК РФ нельзя. В одном из решений по делу о привлечении к ответственности по ч. 3 ст. 8.8 КоАП (за неиспользование земельного участка, предназначенного для жилищного или иного строительства, садоводства, огородничества, в указанных целях в случае, если обязанность по использованию такого земельного участка в течение установленного срока предусмотрена федеральным законом) суд указал, что выяснению и доказыванию по делу являются действия, которые должен был совершить собственник земельного участка, невыполненные действия должны быть описаны [11].

Таким образом, использование земельного участка, по мнению суда, – это действие и, смеем предположить, что использование не по целевому назначению – это тоже только действие. Таким образом, получается, что использование, но не по целевому назначению – нарушение, а неиспользование вообще – не нарушение.

В Постановлении Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 369 «О признаках неиспользования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации» [12] предусмотрены признаки неиспользования предназначенных для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности земельных участков. Большинство из них – бездействие, но такое, при котором не осуществляются действия, которые должны осуществляться на земельных участках, предназначенных для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности. Например, на пашне не производятся работы по возделыванию сельскохозяйственных культур и обработке почвы, на сенокосах не производится сенокошение.

Таким образом, участок фактически может использоваться, но не в связи с ведением на нем сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности. Исходя из этого, неиспользование в соответствии с целевым назначением может быть в форме действия. Остальные признаки (например, залесенность и (или) закустаренность на иных видах сельскохозяйственных угодий составляет свыше 30%) могут свидетельствовать о неиспользовании земельного участка в общем. Неиспользование в данном случае будет выражено в форме бездействия.

Подводя итог вышесказанному, повторимся, что синтаксическая связь между словами норм ст. 284 и 285 ГК РФ различна. Отсюда – разное словесное толкование норм. Правоприменение также должно быть

различным. Ст. 284 ГК РФ нацелена на охрану земельных участков, предназначенных для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства, поскольку эти земельные участки имеет повышенную ценность, в том числе социальную. Поэтому и требования к использованию таких земельных участков выше. Именно на этом основании мы утверждаем, что изъять такой земельный участок возможно не только в случае, если земельный участок используется не по целевому назначению, но и в случае, если он вообще не используется. Изъятие иных земельных участков (по ст. 285 ГК РФ) по причине их использования не по целевому назначению допустимо в случае использования земельного участка не по целевому назначению, бездействие собственника в отношении такого земельного участка не должно являться в данном случае основанием для его изъятия. Сказанное справедливо и не нарушает принцип неприкосновенности собственности, поскольку в современном мире он сводится к следующему: «собственник может законно обладать своим имуществом и осуществлять в отношении него все соответствующие действия до тех пор, пока ему будет это позволено государством (сувереном) с учетом общественных интересов» [13, с. 129].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

3. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М.: Ленанд, 2016. 160 с.

4. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс] / Слоаврьдаля.нет. URL: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=31831 (дата обращения 01.06.2020).

5. Шахрай И. С. К вопросу о разграничении правонарушений «нецелевое использование» и «неиспользование» земельных участков // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-

летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь доктора юридических наук, профессора А. М. Абрамовича. 2019. С. 162-165.

6. Вербицкая М. А., Светличная Т. Б. Нецелевое использование земельных участков: некоторые проблемы административной ответственности // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 150-156.

7. Решение Октябрьского районного суда г. Саратова № 2-3256/2019 2-3256/2019 М-3044/2019 М-3044/2019 от 26 сентября 2019 г. по делу № 2-3256/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Решение Хасанского районного суда № 2-721/2019 2-721/2019 М-657/2019 М-657/2019 от 5 сентября 2019 г. по делу № 2-721/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

9. Решение Заводского районного суда г. Саратова № 2-2708/2019 2-2708/2019 М-2438/2019 М-2438/2019 от 29 августа 2019 г. по делу № 2-2708/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

10. Решение Тихвинского районного суда № 2-531/2019 2-531/2019 М-394/2019 М-394/2019 от 30 июля 2019 г. по делу № 2-531/2019// Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

11. Решение Свердловского областного суда № 72-1410/2019 от 13 ноября 2019 г. по делу № 72-1410/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

12. О признаках неиспользования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 369 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 18. Ст. 2230.

13. Рыженков А. Я. Введение в философию гражданского права: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 184 с.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No 32. Art. 3301.

2. Land Code of the Russian Federation: Federal Law of October 25, 2001 No. 136-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44.
Art. 4147.

3. Vaskovsky E. V. Guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers. M.: Lenand, 2016. 160 p.

4. Online Dahl's Explanatory Dictionary. URL: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=31831 (access date: June 01, 2020).

5. Shakhrai I. S. On the delimitation of offenses “misuse” and “non-use” of land // Modern statehood and law: theoretical and practical problems of formation and successful functioning: Mater. Int. scientific-practical Conf., dedicated to the 75th birthday of the Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Doctor of Law, Professor A. M. Abramovich. 2019. Pp. 162-165.

6. Verbitskaya M. A., Svetlichnaya T. B. Inappropriate use of land: some problems of administrative responsibility // Humanitarian and legal studies. 2018. No. 2. Pp. 150-156.

7. Decision of the Oktyabrsky District Court of the city of Saratov No. 2-3256/2019 2-3256/2019 M-3044/2019 M-3044/2019 of September 26, 2019 in the case No. 2-3256/2019 // Consultant Plus.

8. Decision of the Khasansky District Court No. 2-721/2019 2-721/2019 M-657/2019 M-657/2019 of September 5, 2019 in case No. 2-721/2019 // Consultant Plus

9. Decision of the Zavodsky district court of the city of Saratov No. 2-2708/2019 2-2708/2019 M-2438/2019 M-2438/2019 of August 29, 2019 in case No. 2-2708/2019 // Consultant Plus.

10. Decision of the Tikhvin District Court No. 2-531/2019 2-531/2019 M-394/2019 M-394/2019 of July 30, 2019 in case No. 2-531/2019 // Consultant Plus.

11. Decision of the Sverdlovsk Regional Court No. 72-1410/2019 of November 13, 2019 in case No. 72-1410 2019// Consultant Plus.

12. On the signs of non-use of land, taking into account the peculiarities of agricultural production or other activities related to agricultural production in the constituent entities of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of April 23, 2012 No. 369 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2012. No 18. Art. 2230.

13. Ryzhenkov A. Ya. Introduction to the philosophy of civil law: monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 184 p.

УДК/UDC 347.193

Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности муниципальных образований

Меживой Алексей Владимирович
кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса
Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР
г. Донецк
e-mail: aleksejmez@mail.ru
SPIN-код: 8616-9294

Черемных Валерий Юрьевич
преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР
г. Донецк
e-mail: valeriy032@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется гражданско-правовая ответственность муниципальных образований в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Доказано, что муниципалитеты могут выступать полноправными участниками деликтных гражданских правоотношений, а такие обязательства, в свою очередь, имеют признаки особого гражданского правонарушения. Эта позиция подтверждается тем фактом, что муниципалитет, выступающий в качестве субъекта гражданских правоотношений, обладает всеми признаками территориальности, что, в свою очередь, означает, что границы рассматриваемой территории имеют индивидуально выраженную функциональную гражданскую правосубъектность в форме муниципалитета, который также выступает в качестве места, где сосредоточены его субъективные права, а также и юридические обязательства. Авторы акцентируют внимание на сути нарушения гражданского права как основы муниципальной гражданской ответственности рассматриваемых субъектов. В статье также рассмотрены признаки и особенности применения мер гражданской ответственности к муниципалитетам в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: ответственность, муниципальные образования, правонарушение, вред.

Some Aspects of Civil Liability of Municipalities

Mezhivoy Aleksey Vladimirovich
Candidate of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry
of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic
Donetsk
e-mail: aleksejmez@mail.ru
SPIN Code: 8616-9294

Cheremnykh Valeriy Yuryevich
lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry
of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic
Donetsk
e-mail: valeriy032@gmail.com

Abstract

The article analyzes the civil liability of municipalities in accordance with the current legislation of the Russian Federation. It is proved that municipalities can act as full participants in tort civil legal relations, and such obligations, in turn, have signs of a special civil offence. This position is confirmed by the fact that the municipality, acting as a subject of civil legal relations, has all the signs of territoriality, which, in turn, means that the borders of the territory in question have an individually expressed functional civil personality in the form of a municipality, which also acts as a place, where its subjective rights and legal obligations are concentrated. The authors focus on the essence of violation of civil law as the basis of municipal civil liability of the subjects in question. The authors also examined the signs and features of applying civil liability measures to municipalities in accordance with the current legislation of the Russian Federation.

Key words: liability, municipalities, offence, harm.

Муниципальное право отделилось от профилирующей сферы — конституционного права — в начале 90-х годов XX века. На сегодняшний день в муниципальной юридической науке лишь формируется доктрина ответственности: отдельные аспекты институциональной сферы гражданской ответственности муниципалитетов недостаточно рассмот-

рены в научных статьях и монографиях, она воспринимается научной общественностью как доктринальная гипотеза, в учебный оборот введена ограниченно — на уровне отраслевого учения.

Развитие комплекса общественных отношений, которые регламентируются нормативными правовыми актами муниципального права, преобразование последнего в отдельную отрасль имеет значительное практическое применение, делает необходимым создание системы эффективной охраны муниципально-правовых отношений.

Перманентная отсылка к нормам таких отраслей права, как уголовное, трудовое, административное, конституционное, не способствует обеспечению полноценной защиты, а также надлежащему использованию всего арсенала юридических предписаний муниципального законодательства, в результате чего многие его нормы оказываются необеспеченными силой государственного принуждения.

Таким образом, на сегодняшний день проблематика определения правовых границ гражданской ответственности муниципалитетов в цивилистике осталась без должного внимания, что и обуславливает актуальность указанной тематики в сегодняшних реалиях правовой системы Российской Федерации.

Изучением теоретических аспектов, а также проблемных вопросов определения границ гражданской ответственности, выявления ее особенностей занимались многие исследователи прошлого и современности. В числе авторов, исследовавших указанную проблематику, можно выделить таких, как: Е. А. Сунцова, Н. В. Корнилова, Е. С. Шугрина, Д. Т. Шон, Ю. А. Тихомиров, М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, М. Д. Шиндяпина, Л. Т. Чихладзе и другие ученые-правоведы.

Так, по мнению Е. А. Сунцовой, основные факторы, определяющие систему гражданской ответственности, — это противоправные деяния (действия или бездействия) лица (группы лиц); причинение фактического вреда потерпевшему лицу (группе лиц); причинно-следственная связь причиненного вреда, а также противоправного деяния; виновность лица (группы лиц), причинившего вред. Указанные условия необходимы

для гражданской ответственности как отдельных лиц, так и совокупности субъектов, участвующих в гражданских отношениях, которые, в свою очередь, урегулированы нормами гражданского права, в частности — муниципальных образований [1, с. 17].

Основным НПА, в наиболее общем виде регламентирующим гражданскую ответственность муниципалитетов, выступает Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ (принят 06.10.2003) [2]. Рассматриваемые положения, а также границы гражданской ответственности муниципалитетов урегулированы нормами ст. ст. 124–127 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]. Согласно указанным нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, муниципалитеты несут ответственность по обязательствам в сфере гражданского оборота частью своих имущественных комплексов, за исключением имущества, на осуществление приватизации которого законодателем наложен строгий запрет.

Таким образом, взысканию по долговым обязательствам муниципалитета подлежит та часть имущественного комплекса, которая не распределена между конкретными предприятиями и учреждениями, а следовательно, главным источником погашения долговых обязательств выступают бюджетные средства, консолидированные на местном уровне.

Так, согласно Закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», муниципалитеты наделены правом самостоятельности в установлении таких основ ответственности, как определение ее оснований, а также полноты и объема, который возлагается на служащих, а также должностных лиц муниципалитета.

При этом в рамках требований, установленных п. 8 ч. 1 ст. 44 Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», конкретные виды и способы осуществления ответственности муниципалитета и основания ее наступления установлены в Уставе последнего.

В юриспруденции ответственность классифицируется в соответствии с отраслью права (конституционное, административное, уголов-

ное, гражданское, муниципальное право); направлением санкционных ограничений (регулирующие и защитные); направлением ответственности (перед населением, государством, физическими и юридическими лицами) и т. д.

Таким образом, классификация видов ответственности муниципалитетов, их служащих, а также должностных лиц по признакам ответственности изложена в ст. 70 Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», и это механически воспроизведено практически во всех муниципальных уставах.

По нашему мнению, требование законодателя об обязательном регулировании в уставах муниципалитетов комплекса правовой ответственности означает, что в уставе находит свое отражение чисто механическое дублирование стандартов вышеупомянутого закона о гражданской ответственности физических и юридических лиц.

По мнению Н. В. Корниловой, основные виды ответственности муниципалитетов можно классифицировать как договорные обязательства (могут возникнуть, например, в случае нарушения обязательств, вытекающих из муниципального контракта, поскольку одной из сторон этих правоотношений является сам муниципалитет) и недоговорная ответственность [4].

Из п. 2 ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации усматривается, что ряд положений ФЗ РФ, регулирующего гражданско-правовые отношения (ГК РФ), распространяется на юридические лица — муниципалитеты как на участников гражданских правоотношений.

Применимо к правовому регулированию деятельности муниципалитета следует рассматривать норму ст. 402 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой ответственность за действия сотрудников, повлекшие неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей должника, возлагается на должника, который, в свою очередь, несет ответственность за эти действия. Однако требования данной правовой нормы применимы к гражданской ответственности муниципалитетов лишь при определении строго очерченного круга лиц, применимо к кото-

рым реализуется принцип наступления ответственности. Так, к примеру, законодательно запрещено привлечение муниципалитета к гражданско-правовой ответственности за неправомерные деяния (бездействия) его жильцов, в связи с тем, что последние не находятся между собой в отношениях соподчинения [5, с. 80].

Кроме того, реализация принципа ответственности муниципалитета за противоправные деяния его работников, а также должностных лиц наступает, лишь когда такие действия совершены при исполнении служебных обязанностей [6, с. 11–12].

В свою очередь, к существенным условиям, при наступлении которых муниципалитет не ответственен за действия (бездействие) местных органов государственной власти, относят их непосредственное вступление в урегулированные нормами права гражданские отношения, однако, при таких обстоятельствах имеет место применение субсидиарной ответственности муниципалитетов, что предусмотрено в п. 2 ст. 120 ГК РФ.

Положительным примером рассматриваемой разновидности гражданской ответственности могут послужить правительственные учреждения, которые несут ответственность по взятым обязательствам в рамках имеющихся в наличии финансовых ресурсов, а при их недостатке взыскание может быть распространено на собственника имущественного комплекса, который находится в их ведении. Принимая во внимание, что собственником имущественного комплекса, который находится в ведении казенных организаций, зачастую выступает муниципалитет, то вышеизложенное свидетельствует о неминуемом наступлении субсидиарной ответственности муниципалитета [7, с. 88; 8, с. 49].

Учитывая рассмотренные выше аспекты гражданской ответственности муниципалитетов, необходимо также отметить нормы ст. 310 ГК РФ, в которых установлено, что односторонний отказ от выполнения обязательств и одностороннее изменение его состояния недопустимы, если иное не предусмотрено действующим законодательством Российской Федерации.

Так, по мнению М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, меры ответственности муниципалитетов (при условии совершения последними нарушения взятых на себя обязательств в рамках соглашения) включают в себя:

— возмещение причиненного вреда в натуральном выражении;
— оплату штрафов (неустоек и т. п.);
— взимание, оговоренных соглашением процентов [9, с. 56].

Ученые-цивилисты также рассматривают гражданскую ответственность муниципалитетов и в разрезе внедоговорных правоотношений и обязательств, к примеру ответственность за причиненный ущерб, а также последствия безосновательного обогащения. Как и в рамках договорных обязательств, гражданско-правовое регулирование рассматриваемой ответственности муниципалитетов аналогично деликтным обязательствам субъектов хозяйствования — юридических лиц, однако, как отмечает В. Е. Чиркин, отсутствуют правовые основания к применению в отношении муниципального образования мер ответственности, вытекающих из общего деликта [10, с. 40].

Дополняя правовую характеристику гражданской ответственности муниципального образования, необходимо раскрыть правовую сущность наступления ответственности за умышленный ущерб, причиненный работнику (должностному лицу, служащему), в рамках исполнения последним должностных обязанностей. В связи с тем, что у территориального образования фактически нет «работников», а служащие муниципалитета являются должностными лицами — представителями местных органов государственной власти, следовательно, при таких обстоятельствах очевидно возложение ответственности на отдельно взятый орган (учреждение), а не на сам муниципалитет, при этом ответственность последнего может иметь только субсидиарный характер.

При этом если муниципалитет владеет источником повышенной опасности, которым вследствие наступления определенных обстоятельств будет причинен ущерб физическому лицу — гражданину РФ,

ответственность будет возложена именно на муниципалитет как владельца указанного имущества — источника повышенной опасности [11, с. 40].

Ученый-правовед Б. Вашков в своих трудах также обращает внимание на отдельные аспекты ответственности муниципалитетов по взятым обязательствам внедоговорного характера, которые, в свою очередь, регламентированы нормами ст. 1069 ГК РФ, согласно которой ущерб, нанесенный действиями (бездействием) местных органов власти, подлежит возмещению за счет финансовых ресурсов, аккумулированных в бюджете муниципалитета. Аналогичные положения установлены законодателем в ст. 16 ГК РФ, однако, по мнению автора, обязательным условием наступления ответственности муниципалитета является исключительно нарушение его органами обязательных гражданско-правовых деяний в форме государственного принуждения [12, с. 10].

Заслуживает внимания также позиция о необходимости проводить различие между случаями, когда отдельный орган совершает действия от имени муниципалитета, а также когда последний действует от своего имени. Эту позицию высказывает исследователь-цивилист А. Латынцев [13, с. 7–8].

Также важно проводить различие между теми гражданскими отношениями, в которых муниципалитетам присуща собственная деликтоспособность, и теми, в рамках которых структурным органам последних присуща деликтоспособность самого муниципалитета [14, с. 28].

Учитывая тот факт, что муниципалитеты самостоятельно устанавливают основу своей гражданской ответственности и ее масштабы, следует обратить внимание на мнение Л. Т. Чихладзе о необходимости урегулирования таких вопросов на законодательном уровне с установлением одинакового уровня ответственности для всех муниципалитетов. Так, в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации законодатель установил, что ограничение прав и свобод возможно только федеральными законами, недопустимо устанавливать законодательными актами субъектов Российской Федерации других ограничений, кроме установленных федеральными законами для реализации прав и свобод [15, с. 78].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно резюмировать, что гражданско-правовая ответственность муниципалитетов рассматривается как:

- применение санкций, закрепленных в нормах локальных актов муниципального правотворчества, которые, в свою очередь, регламентируют вид и степень муниципальной правовой ответственности;
- принудительная мера, санкционированная государством, основана на юридическом и социальном осуждении поведения правонарушителя и выражена в установлении определенных негативных последствий для него;
- обязанность субъекта, совершившего правонарушение, понести ответственность за совершенное им правонарушение муниципального права, а также признавать негативные последствия, установленные муниципальными правовыми актами;
- реакция населения муниципалитета на муниципальное правонарушение;
- принудительные действия представителей муниципалитета в отношении лиц, совершивших муниципальное правонарушение;
- правовые отношения, возникшие в результате муниципального правонарушения между муниципалитетом и правонарушителем, который обязуется нести последствия совершенного правонарушения.

Итак, можно с уверенностью констатировать: гражданская ответственность муниципалитетов в науке и практике права выступает как сложный, многоаспектный институт, что прежде всего определено многогранностью понятия «правовая ответственность».

На сегодняшний день в цивилистике, а также на законодательном уровне отсутствует ясное представление о предмете регулирования гражданско-правовой ответственности муниципальных образований. Размытость границ нормотворчества местных органов власти при регламентировании отдельных вопросов гражданско-правовой ответствен-

ности выступает причиной многих дефектов, присутствующих в уставов муниципалитетов, что также затрудняет реализацию рассмотренного вида ответственности.

Это также означает, что на федеральном уровне необходимо разграничить области правотворчества местных органов власти, а также государственной власти на федеральном уровне в области гражданской ответственности муниципалитетов.

Список литературы

1. Сунцова Е. А. Нетрадиционные виды юридической ответственности: учебное пособие / Е. А. Сунцова; Московский ин-т экономики, менеджмента и права, Каф. гос.-правовых дисциплин. М.: Московский институт экономики, менеджмента и права, 2008. 155 с.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Корнилова Н. В. Право собственности в российском гражданском праве: монография / Н. В. Корнилова. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2010. 128 с.

5. Шугрина Е. С. Муниципальное право: учебное пособие / Е. С. Шугрина. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 268 с.

6. Шон Д. Т. Конституционная ответственность / Д. Т. Шон // Государство и право. 1995. № 7. С. 35–43.

7. Тихомиров Ю. А. Публичное право: падение и взлеты / Ю. А. Тихомиров // Государство и право. 1996. № 1. С. 3–11.

8. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник / Ю. А. Тихомиров. М.: Издательство БЕК, 1995. 496 с.

9. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М.: Статут, 2011. 347 с.

10. Чиркин В. Е. Основы сравнительного государствоведения / В. Е. Чиркин. М.: Издательский дом «Артикул», 1997. 352 с.

11. Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 211 с.

12. Вашков Б. Ответственность за вред, причиненный органами власти и должностными лицами / Б. Вашков // Директор. 1999. № 5. С. 50–53.

13. Латынцев А. Ограниченное равенство / А. Латынцев. ЭЖ-Юрист. 2009. № 13.

14. Черногор Н. Н. Некоторые проблемы исследования юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления / Н. Н. Черногор // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 38–41.

15. Чихладзе Л. Т. Местное самоуправление и местное управление зарубежных стран и государств-участников СНГ. Сравнительно-правовой анализ: учебное пособие / Л. Т. Чихладзе; Моск. ин-т экономики, менеджмента и права, Каф. гос.-правовых дисциплин.. М.: NOTA BENE, 2005. 143 с.

References

1. Suntsova, Ye. A. Non-Traditional Types of Legal Responsibility: A Textbook / Ye. A. Suntsova; Moscow Institute of Economics, Management and Law, Department of State and Legal Disciplines. Moscow: Moscow Institute of Economics, Management and Law, 2008. 155 p.

2. On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822.

3. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (in the edition of December 16, 2019, as amended on May 12, 2020) // Consultant Plus.

4. Kornilova, N. V. Right of Ownership in Russian Civil Law / N. V. Kornilova. Khabarovsk: Khabarovsk State Academy of Economics and Law, 2010. 128 p.

5. Shugrina, Ye. S. Municipal Law: A Textbook / Ye. S. Shugrina. Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk University, 1995. 268 p.

6. Shon, D. T. Constitutional Responsibility / D. T. Shon // State and Law. 1995. No. 7. Pp. 35–43.

7. Tikhomirov Yu. A. Public Law: the Fall and the Highs / Yu. A. Tikhomirov // State and Law. 1996. No. 1. Pp. 3–11.

8. Tikhomirov Yu. A. Public Law: A Textbook / Yu. A. Tikhomirov. Moscow: BEK, 1995. 496 p.

9. Braginskiy, M. I., Vitryanskiy, V. V. Contract Law: General Provisions / M. I. Braginskiy, V. V. Vitryanskiy. Moscow: Statut, 2011. 347 p.

10. Chirkin, V. Ye. Fundamentals of Comparative State Science / V. Ye. Chirkin. Moscow: Artikul, 1997. 352 p.

11. Shindyapina, M. D. Stages of Legal Liability. Moscow, 1996. 211 p.

12. Vashkov, B. Responsibility for Harm Caused by Authorities and Officials / B. Vashkov // Direktor. 1999. No. 5. Pp. 50–53.

13. Latyntsev, A. Limited Equality / A. Latyntsev. EZh-Yurist. 2009. No. 13.

14. Chernogor, N .N. Some Problems of Studying the Legal Responsibility of Local Authorities and Officials / N. N. Chernogor // State Power and Local Self-government. 1998. No. 1. Pp. 38–41.

15. Chikhladze, L. T. Local Government and Local Government of Foreign Countries and CIS member states. Comparative Legal Analysis: A Textbook / L. T. Chikhladze; Moscow Institute of Economics, Management and Law, Department of State and Legal Disciplines. Moscow: NOTA BENE, 2005. 143 p.

УДК/UDC 347.78

Авторские права на перевод произведения

Оганезов Эдгар Маратович
студент магистратуры юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail:mark97ru@mail.ru

Карипиди Алла Геннадиевна
кандидат филологических наук
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail:a021nn@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье исследуется правовая природа авторских прав применительно к производным произведениям. Рассматривается, в частности, такой объект авторских прав, как перевод произведения, изучаются авторские права на оригинал произведения и на его перевод. Выделяются особенности авторских прав на производное произведение, отмечаются отдельные проблемы правового регулирования отношений по данному поводу и предлагаются пути их решения. Рассматривается вопрос о способе возникновения авторских прав на перевод произведения. Анализируются критерии, позволяющие отнести перевод произведения к результатам творческой деятельности, и рассматривается соотношение правомочия на перевод произведения в рамках реализации исключительного права на оригинал произведения. Отмечается необходимость соблюдения права автора оригинала произведения на неприкосновенность результата его творческой деятельности.

Ключевые слова: авторские права, литературное произведение, производное произведение, исключительное право, неприкосновенность произведения.

Copyright on the Translation of a Work

Oganezov Edgar Maratovich
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: mark97ru@mail.ru

Karipidi Alla Gennadiyevna
Candidate of Philology
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: a021nn@mail.ru

Abstract

This article examines the legal nature of copyright in relation to derivative works. In particular, such an object of copyright as a translation of a work is considered. The authors consider the copyright on the original work and its translation. The features of copyright in a derivative work are highlighted, some problems of legal regulation of relations regarding them are noted, and solutions are proposed. The article discusses the method of copyright for the translation of a work. Criteria are analyzed that allow the translation of a work to be attributed to the results of creative activity and the correlation of competence to translate a work within the framework of the exclusive right to the original work. The necessity of observing the right of the author of the original work on the inviolability of his result of intellectual activity is noted. Conclusions are drawn and ways to overcome existing problems are proposed.

Key words: copyright, literary work, derivative work, exclusive right, inviolability of the work.

Одними из наиболее сложных отношений в современном обществе являются отношения по поводу объектов интеллектуальных прав.

Правовое регулирование указанных отношений в отечественном законодательстве осуществляется сравнительно недавно. Изначально оно представляло собой нормы, содержащиеся в отдельных законодательных актах, но в 2007 г. в результате соответствующих реформ нормы, посвя-

щенные отношениям по поводу объектов интеллектуальных прав, были кодифицированы в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Анализ норм указанной части ГК РФ показывает, что в области регулирования интеллектуальных прав существует множество проблем, на которые необходимо обращать внимание, исследовать их и искать пути решения.

Однако в рамках настоящего исследования мы будем говорить лишь о проблеме авторских прав на производные произведения, в частности на перевод произведения.

По общему правилу авторские права включают в себя личные неимущественные права, в которые входят право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения, а также имущественное право и иные. Указанные права принадлежат также создателю производного произведения. Однако, по нашему мнению, производные произведения обладают отдельными особенностями, на которые необходимо обратить внимание при формировании правового регулирования отношений по поводу них.

Согласно ч. 2 ст. 1259 ГК РФ производные произведения, т. е. произведения, представляющие собой переработку другого произведения, являются объектами авторских прав.

Ст. 1260 ГК РФ установлено, что перевод произведения является производным произведением, права на которое охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав.

В соответствии с пп. 3, 4 ст. 1259 ГК РФ возникновение авторских прав обусловлено лишь наличием самого произведения в какой-либо объективной форме, при этом нет необходимости в регистрации или соблюдении иных формальностей.

Одновременно с этим законодатель указывает на то, что переводчик при осуществлении своих авторских прав должен соблюдать права авторов произведений, использованных для создания производного произведения, а в п. 2 ст. 1270 ГК РФ перевод произведения является

одним из способов осуществления исключительного права автора оригинала произведения.

С учетом указанных выше норм для создания перевода произведения, а соответственно возникновения авторских прав на него, необходимо заключить с автором оригинала произведения лицензионный договор или договор на отчуждение исключительного права, чтобы получить правомочие на перевод произведения. Таким образом, законодатель, с одной стороны, указывает на отсутствие соблюдения каких-либо формальностей для возникновения авторских права, с другой стороны, для возникновения авторских прав на перевод произведения в качестве предпосылки указывает на необходимость соблюдения отдельных формальностей, а именно получение соответствующего правомочия у автора оригинала произведения.

Для дальнейшего исследования необходимо определить, кто является носителем авторских прав на перевод произведения. По общему правилу им является физическое лицо, которое собственным творческим трудом создает перевод.

Иногда процесс создания того или иного перевода текста является достаточно трудоемким и творческая деятельность в данном случае осуществляется несколькими лицами, которые будут в дальнейшем соавторами такого перевода. В соответствии с положениями пп. 1, 2 ст. 1258 ГК РФ законодатель выделяет два вида соавторства: делимое и неделимое. При делимом соавторстве авторские права у каждого из авторов возникают только на созданную ими часть произведения. При неделимом соавторстве, когда объект является неразрывным, авторские права возникают у всех авторов, творческим трудом которых создавалось данное произведение. При таком соавторстве осуществляется совместное использование произведения авторами, если соглашением не предусмотрено иное, но в тоже время далее законодатель запрещает предусматривать иное, а именно запрет на использование неразрывного произведения одним из его авторов без достаточных оснований. Кроме того, каждый из соавторов вправе самостоятельно принимать меры по защите своих

прав, в т. ч. когда созданное автором произведение образует неделимое целое.

Также следует иметь в виду, что авторские права не возникают у лиц, оказывающих консультативную, организационную, техническую или иную помощь, т. к. она по своему содержанию не подразумевает творческий вклад в создание произведения. Например, при создании перевода специализированного текста может возникнуть необходимость консультации со специалистами в той или иной области для правильной трактовки терминов, по эти специалисты не будут являться соавторами данного перевода, т. к. их помощь носила лишь вспомогательный характер.

Таким образом, автором перевода произведения является лицо или лица, чьим творческим трудом создан такой перевод. Однако, рассматривая данный признак, нам необходимо определить критерии отнесения результата той или иной деятельности именно к творческой. Законодатель не дает четкого разъяснения относительно того, что понимать под творческой деятельностью. Исходя из анализа положений статьи 1228 ГК РФ, мы можем сделать вывод о том, что результатом творческой деятельности называется такой, который возник в ходе интеллектуальной деятельности автора посредством внесения личного творческого вклада в создание такого труда. Однако все равно остается открытым вопрос относительно того, что понимать в таком случае под творческим вкладом и получается, что законодатель не до конца раскрыл сущность творческого труда, породившего тот или иной объект авторских прав.

Если обратиться к материалам отечественной судебной практики, то можно заметить, что здесь правоприменитель указывает на то, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторских прав [2]. Таким образом, мы можем говорить о том, что с точки зрения судебной практики о творческом характере результата того или иного труда в первую очередь свидетель-

ствует наличие критериев новизны, уникальности, а также оригинальности.

При этом под новизной понимается создание качественно нового, ранее не существующего произведения. В нашем случае перевод произведения должен отличаться от уже существующих переводов. При этом, чтобы отвечать критерию новизны, он должен включать в себя качественно новые элементы. Например, существует два варианта перевода книг о Гарри Поттере, качественным отличием которых является разный перевод имен героев и отдельных фраз. В литературе критерий новизны для результата творческой деятельности подразделяется на субъективную и объективную новизну. Субъективная новизна характерна для ситуации, когда автор создает произведение со стойким убеждением в том, что создает нечто новое [3, с. 42]. Объективная новизна имеет место, если аналогов созданному результату творческой деятельности не существует.

Под оригинальностью понимается непохожесть формы изложения того или иного результата творческой деятельности на другие. Т. е. у нас может быть два одинаковых по содержанию произведения, но каждое из них будет оригинально в том случае, если форма его изложения разная. В данном случае важно именно не содержание, а форма изложения, которая характеризует автора как уникального создателя. Э. П. Гаврилов как раз связывал творчество с оригинальностью. По его мнению, оригинальными являются те объективно новые творческие результаты, которые уникальны и не повторяются при параллельном творчестве [4, с. 32]. Через новизну, оригинальность, неповторимость и уникальность раскрывается понятие творчества.

Что касается уникальности, то современная отечественная доктрина считает данный критерий обобщающим для критериев новизны и оригинальности.

Однако законодательство отдельных стран указывает в качестве единственного критерия, позволяющего отнести тот или иной объект к результатам творческой деятельности, оригинальность. Так, при рас-

смотрении в 1991 г. дела Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Service Co, Inc. Верховный Суд США дал следующее толкование понятия «оригинальное произведение»: для того, чтобы быть признанным оригинальным, произведение должно характеризоваться по крайней мере минимальной величиной творческого труда» [3, с. 42]. Данная позиция характеризует индивидуалистский (субъективный) подход к пониманию критериев творческого характера, согласно которому для признания того или иного объекта результатом творческой деятельности необходимо исходить из характеристики деятельности автора, а именно акцентировать внимание на том, что она должна быть самостоятельной. В данном подходе подразумевается, что если автор путем самостоятельной деятельности создаст произведение, то оно будет результатом его творческого труда независимо от характеристик такого результата.

Однако российское право придерживается коллективистского (объективного) подхода, согласно которому для отнесения определенного объекта к результатам творческой деятельности необходимо выявить определенные критерии для этого в самом объекте, а не в деятельности по его созданию.

Таким образом, к объектам авторских прав следует относить не каждый перевод, а лишь тот, который отвечает критериям творческого труда. Например, если перевод произведения является дословным, бессвязным или осуществлен в отсутствие соответствующего позволения автора оригинала, то его к результатам творческой деятельности отнести нельзя.

Исходя из вышеуказанных положений, можно сделать вывод о том, что авторские права на перевод произведения возникают лишь на его внешнюю форму, то есть на произведение, изложенное на ином языке. Что же касается содержательной части переведенного произведения, его смысла, то здесь нельзя говорить о наличии каких-либо авторских прав переводчика.

Еще одним ограничением для переводчика является право автора оригинала на неприкосновенность его произведения.

В соответствии со ст. 6 Бернской конвенции право на неприкосновенность произведения сводится к наделению автора возможностью противодействовать всякому извращению, искажению или иному изменению этого произведения, а также любому другому посягательству на произведение, способному нанести ущерб чести или репутации автора [5].

В российском законодательстве право на неприкосновенность произведения сформулировано в ст. 1266 ГК РФ, согласно которой не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями (право на неприкосновенность произведения). Также в ней предусмотрено, что извращения, искажения или иные изменения произведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию автора, равно как и посягательства на такие действия, дают автору право требовать защиты его чести, достоинства или деловой репутации.

Содержание данной статьи позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель придерживается расширительного толкования международно-правовой трактовки права на неприкосновенность произведения. Это проявляется в том, что отечественным законодательством установлен запрет на внесение любых изменений в произведение без разрешения автора при отсутствии привязки к характеру таких изменений, т. е. запрещено в любом случае, даже если нет угрозы нанесения ущерба чести, достоинству и деловой репутации автора. Если же автор разрешил внести какие-либо изменения, и это выразилось в извращении, искажении или ином изменении, порочащим честь, достоинство и деловую репутации автора, а также в посягательстве на такие действия, то законодатель дает автору право требовать защиты его личных неимущественных прав.

Однако переводчику следует учитывать, что правомочие на перевод произведения не дает ему оснований для искажения смысла оригинала произведения в самом переводе, иначе это может расцениваться как

покушение на право автора оригинала на неприконовенность его произведения.

Совокупность указанных выше положений позволяет сделать вывод о том, что отечественный законодатель снисходительно относится к авторским правам на перевод произведения, что, по нашему мнению, является опасной тенденцией, которая может привести к нарушению авторских прав на оригинал произведения. Указание на необходимость соблюдения прав автора на оригинал произведения при осуществлении авторских прав на его перевод не конкретизируется отдельными нормами. Для того чтобы предотвратить подобное негативное развитие законодательства, необходимо поставить авторские права на перевод произведения в соподчинение авторским правам на оригинал. Установить критерии, необходимые для возникновения авторских прав на перевод произведения, например, указать, что перевод должен четко передавать смысл оригинала произведения и правомочие на его осуществление должно быть получено у автора оригинала произведения, а также установить право автора оригинала произведения знакомиться с указанным переводом непосредственно перед опубликованием. Предложенные нами новеллы существенно ограничивают права авторов переводов произведений, однако в данной ситуации большую ценность представляет собой оригинал произведения, поэтому такие ограничения оправданы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 23.05.2018 № 116-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (Часть 1). Ст. 5496.

2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

3. Мельников В. А. Книги о Гарри Поттере — предмет судебных разбирательств в Нидерландах и Великобритании // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2004. № 10. С. 41–47.

4. Гаврилов Э. П. Комментарий к закону РФ «Об авторском праве и смежных правах». Судебная практика. М.: Экзамен, 2003. 352 с.

5. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (вместе с «Дополнительным разделом») (Заключена в г. Берне 09.09.1886) (с изм. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3–34.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended by on May 23, 2018 No. 116-FZ) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part 1). Art. 5496.

2. On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 7.

3. Melnikov, V. A. Harry Potter Books as a Case at Law in the Netherlands and the UK // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2004. No. 10. Pp. 41–47.

4. Gavrilov, E. P. Commentary on the Law of the Russian Federation On Copyright and Related Rights. Arbitrage practice. Moscow: Ekzamen, 2003. 352 p.

5. The Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (together with the Additional Section) (Concluded in Berne on September 9, 1886) (as amended on September 28, 1979) // Bulletin of International Treaties. 2003. No. 9. Pp. 3–34.

УДК/UDC 343.54

Развратные действия в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)

Поделько Анастасия Сергеевна
магистрант юридического факультета
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия
e-mail: missalimovaa@mail.ru

Живодрова Надежда Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия
e-mail: jivodrova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы уголовной ответственности за развратные действия, предусмотренной ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенные в интернет-пространстве в отношении несовершеннолетних. Приведены и проанализированы официальные статистические данные, отражающие количество преступлений, совершенных против половой неприкосновенности несовершеннолетних за 2016–2018 гг., количество зарегистрированных развратных действий за 2008–2018 гг., а также число осужденных. Рассмотрена позиция Верховного Суда Российской Федерации в отношении действий, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал. Выделены основные причины увеличения количества рассматриваемых преступлений, а также предложен ряд профилактических мероприятий, которые, по мнению авторов, будут способствовать снижению числа преступлений, связанных с развратными действиями, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: развратные действия, сеть Интернет, социальная сеть, несовершеннолетние, половая неприкосновенность.

Sexual Misconduct in Information and Telecommunications Networks (Including the Internet)

Podelko Anastasiya Sergeyevna
student in the master's programme of the Faculty of Law
Penza State University
Penza, Russia
e-mail: missalimovaa@mail.ru

Zhivodrova Nadezhda Anatolyevna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Penza State University
Penza, Russia
e-mail: jivodrova@mail.ru

Abstract

The article deals with the main problems of criminal liability for sexual misconduct under Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation committed on the Internet against minors. The authors present and analyze the official statistical data reflecting the number of crimes committed against the sexual privacy of minors in 2016–2018, the number of registered indecent acts in 2008–2018, and the number of convicted persons. The article considers the position of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the actions where was no direct physical contact with the body of the victim. The authors define the main reasons for the increase in the number of crimes under consideration and propose a number of preventive measures that, according to the authors, will contribute to reducing the number of crimes related to acts of sexual misconduct committed against minors in information and telecommunications networks, including the Internet.

Key words: sexual misconduct, the Internet, social network, minors, sexual privacy.

С развитием информационных технологий практически во всех сферах жизни используются интернет-ресурсы. Сеть Интернет стала частью нашей повседневной жизни. Такое явление не только делает жизнь более удобной и интересной, но и более уязвимой, в особенности в отно-

шении детей. В настоящее время несовершеннолетние лица используют на практике интернет-ресурсы намного чаще, нежели взрослые. В связи с этим актуальным является вопрос предотвращения развратных действий в отношении несовершеннолетних в сети Интернет.

Интернет-пространство позволяет потенциальным преступникам выбрать наиболее уязвимую жертву, собрать о ней информацию, а также выполнить ряд преступных действий. Дети и подростки в возрасте до 16 лет являются неосмотрительными и наивными: они могут свободно вступить в переписку с незнакомым человеком, рассказывать ему о своей жизни, своих родителях, друзьях и подругах, а также обсуждать интимные вопросы, а иногда присылать свои фотографии. Явление интимных переписок с несовершеннолетними называется секстинг. На данный момент секстинг приобрел популярность у российских подростков в пугающих масштабах. Согласно статистическим данным практически каждый третий гражданин в возрасте до 16 лет хотя бы раз получал сообщения интимного характера, а каждый шестой несовершеннолетний получает сообщения аналогичного характера примерно раз в месяц. Сообщения, которые получал каждый двадцатый ребенок, имели в себе предложения обсудить детали полового акта [1].

В России практически 80% несовершеннолетних имеют личный профиль в социальных сетях. При этом более 35% детей имеют профили сразу в нескольких соцсетях. Наибольшее число зарегистрированных несовершеннолетних граждан установлено в социальной сети «ВКонтакте»: там зарегистрировано почти 90% всех детей, которые имеют доступ к соцсетям. Далее по числу зарегистрированных профилей детей следует такой ресурс, как «Одноклассники»: там имеет профиль около 15% всех несовершеннолетних, зарегистрировавшихся в социальных сетях. Третьим следует Facebook с около 5% несовершеннолетних и т. д. Стоит также отметить, что более 20% детей имеет 100 и больше друзей в своем профиле [2].

Для совершения развратных действий в отношении несовершеннолетнего злоумышленник сначала устанавливает доверительные отноше-

ния со своей жертвой. Такие действия можно рассматривать в аспекте приготовления к совершению преступления. Злоумышленник сначала изучает интересы подростка, его жизнь друзей, ищет «слабые» места, на которые можно было бы оказать давление. Преступники чаще всего пишут детям с поддельных страниц, скрываясь под личиной таких же подростков.

Наиболее поддаются влиянию дети, у которых имеются проблемы в семье или в межличностных отношениях со сверстниками. Тогда преступник сообщает жертве, что у него тоже именно такие же проблемы, а ребенок думает, что нашел себе «друга по несчастью».

В сентябре 2016 г. на встрече с Уполномоченным по правам ребенка А. Кузнецовой председатель Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкин привел статистику преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. По его словам, за 4 года почти в два раза увеличилось количество возбужденных уголовных дел рассматриваемой категории. По данным криминальной статистики в 2012 г. было совершено 6 499 таких преступлений, а в 2015 г. — уже 10 942 [3].

Согласно данным ГИАЦ МВД России в 2016 г. было выявлено 12353 преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в 2017 г. — 13 489, что на 9,2% больше [4]. В 2018 г. количество зарегистрированных преступлений возросло и составило 14152 преступления, что на 14,6% больше, чем в 2016 г., и на 4,9% больше, чем в 2017 г. В 2018 г. также отмечается рост данной категории преступлений на 4,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. По оценкам экспертов, рост количества преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних будет отмечаться и в последующие годы. Статистические данные, отражающие количество преступлений в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних, представлены на рисунке 1.

Количество зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних за период 2015–2018 гг.

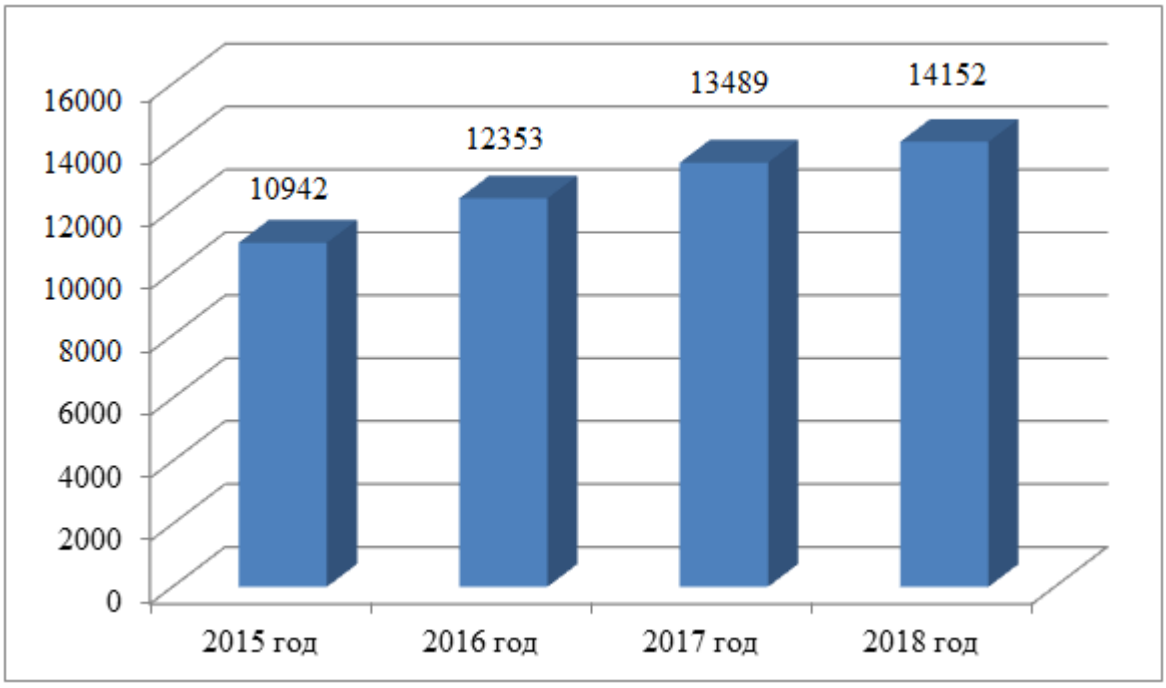

Рисунок 1

Согласно опубликованным на сайте Федеральной службы государственной статистики данным, число развратных действий увеличивалось с 2008 г. по 2011 г., а начиная с 2012 г. число преступлений резко пошло на спад [5]. Так, количество преступлений в 2012 г. по сравнению с 2011 г. снизилось на 19,9%, а в 2013 г. уменьшилось на 55,33% по сравнению с 2011 г. и на 44,23% по сравнению с 2012 г. Снижение количества преступлений в рассматриваемый период времени эксперты и правоведы связывают с изменениями, внесенными в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в феврале 2012 г., в частности с введением категории «половой зрелости». На протяжении 2013–2016 гг. количество зарегистрированных преступлений остается относительно стабильным. Анализ криминальной активности показал, что в 2017 г. количество регистрируемых преступлений увеличилось на 25,46%, а в 2018 г. — на 20,82%. Данные о количестве зарегистрированных развратных действий по годам представлены на рисунке 2.

Число зарегистрированных развратных действий за 2008–2019 гг.

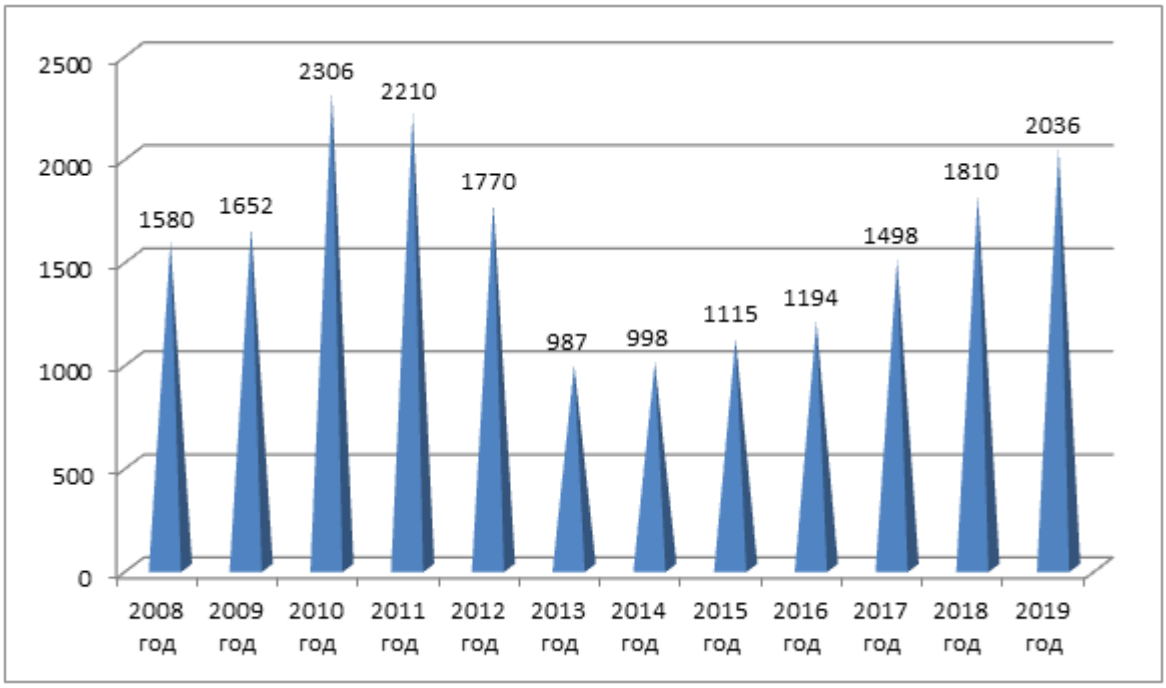

Рисунок 2

Если же анализировать данные о количестве осужденных по рассматриваемому составу преступления, можно констатировать, что наибольшее количество осужденных за совершение развратных действий по простому составу преступлению и квалифицированным, предусмотренным ч. 2–3 ст. 135 УК РФ. Начиная с 2013 г. число осужденных с каждым годом увеличивается в среднем на 8–17%. В то же время число оправданных лиц остается на прежнем уровне. Так, например, в 2015 г. оправдательный приговор был вынесен в отношении одного лица, в 2016 г. — в отношении трех, в 2017 г. — опять одного, а в 2018–2019 гг. оправдательные приговоры отсутствовали [6]. Число осужденных по годам представлено на рисунках 3 и 4.

Число осужденных лиц за развратные действия (ст. 135 УК РФ) в 2010–2012 гг.

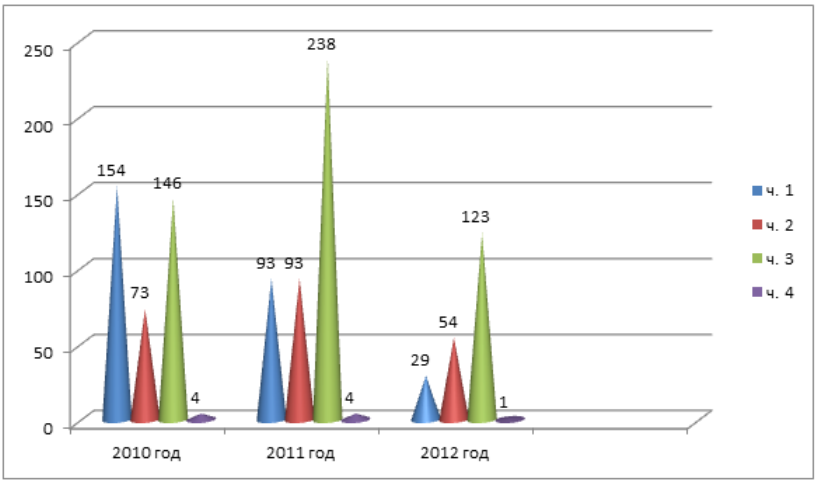

Рисунок 3

.

Число осужденных лиц за развратные действия (ст. 135 УК РФ) в 2013–2019 гг.

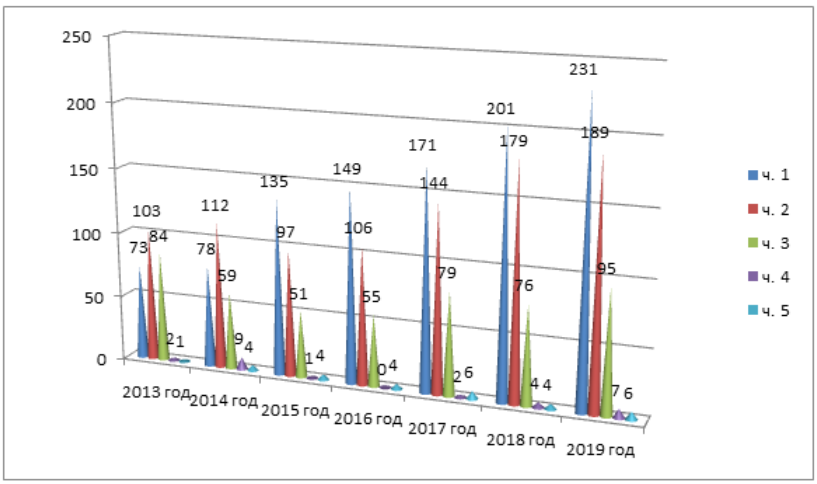

Рисунок 4

Таким образом, на основе приведенных выше статистических данных можно сделать вывод, что ежегодно число преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, возрастает, в т. ч. увеличивается и количество развратных действий. Данная тенденция вызвана следующими причинами:

— отсутствие четкого законодательного запрета (ограничений) на доступ детей и подростков к информационным порталам и ресурсам в сети Интернет;
— недостаточный контроль со стороны взрослых за виртуальной жизнью несовершеннолетнего в интернет-пространстве, в т. ч. и в социальных сетях;
— активизация различных категорий преступников, в т. ч. педофилов, в социальных сетях, использующих дистанционные технические возможности применения вербовки и иных анонимных манипуляций сознанием и поведением подростков в интернет-пространстве;
— несовершенство действующего законодательства в сфере контроля за лицами, ранее судимыми, отбывавшими наказание за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;
— повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по инициативному выявлению преступлений данной категории;
— рост активной гражданской позиции россиян, сообщающих в правоохранительные органы о совершаемых или выявленных преступлениях [4].

В настоящее время в российском уголовном законодательстве отсутствует самостоятельная норма, которая бы предусматривала ответственность преступника за развратные действия в сети Интернет, совершенные в отношении несовершеннолетнего. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации,«осуществление переписки интимного характера с несовершеннолетним, а также обмен с ним фото- и видеоматериалами сексуального характера в сети Интернет, целью которых служит сексуальное удовлетворение и пробуждение сексуального возбуждения или привлечение интереса к интимным отношениям, признаются развратными действиями и квалифицируются по ст. 135 УК РФ» [7]. Стоит отметить, что ведение переписки сексуальной направлен-

ности, а также создание и отправка фотографий интимного характера посредством информационно-телекоммуникационных технологий является самостоятельным составом преступления в ряде зарубежных стран (США, Израиль, Великобритания) [8, 9], а в ряде других стран выступает в качестве квалифицированного состава (Франция, Македония, Исландия и др.) [10, 11].

В научной литературе высказывается мнение о необходимости совершенствования норм УК РФ, предусматривающих ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Так, например, ряд правоведов предлагают последовать примеру зарубежных стран и установить в качестве квалифицирующего признака развратные действия в отношении несовершеннолетних, совершенных в сети Интернет [10, 12], другие же выступают за установление ответственности за домогательство в отношении несовершеннолетнего с сексуальными целями [8, 13, 14]. Также высказывается точка зрения о необходимости выделения в качестве специального субъекта преступления родителей, опекунов, попечителей или иных лиц, на которые законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего [15–18].

Стоит также отметить, что 24 июня 2015 г. в Государственной Думе был зарегистрирован законопроект «О внесении изменений в статьи 135 и 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях уточнения норм об уголовной ответственности за преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», внесенный членом Совета Федерации Е. Б. Мизулиной. Законопроект предполагал установление ответственности в ч. 3 ст. 135 УК РФ за развратные действия, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Данный проект закона был рассмотрен в первом чтении 23 июня 2018 г., а 25 июля того же года данный законопроект был отклонен. Основанием для отклонения послужило то, что предложенные изменения действующего уголовного законодательства не

отвечают принципу справедливости и соразмерности наказания с учетом характера и степени общественной опасности и требуют дополнительного обсуждения.

На основании вышеизложенного полагаем, что процесс реформирования уголовного законодательства в части совершенствования уголовной ответственности за преступления, посягающие на половую неприкосновенность, не закончен. Для снижения числа преступлений, связанных с развратными действиями в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, целесообразно изучить опыт зарубежных стран и вернуться к разрешению вопроса об установлении уголовной ответственности за развратные действия, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) в качестве квалифицирующего признака. Это позволит учитывать данную группу преступлений в ведомственной статистической отчетности, оценить масштабы существующей проблемы в обществе и принимать соответствующие меры реагирования по предотвращению данных деяний.

Список литературы

1. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России // Psypublic. URL: http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

2. Майкулов Ж. Ж. Преступления против детей с использованием Интернета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2636–2640. URL: http://e-koncept.ru/2017/970854.htm (дата обращения: 20.05.2020).

3. Обижают не по-детски // Российская газета. URL: https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestuplenij-protiv-nesovershennoletnih.html (дата обращения: 20.05.2020).

4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с.

5. Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики // URL: https://www.gks.ru/folder/13807 (дата обращения: 20.05.2020)

6. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 20.05.2020).

7. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 // Российская газета. № 284. 12.12.2014.

8. Донченко А. Г., Токарева А. А. Ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении несовершеннолетних, в современных правовых системах // Lex Russica. 2018. № 6. С. 54–62.

9. Бимбинов А. А. Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по уголовному праву зарубежных стран // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 7. С. 147–161.

10. Алиева Е. А. Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 180–184.

11. Живодрова Н. А., Меркульева М. В. Сравнительно-правовая характеристика уголовной ответственности за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних в зарубежных странах и в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 4. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/zhivodrova_na_merkul_eva_-mv_17_4_13.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

12. Скобина Е. А., Забелина О. А. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних с использованием интернет-пространства // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2019 г.). Казань: Молодой ученый, 2019. С. 48–53. URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/327/14978/ (дата обращения: 20.05.2020).

13. Букалерова Л. А., Атабекова А. А., Симонова М. А. О необходимости криминализации предложения несовершеннолетнему вступить в сексуальный контакт // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 520–524.

14. Мамедяров А. А. Развратные действия с использованием сети Интернет // Colloquium-journal. 2019. № 8 (32). С. 98–99.

15. Романов В. Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. 26 с.

16. Бимбинов А. А. Актуальные проблемы уголовного законодательства о ненасильственных половых преступлениях // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 60–70.

17. Дядюн К. В. Родитель как специальный субъект преступления // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 2 (7). Новосибирск: СибАК, 2018. С. 94–102.

18. Живодрова Н. А., Мартышкина Ю. В. К вопросу о защите половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Нефтекамск, 15 ноября 2019 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 60–64.

References

1. Kinds of Russia Online. Results of the EU Kids OnlineII International Project in Russia // Psypublic. URL: http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf (access date: May 20, 2020).

2. Maykulov, Zh. Zh. Crimes Against Children Using the Internet // Kontsept. 2017. Vol. 39. Pp. 2636–2640. URL: http://e-koncept.ru/2017/970854.htm (access date: May 20, 2020).

3. Offending Adultly // Rossiyskaya gazeta. URL: https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestuplenij-protiv-nesovershennoletnih.html (access date: May 20, 2020).

4. Complex Analysis of the State of Crime in the Russian Federation and Calculated Variants of its Development: An Analytical Review / Yu. M. Antonyan, D. A. Brazhnikov, M. V. Goncharova et al. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. 86 p.

5. Family, Maternity, and Childhood // Federal State Statistics Service. URL: https://www.gks.ru/folder/13807 (access date: May 20, 2020).

6. Judicial Statistics // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (access date: May 20, 2020).

7. On Judicial Practice in Cases of Crimes Against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of an Individual: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 No. 16 / / Rossiyskaya gazeta. No 284. December 12, 2014.

8. Donchenko, A. G., Tokarevam A. A. Responsibility for Crimes Related to Sexual Exploitation and Sexual Abuse of Minors in Modern Legal Systems // Lex Russica. 2018. No 6. Pp. 54–62.

9. Bimbinov, A. A. Non-Violent Attacks on the Sexual Privacy of Minors in the Criminal Law of Foreign Countries // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2015. No 7. Pp. 147–161.

10. Alieva, E. A. The Internet as a Means of Sexual Abuse // Gaps in Russian Legislation. 2017. No. 4. Pp. 180–184.

11. Zhivodrova, N. A., Merkul'eva, M.'V. Comparative Legal Characteristics of Criminal Liability for Non-Violent Sexual Assault of Minors in Foreign Countries and in the Russian Federation // Science. Society. State. 2017. Vol. 5. No. 4. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/zhivodrova_na_merkul_eva_mv_17_4_-13.pdf (access date: May 20, 2020).

12. Skobina, Ye. A., Zabelina, O. A. Crimes Against Sexual Freedom and Sexual Privacy of Minors Using the Internet // Legal Sciences: Problems and Prospects. Kazan: Molodoy uchenyy, 2019. Pp. 48–53. URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/327/14978/ (access date: May 20, 2020).

13. Bukalerova, L. A., Atabekovam A. A., Simonovam M. A. On the Necessity to Criminalize the Proposition to the Minor to Enter into Sexual Contact // Administrative and Municipal Law. 2015. No. 6. Pp. 520–524.

14. Mamedyarov, A. A. Depraved Actions Using the Internet // Colloquium-journal. 2019. No. 8 (32). Pp. 98–99.

15. Romanov, V. G. Criminal Liability for Sexual Intercourse and Other Sexual Acts with a Person Who Has not Reached the Age of Sixteen. Moscow, 2013. 26 p.

16. Bimbinov, A. A. Actual Problems of Criminal Law Against Non-Violent Sexual Offences // Gaps in Russian Legislation. 2016. No. 5. Pp. 60–70.

17. Dyadyun, K. V. Parent as a Special Subject of Crime // Actual Problems of Law: A Collection of Articles. Novosibirsk: Sibac, 2018. Pp. 94–102.

18. Zhivodrova, N. A., Martyshkina, Yu. V. On the Protection of the Sexual Integrity of Minors // Actual Problems of Formation of the Legal State in the Russian Federation. Ufa: Bashkir State University, 2019. Pp. 60–64.

УДК/UDC 343.3/.7

Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ

Сердюк Александра Юрьевна
старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь, Россия
e-mail: s9788432009@mail.ru
SPIN-код: 2322-7872

Аннотация

Статья посвящена новому составу преступления, предусмотренному ст. 200.4 УК РФ. О наличии технико-юридических проблем свидетельствует отсутствие правоприменительной практики. Исследованы случаи использования понятия «злоупотребление» в УК РФ, сделан вывод о ненадлежащем использовании средств юридической техники при использовании данного термина. Большое внимание уделено объективной стороне указанного преступления. Предпринята попытка выделения отдельных видов деяний, которые могут включаться в состав преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ. Приведены примеры отдельных преступных действий, которые могут включаться в объективную сторону. Проанализировано понятие крупного ущерба с точки зрения уголовного и гражданского законодательства. Автор приходит к мнению о необходимости детализации понятия вреда и к общему выводу о несоответствии действующей редакции статьи потребностям правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовное право, злоупотребление должностными полномочиями, дифференциация преступлений, закупка товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, крупный ущерб.

Abuses in the Field of Procurement of Goods, Work, Services to Meet the State or Municipal Needs. Signs of the Objective Side of the Crime Under Article 200.4 of the Criminal Code of Russia

Serduk Aleksandra Yuryevna
senior lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in Civil, Arbitration, and Administrative Procedure
Crimean Law Institute, University of the Prosecutor Office of the Russian Federation
Simferopol, Russia
e-mail: s9788432009@mail.ru
SPIN Code: 2322-7872

Abstract

The author considers a new body of the crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The absence of law enforcement practice indicates the presence of technical and legal problems. The author investigates some cases of using the concept of abuse in the Criminal Code of Russia and comes to the conclusion that the use of legal technology is inappropriate. Much attention is paid to the objective side of this crime. The author makes an attempt to concretize the separate acts that constitute the crime under Article 200.4 of the Criminal Code. The author gives examples of individual criminal acts that may be included in the objective side. The concept of major damage in terms of criminal and civil law is analyzed. The author comes to the conclusion that the concept of harm should be detailed and that the current edition doesn't meet the requirements of the enforcement practice.

Key words: criminal law, abuse of power, criminal differentiation, purchase of goods, works and services for state or municipal needs, major damage.

Закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд являются важнейшей гарантией и единственным способом выполнения функций, возложенных на органы государственной власти и местного самоуправления. Без надлежащего функционирования федеральной кон-

трактной системы невозможно представить работу ни одного учреждения от местной школы или больницы до федерального министерства.

Законодатель стремится к открытости и прозрачности процедуры закупок, сквозному контролю на всех его стадиях, непрерывно совершенствует правовое регулирование изучаемой сферы [1]. При этом контрактная система остается одной из самых заманчивых сфер для совершения коррупционных правонарушений.

С целью усиления ответственности за совершение коррупционных преступлений в сфере закупок и улучшения правовой регламентации таких деяний Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ, который вступил в силу 4 мая 2018 г., в российское уголовное законодательство были добавлены новые статьи, в т. ч. ст. 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» [2].

Спустя два года после вступления в силу указанных изменений судебная практика по привлечению к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении злоупотреблений в сфере закупок, так и не выработалась, официальные разъяснения правоприменительных позиций судом высшей инстанции так и не давались.

Данное обстоятельство может свидетельствовать как о неудачной юридической технике, использованной законодателем при формулировке в ст. 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации признаков состава преступления, так и о недостаточном понимании сути уголовно-правовой новеллы сотрудниками правоохранительных органов, призванными выявлять и расследовать преступления данной категории. Такая ситуация влечет безусловную необходимость выделения конкретных деяний, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность по ст. 200.4 УК РФ.

Термин «злоупотребления» в названии статьи УК РФ законодатель использует не впервые. Так, ст. 185 УК РФ называется «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», ст. 201 УК РФ — «Злоупотребление полномочиями», ст. 201.1 УК РФ — «Злоупотребление полномочиями

при выполнении государственного оборонного заказа», ст. 202 УК РФ — «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами», ст. 285 УК РФ — «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 285.4 УК РФ — «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» [3].

При этом в случае со ст. 201, 201.1, 202, 285, 285.4 УК РФ речь идет о совершении в целом «законных действий», связанных с осуществлением должностным лицом (субъектом преступления) своих прав и обязанностей, по сути находящихся в пределах его полномочий и подпадающих под регулирование уголовного закона исключительно из-за того, что они не вызывались служебной необходимостью и явно противоречили целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими полномочиями [4].

Злоупотребления же, речь о которых идет в ст. 200.4 УК РФ, представляют собой именно нарушения законодательства, такие деяния явно значительно выходят за пределы полномочий (трудовых обязанностей) субъекта преступления.

С точки зрения юридической техники, используемой законодателем в традиционной формулировке составов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, целесообразным видится использование термина «превышения» вместо «злоупотребления» в названии ст. 200.4 УК РФ. Такой подход соответствует единообразию при использовании юридической терминологии.

Объективная сторона преступления представляет собой совокупность внешних признаков преступления, характеризующих его как общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, а в случае бланкетной диспозиции (как это изложено в ст. 200.4 УК РФ) — иными нормативными правовыми актами. Другими словами, это внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения, причиняющий им вред или создающий угрозу

причинения вреда. Объективная сторона злоупотреблений в сфере закупок состоит из трех признаков: деяние, последствия и причинность.

Деяние может быть выражено в форме действия (например, внесение в конкурсную документацию критериев выбора поставщика, подрядчика, исполнителя, ограничивающих конкуренцию; незаконные отстранение участника торгов, приемка поставленных товаров, выполненных работ, результатов оказанных услуг) либо бездействия (например, неразмещение или несвоевременное размещение в Единой информационной системе (далее— ЕИС)обязательных сведений).

Полагаем, что сложность идентификации конкретных деяний как злоупотреблений в сфере закупок заключается именно в бланкетном способе, выбранном законодателем при описании деяния, составляющего объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ.

Так, злоупотребления в сфере закупок могут заключаться в следующих действиях либо бездействиях:

1. Выбор «неправильного способа» при определении поставщика (подрядчика, исполнителя), т. е. такого, который нарушает требования законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Сюда относится, например, проведение открытого конкурса в случаях, включенных Распоряжением Правительства РФ от 21 марта 2016 г. № 471-р в аукционный перечень [5]; проведение закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в случаях, не предусмотренных ст. 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ; выбор закрытого способа закупки (конкурса с ограниченным участием, закрытого конкурса с ограниченным участием, двухэтапного конкурса, закрытого двухэтапного конкурса, закрытого конкурса, закрытого аукциона), в то время как такой способ закупки не предусмотрен п. 5 гл. 6 Федерального закона № 44-ФЗ; осуществление закупки закрытым способом без предусмотренного законом согласования.

2. Нарушения требований ст. 22 Федерального закона № 44-ФЗ и Приказа Минэкономразвития России от 2 октября 2013 г. № 567, допущенные при определении начальной (максимальной) цены контракта (далее — НМЦК) и цены контракта, заключаемого неконкурентным способом закупки (в порядке ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ) [6]. Такие нарушения могут быть связаны с выбором неправильного способа обоснования НМЦК; нарушением правил идентичности и однородности товаров, работ, услуг, сопоставимости коммерческих условий; неправильным описанием объекта закупки при обосновании НМЦК; отсутствием ссылок на обязательные требования к конкретным товарам, работам, услугам; игнорированием правовых актов о нормировании в сфере закупок. Чаще всего такие нарушения приводят к необоснованному завышению НМЦК, что, в свою очередь, влечет неэффективное расходование бюджетных средств.
3. Нарушения при планировании закупок, которые могут выражаться во включении в план закупок или план-график закупок каких-либо объектов закупки, не соответствующих целям осуществления закупок, требованиям к закупаемым заказчиком товарам, работам, услугам, а также включении в план-график закупок объектов закупок, по которым отсутствует надлежащее обоснование НМЦК. К данной категории относятся нарушения сроков формирования, утверждения и размещения в ЕИС планов закупок и планов-графиков закупок. При этом нарушения такого рода являются больше формальными, техническими и могут повлечь причинение крупного ущерба в случае совмещения с другими нарушениями, непосредственно ограничивающими конкуренцию среди участников закупок и обеспечивающими заключение контрактов с заранее определенными поставщиками (подрядчиками, исполнителями).

4. Установление дополнительных (не предусмотренных законодательством о контрактной системе) требований к размеру и способам обеспечения заявок и обеспечения исполнения контракта; требований к участникам закупки; требований о представлении участниками закупки в составе заявки излишних информации и документов, создающих необоснованные преимущества для конкретного участника закупки.
5. Установление порядка рассмотрения и оценки заявок на участие в закупке окончательных предложений участников закупки, не предусмотренного законодательством о контрактной системе (например, включение дополнительных этапов оценки заявок участников).
6. Включение в описание объекта закупки требований и указаний, ограничивающих конкуренцию (например, указание товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименования места происхождения товара или производителя); укрупнение объекта закупки путем включения в его состав товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой; иные нарушения при утверждении не соответствующей законодательству конкурсной документации, документации об аукционе, документации о проведении запроса предложений, определении содержания извещения о проведении запроса котировок).
7. Пропуск установленного срока размещения в ЕИС информации и документов, размещение которых предусмотрено законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Такие просрочки приобретают уголовно-правовое значение в контексте их преднамеренности с целью создания незаконных преференций конкретным участникам закупки, в т. ч. с целью недопущения к участию в закупке конкурирующих поставщиков, подрядчиков, исполнителей.

8. Неполное и несвоевременное размещение соответствующей информации о закупке в ЕИС, а также нарушения при направлении оператору электронной площадки информации и документов, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. К указанной категории нарушений также относится нарушение порядка предоставления конкурсной документации или документации об аукционе, порядка разъяснения положений такой документации. Такие действия зачастую направлены на создание «информационного вакуума», непредоставление неограниченному кругу участников закупки сведений, необходимых для принятия участия в торгах.
9. Размещение в ЕИС извещения об осуществлении закупки при наличии неустраненных нарушений предписаний контролирующего органа.
10. Необоснованный отказ в предоставлении доступа к участию в закупке (например, отклонение заявки на участие в конкурсе, запросе котировок; отстранение участника закупки от участия в запросе предложений; отказ в допуске к участию в аукционе; признание заявки на участие в закупке не соответствующей требованиям документации о закупке; отстранение участника закупки от участия в закупке по надуманным основаниям).
11. Прием заявок на участие в определении поставщика с нарушением порядка и срока, в т. ч. после начала процедуры вскрытия конвертов.
12. Допуск к участию в закупке участников, заявки которых не соответствуют установленным требованиям, признание таких заявок надлежащими в случае, если участнику должно быть отказано в допуске к участию в закупке.
13. Нарушения процедуры проведения закупок, к которым относятся нарушения порядка вскрытия конвертов с заявками на участие в закупке или открытия доступа к таким заявкам, по-

данным в форме электронных документов (например, вскрытие конвертов до начала соответствующего этапа закупки; необеспечение возможности участия представителей участников во время вскрытия конвертов и оглашения конкурсных предложений; рассмотрение двух и более предложений, поданных одним участником закупки).

14. Нарушения при оценке заявок и окончательных предложений участников закупки, которые могут выражаться в завышении или занижении баллов конкретного участника и иных случаях признания победителя определения поставщика (подрядчика, исполнителя) с нарушением требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.
15. Искажение сведений, вносимых в протоколы, составленные в ходе определения поставщика (подрядчика, исполнителя), а также нарушения при составлении и размещении в ЕИС протоколов при проведении конкурса, аукциона, запроса котировок, запроса предложений.
16. Заключение контракта по результатам закупки с нарушением объявленных условий определения поставщика (подрядчика, исполнителя) или условий исполнения контракта, предложенных победителем закупки.
17. Уклонение от заключения контракта с победителем торгов.
18. Незаконное изменение условий заключенного контракта, в т. ч. увеличение цен товаров, работ, услуг или увеличение объема количества приобретаемых товаров, работ, услуг.
19. Нарушение требований законодательства при направлении информации, подлежащей включению в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), в т. ч. направление заведомо недостоверной информации.
20. Непроведение экспертизы поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги в случаях, когда это является обязательным.

21. Ненадлежащая приемка поставленных товаров, выполненных работ (их результатов), оказанных услуг, в т. ч. в случае несоответствия этих товаров, работ, услуг либо результатов выполненных работ условиям контракта, уклонение от составления передаточных документов.

Злоупотребления в сфере закупок являются преступлениями с материальным составом. Законодатель связывает неотвратимость наступления уголовной ответственности с наступлением общественно опасных последствий — причинением крупного ущерба, которым в соответствии с Примечанием к ст. 170.2 УК РФ признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей 2 250 000 рублей, наличием причинной связи между нарушениями законодательства, совершенными конкретным лицом, и причинением в результате этих нарушений ущерба.

Следует отметить, что в российском уголовном праве отсутствует собственное уголовно-правовое учение о материальном ущербе, причиненном в результате совершения преступления. Для квалификации преступлений заимствуются гражданско-правовые институты вреда, убытков, реального ущерба, упущенной выгоды, которые по своей правовой природе предназначены для реализации целей гражданского законодательства и в ряде случаев мало подходят для реализации целей уголовного законодательства. Термины «реальный ущерб» и «упущенная выгода» используются в гражданском законодательстве не обособленно, а во взаимосвязи и только применительно к институту возмещения убытков, который является одним из способов защиты гражданских прав (ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации [7]) и имеет очень опосредованное отношение к уголовному законодательству. Убытки в виде упущенной выгоды должны доказываться истцом в порядке, установленном гражданским или арбитражным процессуальным законодательством. При этом применяются стандарты доказывания значительно ниже, чем применяемые в уголовном процессе, наличие ущерба связывают с сослагательным наклонением, например наличием возможности получить прибыль. Участие в конкурсе или торгах и незаключение соот-

ветствующего контракта из-за непризнания победителем в этих торгах само по себе, при отсутствии других доказательств, не может являться свидетельством наличия упущенной выгоды [8]. Попытки признать упущенную выгоду общественно опасным последствием преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд являются неправомерными и нарушают принцип правовой определенности.

По своей сути уголовное законодательство применяется ретроспективно, за действия или вред, которые имели место, были причинены в прошлом, а не за действия или вред, который может быть причинен потенциально в будущем, поэтому упущенная выгода в большинстве случаев не должна рассматриваться как общественно опасное последствие совершения преступления.

При такой правовой регламентации общественно опасных последствий злоупотреблений в сфере закупок довольно туманным представляется совершение вышеперечисленных деяний лицами, не являющимися должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, допустившей причинение крупного ущерба. Представляется, что такие нарушения могут быть совершены в совокупности (например, в рамках эпизодов преступной деятельности при реализации одного преступного умысла) либо в составе группы лиц, являющихся сотрудниками одного государственного либо муниципального заказчика.

Изложенное позволяет сделать вывод о несоответствии действующей редакции ст. 200.4 УК РФ объективной реальности контрактной системы в сфере закупок и задачам правоприменительной практики, что вызывает затруднения при привлечении к уголовной ответственности за совершение таких преступлений вплоть до полного отсутствия приговоров по данной статье.

Список литературы

1. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.05.2020).

2. Исаичева М. М. О дифференциации уголовной ответственности представителей заказчика в Уголовном кодексе Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 9. С. 137–139.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.04.2018) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Ильин А. А. Организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции должностного лица в уголовном праве: проблемы регламентации и толкования // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22). С. 20–23.

5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм. от 02.07.2013, в ред. от 24.04.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Нормативная правовая база реализации контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Сборник нормативных материалов / Под общ. ред. Т. Н. Трефиловой. 6-е изд. М., 2017. 1054 с.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления государственных закупок // Правовой портал ОПК. URL: http://www.opklex.com/publikaczii/temyi/gosudarstvennyie-zakupki/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nenadlezhashhee-ispolnenie-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza-i-narushenie-poryadka-osushhestvleniya-gosudarstvennyix-zakupok.html (дата обращения: 24.05.2020).

References

1. On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020: Decree of the President of the Russian Federation No. 378 of June 29, 2018. URL: http://pravo.gov.ru/ (access date: May 24, 2020).

2. Isaicheva M. M. About the Differentiation of Criminal Responsibility of Representatives of the Customer in the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Legislation. 2019. No. 9. Pp. 137–139.

3. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 25, 2018) // Consultant Plus.

4. Ilyin A. Organizational-Administrative and Economical-Administrative Functions of an Official in the Criminal Law: the Problems of Their Regulation and Interpretation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2012. No. 2 (22). Pp. 20–23.

5. On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet the State and Municipal Needs: Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ (as amended on July 2, 2013 and on April 24, 2020) // Consultant Plus.

6. The Regulatory Legal Framework for the Implementation of the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Work, Services to Meet the State and Municipal Needs: Collection of Regulatory Materials / T. N. Trefilova (gen. ed.). 6th ed. Moscow, 2017. 1054 p.

7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on May 12, 2020) // Consultant Plus.

8. Criminal Liability for Improper Execution of the State Defence Order and Violation of the Public Procurement Procedure // OPK. URL: http://www.opklex.com/publikaczii/temyi/gosudarstvennyie-zakupki/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nenadlezhashhee-ispolnenie-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza-i-narushenie-poryadka-osushhestvleniya-gosudarstvennyix-zakupok.html (access date: May 24, 2020).

УДК/UDC 343.98

Криминалистическая структура преступления и ее влияние на уголовно-правовую квалификацию

Хлус Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN-код: 1560-4979

Шумак Григорий Александрович
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: choumak.50@gmail.com
SPIN-код: 5304-5131

Аннотация

В основе уголовно-правовой квалификации преступлений находится собирание и процессуальное закрепление фактических данных, относящихся к совершенному деянию. Порядок и способы выявления и фиксации признаков преступного деяния разрабатываются криминалистикой, сформировавшей собственное, отличающееся от уголовного права, представление о преступлении. В процессе научного развития криминалистическое представление о преступлении приобрело форму описания наиболее значимых его признаков. Это повлекло за собой появление такой научной категории как «криминалистическая характеристика преступлений». Общая криминалистическая характеристика преступлений, являясь результатом обобщения уголовных дел, не обеспечивает объективную уголовно-правовую квалификацию конкретного деяния. Для правильной квалификации преступлений необходимо основываться на криминалистическом понимании преступления как структурированной системы, состоящей из материальных элементов, подлежащих изучению в процессе следственной деятельности.

Ключевые слова: квалификация преступления, криминалистика, криминалистическая характеристика, криминалистическая структура преступления.

The Forensic Structure of a Crime and Its Influence on Criminal Legal Qualification

Khlus Aleksandr Mikhaylovich
Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Criminalistics
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN Code: 1560-4979

Shumak Grigoriy Aleksandrovich
Candidate of Law, assistant professor, professor of the Department of Criminalistics
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: choumak.50@gmail.com
SPIN Code: 5304-5131

Abstract

Collecting and procedural consolidating of the evidence related to the committed act forms the basis of criminal qualification of crimes. The procedure and methods for identifying and fixing the signs of a criminal act are developed by forensic science, which has formed its own concept of a crime different from that of criminal law. In the process of scientific development, the criminalistic concept of a crime has taken the form of a description of its most significant features. This entailed the emergence of such a scientific category as the forensic characteristics of crimes. The general forensic characteristics of crimes, as a result of generalization of criminal cases, does not provide an objective criminal legal qualification of a specific act. For the correct qualification of crimes, it is necessary to be based on the criminalistic understanding of crime as a structured system consisting of material elements to be studied in the process of investigative activity.

Key words: crime qualification, forensic science, forensic characteristics, forensic structure of a crime.

Результативность борьбы с преступлениями зависит от многих факторов, в том числе и от объективной уголовно-правовой квалификации совершенных деяний. Правильная правовая оценка совершенного

деяния в его соотношении с нормой уголовного кодекса «создает юридическую основу для верного решения вопросов об освобождении лица от уголовной ответственности или назначения ему наказания» [1, с. 153].

В уголовном праве квалификация преступлений определена как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [2, с. 5]. В. Н. Кудрявцев представил квалификацию преступлений как процесс установления признаков преступления в действиях лица и результат этой деятельности следственных, судебных и прокурорских органов [2, с. 5].

Квалификация как процесс деятельности правоохранительных органов включает в себя:

— «уяснение содержания признаков анализируемого деяния;
— выбор подлежащей применению статьи и уяснение содержания признаков состава преступления, предусмотренного этой статьей;
— соотнесение указанных в законе признаков с признаками реально совершенного деяния;
— вывод о соответствии или несоответствии между ними» [3, с. 47].

Процесс уголовно-правовой квалификации «не всегда заканчивается обнаружением соответствия признаков совершенного деяния признакам состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [1, с. 153]. Причин этому много. Они объективны и большинство из них предусмотрены уголовным кодексом, например, невменяемость субъекта преступления и др.

Не анализируя в деталях эти причины, обратим внимание на возможность неточной квалификации деяния в связи с неполным установлением и недостаточным анализом фактических данных, относящихся к совершенному деянию, собираемых и процессуально закрепляемых. Способы, порядок выявления и фиксации фактических признаков преступ-

ного деяния разрабатываются криминалистикой, сформировавшей собственное представление о преступлении.

С середины семидесятых годов прошлого века криминалистическое представление о преступлении приобрело форму описания наиболее значимых его признаков. Это повлекло за собой появление такой научной категории как «криминалистическая характеристика преступлений», которой посвящено большое количество научных работ, в том числе и монографий [4].

Войдя в научный обиход, криминалистическая характеристика прочно заняла свое место в качестве структурного звена частной методики расследования преступлений. Само же содержание и количественный состав элементов криминалистической характеристики преступлений до сих пор не отличается стабильностью.

Исследуя преступления, ученые выявляют много общих признаков рассматриваемых в единой криминалистической характеристике. На этой основе разрабатывается частная методика расследования преступлений.

Наиболее оптимально выглядит частная методика расследования преступлений, состоящая из трех блоков:

1) криминалистическая характеристика преступлений и обстоятельства, подлежащие установлению;
2) особенности возбуждения уголовного дела и типичные следственные ситуации;
3) особенности тактики первоначальных и последующих следственных действий, а также организационные действия следователя [5, с. 406].

В зависимости от авторского подхода в криминалистической характеристике преступлений описывается разное количество элементов. В их качестве подлежат описанию типичные места и способы их совершения, время совершения преступлений, предметы посягательства, категории потерпевших и типовые черты личности преступников. Описание этих элементов имеет общее информационное назначение, не содержит

сведений криминалистической значимости, позволяющих получить данные, способствующие квалификации конкретного преступного деяния, а также определяющих направление поиска виновных в совершении преступления.

Криминалистическая характеристика преступлений не оказывает существенного влияния на уголовно-правовую квалификацию конкретного деяния, так как является результатом обобщения значительного количества уголовных дел определенного вида или группы.

По нашему мнению процессу объективизации уголовно-правовой квалификации деяния будет способствовать использование криминалистических знаний о преступлении как системном образовании материального характера.

С точки зрения криминалистики в структуре преступлений можно выделить ряд элементов, представляющих собой материальные образования. Для их познания необходимо основываться на криминалистическом учении о материальной структуре преступления [6], а также на анализе уголовно-правовых составов, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее УК РБ) [7].

Известно, что преступление изучается многими науками. Уголовное право изучает элементы состава преступления, обращая особое внимание на общественные отношения, на которые оно посягает. Криминология изучает преступление как социальное явление, его место и особенности среди множества других явлений. А какая наука изучает преступления как результат человеческой деятельности, что представляет собой преступление с точки зрения технологической, материальной?

Так родилась идея о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления [8, с. 72–83].

Криминалистическая (материальная) структура преступления – оригинальное учение белорусской криминалистической школы, поставившее под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер по-

нятия криминалистической характеристики преступлений, значительное время доминировавшего в нашей науке. Усилиями ученых кафедры криминалистики Белорусского государственного университета разработано представление о преступлении как системе взаимосвязанных материальных элементов. Исследование криминалистической структуры преступления – это выявление и изучение подсистем, элементов, без наличия которых не было бы самого факта преступления (преступного результата). Мы считаем, что в любом преступлении имеются такие материальные элементы, как субъект (лицо, совершившее его), объект (предмет, лицо, на которые направлено преступное воздействие), орудие (средство) совершения преступления. Криминалистическое исследование имеет целью изучать параметры каждого элемента, их специфические свойства, которые приводят к тому, что объект, субъект становятся элементом структуры преступления. При этом используются методы различных естественных, технических, общественных наук. Результаты такого изучения являются важным информационным источником для уголовно-правовой квалификации преступления.

Ориентируясь на уголовно-правовое описание, основываясь на анализе состава преступления, можно выделить типичные материальные элементы его структуры.

Для примера влияния содержания криминалистической (материальной) структуры преступлений на их уголовно-правовую квалификацию рассмотрим несколько различных по своему характеру преступных деяний. С этой целью проанализируем материальную структуру таких преступлений как убийство, грабеж, разбой и преступления в сфере экономической деятельности.

Убийством, согласно ст. 139 УК РБ, признается «умышленное противоправное лишение жизни другого человека». Такая уголовно-правовая конструкция данного преступления не дает полного представления о его структурных составляющих. Это и не требуется с точки зрения уголовного права. Материальная структура убийства с позиции криминалистики отличается многообразием. Для убийства характерно

наличие упрощенной, полной и усложненной структуры. В упрощенной структуре убийства наличествуют только два материальных элемента: субъект совершения убийства и объект преступного посягательства. В реальности этими элементами преступной структуры выступают люди. Наиболее частыми примерами являются убийства, совершаемые на семейно-бытовой почве, когда в результате произошедшей ссоры виновный голыми руками душит свою жертву. Ответственность в таких случаях, как правило, наступает по ч. 1 ст. 139 УК. В тоже время не исключены квалифицирующие признаки для двухэлементной структуры убийства. Например, руководствуясь мотивом ревности виновный задушил свою супругу, зная о ее беременности (п. 3 ч. 2 ст. 139 УК РБ) либо удушение жертвы сопряжено с изнасилованием (п. 7 ч. 2 ст. 139 УК РБ).

Полная структура убийства дополняется новым элементом, которым является, как правило, средство (орудие) его совершения. В качестве средства совершения убийства используется значительное количество различных предметов и веществ: веревка, кирпич, лом, топор, молоток, холодное и огнестрельное оружие, отравляющие вещества, наркотики, взрывные устройства и т. д. Вид и особенности использования средств убийства влияют на квалификацию деяния. Например, использование взрывных устройств и беспорядочная стрельба в общественном месте, где от этого могли, но не пострадали посторонние люди, рассматривается как убийство, совершенное общеопасным способом (п. 5 ч. 2 ст. 139 УК РБ). Но также надо иметь в виду, что ответственность виновного в убийстве с использованием какого-либо средства может наступить и по ч. 1 ст. 139 УК РБ, не предусматривающей квалифицирующих признаков.

Реальное наличие усложненной структуры убийства однозначно указывает на квалифицирующие признаки, что, в итоге, обеспечивает правильную квалификацию деяния. Для усложненной структуры, кроме упомянутых, необходимо наличие таких материальных элементов как предмет преступного посягательства или предмет преступления либо обоих одновременно.

Предметом посягательства при совершении любого преступления является такой материальный предмет, который указывает на целевую направленность совершаемого деяния. При совершении убийства предметом посягательства является то, что определяет корыстное или и чем завладевает преступник, совершивший деяние. Вместе с тем, корыстное побуждение в уголовном праве понимается как «намерение получить наживу, обогащение или выгоду, которым руководствовался виновный» [9]. Выгода, определяющая корыстное побуждение при совершении убийства, как правило, не указывает с явной очевидностью на конкретный материальный предмет. Он же фактически отсутствует в материальной структуре преступления в качестве предмета посягательства, но о нем оправданно говорить как о предмете преступления, который также имеет материальный характер. Так, например, денежная сумма, которую должен ежемесячно уплачивать виновный в качестве алиментов на содержание своего несовершеннолетнего ребенка выступает предметом при совершении его убийства. Аналогично предметом преступления следует рассматривать денежную сумму, которую получает виновный (в полном размере или частично) за совершение заказного убийства.

Процесс доказывания облегчается, а также не представляют затруднений в квалификации деяния, в которых реально наличествуют конкретные элементы, образующие материальную структуру убийства. В противном случае процесс доказывания предполагает более кропотливую работу следователя. Например, завладение бриллиантовым колье, снятым с тела убитой женщины, явно указывает на стремление виновного присвоить драгоценности жертвы преступления и не представляет проблемы при квалификации по п. 12 ч. 2 ст. 139 УК РБ («убийство из корыстных побуждений»). Материальная структура данного убийства усложненная, где наличествуют четыре элемента: субъект совершения убийства (конкретный обвиняемый), объект преступного посягательства (жертва убийства), средство совершения преступления (например, холодное оружие) и предмет преступного посягательства (бриллиантовое колье). Если рассмотреть этот же пример, но предположить, что после

совершения убийства виновный обнаружил подделку бриллиантового колье, то из материальной структуры «выпадает» важный квалифицирующий признак – предмет преступного посягательства, так как преступник ничем не завладел после совершенного убийства. Для квалификации по п. 12 ч. 2 ст. 139 УК РБ («убийство из корыстных побуждений») требуются иные доказательства. В ряде случаев таковым будет признание корыстного мотива самим обвиняемым. Но если он этого не признает, то поиск объективных доказательств корыстных побуждений виновного в совершении убийства затрудняется.

Рассматривая грабеж и разбой, следует заметить, что данные виды преступлений имеют много общего, что позволило ученым сформировать общую частную методику расследования этих преступлений.

Открытое похищение имущества позволяет представить грабеж в виде системы, содержащей три структурных элемента: субъект совершающий грабеж, объект и предмет преступного посягательства.

Для разбоя характерно применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего либо выражение угрозы применения такого насилия. В ряде случаев это предполагает появление в структуре разбоя такого материального элемента как средство (орудие) совершения преступления.

В криминалистической характеристике грабежа и разбоя указанные материальные элементы либо не рассматриваются, либо упоминаются без достаточного информационного освещения с точки зрения криминалистики, что делает их малопригодными для практических работников.

Элементом, образующим систему рассматриваемых преступлений является субъект их совершения. Сведения о нем в криминалистической характеристике преступлений отсутствуют или представлены как «типовые черты личности преступников» [10, с. 434]. Фактически речь идет о наиболее общих криминологических свойствах личности преступников, которые дифференцированы по возрастным группам. Такая информация значима для разработки криминологических методов профилактики

этих преступлений, но для деятельности по расследованию эти сведения, как правило, не существенны.

Для установления криминалистически значимых сведений о субъекте совершения указанных деяний большее значение имеет информация о его возможности формировать следовую картину преступления. Данный элемент в структуре преступления характеризуется как образующий следы, так и отражающий на себе следы в результате взаимодействия с иными материальными элементами, образующими преступную систему.

Данный структурный элемент может быть множественным, что свидетельствует о совершении деяния в составе группы. На это обстоятельство может указать не только потерпевший, визуально воспринявший нападавших преступников. Объективно об этом будет свидетельствовать следовая картина преступных действий, отразившаяся в обстановке места происшествия и на материальных элементах преступной системы. Криминалистическое познание следов преступления и проведенный на его основе субъектно-функциональный анализ позволяют правильно квалифицировать деяние как совершенное «группой лиц» (ч. 2 ст. 206 и ч.2 ст. 207 УК РБ) или «организованной группой» (ч. 3 ст. 207 УК РБ).

Традиционная криминалистическая характеристика грабежей и разбоев вообще не упоминает в качестве элементов преступления объект преступного посягательства и средства совершения преступления. Они свойственны для многих конкретных деяний, а объект посягательства и вовсе обязательный материальный элемент преступной структуры каждого грабежа и разбоя.

В криминалистическом понимании объектом грабежа и разбоя выступает материальная система, на которую оказывается воздействие субъекта, совершающего преступное деяние, вызывающее изменения в его внешнем и внутреннем состоянии. Воздействие может быть связано как с физическим, так и психическим насилием. Под «психическим насилием законодатель всегда понимал угрозу в различных ее проявлениях» [11, с. 26]. Для рассматриваемых преступлений характерно использова-

ние преступниками угрозы в качестве средства воздействия на психику потерпевшего

Особенности воздействия со стороны субъекта на объект посягательства позволяют различать в структуре грабежей и разбоев одушевленные и неодушевленные объекты.

Наиболее часто объектом посягательства в момент совершения грабежей и разбоев, с позиций криминалистической (материальной) структуры преступления, является конкретное физическое лицо, т. е. человек. В результате воздействия на него преступник достигает цели своего преступного деяния, т. е. завладевает чужим имуществом. Воздействуя на человека (в уголовно-процессуальном смысле на потерпевшего) преступник причиняет ему вред различной степени, как физического, так и морального характера.

Объектом посягательства при совершении грабежей и разбоев может выступать и иная материальная система. В таком качестве следует рассматривать помещения различных форм собственности. Это может быть жилище граждан, помещения государственных и иных организаций (ювелирный или иной магазин, учреждение банка, аптека и т. д.). При этом следует иметь в виду, что помещение будет объектом посягательства в случае преступного воздействия на него со стороны преступников, что обеспечивает образование соответствующих следов преступления. Например, преступники в ночное время, предварительно взломали входную дверь в жилое помещение, избили, затем связали потерпевшего и потребовали деньги.

В приведенном примере фигурируют два объекта посягательства, из которых основным является человек (потерпевший). Материальные следы, оставленные преступниками на входной двери жилого помещения в результате ее взлома, имеют значение для познания способа совершения преступления, а также свидетельствуют о наличии квалифицирующего признака деяния и однозначно указывают на «проникновение в жилище» (ч. 2 ст. 206 и ч. 2 ст. 207 УК РБ).

Проникновение в жилище не самоцель при совершении грабежа или разбоя, а способ получить доступ к хранящимся в жилище (или ином помещении) денежным средствам или имуществу потерпевшего [12, с. 24].

Не является жилище объектом посягательства, когда преступник вошел в него, используя различный предлог: под видом сантехника, почтальона и т. п. Потерпевший позволяет войти в помещение, не допуская мысли о противоправных намерениях пришедшего человека. Например, под видом покупателя виновный пришел в квартиру по объявлению о продаже видеокамеры, осмотрел ее, согласовал с продавцом цену товара и назначил встречу на следующий день, предварительно выяснив, что в назначенное время в помещении, кроме продавца, никого не будет. В определенное время по воле продавца (потерпевшей) он вошел в жилище, где и совершил нападение. Имея цель завладеть чужим имуществом, применив насилие к потерпевшей (душил принесенной с собой веревкой), завладел видеокамерой [12, с. 23]. В приведенном примере преступник не оказывает воздействия на помещение, в котором проживает потерпевшая. Вошел он в помещение на законном основании, под предлогом покупки вещи. После физического насилия в отношении потерпевшей, завладел ею и скрылся. В случае совершения им иных действий в помещении, например, осуществил поиск денег или других ценностей с нарушением обстановки в помещении, оно в системе преступления должно рассматриваться в качестве объекта преступления, о чем будет свидетельствовать следовая картина на месте происшествия.

Проблемой для правильной квалификации грабежа и разбоя является различие в понимании термина «проникновение в жилище». С точки зрения ученых в области уголовного права и практических работников под проникновением в жилище «следует понимать не только тайное, но и открытое вторжение в жилище как с преодолением препятствий, или сопротивления людей, так и беспрепятственно» [12, с. 23]. Такая формулировка понятия «проникновение в жилище» противоречит принципам

функциональной связи материальных элементов преступления и не способствует правильной квалификации деяния.

На наш взгляд решение этой проблемы возможно с учетом двух обстоятельств. Во-первых, следует принять во внимание, что жилище, в которое проник преступник, в структуре преступления является материальным объектом посягательства. Таковым жилище выступает, когда на него оказано преступное воздействие физического характера. В противном случае жилище не будет объектом посягательства, а рассматривается как обстановка места преступления (происшествия). Во-вторых, надо учесть, что виновный не оказывает воздействие на жилище только в ситуации его законного нахождения в нем. Здесь надо основываться на законодательном положении, закрепленном ст. 29 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли» [13].

Следовательно, криминалистическое понимание объекта посягательства и правильная оценка действий в отношении его, позволяют объективно квалифицировать преступное деяние и избежать ошибок в уголовном судопроизводстве.

Средство (орудие) совершения преступления не обязательный элемент в материальной структуре грабежей и разбоев. Часто он проявляется при совершении разбоев. Для уголовно-правовой конструкции разбоя характерно наличие применения насилия в отношении потерпевшего опасного для его жизни или здоровья либо угрозы такого применения. Оно может быть связано с нанесением ударов по жизненно важным органам потерпевшего. Для нанесения побоев преступники используют предметы, заранее подготовленные либо случайно оказавшимися в обстановке места нападения. Например, кастет, молоток, железный прут, веревка и т. п. Чтобы вызвать удушье преступники надевают на голову потерпевшего полиэтиленовый мешок. Для приведения его в бессознательное состояние применяются сильнодействующие снотворные и другие одур-

манивающие средства, способные причинить серьезный вред здоровью потерпевшего.

Совершение отдельных разбойных нападений возможно без использования каких-либо предметов, фигурирующих в качестве средства преступления, т. е. их структура так же, как и при грабеже, будет содержать три материальных элемента. Реальность угрозы будет определяться конкретными обстоятельствами дела, направленностью умысла виновного и субъективным восприятием потерпевшего. Например, виновные в совершении разбойного нападения, находясь в помещении по месту жительства потерпевшего, требуя денег, избивали его и угрожали «зарезать». Они не показывали потерпевшему предметы, посредством которых можно было реализовать угрозу, и не имели их при себе в момент избиения жертвы преступления. Потерпевший угрозу убийством воспринял как реальную опасность для его жизни. Избиение происходило вблизи помещения (кухни), где находились ножи, что позволяло преступникам реализовать угрозу [14, с. 22].

Отсутствие потенциальной возможности использования какого-либо предмета в качестве средства совершения преступления, не исключает признание в деянии разбойного нападения. Приведенный пример можно представить в ином варианте: нападавшие не угрожают «зарезать», но, требуя от потерпевшего деньги, наносят ему удары руками в область головы (виска), опасные для жизни и здоровья.

Обнаружение в процессе расследования конкретного средства совершения преступления и доказательство особенностей его применения в преступной системе влияет на квалификацию деяния. Например, анализируя показания потерпевшего по уголовному делу, возбужденному по ч. 2 ст. 206 УК «Грабеж», выяснилось, что преступники, требуя деньги, неоднократно надевали на его голову полиэтиленовый пакет, на который следователь, в ходе проведения осмотра места происшествия, не обратил внимания. В результате повторного следственного действия полиэтиленовый пакет был изъят, осмотрен и исследован. На его внутренней стороне были обнаружены следы биологического происхождения, источ-

ником которых был потерпевший. Это позволило переквалифицировать деяние виновных по ч. 2 ст. 207 УК «Разбой», так как, несмотря на отсутствие на теле потерпевшего повреждений, надевание на голову жертвы полиэтиленового мешка вызывало удушье, что является опасным для жизни и здоровья потерпевшего.

Элементом в структуре грабежей и разбоев является предмет преступного посягательства, который определяет их целевую направленность. В результате проведенного белорусскими учеными исследования установлено, что предметом посягательства при совершении грабежей и разбоев чаще всего являются деньги и другие материальные ценности (мобильные телефоны, ювелирные изделия, аудио- и видеотехника и др.) [12, с. 17–18].

На предмете преступного посягательства отражаются различные следы субъекта совершения грабежа или разбоя. Некоторые предметы оставляют следы своего вещества на субъекте, например, в виде микрообъектов. Следы, оставленные субъектом на предмете и, взаимно, предметом на субъекте могут быть выявлены только после задержания преступника и обнаружения похищенного предмета.

От правильной оценки предмета преступного посягательства в ходе предварительного расследования в прямой зависимости находится квалификация деяния. Например, имея цель похитить произведение искусства, оцениваемое в несколько миллионов долларов США, преступники, совершившие разбойное нападение, по ошибке завладевают его малоценной копией. Учитывая умысел виновных, их деяние подлежит квалификации как разбой с целью завладения имуществом в особо крупном размере (ч. 3 ст. 207 УК).

Создание современной методики расследования преступлений в сфере экономической деятельности (далее – экономических преступлений) требует привлечения комплекса знаний из различных отраслей права, экономики и других наук. Круг проблем, требующих криминалистической разработки, вытекает из задач расследования, определенных уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами. Поня-

тия объекта и субъекта преступления, взаимосвязи объективной и субъективной стороны, как и положения закона о предмете доказывания, составляют исходную базу создания криминалистической модели преступления. Решение задачи разработки методики расследования экономических преступлений требует исследования широкого круга явлений и процессов. Поэтому структура преступления, изучаемая в криминалистике, по своему содержанию шире, полнее аналогичных структур в уголовно-правовой, криминологической и процессуальной науках.

Сложность криминалистической структуры экономических преступлений обусловлена многообразием связей и отношений, складывающихся в ходе осуществления преступной деятельности. В зависимости от прикладных целей могут выделяться различные элементы этой структуры, исследоваться разнообразные их связи с переходом на более общие или конкретные уровни. Как уже отмечалось, общая схема криминалистической структуры преступления включает в себя такие элементы, как объект, субъект и средства совершения преступления. Элементы взаимосвязаны и функционируют в этой взаимосвязи. Преступление начинается в тот момент, когда эти элементы вступают во взаимодействие.

Понятие объекта преступления как элемента криминалистической структуры иное, чем в уголовном праве. Применительно к должностным экономическим преступлениям оно весьма синтетично. Прежде всего к нему относится то звено хозяйственного механизма, в рамках которого возникло и развивается преступление. Как правило, это определенное предприятие, учреждение, организация. В ряде случаев объект бывает уже - конкретный производственный участок, цех, магазин, склад. Иногда объект преступления охватывает совокупность предприятий, учреждений, организаций, связанных общей хозяйственной деятельностью.

Специфика данной группы преступлений позволяет в процессе криминалистического анализа объекта описать и обстановку преступления, так как они неразрывны, а также конкретный предмет посягательства – деньги и материальные ценности.

Характеристики объекта экономического преступления чрезвычайно разнообразны. Множественность критериев их классификации обусловливает различные подходы к разработке методики расследования. Изучение организации как объекта экономического преступления начинается с получения общих сведения о его виде, структуре, взаимосвязях, производственных и финансовых характеристиках. При этом выделяются организационная, техническая, финансово-экономическая, документальная подструктуры объекта. Изучение каждой из них осуществляется с помощью своих методов, основанных на соответствующих видах знаний.

Субъект как элемент структуры экономического преступления характеризуется следующими криминалистически важными чертами:

— возможность осуществления преступной деятельности в ходе выполнения своих профессиональных функций;
— наличие специальных знаний или профессионального опыта;
— возможность оказания противодействия выявлению и раскрытию преступления на основе знания системы защиты объекта и ее недостатков.

Необходимо учитывать также психологические особенности личности преступника, его волевые и интеллектуальные качества, степень контактности и другие характеристики. Криминалистический анализ субъекта предполагает изучение его личностных свойств во взаимосвязи с криминогенными признаками объекта экономических преступлений и средствами его совершения.

Анализ структуры экономических преступлений, совершаемых группой лиц, требует создания синтетической модели субъекта, отражающей функции и деятельность участников преступления как единого механизма.

Средства (орудия) совершения преступления – обязательный элемент его криминалистической структуры. Применительно к экономическим преступлениям он обладает существенной спецификой. Определенное значение имеет и традиционный круг орудий преступления – ору-

дия взлома, транспортные средства, средства письма, орудия подчисток и исправлений в документах и т. п. Однако по данной категории дел таким орудиям отводится, как правило, вспомогательная роль. Наиболее распространенным средством совершения должностных экономических преступлений являются различного рода документы (нормативные, учетные, удостоверяющие), как правило, содержащие материальный или интеллектуальный подлог.

Особенности криминалистической структуры экономических преступлений позволяют рассматривать в качестве специфических средств совершения преступления и более широкий круг обстоятельств, в частности таких, существование которых делает возможным реализацию преступного замысла. Такие обстоятельства бывают двух видов – объектные и субъектные. К первой группе относятся существующие на предприятии объективно или созданные лицом умышленно условия образования, переработки и преступного изъятия излишков, криминальные отступления от правил технологического процесса, учета, контроля. К субъектным средствам совершения экономических преступлений относятся должностные функции лица, позволяющие создавать условия, осуществлять или скрывать преступление, его специальные знания, включающие и знание недостатков системы защиты, некоторые личностные свойства субъекта (накопленный преступный опыт, умение воспользоваться доверием и т. п.).

Таким образом, в орудиях и средствах совершения экономических преступлений рельефно проявляется взаимосвязь, а иногда и взаимный переход элементов структуры преступления и их отдельных характеристик. Криминалистическое значение этого элемента заключается главным образом в том, что именно средства совершения в наибольшей мере проявляются вовне в качестве признаков преступления. Изучение этого проявления лежит в основе методики выявления и расследования данной группы преступлений и их правовой квалификации.

Изложенное позволяет утверждать, что:

сведения, содержащиеся в криминалистической характеристике преступлений, не недостаточны для квалификации конкретного деяния;

для объективной уголовно-правовой квалификации преступлений необходимо основываться на криминалистическом понимании преступления как структурированной системы, состоящей из материальных элементов, устанавливаемых в ходе расследования уголовных дел.

Список литературы

1. Мальцев В. В. Уголовно-правовая квалификация и принципы уголовного права // Вестник ВолГУ. 2003–2004. Серия 5. Вып. 6. С. 152–157.

2. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ, 2004. 304 с.

3. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: Конспект лекций. Мн.: Тесей, 2000. 288 с.

4. См. напр. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений: монография. Мн.: Амалфея, 2001. 304 с.

5. Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2000. 687 с.

6. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступлений. Мн.: Тесей, 2012. 228 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 11.02.2020).

8. Криминалистика: Учебное пособие / Под ред. А. В. Дулова. Мн.: Экоперспектива, 1996. 415 с.

9. Особенности убийства по найму или из корыстных побуждений // URL: https://ugolovnyiexpert.ru/lichnost/ubijstvo-iz-korystnyh-pobuzhdenij-po-najmu.html (дата обращения: 19.05.2020).

10. Криминалистика: учебн. для вузов / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М.: Высшая школа, 1994. 528 с.

11. Васкэ Е. В. Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе – к определению понятий // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 1. С. 25–36.

12. Трипузова А. А. Разбой: основные ошибки в квалификации // Законность и правопорядок. Правовой научно-практический журнал. 2007. № 2. С. 21–25.

13. Конституция Республики Беларусь 1994 года // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by/pravovaya-

informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 11.02.2020).

14. Шиханцов Г. Г., Муха И. В. Предупреждение грабежей и разбоев: монография. Гродно, 2011. 102 с.

References

1. Maltsev, V. V. Criminal Legal Qualification and Principles of Criminal Law // Science Journal of Volgograd State University. 2003–2004. Series 5. Issue 6. Pp. 152–157.

2. Kudryavtsev, V. N. General Theory of Qualification of Crimes. Moscow: Yurist, 2004. 304 p.

3. Babiy, N. A. Criminal Law of the Republic of Belarus. General Part. Minsk: Tesey, 2000. 288 p.

4. See, e. g. Yermolovich, V. F. Forensic Characteristics of Crimes. Minsk: Amalfeya, 2001. 304 p.

5. Forensics: A Textbook / Edited by A. G. Filippov. 2nd ed., revised and augmented. Moscow: Spark, 2000. 687 p.

6. Guchok, A. Ye. Fundamentals of the Criminalistic Doctrine of the Material Structure of Crimes. Minsk: Tesey, 2012. 228 p.

7. The Criminal Code of the Republic of Belarus of July 09, 1999 No. 275-Z // National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (access date: February 11, 2020).

8. Forensics: A Training Manual / Edited by A. V. Dulov. Minsk: Ekoperspektiva, 1996. 415 p.

9. Features of a Murder by Hire or for Personal Gain // URL: https://ugolovnyiexpert.ru/lichnost/ubijstvo-iz-korystnyh-pobuzhdenij-po-najmu.html (access date May 19, 2020).

10. Forensics: A Textbook / Edited by I. F. Gerasimov, L. Ya. Drapkin. Moscow: Vysshaya shkola, 1994. 528 p.

11. Vaske, Ye. V. Mental and Psychological Impact in the Criminal Process: on the Definition of Concepts // Russian Psychological Journal. 2010. Vol. 7. No. 1. Pp. 25–36.

12. Tripuzova, A. A. Robbery: Main Mistakes in Qualifications // Legality and Legal Order. 2007. No. 2. Pp. 21–25.

13. The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 // National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. URL: http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (access date: February 11, 2020).

14. Shikhantsov, G. G., Mukha, I. V. Prevention of Robberies. Grodno, 2011. 102 p.

УДК/UDC 343.2/.7

Уголовный закон как правовая основа противодействия преступлениям в современной России

Шадрина Екатерина Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия
e-mail: ev9297725567@yandex.ru
SPIN-код: 2593-5733

Аннотация

В статье исследуются вопросы о соответствии задач, предусмотренных действующим российским уголовным законодательством, тем задачам, которые фактически решаются правоохранительными органами в процессе применения норм уголовного закона в современном российском обществе. Анализируются задачи, решение которых ставится перед правоохранительными органами в процессе применения норм уголовного закона. Делается вывод о том, что в законодательстве, регулирующем деятельность правоохранительных органов, должны быть задачи, схожие с задачами уголовного законодательства. Исследуется уголовно-правовая норма, предусмотренная в ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», а также современный институт наказания в Общей части уголовного закона. Автор приходит к выводу, что изменения, затрагивающие уголовное законодательство, отражают основные направления современной уголовной политики, где одним из приоритетных направлений выступает противодействие преступности. Делается вывод о необходимости расширить круг задач уголовного законодательства и включить в их перечень задачу противодействия преступным посягательствам. Предлагается обновленная редакция ст. 2 УК РФ «Задачи уголовного законодательства».

Ключевые слова: задачи уголовного законодательства, уголовная политика, правоохранительные органы, противодействие преступным посягательствам, полиция.

Criminal Law as the Legal Basis of Fight Against Crime in Modern Russia

Shadrina Yekaterina Viktorovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia
e-mail: ev9297725567@yandex.ru
SPIN Code: 2593-5733

Abstract

The article examines the issues of compliance of the tasks provided for by the current Russian criminal legislation with the tasks that are actually solved by law enforcement agencies in the process of applying the norms of criminal law in modern Russian society. The article analyzes the tasks that are assigned to law enforcement agencies in the process of applying the norms of criminal law. It is concluded that the legislation regulating the activities of law enforcement agencies should have tasks similar and partially identical with the tasks of criminal legislation. Researched criminal legal norm stipulated in article 2641 of the criminal code "Violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment as well as a modern institution of punishment in the General part of the criminal law. The author comes to the conclusion that the changes affecting the criminal legislation reflect the main directions of modern criminal policy, where one of the priority areas is the fight against crime. It is concluded that it is necessary to expand the range of tasks of criminal legislation and include in their list the task of countering criminal encroachments. An updated version of article 2 of the criminal code "Tasks of criminal legislation"is proposed.

Key words: tasks of criminal legislation, criminal policy, law enforcement agencies, counteraction to criminal encroachments, police.

Многочисленные изменения, внесенные федеральными законами в уголовное законодательство с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г., их содержание и характер, сферы уголовного законодательства, которые они затрагивают, в настоящее время побуждают к формированию некоторых вопросов не только у предста-

вителей науки, но в первую очередь у правоприменителя. Пополнение Особенной части УК РФ новыми статьями свидетельствует о происходящем в обществе процессе криминализации, в соответствии с которым круг деяний, признаваемых преступлениями, увеличивается [1]. Вместе с новыми составами преступлений в Особенной части УК РФ введены и новые наказания. Введение в УК РФ новых видов наказаний необходимо и неизбежно, т. к. объем мер государственного принуждения, отраженный в системе наказаний, заложенный в период принятия УК РФ в 1996 г., в настоящее время (спустя 20 лет) обеспечивать достижение его целей не в состоянии. Другой вопрос заключается в качестве вносимых в УК РФ изменений. В этой связи возникает вопрос: достаточно ли в Общей части уголовного законодательства ограничиваться совершенствованием института наказания для того, чтобы нормы Общей и Особенной части уголовного закона гармонично взаимодействовали? Логично, что изменение преступления неизбежно влечет и коррекцию наказания. Однако согласно действующему уголовному законодательству процесс применения норм о преступлениях и наказаниях - это средство осуществления задач уголовного закона. Обновление, на наш взгляд, должно затрагивать не только систему наказаний, но и «норму-установку», «норму-предопределение», содержащуюся в ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации», где определяется правовая природа и предназначение норм о преступлении и наказании.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» для осуществления задач УК РФ устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Представляется, что все изменения, вносимые в УК РФ, являются объективным показателем изменений, касающихся уголовной политики государства. Изменение приоритетных направлений в уголовной политике прежде всего должно отражаться в задачах, которые ставятся уголовным законом перед пра-

воприменителем. По нашему мнению, в первую очередь нормы о задачах уголовного закона в современном обществе должны быть пересмотрены и преобразованы.Логично, что качество уголовно-правовых норм характеризуется практикой их применения. В силу формальности своего содержания нормы могут утратить свою актуальность, стать ненужными, что может привести к прекращению их существования. Если УК РФ будет действовать без нормы в ст. 2 УК РФ, предусматривающей перечень его задач, то это приведет к тому, что и средства решения задач, предусмотренные в указанной статье, тоже будут исключены из УК РФ, а это основные категории, такие как преступление, наказание, условия и основания для уголовной ответственности и освобождения от нее и т. д. В результате в правовом государстве начнется самоуправство, беспредел, самосуд и др. негативные социальные явления, чуждые правовому государству, т. к. их целью является разрушение общества изнутри.

Характер преобразований задач уголовного законодательства является отражением приоритетных направлений современной уголовной политики государства. Термин «задача» означает «то, что требует исполнения и разрешения» [2]. Задачи уголовного закона - основные направления деятельности правоприменителя, в процессе решения которых претворяется в жизнь государственная уголовная политика. «Жизнь» уголовного закона -это его правоприменение, «лицо» уголовного закона -субъекты, в своей профессиональной деятельности применяющие нормы законодательства. Поэтому важность процесса совершенствования норм Общей части уголовного закона о его задачах переоценить нельзя.

Полагаем, что все федеральное законодательство, претерпевая изменения и преобразования, адаптируется к переменам, происходящим в обществе. А изменения норм федерального законодательства в этой связи являются неизбежными, а значит, справедливыми.

Наиболее яркий «элемент модернизации», затронувший российское федеральное законодательство,-это создание новых правоохранительных органов. Такие правоохранительные органы, как полиция, следственный комитет, войска национальной гвардии, созданы сравнительно недавно,

и в нормах о задачах, о предназначении, обязанностях указанных правоохранительных органов, по нашему мнению, проявились приоритеты в направлении уголовной политики государства в соответствии с современными тенденциями развития общества.

В соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [3] Министерство внутренних дел Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Для осуществления указанных функций перед МВД России поставлены задачи, среди которых выработка и реализация государственной политики в сфере внутренних дел. МВД России принимает участие в выработке основных направлений уголовной политики, которая осуществляется непосредственно и (или) через органы внутренних дел [3].

О приоритетных направлениях уголовной политики МВД России можно судить исходя из содержания поставленных перед ведомством задач, среди которых:

1) обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства;
2) противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности;
3) обеспечение общественной безопасности, предоставление государственных услуг в сфере внутренних дел.

МВД России в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации [3].

Функции МВД России отражаются в деятельности полиции. В нормах Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», на

наш взгляд, демонстрируются приоритетные направления уголовной политики. В соответствии с данным Федеральным законом полиция предназначена для:

1) защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства;
2) противодействия преступности;
3) охраны общественного порядка, собственности;
4) обеспечения общественной безопасности.

Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств [4]. В данном законе отсутствует категория «задача». Законодатель оперирует термином «предназначение», что означает «определение для какой-нибудь цели» [2]. Представляется, что в Федеральном законе «О полиции» под термином «предназначение» необходимо понимать цель, для достижения которой данный правоохранительный орган создавался.

На наш взгляд, задачи уголовного закона и цели полиции должны совпадать и отчасти быть тождественными, следовательно, быть приведены к «одному знаменателю».

В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ задачами УК РФ являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Если сравнить с целями полиции, то в Федеральном законе «О полиции» имеют место категории, неизвестные УК РФ, такие как защита законных интересов и противодействие преступности.

На наш взгляд, охрана и защита — две функции, неизбежно порождающие одна другую. Реализация задачи защиты законных интересов подтверждается в нормах Общей и Особенной частей УК РФ. Так, в соответствии со ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» реализуется право на защиту законных интересов от преступных посягательств не

только сотрудниками правоохранительных органов, но любыми физическими лицами. Институт неоконченного преступления в гл. 6 УК РФ «Неоконченное преступление» содержит нормы, позволяющие привлечь к уголовной ответственности лицо, которое только готовится к преступлению, и его деяниями вред законным интересам не причинен. Когда преступная деятельность уже начата, то об охране говорить поздно, и чем раньше выявляется преступная деятельность, тем меньше угроза безопасности и причинения вреда.

Относительно новый состав в Особенной части в ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», на наш взгляд, является примером, где реализуется охрана и защита законных интересов личности общества и государства от преступного посягательства. Сотрудники полиции, в частности инспекторы ГИБДД, выявляя указанных в статье лиц, осуществляют задачу охраны личности, общества, государства от преступных посягательств и защищают законные интересы от общественно опасных последствий, к которым может привести указанное в норме деяние. Ведь «по смыслу уголовного закона, преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, совершается умышленно. Его следует считать оконченным с момента начала движения транспортного средства, управляемого лицом, находящимся в состоянии опьянения» [5]. Предложение о включении задачи защиты в ч. 1 ст. 2 УК РФ «Задачи уголовного законодательства», по нашему мнению, актуально, т. к. устраняет имеющиеся недостатки в уголовном законе и направлено на его совершенствование.

Следующим этапом мы намерены выяснить, может ли противодействие преступности рассматриваться в качестве задачи уголовного законодательства. Чтобы избежать формальности и голословности, которые могут привести к ошибочности вывода в данном вопросе, необходимо его исследовать. Термин «противодействие» означает «действие, препятствующее другому действию» [2]. Законодатель оперирует понятием «противодействие преступности» в нормах иных Федеральных законов, например, от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 25июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Уголовное законодательство также «обогащается» новыми составами преступлений, в нормах которых, на наш взгляд, реализуется задача противодействия преступности.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ«О противодействии коррупции» противодействие коррупции - это деятельность:

1) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
2) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);
3) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [6].

Согласно закону правовое понятие противодействия включает профилактику и предупреждения преступности, борьбу с преступностью и нейтрализацию последствий преступности. Содержание отдельных норм Особенной части УК РФ является наглядным примером, что задача противодействия преступности реализуется правоохранительными органами в процессе их применения. Так, в уже упомянутой нами ранее ст. 264УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» фактически на законодательном уровне закреплены меры профилактики преступности в сфере безопасности дорожного движения. Согласно ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактика правонарушений - совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение при-

чин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [7]. Российский криминолог профессор А. Н. Варыгин определяет правоохранительный орган как специализированный государственный орган, одним из основных направлений деятельности которого является воздействие на преступность на специально-криминологическом уровне. Специально-криминологический уровень включает криминологическую профилактику (предупреждение) преступлений и уголовно-правовое воздействие на лиц, совершивших преступление [8, с. 238–239].

Такие признаки состава преступления ст. 264УК РФ, как установление факта управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, и выявление факта, что ранее это лицо было подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, на наш взгляд, представляют собой совокупность профилактических мер по выявлению и последующему устранению причин преступности в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Задача противодействия преступным посягательствам в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств осуществляется сотрудниками полиции:

1) по предупреждению преступности в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в т. ч. по выявлению и последующему устранению ее причин (профилактика преступности в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств);
2) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступности в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (борьба с преступностью в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств);

3) по предотвращению, минимизации и (или) ликвидации последствий преступлений в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Нормы, которые своим существованием подтверждают реализацию задачи противодействия преступности, размещаются как в Особенной, так и в Общей части уголовного права. В частности, современное содержание такого вида наказания, как штраф, существенно отличается от своего первоначального законодательного определения, которое было сформулировано на момент принятия УК РФ в 1996 г. В предусмотренном в ст. 46 УК РФ обновленном порядке исчисления штрафа, на наш взгляд, в полном объеме отражается реализация задачи противодействия преступности. Когда величина штрафа кратна стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконного перемещения денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, очевидно, что законодателем демонстрируется предназначение данной нормы, содержание которой направлено на противодействие преступности.

Проведенный анализ отдельных норм уголовного законодательства позволяет сформировать представление о том, что наряду с указанными в ст. 2 УК РФ задачами УК РФ в процессе реализации норм уголовного закона правоприменителем фактически решается задача противодействия преступным посягательствам. По нашему мнению, задача защиты законных интересов от преступных посягательств по своему содержанию включается в понятие «противодействие преступным посягательствам».

В этой связи мы предлагаем расширить круг задач УК РФ, предусмотренных ч. 1 ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации», изложив ее в следующей редакции: «1. Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человече-

ства, противодействие преступным посягательствам и предупреждение преступлений».

Предлагаемые изменения, на наш взгляд, имеют как практическое, так и теоретическое значение, т. к. они будут:

1) отражать современный характер действующего уголовного законодательства и основные направления российской уголовной политики;
2) способствовать формированию обновленной парадигмы в области учений и научных представлений о понятии, содержании, количестве, видах задач УК РФ;
3) наглядно демонстрировать неразрывную взаимосвязь норм федерального законодательства, регулирующего деятельность правоохранительных органов, и задач действующего уголовного законодательства;
4) определять четкую, логически обоснованную структуру нормативных актов, в соответствии с которыми функционируют правоохранительные органы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996. 928 с.

3. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52 (часть V). Ст. 7614.

4. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. Ст. 6228.

7. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 25. Ст. 3851.

8. Варыгин А. Н. Преступность в органах внутренних дел: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2002. 248 с.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, 1996. 928 p.

3. On Approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulation on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Constituent Entity of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 52 (Part Five). Art. 7614.

4. On the Police: Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.

5. On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Violation of the Rules of the Road and the Operation of Vehicles, and Their Unlawful Seizure Without the Purpose of Theft: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 12, 2008 No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. No. 2.

6. On Fight Against Corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. No. 52. Art. 6228.

7. On the Basics of the System of Crime Prevention in the Russian Federation: Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 25. Art. 3851.

8. Varygin, A. N. Crime in the Internal Affairs Bodies. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 248 p.